

ИЦХАК МАОР • СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Ицхак Маор

СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Ицхак Маор

**СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ**

ИЦХАК МАОР

ИЦХАК МАОР

**СИОНИСТСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ**

(авторизованный сокращенный перевод с иврита)

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ

1977

יצחק מאור
התנועה הציונית ברוסיה

Yitzhak Maor
THE ZIONIST MOVEMENT
IN RUSSIA

Перевел с иврита *О.Минц*
Редактор *Н.Радовская*
Художник *Л.Ларский*

©

ALL RIGHTS RESERVED

כל הזכויות שמורות

לספרית-עליה

ת.ד. 7422, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

דפוס "גרפ-פרס" בע"מ, ירושלים

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ицхак Маор — историк и публицист — родился 30 июня 1900 г. в Либаве (ныне Лиепая, Латвия). получил еврейское и общее образование. В конце Первой мировой войны, после провозглашения независимости Латвии, был призван в армию и ранен в боях против немецких войск.

Закончив службу в армии, Ицхак Маор сдал экзамен на аттестат зрелости и поступил в Рижский университет. После окончания юридического факультета он работал делопроизводителем и юрисконсультантом в учреждении по социальному страхованию, а также публиковал статьи в местной печати.

Ицхак Маор с юных лет принимал активное участие в сионистском рабочем движении. Летом 1935 года он с семьей приехал в Израиль и стал членом кибуца Ашдот-Яков в долине Иордана, где был сельскохозяйственным рабочим, занимался разными видами физического труда, а также преподавал историю, Библию и иврит.

Когда по решению кибуца Маор был назначен учителем ряда гуманитарных предметов в средней школе, он поступил в Иерусалимский университет, где изучал историю, философию, Библию и литературу. Закончил университет со званием магистра гуманитарных наук.

Почти десять лет Ицхак Маор был учителем средней школы Иорданской долины. В январе 1958 года он успешно защитил в Иерусалимском университете диссертацию на соискание степени доктора философских наук.

И по сей день Ицхак Маор является членом кибуца Ашдот-Яков (Ихуд), где он в соответствии со своими взглядами старается сочетать умственную деятельность с физическим трудом.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ИСТОРИИ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Почетный президент Залман Шазар

У представителей израильской общественности из числа донныне здравствующих деятелей — ветеранов сионистского движения в России, уже давно зрело сознание кровного долга — собрать и опубликовать все, что имеется по истории российского сионизма. Еще пятнадцать лет назад, по инициативе покойного Иосефа Шпринцака, с этой целью был основан "Общественный комитет по истории сионистского движения в России". До сих пор комитет выпустил два сборника под общим названием "Кацир" ("Жатва"); большинство опубликованных в них материалов принадлежало перу самих участников движения — свидетелей и поборников сионистского дела в России. В обоих сборниках рассматривались различные этапы российского сионистского движения с конца прошлого века и по двадцатые годы нынешнего. Подавляющая часть материалов была впервые собрана вместе, и, надо заметить, их еще не коснулась рука исследователя и писателя.

Вместе с тем ощущалась необходимость в издании обширного труда по истории сионистского движения в России от его зарождения в восьмидесятых годах прошлого столетия и до наших дней. Потребность эта стала еще более насущной теперь — с возобновлением алии из Советского Союза, после десятков лет, в течение которых еврейство России было лишено возможности принимать активное участие в строительстве государства Израиль и поддерживать связь с мировым еврейством.

Книга "Сионистское движение в России", которую мы теперь предлагаем вниманию читателя, написана д-ром Ицхаком Маором по заказу Комитета, с членами которого автор регулярно консультировался в течение работы над книгой.

Одновременно с выходом в свет этого труда мы хотим почтить память членов Комитета, ушедших от нас со времени его основания: Иосефа Ариэли, Залмана Арана, Исраэля Бар-Иехуды, Шломо Гепштейна, Меира Гроссмана, Моше де-Шали-

та, Моше Новомейского, Шошаны Персиц, Якова Клебанова, Иешаяху Клинова, Иосефа Шпринцака. Все они приложили много труда и сил для осуществления выдвинутой Комитетом задачи.

Правление: *Авраам Эйлон (председатель),
Ицхак Виленчук, Александр Эзер, Элиззер Пери,
Менахем Ривлин, Дов Ржевский, Арье Рафаэли.*

Иерусалим, 1973 год

* * *

К нашему великому прискорбию, между выходом в свет книги на иврите и появлением ее перевода скончались четверо наших дорогих друзей: почетный председатель Комитета, третий президент государства Израиль — Залман Шазар; члены Комитета: Авраам Эйлон (Идельсон), Ицхак Виленчук, Александр Эзер — да будет благословенна их память.

Особую помощь в издании перевода книги на русский язык оказал покойный И.Виленчук. Без его постоянной заботы и энергичной деятельности перевод этой книги вряд ли увидел бы свет.

Директорат Комитета

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

[к изданию на иврите]

Яркие и неповторимые страницы в эпопее сионистского движения принадлежат шестимиллионному еврейству России, в начале двадцатого века представлявшему собой самое крупное сосредоточение евреев за все времена диаспоры. Накануне Первой мировой войны евреи России составляли около половины мирового еврейства, причем, по данным еврейского социолога и исследователя Якова Лещинского, 94% русских евреев были в те годы сконцентрированы в пресловутой черте оседлости.

Герцль придал сионизму пророческий полет, наполнил его политическим содержанием, создал организационные формы и инструменты, необходимые для претворения в жизнь идеи еврейского государства; но в еврействе России Герцль нашел сформировавшееся еще до него широкое движение за национальное самоосвобождение — автоэмансипацию, окрашенное мечтой о еврейском государстве. А ведь именно народным движениям принадлежит главная роль в освобождении и возрождении народов.

Во времена турецкого владычества в Палестине¹, еще задолго до Герцля, источником почти всех переселенческих дви-

¹ "Палестина — страна, бывшая ареной древнейшей истории еврейского народа. Название "Палестина" — греческая форма еврейского слова **פלשתינה**. Так в Библии названа земля, где жили филистимляне (Исх. 15:14; Исайя 14:29—31; Пс. 60:10). С течением времени это название распространилось и на внутреннюю континентальную часть страны. Уже на монетах, вычеканенных Веспасианом после подавления восстания Иудеи, страна названа официально "Палестиной", но под этим названием имелась в виду земля "иудеев". К концу 19 в. П. — область, "естественными границами /которой/ служат: на западе — Средиземное море, на востоке — Сирийская пустыня и пустыня Ет-Тих — на юге". "Нагорная страна" Галилея и Хермон составляют ее северную границу" (см. "Еврейская энциклопедия", изд. Брокгауза и Эфрона, т. XII, гл. "Палестина"). На иврите страна в различные периоды истории носила различные названия. Со временем наиболее распространенным стало Эрец-Исраэль (страна Израиля). В данной книге употребляются оба названия: Палестина и Эрец-Исраэль (или просто — Страна). — *Прим. ред.*

жений в Святую Землю была Россия (включая Польшу, Литву, Латвию, Бессарабию), а также Румыния и, в известной степени, Галиция, входившая тогда в Габсбургскую империю. Влияние национальных устремлений еврейства России заметно ощущалось и среди еврейского населения остальных стран Восточной Европы.

Халуцианская алия в Эрец-Исраэль также вышла из России, а ее зачинателями были те, кто основал в Стране первые сельские поселения, принес стремление к социальной справедливости и заложил основы еврейского рабочего движения. Халуцим¹ возвели труд на уровень национального нравственного идеала, и лозунг "завоевать труд для еврейского рабочего и самовоспитаться для труда" стал стержнем всей их жизни и деятельности. Вместе с пионерами-рабочими из России в Страну прибыли и первые строители еврейских городов и еврейской индустрии, и пионеры борьбы за возрождение языка иврит и еврейской культуры.

Не принижая вклада в сионизм еврейства Запада, мы вправе сказать, что в продолжение десятков лет российский сионизм, благодаря своим особенностям и динамизму, был авангардом всего мирового сионистского движения. Он обогатил и идеологическую палитру сионизма. Кроме движения Хибат Цион, билуйцев и духовного сионизма Ахад-Гаама он дал синтетический сионизм Гельсингфорсской программы, соединивший практическую работу по заселению Эрец-Исраэль с борьбой за гражданские и национальные права евреев в странах рассеяния; демократический сионизм Хаима Вейцмана; социалистический сионизм Бера Борохова и Нахмана Сыркина; трудовой и этический сионизм Д.Гордона; реалистический сионизм Менахема Усышкина; динамический сионизм З.Жаботинского и религиозный сионизм раввинов Могилевера и Рейнеса. Благодаря всем этим школам российский сионизм приобрел массовый размах и породил народное движение, несущее идею подлинной национальной еврейской революции.

За исключением короткого промежутка между февральским и октябрьским переворотами, сионистские организации в России всегда были на нелегальном положении. Аресты и ссылки сионистам были знакомы уже при царском самодержавии. Но никогда в России сионизм так не подавлялся и не

¹ Халуц (ивр.; мн. ч. — халуцим) — первый; пионер — репатриант в Эрец-Исраэль.

преследовался, как при советском строе. Большевистский переворот в октябре 1917 года отрезал еврейство России от всего мира, и в условиях советской действительности русские евреи оказались совершенно оторванными от Эрец-Исраэль. Не оставалось никакой возможности продолжать сионистскую работу даже в той нелегальной форме, в какой она велась в царской России. Тысячи сионистов были брошены в тюрьмы, сосланы, отправлены на каторжный труд в лагеря, где многие нашли свою могилу. А то, что сохранилось от широкого и разветвленного сионистского движения, вынуждено было глубоко затаиться.

Когда группа ветеранов российского сионизма приступила в Израиле к сбору и подготовке материалов для выпуска сборников по истории сионистского движения в России, многие полагали, что уже "прервалась цепь", и сборники (под названием "Жатва") пригодятся разве историку, изучающему наследие исчезнувшего поколения, — наследия, которое за отсутствием наследников некому вручить. Казалось, годами советской власти уничтожено все, что накопило русское еврейство трудом поколений: культурные достижения, самый фундамент еврейской жизни и морали — все разрушено и смыто ураганом. Ведь еврейство России, которому некогда принадлежала центральная, руководящая и направляющая роль во всемирном сионистском движении, действительно пребывало в безвыходном положении и не могло принять участия в возрождении народа и Страны.

Да, многие разделяли это мнение. И вдруг оказалось, что российский сионизм, казалось, удушенный в двадцатые годы и преданный земле в тридцатые, возродился в Советском Союзе в наши дни. Советской власти в течение полувека удавалось изолировать поколения еврейской молодежи. И все-таки очень многие еврейские юноши и девушки, выросшие в условиях СССР, не зная еврейских традиций, не утратили духовной связи с еврейством и ныне, после основания государства Израиль, считают себя его гражданами, проживающими на чужбине. То, что значительная часть еврейства России не отвернулась от культурно-исторических ценностей своего народа и ведет мужественную борьбу за право уехать в Израиль, — является одним из самых ярких проявлений силы национального самосознания. Оказалось, что, вопреки всем притеснениям со стороны, в СССР не прекратили своего действия два неизбывных социальных закона: закон, гласящий, что силу человеческого

духа невозможно подавить до конца, и закон преемственности.

Репатрианты, прибывающие ныне из Советского Союза, с огорчением отмечают, что история российского сионизма до сих пор не нашла достойного отражения в сионистской литературе. Сборники "Жатва"—1 и "Жатва"—2 охватывают лишь отдельные периоды истории сионизма в России и только в малой степени восполняют пробел. Всеобъемлющая история российского сионизма пока еще не написана; лежащая перед нами книга призвана в определенной степени исправить это упущение. Особое значение этот труд приобрел теперь, когда русские евреи жаждут заново приобщиться к жизни мирового еврейства и строительству государства Израиль.

Надо надеяться, что этот труд увидит свет на русском языке и это поможет смыканию звеньев, которые должны связать новое поколение евреев России с их предшественниками — тем поколением, откуда вышли мы, сионисты России конца девятнадцатого и первой четверти двадцатого века.

Александр Эзер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга в русском переводе выходит в свет на тридцатом году существования Государства Израиль, численность еврейского населения которого превышает три миллиона, что составляет около 20% общего числа евреев во всем мире. Значит ли это, что сионизм тем самым уже исчерпал себя и роль сионистского движения закончена? Отнюдь нет. Такой вывод ошибочен, ибо, при всей своей огромной важности для судьбы еврейского народа во всех концах диаспоры, создание Государства Израиль еще не принесло еврейскому народу полного избавления, а знаменует лишь начало этого трудного и мучительного процесса.

Незадолго до Сионистского конгресса в Базеле (1897 г.) Герцль писал, что "сионизм — это еврейский народ в пути". Со временем в сионистском движении эта формула была перефразирована: "сионизм — это еврейское государство в пути". Ныне мы, кажется, вправе сказать, на данной стадии Государство Израиль — это сионизм в пути. Ибо сионизм, суть которого заключается в возвращении в Сион, находится пока что в процессе осуществления, при условиях — объективно и субъективно — далеко не самых простых и легких.

Среди евреев России и других коммунистических стран многие, несомненно, хотели бы выехать в Израиль, но они не могут этого сделать, потому что им отказывают в праве на эмиграцию. В то же время большинство евреев, проживающих в западных странах, где не существует никаких эмиграционных ограничений, пока не готовы переселиться в Израиль. В этом состоит трагический парадокс нашего положения и жизни нашего народа.

К несчастью еврейства России и всего еврейского народа как раз после падения царского режима и ликвидации самодержавия у евреев послереволюционной России была отнята возможность участвовать в созидательной работе в Эрец-Исраэль и сионистском движении, как они это делали в прошлом всегда, с момента зарождения сионизма.

Сионизм оказал на русских евреев сильнейшее влияние. Он развил их национальное сознание и пробудил в них чувство человеческого достоинства, проповедовал принцип самопомощи и подготовил почву для восприятия идеи самообороны — борьбы с необузданной грубой силой, поддерживаемой властями. Сионистское движение стремилось направить процесс еврейской эмиграции в Эрец-Исраэль. Но поскольку не было перспектив на практическое осуществление этого стремления в близком будущем, сионистские организации сочли своей обязанностью повести борьбу за эмансипацию евреев в самой царской России — наряду с работой по заселению Эрец-Исраэль. Так сионизм выдвинул требование предоставить евреям России гражданское и политическое равноправие и права национального меньшинства (Гельсингфорсская программа 1906 года и программа социал-сионистских партий).

Велика была роль сионистов России в деятельности всемирного сионистского движения и построения ишува в Эрец-Исраэль. И когда 2 ноября 1917 года лорд Бальфур, министр иностранных дел Великобритании, опубликовал декларацию своего правительства о том, что Англия поддерживает создание в Палестине национального очага еврейского народа, радости русских евреев не было границ, а ведь еврейство России к тому времени насчитывало около пяти с половиной миллионов человек.

Глашатаи "левых" антиссионистских течений в еврейской общественности не переставая твердили, что еврейский вопрос разрешится в России сам собой с приходом революции; что "реакционный" сионизм отвле-

кает внимание еврейского народа от борьбы за свои права в странах их проживания; что судьба евреев неотделима от судеб русской революции и их стремления совпадают со стремлениями русского пролетариата. Такова была идейно-политическая платформа евреев-революционеров, отрицавших сионизм как путь решения еврейского вопроса.

Велико было их удивление, когда оказалось, что именно после свержения самодержавия и его замены демократическим строем сионистское движение своими различными течениями охватило большое число евреев России, продемонстрировавших нерушимую верность идее национального освобождения и пламенную любовь к Сиону.

И вот, 7 ноября 1917 года, пять дней спустя после опубликования декларации Бальфура, власть в России захватили большевики. На первый взгляд, между этими двумя событиями нет никакой связи, кроме хронологической; на самом же деле — с еврейско-исторической точки зрения — октябрьский переворот породил свирепую политическую силу, отрицающую национальное освобождение и самостоятельное существование еврейского народа. В таком качестве с тех пор большевизм и подвизается у себя на родине, в странах-сателлитах, на международной политической арене, но особенно в нашем районе — на Ближнем Востоке. И тем не менее мы верим и надеемся, что еврейский народ, который на своем долгом, извилистом пути не раз встречал могучие империи, стремившиеся его уничтожить, найдет в себе силы и в наши дни выстоять и защитить свою духовную самостоятельность, а также и политическую независимость, приобретенную им с возрождением Государства Израиль.

Книга знакомит читателя с историей возникновения, роста, развития и деятельности сионистского движения в России на фоне борьбы российского еврейства за существование и за свои права; с вкладом сионистов России в строительство Эрец-Исраэль и с созданием в нем нового еврейского ишува. Все это — в хроноло-

гических границах от 80-х годов прошлого столетия до 30-х годов нынешнего.

Автор не преследует цели дать подробное историческое исследование, а излагает лишь в общих чертах историю сионистского движения в России.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СИОНИЗМ В РОССИИ ДО ГЕРЦЛЯ

Глава первая

ЗАЧИНАТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

1. Стремление народа Израиля к освобождению

Одна из легенд эпохи разрушения Второго храма гласит: "В день, когда был разрушен Храм, родился Мессия". В этой легенде, с точки зрения национального сознания еврейского народа, заложен глубокий смысл. Она свидетельствует о том, что с утратой политической независимости народ наш духовно не покорился. Евреям пришлось уйти в изгнание, но народ никогда не смирялся с жизнью в диаспоре, и с момента потери государственности не покидала его жажда национального избавления. Надежда на приход Мессии, который явится в предначертанный срок и спасет Израиль; тоска по Сиону и Иерусалиму и мечта об "обновлении наших дней, как древле", изливавшаяся из уст еврея в его молитвах, в будни и в праздники, из поколения в поколение, крепили народ, наделяли его могучей внутренней силой, помогая в муках и страданиях противостоять притеснениям, преследованиям и сберечь национально-духовную независимость после утраты территориального базиса национально-политической независимости. Этот субъективный фактор национального сознания, существовавший века, с течением времени превратился в объективный фактор еврейской

истории. Воля к жизни, проявленная еврейским народом, повлияла на его судьбу; духовная связь рассеянной нации с ее Страной никогда не прерывалась. Более того, временами она давала мощные всплески в виде мессианских движений, возникавших в разные эпохи в разных местах диаспоры. И не только духовная, но и реальная связь народа с Эрец-Исраэль сохранялась во всех поколениях, так как евреи всегда жили в Стране и переселялись в нее в одиночку или группами, пускай и в ограниченных масштабах.

Можно, таким образом, заключить, что идея *Шиват Цион* — возврата в Сион — зародилась как идеал национального избавления одновременно с разрушением Иудейского царства легионами Римской империи. Идею эту и выразила легенда о том, что "в день, когда был разрушен Храм, родился Мессия". В веках этот идеал прошел многие стадии перевоплощения и, наконец, приобрел форму современного сионизма. Ибо прав тот, кто сказал, что сионизм — не что иное, как мессианское движение, но с реальными возможностями воплотиться в жизнь.

Первые ростки практического осуществления идеи *Шиват Цион* и заселения Эрец-Исраэль возникли в 19-м веке. И если сионистские теории и устремления обязаны своим появлением западным евреям, то массовое сионистское движение родилось в Восточной Европе, особенно в разных частях России (Польша, Литва, Украина и т. д.) с ее многочисленным и плотным еврейским населением.

2. Перец Смоленский и "Хашахар"

Одним из первых представителей течения за национальное возрождение был еврейский писатель Перец Смоленский (1842—1885), уроженец Могилевской губернии (Белоруссия), переехавший на жительство в Вену и выпускавший там с 1868 года журнал под названием "Хашахар" ("Гашахар"; "Рассвет"). Это из-

дание предназначалось главным образом для русских евреев и действительно оказало сильное влияние на образованную еврейскую молодежь, воспитанную на традиционной литературе и умеющую читать на иврите.

Мессианская устремленность и жажда избавления — вот основа, объединяющая все части еврейства в единую историческую нацию. Еврейская религия — также не что иное, как плод национального творчества еврейского народа. Смоленский резко критиковал "прогрессистов", стыдившихся своего еврейского происхождения и пытавшихся фальсифицировать облик еврейства. Евреи — нация как все нации, но, лишённые территории и государства, они превратились в "нацию духа".

То был поход мужественной и оригинальной личности против общепринятых взглядов. В 70-е годы прошлого века Смоленский был еще одинок в своей борьбе за еврейский национальный идеал. И все-таки его усилия принесли плоды. Еще при жизни, рано оборвавшейся (он умер от туберкулеза горла в возрасте сорока трех лет), Смоленский успел убедиться, что его национальные идеи восприняты молодыми представителями еврейской интеллигенции в России, и получить глубокое моральное удовлетворение. На пробуждение национального сознания еврейской учащейся молодежи повлияли не только публицистические статьи Смоленского, но и поворот к худшему в положении русских евреев в конце царствования Александра II. Это привело к разочарованию в космополитических рецептах слияния евреев с господствующими нациями и обратило поиск вовнутрь — к жизни еврейского народа, его культуре, истории и традиционным ценностям. Так наметились в среде образованной еврейской молодежи в России первые ростки любви к Израилю и Сиону.

Летом 1880 года и ранней весной 1881 Смоленский посетил Россию. Во время второй поездки еврейские студенты в Петербурге устроили ему восторженную встречу. В его честь давались вечера с участием представителей старшего поколения еврейской интеллигенции.

Из Петербурга он поехал в Москву, где также был принят с почетом и любовью десятками еврейских студентов. На устроенном в его честь банкете ему преподнесли золотое перо с выгравированным изречением из книги пророка Исаии "И возвратятся избавленные Господом, и придут на Сион с пением" (51:11). Выбор цитаты как нельзя лучше свидетельствовал о национально-сионистских настроениях чествовавших Смоленскина студентов: вознаграждение ему за считанные годы до его смерти.

3. Элиэзер Бен-Иехуда

Идеи Смоленскина о национальном возрождении еврейского народа, вызвавшие широкий отклик среди образованной молодежи, особенно глубоко повлияли на одного из ее представителей — студента Элиэзера Перельмана (1858—1922), впоследствии известного исследователя языка иврит Элиэзера Бен-Иехуду.

Бен-Иехуда не только испытал воздействие национальных идей Смоленскина, но расширил и углубил мировоззрение своего учителя. Смоленскин, видевший в еврейском народе "нацию духа", не усматривал практическое решение еврейского вопроса в заселении Палестины. Он считал это преждевременным, так как, по его мнению, нужна была долгая подготовительная работа, чтобы евреи оказались в состоянии заложить фундамент новой жизни на земле отцов. Он полагал, что ивриту уже никогда более не стать разговорным языком — это лишь язык еврейской литературы, трактующей проблемы своего народа. Бен-Иехуда оспорил это мнение, изложив свои взгляды в статье, опубликованной им в журнале Смоленскина "Хашахар" в 1879 году. Он утверждал, что залогом обновления еврейской нации и ее жизни в будущем может быть только возвращение в Сион и возрождение иврита в качестве разговорного языка. Причем эти явления взаимообусловлены, то есть возрождение иврита может произойти

только в Эрец-Исраэль, а возрождение еврейского народа в Эрец-Исраэль возможно только в процессе возрождения иврита.

Спор Смоленскина с Бен-Иехудой разрешили еврейские погромы, разразившиеся на юге России: Смоленский признал тогда правоту своего оппонента и с тех пор стал одним из самых пылких поборников переселения русских евреев в Эрец-Исраэль. Сам Бен-Иехуда переселился в Страну в октябре 1881 года, чтобы на практике осуществить свою идею о возрождении языка иврит и еврейского народа на его исторической родине. Местом жительства он выбрал Иерусалим, а иврит в качестве разговорного языка он ввел в обиход прежде всего в своем собственном доме, в своей семье. Фанатики из старого ишува вскоре узнали, что Бен-Иехуда по национально-светским мотивам пользуется "священным языком" как разговорным... Они принялись всячески ему досаждать, но Бен-Иехуда оставался непоколебим. В тяжелых материальных условиях, преследуемый фанатиками, он продолжил также дело всей своей жизни — составление словаря языка иврит.

4. Годы реакции в царствование Александра III

1 марта 1881 года Александр II был убит членами подпольной организации "Народная воля". 15 апреля по югу России прокатилась волна еврейских погромов.

Убитому самодержцу наследовал его сын Александр III. Четырнадцать лет его царствования (1881—1894) явились годами реакции для всей Российской империи и были особенно тяжкими для еврейского населения России. После спада волны "стихийных" погромов, выражавших, согласно официальной версии, обращенный против евреев "народный гнев", а на самом деле инспирированных свыше, начался период "холодного погрома": на еврейское население обрушились новые преследования в виде дискриминационных законов, урезавших и без того сильно ограниченные

права евреев. Ко всему этому прибавилось самоуправство властей в центре и на местах.. Главными среди дискриминационных мер были изданные по инициативе министра внутренних дел Николая Игнатьева "Временные правила" от 3 мая 1882 года¹. Правила эти лишили евреев права селиться "вне городов и местечек", иначе говоря, запретили проживание в сельских местностях внутри самой черты оседлости. Тем, кто там уже проживал, отныне воспрещалось покупать или арендовать даже самый крохотный земельный участок для прокормления семьи. Правила, таким образом, раздробили черту оседлости на множество изолированных островков. Границы любого городка или местечка теперь превратились для евреев в непроходимую черту. Еврейская общественность в то время склонялась к мысли о необходимости побудить еврейскую бедноту переселяться в сельские местности; новый закон покончил с этой идеей, но, конечно же, не помешал антисемитам продолжать шельмовать евреев за то, что они, предпочитая торговлю и ростовщичество, питают отвращение к труду земледельца...

Вопрос права жительства евреев и еврейский вопрос вообще имели в России ту же давность, что и само еврейское население. Как известно, границы России издавна были закрыты для евреев. Поэтому там не было и постоянного еврейского населения. Лишь во времена Екатерины II после присоединения территорий Польши в результате трех ее разделов (1772, 1793, 1795) "вместе" с польскими землями к Российской империи "отошли" и еврейские массы, населявшие эти места в продолжение веков. Новая ситуация оказалась в полном противоречии с исконной русской традицией не терпеть присутствия евреев в государстве. Екатерина, начало царствования которой проходило под зна-

¹ Все даты, относящиеся к событиям в России, даны по старому стилю. Здесь и далее примечания автора (за исключением оговоренных особо примечаний редактора).

ком "просвещенного абсолютизма", колебалась, какую же избрать позицию по отношению к многочисленному и плотному еврейскому населению на новых западных территориях империи. Вскоре, однако, решение проблемы нашлось: в 90-х годах 18 века, к концу правления Екатерины, было положено начало черте еврейской оседлости на западе России (в Литве, Белоруссии и на Украине). Только там дозволялось проживать евреям под строжайшим запретом переселения во внутренние пространства России. После Венского конгресса (1815), во времена Александра I, Россия поглотила и Царство Польское с его столицей Варшавой. Здесь евреи проживали по особым древним установлениям.

В продолжение 19 века издавались все новые ограничительные законы, направленные против евреев. Среди многомиллионного еврейского населения (в конце 19 и начале 20 веков в пределах Российской империи проживали 5,5 миллионов евреев) имелся лишь тонкий привилегированный слой, представителям которого разрешалось жить вне черты оседлости. Это были купцы первой гильдии, платившие казне высокие налоги, обладатели университетских дипломов, специалисты и ремесленники по особому списку.

"Временный" закон Игнатьева значительно сократил площадь черты оседлости, исключив из пятнадцати западных и южных губерний, где дозволялось проживание евреев, самую крупную их часть — сельские местности. Отныне евреи имели право жительства лишь в городках и местечках "черты". Но "Временные правила" не стали последним звеном в цепи притеснения евреев в царствование Александра III, а послужили отправной точкой для новых преследований. "Временный" закон, захлестнувший еврейское население петлей-удавкой, просуществовал в России тридцать пять лет, вплоть до февральской революции 1917 года, когда демократическое правительство отменило все антиеврейские дискриминационные законы.

ОСНОВАНИЕ ДВИЖЕНИЯ ХИБАТ ЦИОН (ЛЮБОВЬ К СИОНУ)

Движение Хибат Цион возникло среди еврейства России как реакция на погромы и преследования. В начале 80-х годов 19 века кружки Ховевей Цион¹ были организованы во всех крупных русских городах, в том числе в Москве и Петербурге.

1. Моше-Лейб Лилиенблюм и Леон Пинскер

Особое место в движении Хибат Цион и его развитии заняла Одесса, которая стала центром движения и выдвинула две крупные фигуры, возглавившие его: Лилиенблюма и Пинскера.

Большое влияние на еврейскую интеллигенцию оказало сочинение М.Л.Лилиенблюма (1843—1910) под названием "О возрождении еврейского народа на Святой Земле его древних отцов".

Иехуда Лейб(Леон) Пинскер (1821—1891) рос и воспитывался в Одессе и получил начальное образование в общественном еврейском училище, где его отец, известный ученый-археолог Симха Пинскер, служил учителем иврита. Преподавание велось здесь на русском и немецком языках. Затем Леон Пинскер учился в русской гимназии, а после нее — в одесском Ришельевском лицее на юридическом факультете, где и защитил диплом. Так как юридическое поприще в николаевской России было закрыто для евреев, Пинскер работал учителем в еврейском училище, где преподавание велось на русском языке. В 1843 году он поступил на медицинский факультет Московского университета и

¹ Ховевей Цион (любители или ревнители Сиона) — члены движения Хибат Цион. — *Прим. ред.*

после окончания курса поехал совершенствоваться в Австрию и Германию. Там он встретился с кругами ассимилированной еврейской интеллигенции и попал под их сильное влияние. По возвращении в Россию он стал одним из самых активным проповедников просветительства и ассимиляции. Работал он больничным врачом. Во время Крымской войны самоотверженно трудился в военных госпиталях, а затем до самой кончины практиковал в Одессе, заслужив репутацию одного из лучших ее врачей. Он также сотрудничал в еврейской периодике на русском языке ("День", "Сион", "Рассвет") и был членом комитета одесского "Общества просвещения евреев".

Пинскер был человеком слабого здоровья, но очень сильной воли. Его преданность общественным интересам была безгранична. Он был убежден, что просвещение и сближение с русской культурой — лучший и наиболее надежный способ исправить положение евреев в России. Поэтому следует стремиться к русской культуре, и русский язык должен стать народным языком евреев.

Но вот в 1881 году по югу России прокатились погромы, и это произвело во взглядах Пинскера полный переворот: он отказался от своих прежних убеждений и стал активным националистом. В речи, произнесенной Лилиенблюмом в одесском комитете Ховевей Цион в ноябре 1901 года по случаю десятилетия со дня смерти Пинскера, оратор поставил вопрос: как случилось, что доктор Пинскер, убежденный проповедник ассимиляции, превратился, в отличие от большинства его единомышленников, в пылкого националиста? Лилиенблюм видел ответ на этот вопрос в том сильном духовном влиянии, которое оказал на Леона Пинскера еще в детстве отец, Симха Пинскер. Это он пробудил в душе сына глубокое чувство любви к еврейскому народу. Духовный переворот совершился в Леоне Пинскере отнюдь не внезапно. Вера в решение еврейского вопроса путем сближения с русской культурой зародилась в нем еще в дни одесского погрома 1871 года;

десять лет он под градом критики вел эту линию, пока погромы 80-х годов окончательно не выбили почву из-под его убеждений и не перевернули весь его прежний духовный мир.

Когда в Пинскере произошел этот решительный перелом в сторону еврейского национализма, ему было уже шестьдесят лет. Он и прежде, будучи сторонником ассимиляции, не отдалялся от своего народа. Когда же он убедился, что путь этот ложен, отбросил его без колебаний — не только как бесполезный, но как вредный и опасный.

Свои новые идеи относительно решения еврейского вопроса Пинскер изложил в сочинении на немецком языке, которым владел в совершенстве, отвез рукопись в Берлин и издал там в виде анонимной брошюры под таким заглавием: "Автоэмансипация. Призыв русского еврея к соплеменникам".

Для эпиграфа Пинскер взял изречение мудреца Хиллея: "Если не я за себя, то кто же за меня? И если не теперь, то когда?" Брошюра появилась в сентябре 1882 года, и очень скоро стало известно, что "русский еврей" — не кто иной, как известный врач и публицист доктор Леон Пинскер из Одессы.

Ведущую мысль брошюры отражает само название: автоэмансипация, то есть самоосвобождение, а не эмансипация как дар, ниспосланный свыше властями и правителями тех стран, где проживают евреи. Подобно Лилиенблюму, Пинскер пришел к выводу, что евреи повсюду чужеродный элемент и к ним нигде не относятся, как к равным. В своем сочинении он говорил не только о преследуемых евреях России, чье положение особенно тяжело, а обо всем еврейском народе, включая евреев Запада, которые уже обрели гражданское равноправие. Этого недостаточно, говорит Пинскер, ибо формальное равноправие перед законом еще не способно выкорчевать из сердца народов антисемитизм, укоренившийся в продолжение многих веков.

В брошюре Пинскер обращался к немецким евреям как к сынам еврейского народа, а не только как к лю-

дям, исповедующим иудейскую религию. Уже в самом таком обращении заключалась новизна, так как немецкие евреи считали себя не евреями, а немцами Моисеева закона, т. е. особой религиозной немецкой общиной... Глубоко и остро анализируя действительность, Пинскер рисует картину жалкого положения еврейского народа среди народов мира. Он говорит не только о внешнем, материальном закабалении евреев России, но и о внутреннем, духовном рабстве евреев Запада, детей века эмансипации.

В отношении народов к евреям отсутствует принцип равноценности, принятый и в той или иной мере существующий во взаимоотношениях других народов. Еврейская нация находится вне закона, который определяет международные связи и отношения. Еврейский народ в нынешнем его положении лишен большинства признаков, которыми отличается нация. У него нет своей страны, где он был бы сосредоточен, — наоборот, он разбросан по многим странам; нет у него ни своего правительства, ни учреждения, которое бы его представляло; евреев можно встретить в любом месте, но нет места, которое бы принадлежало им; народы никогда не имеют дела с еврейской нацией — всегда лишь с евреями. Стремясь к ассимиляции среди народов, евреи отделились от собственной национальности, и тем не менее нигде им не удалось добиться такого положения, чтобы соседи рассматривали их наравне с остальными уроженцами страны. Печальная судьба евреев объясняется прежде всего отсутствием у них осознанной необходимости жить самостоятельной национальной жизнью. Поэтому надо будить и крепить в их сердцах это сознание — в противном случае, они навеки будут осуждены на постыдное существование; короче говоря: необходимо, чтобы евреи стали нацией.

Таким образом, Пинскер пришел к категорическому отрицанию идеологии ассимиляции, общепринятой у евреев Запада как пути к решению еврейского вопроса. Пинскер исследует проявления антисемитизма у разных народов и приходит к выводу, что нет правды в

утверждениях, будто причина ненависти к евреям заключена в них самих. Веками возводились на евреев самые невероятные измышления: они распяли Христа, они пользуются для своих религиозных ритуалов кровью христиан, они отравляют колодцы, вызывают эпидемии и т. п. Все эти обвинения, возводимые на целый народ, не имеющие другой цели, кроме как оправдать ненависть к евреям и очистить совесть их преследователей, не выдерживают критики. Причину ненависти Пинскер находит в неевреях. Как врач, он устанавливает диагноз: все народы страдают заболеванием, называемым "юдофобия", — страхом перед евреями, порождающим ненависть к ним. И Пинскер приходит к следующему заключению:

Среди существующих ныне народов евреи предстают как потомки давно исчезнувшей нации. Еврейское государство в древности было разрушено римлянами, но еврейский народ не смирился с полным уничтожением и не поддался ему, продолжив существование в виде "нации духа". Таким образом, мир видит в этом народе пугающий образ мертвеца, расхаживающего среди живых. Этот странный образ, коему нет примера в истории народов и подобного которому не было ни до него, ни после, пробудил в сознании народов мистический страх. Будучи вообще распространенным явлением, этот гнездящийся в людях страх перед злыми духами обратился против еврейского народа. Веками, из поколения в поколение, по наследству передавалась и усиливалась боязнь кошмара, олицетворенного в образе еврея. Боязнь породила скрытую ненависть, ненависть породила юдофобию. Среди всех прочих предрасудков, инстинктов и одолевающих людей наклонностей юдофобия прочно укоренилась и завоевала права гражданства во всех странах, где живут евреи. Юдофобия из тех болезней, что питаются мистическими страхами, но есть и отличие, которое состоит в том, что не только отдельные народы, а весь род людской заражен страхом перед еврейским духом. И еще: еврейский дух, в отличие от всех иных призраков, — не абстракт-

ция, а живая плоть, и терпит ужасные страдания от ран, наносимых чернью, которая его боится и видит в нем угрозу собственному существованию. Юдофобия, таким образом, одно из душевных заболеваний, в качестве такового передается по наследству и, поскольку наследуется тысячелетиями, — неизлечима. От этой болезни лекарства нет...

Пинскер так формулирует причину антисемитизма: "Страх перед нечистой силой — источник юдофобии, это он породил ту абстрактную, я бы даже сказал — платоническую ненависть, в силу которой ответственность за любые, подлинные или вымышленные преступления каждого отдельного еврея возлагают на весь еврейский народ, без конца возводят ложные обвинения и вечно приговаждают к позорному столбу".

Так, продолжает Пинскер, еврейский народ и ненависть к евреям шагают по путям истории неразлучно, рука об руку, сотни и сотни лет. Только слепой не видит, что евреи — народ, избранный для ненависти всего мира. Если в отношениях между народами, их чувствах друг к другу и тенденциях и есть теневые стороны, то в ненависти к евреям нет у них разногласий. Лишь в этом пункте едины все. Правда, форма и степень проявления ненависти к евреям зависят от культурного уровня каждого народа, но сама ненависть присутствует в любом месте и в любую эпоху. И не суть важно, принимает ли она форму физических преследований, или зависти и узколобости, или личину терпимости и защиты. "Быть битым и поносимым, потому что ты еврей, или по той же самой причине нуждаться в защите — одинаковое унижение: и то и другое ранит в сердце еврея человеческое достоинство".

Поэтому не эмансипация, но автоэмансипация есть путь решения еврейской проблемы. Не милость народов мира в виде формального равноправия, а самоосвобождение еврейского народа! Надо стремиться к национально-политическому единству и независимости. А чтобы избавиться от положения вечных странников, нам нужна собственная страна-прибежище. И обяза-

тельно устремить взоры теперь именно к "Святой Земле" — важно, чтобы земля была "наша"; правда, возможно, что страна наших святынь станет и нашей страной, — что ж, тем лучше.

Мы видим, что Пинскер (как позднее и Герцль) поначалу не обуславливал территориального решения еврейского вопроса именно Палестиной. Он, однако, допускал и такую возможность, и если это случится — "тем лучше". Первое же и обязательное условие, предшествующее конкретному действию, это "национальное решение". Должен возникнуть "Директорат", который возьмет на себя руководство национальными делами и соберет "Национальный конгресс". А последний определит пути самоосвобождения еврейского народа. Свою брошюру Пинскер заканчивает призывом к народу: "Помогите себе сами — и вам поможет Бог!"

Сочинение Пинскера вызвало у еврейской общечественности Германии сильное раздражение. На него обрушилась еврейская пресса на немецком языке, которая усмотрела в "Автоэмансипации" атаку на образ жизни и положение евреев Запада. Тезис Пинскера о том, что "евреям необходимо стать нацией", радикально противоречил всему искусственному мировоззрению "немцев Моисеева закона". Зато в национальном стане евреев России брошюра была принята с энтузиазмом и вскоре превратилась, вместе со статьями Лилиенблюма, в идейно-политический манифест движения Хибат Цион.

Несмотря на то, что поначалу Пинскер был "территориалистом"¹, он очень быстро убедился, что народ

¹ Этот термин появился позднее — в результате полемики вокруг Уганды (см. стр. 174–190). Территориалистами стали называть сторонников идеи приобретения в полную собственность любой подходящей для поселения еврейского народа земли (территории), в отличие от сионистов, целью которых было возвращение в Сион, на родину еврейского народа. — *Прим. ред.*

тяготее к Эрец-Исраэль. А так как в его программном сочинении была учтена такая возможность, он тем самым дал Ховевей Цион свое благословение и оказался главой движения, хотя роль лидера была ему совсем ни к чему: как упоминалось, Пинскер был всегда слаб здоровьем, а к моменту появления брошюры ему уже перевалило за шестьдесят. Однако пламенная любовь к своему народу, боль за его горькую судьбу и страстное желание помочь — все это заставило его собраться с силами и принять активное участие в движении. Лилиенблюм рассказывает, что Пинскер послал ему свою брошюру, как только она была отпечатана, хотя лично они не были знакомы. Вскоре он понял, что Пинскер сделал это потому, что в свое время читал статьи Лилиенблюма в "Рассвете" и обнаружил духовную близость с автором в отношении к еврейской проблеме, особенно в вопросе создания для народа национально-территориального убежища. С той поры у них возникли прочные дружеские отношения, и Лилиенблюм сделал немало для того, чтобы приобщить Пинскера к движению Хибат Цион.

Когда четырнадцать лет спустя Герцль опубликовал свое "Еврейское государство" (1896), он не был знаком с "Автоэмансипацией" Пинскера. Справедливо говорил Ахад-Гаам, что Пинскер еще до Герцля создал в полном объеме учение о политическом сионизме, которое не имеет себе равных по силе и блеску изложения. Пинскеру, таким образом, принадлежит приоритет в постановке учения политического сионизма на ясную теоретическую базу. Он также первым предложил практическую программу, пускай и общего характера, по претворению идеи в жизнь. Позднее эта программа, в существенной своей части, была принята политическим сионизмом. Отсюда следует, что политический сионизм не был принципиально новым по сравнению с идеями Пинскера. Все свое учение, теорию и практику, Пинскер сумел изложить сжато, в пределах маленькой брошюры, насыщенной мыслью, хотя и лишенной точной логической композиции. Пылкость чувств брала

верх над рассудительным хладнокровием и мешала ему научно систематизировать свои взгляды. Пинскер писал не исследовательскую статью, замечает Ахад-Гаам, — это вопль души, исторгнутый гневом и болью за униженное положение еврейского народа. Насколько Пинскер был лишен малейшего честолюбия в частной жизни, настолько он был "гордецом" как еврей. Оскорбленная честь его народа не давала ему покоя. Он был согласен отказаться от всего, только не от национального достоинства.

Свою ценность и значение брошюра "Автоэмансипация" не утратила и по сей день. Столь глубокого анализа сущности антисемитизма, его корней и причин до Пинскера не было, не появилось и позднее.

Глава третья

ПЕРВАЯ АЛИЯ

1. Алия билуицев

Национальное брожение, охватившее евреев России в начале царствования Александра III, породило по тем временам единственное в своем роде идеалистическое движение, которое можно считать прототипом движения Хехалуц (Гехалуц), возникшего в конце 1-ой мировой войны.

В январе 1882 года, по инициативе студента-первокурсника Исраэля Белкинда, сына еврейского учителя из Гомеля, состоялась встреча, в которой приняли участие около тридцати еврейских студентов. После споров, затянувшихся на несколько вечеров, большинство участников решило создать общество для распространения идеи национального возрождения еврейского народа и алии в Эрец-Исраэль с тем, чтобы работать там на земле. С первых же шагов эта группа, не желая

довольствоваться проповедями и пропагандой, решила выступить с личным примером. Они постановили, что сами обязаны переселиться в Эрец-Исраэль в качестве пионеров заселения страны. Комитет тотчас опросил членов организации, дабы выяснить, кто согласен ехать. Четырнадцать человек записались на алию, остальные покинули организацию. Группа назвала себя "билуйцами" — по начальным буквам стиха пророка Исаи: "Бейт Яков, лху ве-нелеха" ("О, дом Иакова! Вставайте и пойдем!" — Ис. 2:5).

Инициативная группа билуйцев в Харькове решила возглавить халуцианское движение и, естественно, стала его центром. Двадцать человек были направлены в разные города России с заданием изложить еврейской молодежи программу билуйцев и привлечь в организацию новых сторонников. Кружки билуйцев вскоре появились в разных концах России, а число участников достигло 525 — в них были не только студенты, но и гимназисты, учителя, ремесленники и др. Летом 1882 года Центральное бюро организации было переведено из Харькова в Одессу, чтобы оттуда руководить делами алии билуйцев. Первая группа во главе с Исраэлем Белкиндоm высадилась на берег в Яффе в конце июня 1882 года. Группа насчитывала четырнадцать человек, в том числе одну девушку. Они прибыли в Страну без средств, безо всякой политической и общественной поддержки.

И в самой Стране билуйцы не встретили доброжелательного к себе отношения ни со стороны старого ишува, считавшего их безбожниками, ни среди Ховевей Цион, которые видели в молодых людях "нигилистов" из-за их социальных идей и стремления основать колонию с обобществленным имуществом. Через две недели после приезда в Страну они начали работать поденщиками на полях сельскохозяйственной школы Микве Исраэль. Вскоре в Страну прибыла вторая группа билуйцев — шесть человек. Они присоединились к своим товарищам, работавшим в Микве Исраэль. Директор этого учебного заведения Ш.Гирш, управлявший от

имени общества Альянс Исразлит (еврейское общество во Франции, оказывавшее материальную и культурную помощь евреям в различных странах, основавшее многочисленные школы, в том числе и в Палестине), платил им крайне мало; работа была изнурительной, и надо еще учесть, что билуйцы не были приспособлены к физическому труду, тем более — в условиях тяжелого климата Палестины. Гирш относился к ним плохо. Он был невысокого мнения о русских евреях, не считал их людьми дела. Он не верил, что евреи, тем более интеллигенты, способны физически трудиться и работать как следует. Очень скоро, однако, Гиршу пришлось изменить свое мнение — билуйцы работали отлично, с усердием и ответственностью, не только не уступая рабочим-арабам, но даже превосходя их. И тем не менее Гирш по-прежнему плохо относился к пионерам. Положение у них было незавидное, заработок не хватало на скудное пропитание (хлеб и чай), а о покупке одежды и обуви нечего было и мечтать.

И все-таки билуйцы не отказались от своей идеи самостоятельного поселения. Километрах в тридцати пяти к юго-востоку от Яффы был куплен участок, на котором и возникла колония билуйцев, названная Гедера (по имени одноименного древнего города, находившегося, якобы, на этом месте). В ноябре 1884 года девять билуйцев перешли в Гедеру на постоянное поселение.

Движение молодых образованных идеалистов-билуйцев, верой и правдой стремившихся стать пионерами заселения Страны на началах общности имущества и труда, развивалось не так, как мечтали члены организации. В Палестину прибыло в общей сложности 50—60 билуйцев. Значительная их часть возвратилась в Россию, часть разбрелась по всему свету (уехали в Америку и другие страны), и в Эрец-Исраэль осталось не более пятнадцати человек, перешедших на обычное поселение (не в коммуну) в Ришон-ле-Цион и Гедере. Итак, движению не удалось осуществить того, о чем мечтали

его инициаторы. Движение билуйцев фактически прекратило свое существование. И тем не менее своим идеализмом, чистотой помыслов и преданностью идее заселения Эрец-Исраэль билуйцы, невзирая на малочисленность оставшихся и осевших в Стране, оказали огромное идейное и нравственное влияние на весь новый ишув и послужили символом и образцом для последовавших за ними волн халуцианской алии.

2. Катовицкий съезд

В кругах Ховевей Цион многие пришли к выводу о необходимости созвать общий съезд, который объединит и сплотит все разрозненные общества в организованное движение и обеспечит его центральным руководством. Создалось положение, при котором крупные общества (в Одессе, Белостоке, Варшаве и др.), считали себя центрами движения и пытались направлять деятельность других обществ. Имелись и разногласия по вопросу выбора места созыва съезда, но в конце концов стороны пришли к компромиссу и согласились собраться в Катовицах, где проходило их предыдущее собрание в сентябре 1883 года.

В ряде мест состоялись предварительные совещания. Во время беседований и обсуждений в одесском обществе "Зерубавель" Пинскер зачитал проект речи, с которой он собирался выступить на съезде. Она вызвала споры и выявила расхождения во взглядах: следует ли с трибуны съезда провозгласить национальные цели движения Хибат Цион или подчеркнуть только практико-филантропическую сторону заселения Эрец-Исраэль — помощь евреям, нуждающимся в источниках заработка. Пинскер считал, что не следует подчеркивать националистские стремления, дабы не оттолкнуть евреев Запада, энергично противившихся идее еврейского национализма. В противовес этому, молодые члены общества во главе с Ашером Гинцбергом (широко известным позднее под литературным псевдонимом Ахад-

Гаам) выступили с требованием не затушевывать национальных задач и объявить о них во всеуслышание. Пинскер — автор "Автоэмансипации", с его широкими национально-политическими взглядами, попал в парадоксальное положение: он заставил себя выражать свои идеи в весьма осторожной форме, и поэтому его публичное выступление не соответствовало его основной позиции. Прения по этому поводу закончились компромиссом: в текст было внесено несколько принципиальных поправок.

Съезд открылся 6 ноября 1884 года в помещении ордена Бней-Брит в Катовицах.

На вечер открытия прибыли, как значится в протоколе съезда (который велся на немецком языке), тридцать шесть делегатов, в подавляющем большинстве — представители российских обществ. Из других стран присутствовали: шестеро из Германии (в том числе трое из катовицкого отделения ордена Бней-Брит), один делегат из Румынии, двое из Англии и один из Франции. Стоит отметить, что среди западных делегатов четверо были российского происхождения. По своей социальной принадлежности делегаты представляли самые разные круги: тут были раввины, редакторы газет и писатели, врачи, юристы, купцы. Были среди них старики и молодежь, крайне религиозные и свободомыслящие просвещенцы.

Председателем съезда был избран д-р Пинскер, почетным председателем — раввин Могилевер.

Во вступительном слове председатель д-р Пинскер объявил, что съезд собрался в годовщину столетия со дня рождения выдающегося человека и общественного деятеля Моше Монтефиоре, дабы основать учреждение на пользу еврейскому народу, достойное личности юбиляра. Не упоминая о стремлениях к национальному возрождению и политической независимости, Пинскер остановился на кровной необходимости для евреев вернуться к земледелию, которым в древности занимались и кормились их предки. Бедственное положение евреев в странах диаспоры, подчеркнул он, требует по-

иска новых путей существования и занятий: земледелие — столбовая дорога. Далее Пинскер коснулся перемен, происшедших за последние годы в социально-экономических воззрениях народов, и заявил: "Пока нельзя сказать с полной уверенностью, действительно ли в ближайшем будущем, справедливо это или нет, будет объявлена война капиталу, война не на жизнь, а на смерть; так или иначе, несомненно одно: евреи окажутся первой, если не единственной, жертвой этого катаклизма, одно приближение которого, в известной степени, уже на них отразилось". Пинскер выразил надежду, что еврейский народ продолжит усилия по возвращению к крестьянскому образу жизни на Святой Земле.

Речь была принята делегатами восторженно. В осторожной форме, не прибегая к отчетливой националистической лексике, Пинскер тем не менее дал картину трагического положения еврейского народа в странах рассеяния, а также предостерег от будущих опасностей, которые грозят ему, если он тотчас не произведет радикальных изменений в своем образе жизни. Новое, по сравнению с "Автомансипацией", заключалось в том, что в своей речи на съезде Пинскер ясно сказал о заселении Святой Земли, а не просто любой страны. За два года, прошедших со времени выхода брошюры до Катовицкого съезда, Пинскер успел убедиться, что еврейский народ уже вынес свое решение в отношении территории и тяготеет к стране своих предков, к своей исторической родине.

В заключительном слове в день закрытия съезда Пинскер с удовлетворением отметил, что здесь встретились и поработали в добром сотрудничестве старые и молодые, религиозные и воспитанные в духе современной науки интеллигенты. Два фактора объединили всех: общее происхождение и общая судьба. После Пинскера выступил раввин Могилев, построивший свою речь на образе "сухих костей" из видения пророка Иехезкеля (Иех., гл. 37): в факте созыва съезда

он видел начало воскресения "сухих костей" — сплочения евреев в живую нацию.

Помимо избрания центрального комитета на съезде решили, что Одесса будет местопребыванием временного руководства до создания в Берлине или другом западноевропейском городе постоянной администрации. Пинскер прилагал большие усилия, чтобы из среды евреев Запада найти кандидатов, согласных участвовать в руководстве движением, но таковых не нашлось. Историк Грец, поначалу согласившийся, тоже отказался под влиянием немецких евреев, резко критиковавших Катовицкий съезд за его националистические тенденции.

Итак, не помогла Пинскеру вся его осторожность при составлении речи и формулировании целей движения: западные евреи, отвернувшиеся от еврейского национализма, усмотрели — и совершенно справедливо — его яркое проявление в самом факте объединения отдельных обществ Ховевей Цион в движение за заселение Эрец-Исраэль. Таким образом, руководство в Одессе превратилось на деле из временного в постоянное.

Катовицкий съезд стал поворотным пунктом в истории движения за возврат в Сион. Можно сказать, что это был первый сионистский "конгресс" до появления на общественно-политической арене Герцля.

3. Съезд в Друскениках

Второй съезд Ховевей Цион проходил в Друскениках с 16 по 19 июня 1887 года. На сей раз делегаты прибыли только из России и представляли палестинфильские организации, существующие в разных ее частях — на Украине, в Бессарабии, Литве, Польше, центральной России. На съезд приехали тридцать человек из следующих городов: Одессы, Бобруйска, Борисова, Белостока, Двинска, Варшавы, Вильно, Харькова, Елисаветграда, Екатеринослава, Либавы, Мариамполя,

Москвы, Минска, Полтавы, Петербурга, Ковно, Кишинева, Ростова-на-Дону, Риги. Кроме ветеранов — руководителей движения, участников Катовицкого съезда — на этот раз прибыло много молодежи. Юг России почти целиком был представлен молодежью. Среди молодых делегатов на съезде выделялись своей активностью трое: Василий (Зезв) Берман, талантливый молодой юрист и общественный деятель из Петербурга, глубоко преданный борьбе еврейства России и идее заселения Эрец-Исраэль (умер от туберкулеза в 1896 году в возрасте тридцати четырех лет); Менахем Усышкин, студент-технолог из Москвы (впоследствии один из лидеров сионистского движения, а с 1923 года и до самой своей смерти в Иерусалиме в 1941 году — президент Еврейского национального фонда Керен Ка-емер ле-Исраэль); Меир Дизенгоф из Кишинева (впоследствии мэр Тель-Авива, умер в 1936 году).

За несколько дней до начала съезда из Петербурга пришло известие, что власти не дали разрешения на создание еврейского общества по заселению Палестины. Пинскер видел в этом отказе тяжелый удар для движения и переселенческой деятельности. Внутренние трения, противоречия между интеллигентами и религиозными ортодоксами, сокращение активности местных организаций и уменьшение их доходов (к моменту съезда в кассах движения имелось, в общей сложности, не более 5300 рублей) — все это сказалось на душевном состоянии Пинскера, находившегося на грани отчаяния. Здоровье его также оставляло желать лучшего: врачи предупреждали, что ему грозит скорая смерть. Он решил уйти с поста главы движения, хотя это решение далось ему нелегко: заботы о судьбах движения и заселении Эрец-Исраэль не покидали его ни на минуту. Пинскер просил съезд освободить его от обязанностей. Но съезд не принял отставки, настаивая на продолжении им работы, и Пинскер сдался. Раввины не высказывались по этому вопросу, не выступили ни за, ни против его переизбрания. Пинскер расценил это

как знак согласия, однако вскоре выяснилось, что дело обстояло не так.

Раввин Могилеве́р и его сторонники пришли на съезд с намерением первым делом произвести замену руководства движением, поставив вместо "свободо-мыслящих интеллигентов" (Пинскера и Лилиенблюма) знаменитых раввинов, пользующихся авторитетом у русского еврейства. Не все из них заходили так далеко. Некоторые ограничились требованием об отставке одного Лилиенблюма, известного большей свободой взглядов. Один из представителей белостокского отделения, секретарь раввина Могилеве́ра Яаков Бахрах предъявил съезду ультиматум: поставить во главе Ховевей Цион раввинов и сместить "свободомыслящее" руководство. На вопрос, выражает ли он свое личное мнение, Бахрах категорически заявил, что таково требование белостокской организации. Этот ответ привел в изумление Лилиенблюма, потому что накануне он вместе с Пинскером посетил Могилеве́ра, и в ходе этой встречи, которая происходила в присутствии представителей белостокского отделения, раввин убеждал Пинскера не подавать в отставку, поскольку он, Могилеве́р, не видит ему замены. Естественно, заявление Бахраха вызвало теперь возмущение и досаду.

Во время прений по поводу просьбы Пинскера об отставке раввин Могилеве́р не присутствовал на заседании. Но как только Пинскера вновь переизбрали, раввин появился, выйдя из соседней комнаты, где сидел до сих пор. Присутствующие, в знак уважения к нему, встали, однако раввин, вместо того чтобы пройти на свое место, остановился посреди зала и раздраженно заговорил. Когда Пинскер, подойдя к нему, спокойно и вежливо спросил, в чем дело, Могилеве́р с раздражением ответил, что он "за кошерных евреев". Пинскер понял, что в глазах раввина он не является таковым. Но теперь, после того как он уступил настояниям делегатов съезда и остался на своем посту, он уже не видел возможности уйти в отставку.

Трудно объяснить такое поведение раввина Могиле-

вера, который за день до того убеждал Пинскера не уходить из руководства, а назавтра потребовал его отставки. Автор истории Хибат Цион Ш.Л.Цитрон замечает по этому поводу:

”Раввин Могилевер за идеи ишува стоял горой; трудно заподозрить, что он хотел избавиться от интеллигентов, особенно от д-ра Пинскера, по честолюбивым мотивам — из желания самому возглавить руководство. Приходится полагать, что, будучи ортодоксальным раввином, он искренне верил, что раввины во главе движения принесут больше пользы идее ишува, потому что в них нуждаются и за ними идут еврейские массы. Возможно также, что на него повлияли некоторые из его коллег, которые действительно стремились к захвату руководства. Такое предположение подтверждается развязкой: в конце концов раввин Шмуэль Могилевер подчинился воле большинства на съезде и отказался от своего намерения”.

В соответствии с решением съезда, руководство во главе с Пинскером осталось в Одессе. Летом 1889 года он вынужден был все-таки по состоянию здоровья уйти со своего поста. Секретарем был вновь избран Лилиенблюм.

Глава четвертая

ОДЕССКИЙ КОМИТЕТ

1. Запрет алии

Одним из камней преткновения на пути легализации движения Хибат Цион было сопротивление турецких властей алии из России и поселению евреев в Эрец-Исраэль. Отказываясь разрешить работу по заселению Палестины, царское правительство выдвигало в качестве аргумента невозможность допустить в России офи-

циальную деятельность, которая заведомо противоречит турецким законам.

Запрет на алию евреев в Эрец-Исраэль был наложен турецким правительством еще в 1882 году, а паломникам-евреям запретили находиться в Стране более тридцати дней. Существовали также жесткие административные барьеры, направленные против постройки домов в новых поселениях и покупки земельных участков. Турецкое правительство, опасавшееся увеличения числа евреев в Эрец-Исраэль, пристально следило за российским движением Хибат Цион во всем, что касалось алии и поселения, черпая свою информацию, в основном, из еврейской прессы.

Несмотря на это, алия не прекращалась, но шла в очень ограниченных размерах. Евреи были вынуждены идти на хитрость в своих отношениях с чиновниками. В конце 1886 и начале 1887 года турецкие власти ужесточили соблюдение запрета, наложенного на алию. В Яффе и Иерусалиме шли обыски: искали нелегально прибывших новых иммигрантов, которых тут же арестовывали, чтобы затем выслать из Страны. И все-таки, несмотря на все мытарства и преследования, алия из России продолжалась.

После долгого хождения по инстанциям и выполнения всех формальностей, 13 января 1890 года устав Одесского общества был в конце концов утвержден царскими властями. Получение разрешения вызвало большую радость Ховевей Цион и всего еврейского населения России. Организация, утвержденная властями, получила название Общества вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине. Согласно официальному уставу, существующие в других городах организации и группы в Общество не входили, но в частном порядке в него мог вступить каждый. Только комитету полагалось состоять обязательно из одесситов. Невозможность объединить все местные общества создавала большие затруднения и ограничивала поле деятельности движения. Тем не менее даже узкие легальные рамки были выигрышем и

позволили расширить работу по сравнению с положением до легализации.

Будучи разочарованным, подавленным и не веря, что удастся расшевелить народ, Пинскер не хотел входить в комитет. Но Лилиенблюм убеждал его присоединиться, чтобы еврейская общественность поняла, что новая организация продолжает дело Хибат Цион, которое Пинскер возглавлял.

Первое официальное собрание Одесского общества состоялось 14 апреля 1890 года. Главным пунктом повестки дня было избрание пяти членов комитета, их заместителей и ревизионной комиссии. Все они избирались на трехлетний срок, так как по уставу пленум должен был созываться через каждые три года.

На этом первом официальном общем собрании присутствовали 162 человека. В комитет избрали пятерых, во главе с председателем д-ром Пинскером. Он дал свое согласие с тяжелым сердцем. Его преследовали сомнения, добьется ли новый комитет большего, чем прежде. Силы также изменяли ему. И действительно, ему недолго пришлось проработать после легализации Общества — через год Пинскер скончался.

С уходом Пинскера завершилась целая эпоха в еврейском движении за национальное возрождение. В догерцлевском сионизме Пинскер был не только ведущим идеологом национального возрождения, но и душой движения, его нравственным авторитетом.

2. Новые преследования российских евреев и изгнание их из Москвы

Легализация деятельности Ховевей Цион совпала с ухудшением общего положения евреев в России. Годы правления Александра III принесли новые притеснения и мытарства. Игнатьевский закон от 3 мая 1882 года, изданный после погромов и урезавший и без того ограниченные права евреев, послужил отправным пунктом для новых ограничений и источником админи-

стративного самоуправления. Сам царь, его министры, сенат и власти на местах придали этому закону чрезвычайную гибкость, используя его так, чтобы еще больше обездолить евреев. Еврейское население все более скупилось в прокрустовом ложе местечек и городков черты оседлости. Усилилось обнищание, увеличился еврейский пролетариат, лишенный средств, профессиональных навыков и работы. В борьбе за жалкое существование евреи были вынуждены всячески обходить направленные против них дискриминационные законы. Последние превратились в надежный и регулярный источник дохода полиции, которая вымогала взятки за проживание в неположенных местах, а когда деньги у еврея окончательно иссякали, его гнали с насиженного места.

Тяжкое бедствие обрушилось на еврейство России в начале 1891 года. В первый день еврейской Пасхи внезапно был издан декрет о высылке евреев из Москвы. Изгнаны были не только проживавшие нелегально, но и те, чье право проживать в Москве не подлежало сомнению. Количество высланных исчислялось в 20 тысяч (общее число московских евреев составляло тогда 30 тыс. чел.). Инициатором декрета был брат Александра III, великий князь Сергей Александрович, назначенный московским генерал-губернатором. Сама высылка сопровождалась такими жестокими насилиями над евреями, что даже бесстыдное правительство было вынуждено прятать концы в воду, дабы избежать огласки. Русская пресса того времени обошла это событие полным молчанием: газеты реакционного и антисемитского толка молчали намеренно, в то время как прогрессивной и радикальной печати цензура вообще запрещала затрагивать еврейский вопрос. Историк может, правда, почерпнуть кое-что из мемуаров различных общественных деятелей. Так, например, старый русский либерал Иван Петрункевич в своих воспоминаниях уделил этому событию немногие, но впечатляющие строки: "Начались гонения на евреев. Творилось такое, что глазам не верилось и не описать. Ни один ев-

рей уже не мог чувствовать себя в безопасности. По ночам в дома врвалась полиция, вытаскивала из постели спящих, требуя предъявить право на жительство". Петрункевич рассказывает о вдове с маленьким ребенком, не успевшей еще похоронить скончавшегося после тяжелой болезни мужа: покойный имел университетское образование, поэтому мог проживать в Москве, где и работал банковским чиновником, но его вдова с сиротой с момента смерти главы семьи лишилась права жительства, и их выслали. И это всего лишь один из бесчисленных случаев, слезами и кровью запечатленных в хронике еврейства.

Жуткую атмосферу высылки описал еврейский литератор М.М.Долицкий — один из участников Хибат Цион. На евреев устраивали облавы, как на травимых собаками лесных зверей. Многочисленные подручные российского самодержца настигали свои жертвы в любых укрытиях и тайниках, даже в закупоренных бочках и на кладбищах среди могил. Евреи всех слоев и сословий — ремесленники, интеллигенты, ученые талмудисты, торговцы, — унижая свое человеческое достоинство, были вынуждены пресмыкаться перед каждым будочником и дворником, которые выжимали из них все соки, отбирали имущество до последнего гроша, не брезгуя и скарбом бедняков. А когда уже больше нечем было поживиться, выдавали евреев полиции, и та обращалась с ними, как с опасными уголовниками, взломщиками или убийцами: заковывала в кандалы и тысячами отправляла в этап, гнала пешком сотни километров. Немало их погибло в пути. И как водится в таких случаях, еврейская беда отягощалась еще и позором: деморализация охватывала самих преследуемых, начинались наговоры и доносы друг на друга в тщетных попытках спасти собственную шкуру. М.М.Долицкий не обходит молчанием и жестокосердие многих еврейских богачей, обладателей царских "привилегий", отвернувшихся от своих несчастных соплеменников и не протянувших им руку помощи.

Кроме московского изгнания, была произведена

высылка многих тысяч еврейских семей и из других мест (например, из полосы шириной 50 верст вдоль границы с Австрией и Пруссией). Все эти притеснения и преследования, а также невозможность прокормиться и обнищание еврейских масс породили новую волну эмиграции из России. Большинство еврейских эмигрантов устремились в Америку, но тысячи переселились в Эрец-Исраэль.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ С МОМЕНТА ЕГО ЗАРОЖДЕНИЯ И ДО СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ

Глава пятая

ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРЦЛЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЙ АРЕНЕ

1. Дело Дрейфуса

Известный венский писатель и журналист д-р Теодор (Биньямин Зеев) Герцль (1860—1904), творец политического сионизма, основатель Всемирной сионистской организации и ее бессменный руководитель, поначалу был далек от еврейства. Он был воспитан на немецкой культуре и прочно с ней связан, в то время как его связи с еврейским народом, его интересами и нуждами оставались весьма поверхностными.

Правда, еще будучи студентом, он столкнулся с проявлениями антисемитизма со стороны своих сокурсников и различных кругов немецкого общества. Однако, подобно большинству еврейских интеллигентов Запада, Герцль верил, что самый эффективный и верный путь решения еврейского вопроса состоит в полной ассимиляции еврейства и растворении в среде окружающих народов. Но постепенно эти его взгляды поколебались — по мере того как усиливался антисемитизм в Австрии и Германии, а также во Франции, этой классической стране прав человека, которая первой даровала евреям гражданское равноправие.

В качестве сотрудника большой и влиятельной венской газеты либерального направления "Нойе Фрайе Прессе" Герцль в 1891 году был послан редакцией в Париж постоянным собственным корреспондентом газеты. В Париже Герцль проработал четыре года и возвратился в Вену в июле 1895 года. Как корреспондент Герцль присутствовал на суде над капитаном Альфредом Дрейфусом, вокруг которого в те дни бушевали страсти во Франции и остальных европейских странах. Военные власти Франции обвинили Дрейфуса в измене. Это ложное обвинение, сфабрикованное антисемитами против единственного в генеральном штабе офицера-еврея, потрясло Герцля до глубины души. Однако долго державшееся мнение, будто дело Дрейфуса разом превратило Герцля из сторонника ассимиляции в националиста, по-видимому, преувеличено; будет правильнее сказать, что этот суд и особенно публичная церемония разжалования Дрейфуса, проведенная после суда, 5 января 1895 года, углубили и выкристаллизовали его национальное еврейское самосознание, начавшее складываться задолго до этого. В дневнике, который он начал вести в Париже весной 1895 года, Герцль признается, что интерес к еврейскому вопросу возник у него с начала 80-х годов в процессе чтения антисемитской литературы. Однако, как сказано, он тогда полагал, что решение еврейского вопроса возможно путем полной ассимиляции и даже перехода в христианство. С течением времени и особенно после суда над Дрейфусом он осознал, что, полагая так, ошибался.

В конце декабря 1894 года Дрейфус был приговорен к пожизненному заключению на Чертовом острове во Французской Гвиане (Южная Америка). Учитывая убийственный климат острова и условия содержания каторжников, это был фактически смертный приговор. Герцль, посылавший в свою газету подробные отчеты о процессе, дал также развернутое описание гражданской казни Дрейфуса после суда. В репортаже говорится:

”Церемония лишения чести капитана Альфреда Дрейфуса собрала в это мрачное зимнее утро много любопытных. Можно было видеть большое число военных, иных в сопровождении жен. Вокруг теснилась масса зевак, завсегдатаев публичных казней. На плац вывели 5000 солдат. На середину выехал генерал верхом на лошади. Дрейфуса привезли на плац одетым в капитанский мундир. Четыре человека подвели его к генералу, который в присутствии публики зачитал осужденному следующее: ”Альфред Дрейфус, вы не достойны носить оружие. Именем французского народа я лишаю вас этой чести. Прошу исполнить приговор”. Тут Дрейфус поднял вверх правую руку и воскликнул: ”Клянусь и заявляю, что вы лишаете чести невинного человека. Да здравствует Франция!” Под дробь барабанов исполнитель военного суда начал срывать с мундира Дрейфуса пуговицы, эполеты и т. д. Потом Дрейфуса провели перед полковым строем. Он шагал мимо войсковой колонны как человек, не знающий за собой никакой вины. Когда он поравнялся с группой офицеров, ему закричали: ”Иуда Искарот, предатель!” Дрейфус отвечал: ”Вы не смеете позорить меня!”

Непрекращающиеся выкрики Дрейфуса о том, что он невиновен, и вопли толпы, безостановочно оравшей: ”Смерть предателю!”, ”Смерть евреям”, — обнажили перед Герцлем трагизм положения евреев Франции спустя сто лет после того, как Великая французская революция принесла им гражданское равноправие. Дрейфус происходил из богатой ассимилированной еврейской семьи, из патриотизма к Франции переехавшей в 1871 году из Эльзаса во Францию; он был далек от всего, что касалось евреев, и считал себя стопроцентным французом. И вот на него свалилось ложное обвинение, напомнив ему о его еврействе. Передают, что он часто повторял сторожившему его капралу: ”Видите ли, я просто жертва личной мести, меня преследуют за то, что я еврей”. Тем не менее Дрейфус верил, что на суде правда восторжествует, однако его надежда не

оправдалась¹.

Вера Герцля в либеральность и гуманность просвещенного европейского общества рухнула при виде антисемитских бесчинств во Франции и ненависти к евреям, глубоко укоренившейся во французских массах. Суд над Дрейфусом показал ему на деле, что отнюдь не слиянием с европейским обществом путем полной ассимиляции разрешится трудный еврейский вопрос. Он понял, что дело Дрейфуса не из ряда вон выходящий случай, а символ истинного положения ассимилированного еврея в современном европейском обществе: еврей, душой и телом преданный французскому народу и его стране, получил в награду отчуждение и безграничную ненависть. Так дело Дрейфуса уничтожило веру Герцля в то, что прогресс образованного общества естественно приведет к решению еврейского вопроса. Тогда у него и возникла идея эмиграции евреев из государств диаспоры в собственную страну. Для осуществления этой цели требовалось создать для рассеянного по всему свету еврейского народа национальное политическое руководство, которое поведет народ навстречу этой цели.

¹ Как известно, Дрейфуса продержали на Чертовом острове целых пять лет и вернули во Францию для нового суда, благодаря неустанной борьбе за раскрытие истины, которую вели его сторонники (писатель Бернар Лазар, социалист Жан Жорес, писатель Эмиль Золя и другие). Военный суд уже не мог игнорировать бесспорные доказательства невиновности Дрейфуса и вину подлинных изменников, один из которых покончил с собой, а другой — главный преступник — бежал за границу. Однако для суда был более важен престиж армии, нежели истина. Поэтому Дрейфус был не оправдан, а лишь помилован президентом республики в 1900 году. Только спустя шесть лет состоялся новое судебное рассмотрение, и Верховный апелляционный суд оправдал Дрейфуса, который был даже повышен в звании и награжден орденом. Прослужив год, он вышел в отставку, однако в Первую мировую войну, будучи в возрасте 55 лет, снова пошел служить. Дрейфус умер в Париже в 1935 г.

2. "Еврейское государство"

Когда у Герцля зародилась идея нового "исхода из Египта", он решил обратиться к крупным еврейским филантропам, финансовым магнатам, способным, если захотят, финансировать осуществление его идеи. Сначала он обратился к барону Гиршу, основателю ЕКО ("Еврейское колонизационное общество", 1891 г.), который пожертвовал огромную сумму в 250 миллионов франков, чтобы переселить нуждающихся евреев из стран, где они подвергаются притеснениям, в Аргентину. Изложив Гиршу подробности своего замысла и главные пути его осуществления, Герцль спросил барона, готов ли он участвовать пятьюдесятью миллионами марок в национальном займе на сумму десять миллиардов марок, который он, Герцль, собирается организовать для выполнения своей программы. Герцль верил, что предприятие реально — ведь "еврейские деньги" можно раздобыть в изобилии на заем Китая, на железные дороги для негров в Африке, на всякие авантюрные затеи, — так неужели их не найти для удовлетворения наиболее глубокой и мучительной внутренней потребности самих евреев?

Но денег не нашлось. Барон Гирш увидел в идеях и планах Герцля одну лишь "фантазию", весь образ его мыслей был для барона чуждым и смехотворным. Обращение к барону Ротшильду тоже закончилось неудачей. Известный филантроп опасался, что дерзкий политический план Герцля, вообще, по его мнению, невыполнимый, только повредит уже существующей деятельности по переселению в Эрец-Исраэль, которая и так протекает с большими трудностями и на каждом шагу наталкивается на сопротивление и помехи со стороны турецких властей. Политическая программа, утверждал Ротшильд, озлобит Турцию еще больше.

После того как попытки Герцля завоевать симпатии и поддержку еврейских финансовых магнатов провалились, он обратился к общественности. Однако и тут он не слишком преуспел, ввиду того что еврейские

общественные деятели Запада боялись даже мысли о публичной постановке еврейского вопроса. Тем не менее ему удалось привлечь на свою сторону несколько видных представителей общественности и интеллигенции. В Париже он встретился с известным писателем Максом Нордау, тоже уроженцем Венгрии и евреем, отдалившимся от своего народа; Нордау загорелся идеей Герцля, тут же присоединился к нему и с тех пор стал его единомышленником и соратником по сионистскому движению. Нордау снабдил Герцля рекомендательными письмами в Лондон к ряду евреев, занимавших видное положение: артистам, литераторам, представителям свободных профессий. Среди них был и писатель Исраэль Зангвиль, который также увлекся идеей политического сионизма. 17 ноября 1895 года Герцль записал в дневнике: "Я верю, что Нордау пойдет за мной в огонь и в воду. Его я завоевал с легкостью, и это, может быть, самое важное из приобретений".

Поскольку еврейские филантропы, владеющие капиталами, отнеслись к плану Герцля отрицательно, он решил обратиться непосредственно к еврейскому народу. С этой целью он в сжатой форме изложил свои идеи и план решения еврейского вопроса в работе под названием "Еврейское государство" и выпустил ее в свет отдельной брошюрой. Работа была написана по-немецки. Он закончил ее 17 июня 1895 года и издал 14 февраля 1896 года. Через несколько месяцев она вышла на иврите (в переводе М.Берковича), английском, русском, идиш и многих других языках. Появление "Еврейского государства" вызвало многочисленные отклики со стороны евреев и неевреев; нашлись и сторонники идей Герцля и противники, и вокруг этого сочинения разгорелся жаркий спор.

Надо отметить, что Герцль до тех пор ничего не слышал о Пинскере и его "Автоэмансипации" и лишь за несколько дней до выхода в свет "Еврейского государства" ему принесли для прочтения работу Пинскера. В своем дневнике 10 февраля 1896 года он записал: "Сегодня прочел брошюру "Автоэмансипация"... Порази-

тельное совпадение в критической части, большое сходство в части конструктивной. Жаль, что не знал этого сочинения до того, как отдал в печать мою работу. С другой стороны, хорошо, что не знал, — быть может, не сел бы писать”.

Герцль считал возможным осуществить идеи сионизма мирными путями при поддержке цивилизованного мира. Поэтому он верил, что ”едва мы начнем воплощать свою программу, антисемитизм повсюду угаснет, ибо она — наш мирный договор со всеми народами”. В конце 19 века он не мог предвидеть мира наших дней, раздираемого конфликтами — последствиями двух мировых войн и разных форм тоталитарного правления. Однако ценность работы ”Еврейское государство” состоит не в гипотезах и их подробностях, выдвинутых Герцлем под влиянием современных ему мнений и взглядов, а в главной ее направленности и воздействии на людей его поколения, а также на развитие идеи сионизма и сионистского движения.

Герцль, как и его предшественник Пинскер, не обуславливал свой план выбором непременно Палестины. Он допускал, что можно принять в расчет и Аргентину, и в ”Еврейском государстве” не делал решающего вывода. Однако и он, как в свое время Пинскер, быстро убедился, что еврейский народ уже остановил свой выбор на Эрец-Исраэль, а народ для Герцля был высшей инстанцией. Вместе с тем он не представлял себе даже небольшого поселения без политико-юридической базы. Поэтому вся его деятельность была направлена на получение такой базы от турецких властей дипломатическим путем при поддержке разных политических сил.

Надеждой и чаянием Герцля отнюдь не было заурядное государство, но идеальная страна, воздвигнутая на общечеловеческих основах, гуманистических и социальных. Он мечтал о новом облике еврея, гордом и благородном. Он так и заканчивает свое ”Еврейское государство”:

”... верю, что из земли вырастет поколение славных

евреев. Опять появятся Маккавеи.

Еще раз повторим сказанное вначале: те евреи, которые захотят, будут иметь свое государство.

Пора уже нам, наконец, зажить свободными людьми на собственной земле и умирать спокойно на собственной родине.

Мир будет освобожден нашей свободой, обогащен нашим богатством, возвеличен нашим величием.

И то, что будет сделано нами в интересах нашего народа, станет великим благом для всего человечества¹.

Герцль особенно подчеркивал роль субъективного начала, роль воли и желания в процессе построения еврейского государства. Он выразил это в своем афористическом эпиграфе к роману-утопии "Альтнойланд" (1902): "Если вы захотите, это не будет сказкой".

3. Отклики евреев России на появление Герцля на политической арене

Появление Герцля на общественно-политической арене и опубликование его работы "Еврейское государство" вызвали среди русского еврейства большое волнение. Весть, что известный венский журналист д-р Теодор Герцль выступил с предложением о создании еврейского государства в Палестине, распространилась с быстротой молнии. Правда, как мы уже упоминали, Герцль в своем сочинении еще не называл прямо Эрец-Исраэль, но этот выбор он сделал вскоре после

¹ Из брошюры "Автоэмансипация" д-ра Пинскера и "Еврейское государство" д-ра Герцля", Jewish Agency, Иерусалим, 1946. — Прим. ред.

выхода работы в свет, убедившись, что сионистские¹ круги с энтузиазмом приняли его план и еврейский народ мечтает только об Эрец-Исраэль. Свои письма Герцль заключал фразой "с сионистским приветом". Еще более сильное впечатление на российских Ховевей Цион произвело известие, что к Герцлю присоединился и поддерживает его программу знаменитый писатель Макс Нордау. Имя Нордау и прежде было хорошо известно еврейской интеллигенции в России, но не все знали, что он еврей. Так, например, Усышкин, впервые встретившись с Герцлем в мае 1896 года в Вене, был поражен, когда услышал из его уст, что знаменитый писатель Макс Нордау еврей и сионист.

Энергичное несогласие с программой Герцля выразили круги интеллигенции, группировавшиеся вокруг периодического журнала "Восход", выходившего на русском языке. Брат адвоката Оскара Грузенберга, одного из защитников Менделя Бейлиса на процессе в Киеве (1911—1913), Самуил Грузенберг, подписывавший в еженедельнике "Восход" свои "Заграничные хроники" псевдонимом "Летописец", обрушился на Герцля и его "Еврейское государство" с яростью и сарказмом. Идею создания еврейского государства С.Грузенберг наградил эпитетом "безумная", а националистически настроенных евреев, сторонников Герц-

¹ Терминами "сионист" и "сионизм" по отношению к Ховевей Цион впервые начал пользоваться д-р Натан Бирнбаум в начале 90-х годов прошлого века в газете "Зельбстэмансипацион" ("Автоэмансипация", 1885—1893), которую он издавал в Вене. Этот термин был принят затем Герцлем и всем движением. Н.Бирнбаум был одним из основателей национального еврейского студенческого союза "Кадима" ("Вперед", 1883) в Вене. О влиянии, оказанном на него Пинскером и его "Автоэмансипацией", свидетельствует само название издававшейся Бирнбаумом газеты. Он участвовал в Первом сионистском конгрессе, поддерживал Герцля, однако в 1899 году вышел из сионистского движения, примкнув к галутному национализму, а затем стал ортодоксально-религиозным. Скончался в Голландии в 1937 году.

ля, сравнил с каббалистами, в свое время слепо следовавшими за лже-мессиями, и с хасидами, замороженными своими "адморами" (главами хасидской секты); венский фельетонист Герцль, автор книги "Еврейское государство", — новоявленный "адмор" еврейских националистов.

Идея Герцля о создании еврейского государства воспламенила главным образом сионистов, но имела притягательную силу и для людей, в ту пору далеких от национального движения. "Еврейское государство" оказало особое влияние на студенческую еврейскую молодежь; из самых разных мест в разных странах к Герцлю начали стекаться письма с выражением согласия и признания. Секретарь парижского объединения студентов-евреев из России писал Герцлю, что еврейские студенты в Париже в неменьшем восторге от его книги, чем националистически настроенные еврейские студенты Вены, обещавшие Герцлю свою поддержку. Письма такого рода Герцль получал из России, Румынии, Венгрии и Болгарии. В Софии деятельно сотрудничал в сионистских кругах профессор юриспруденции местного университета Григорий Белковский, еврей из России, который из-за отказа креститься не получил в России кафедры и уехал в Болгарию. Белковский сделал доклад в софийском обществе "Сион" о "Еврейском государстве" Герцля, после чего Герцлю было отправлено восторженное письмо. Эти знаки поддержки и ободрения сионистских кругов, поступающие из разных мест, побудили Герцля предпринять первые практические дипломатические шаги, и он отправился в Константинополь, дабы попытаться завязать связи с турецким правительством и султаном.

Однако не все сионисты России спешили оказать Герцлю немедленную поддержку. Не только антисионистски настроенная группировка "Восхода", но и немалое число ветеранов Ховевей Цион противилось его политической программе. Они опасались, что эта программа лишь повредит практической работе по заселению Палестины, поскольку она может усилить подо-

зрительность турецкого правительства в отношении питаемых евреями намерений и привести к новым ограничениям алии и притеснениям ишува.

Иначе смотрел на дело Менахем Усышкин. Еще до появления работы Герцля он пришел к выводу о необходимости направить сионистское движение в политическое русло. Он считал, что надо искать пути для вступления в переговоры с политическими деятелями мира о гласной, законной базе предприятия по переселению евреев в Палестину. Он также считал необходимым превращение сионизма в широкое народное движение, которое объединило бы евреев Восточной Европы с западноевропейскими евреями, и создание общего центра по руководству национальной работой.

Усышкин придерживался довольно широкой системы взглядов: он принимал путь Лилиенблюма, делавшего упор на практической работе по заселению Палестины, и вместе с тем ценил мировоззрение Ахад-Гаама, сторонника духовного сионизма, ставившего превыше всего дело еврейской культуры. Однако он видел и недостатки обеих систем, заключавшиеся в их односторонности: практическая работа стала гаснуть и сократилась до незначительных размеров, в то время как духовный сионизм расходовал свою энергию, в основном, на бесплодную критику.

Экземпляры "Еврейского государства" были посланы Усышкину в Россию с просьбой содействовать распространению книги. Усышкина книга не слишком воодушевила, поскольку он считал, что после сочинений Пинскера и Лилиенблюма, с которыми русские евреи хорошо знакомы, в ней нет ничего нового. В мае 1896 года Усышкин приехал в Вену и впервые встретился с Герцлем. В беседе с ним Усышкин сказал, что с основной идеей согласен: еврейское государство необходимо; что же касается программы ее осуществления, то об этом еще нужно как следует подумать и посоветоваться. Герцль выразил уверенность, что добьется одобрения Турцией его планов и получит поддержку европейских правительств. Он спросил, найдутся ли подхо-

дящие для поселения люди и захотят ли они эмигрировать. Усышкин ответил, что в Палестину мечтают переселиться сотни тысяч. Герцль слышал о раввине Моги-левере и просил передать ему привет. Встреча ободрила Усышкина. В своих воспоминаниях он писал о Герцле, что тот сразу его очаровал. А Натану Бирнбауму он сказал, как только покинул квартиру Герцля: "Без сомнения, его обаятельная личность увлечет всех евреев России, а возможно, и евреев Запада". Между Герцлем и Усышкиным завязались узы дружбы, и когда позднее Герцль обратился к Усышкину с просьбой участвовать в подготовительной работе по организации Первого сионистского конгресса, тот ответил телеграммой: "Располагайте мною целиком и полностью".

О Герцле, его планах и действиях русским евреям было известно лишь немного. Более полные сведения на этот счет привез с собой профессор Григорий Белковский, посетивший летом 1896 года свою родную Одессу. Как раз в это время там проходило общее собрание Одесского общества, куда, кроме одесситов, съехались также представители Ховевей Цион из многих русских городов. Белковский участвовал в собрании и на нескольких закрытых заседаниях передал собравшимся содержание работы "Еврейское государство", которая до того им почти не была известна, и разъяснил программу Герцля. Его выслушали с большим интересом и симпатией. Делегаты постановили довести до сведения Герцля их согласие с основной идеей его работы и их готовность поддержать ее. Из опасения нарушить устав Одесского комитета, делегаты не стали публиковать свою резолюцию, но просили Белковского сообщить о ней Герцлю.

"Еврейское государство" вышло в России осенью 1896 года в переводе на иврит и русский. Русская пресса также поместила информацию об этой книге, ее содержании и авторе. Поэт и сионистский деятель Лев Яффе, описывая в своих воспоминаниях настроения молодых Ховевей Цион в 1896 году в Гродно, между прочим рассказывает, как они были поражены,

еще ничего не слышав о Герцле, статьей под названием "Новая утопия", опубликованной в газете "Биржевые Ведомости". Газета сообщала о странной брошюре, вышедшей в Вене и принадлежащей перу журналиста, автора нескольких пьес. В этой брошюре он призывает к возрождению еврейского народа и созданию еврейского государства. Газета писала об этом как о некоем экзотическом казусе из породы журналистских "уток". Заканчивая свой рассказ, Л.Яффе замечает: "Мы не могли взять в толк, что именно происходит, но сердца наши взволнованно забились даже от тех туманных намеков, коими ограничилась газета". А когда вскоре к ним в руки попала сама брошюра "Еврейское государство", энтузиазм был полный. Такие умонастроения были характерны для всего молодого поколения Ховевей Цион, в то время как среди ветеранов движения было немало число колеблющихся и даже противников Герцля.

4. Приготовления к Первому конгрессу

Мысль о созыве всемирного конгресса сионистов из разных стран возникла в кругах националистической еврейской интеллигенции за несколько лет до появления Герцля. Эта идея обсуждалась молодыми Ховевей Цион в Галиции, Германии, России и других странах. Незначительность практической работы, проводимой Ховевей Цион, не выдерживавшая никакого сравнения с нуждами заселения Эрец-Исраэль и великой мечтой об обновлении Страны, порождала недовольство среди молодежи, которая жаждала подлинно больших дел, размаха. В то время в Берлине появилась группа молодых евреев из России, приехавших учиться в университет, так как в русские университеты евреям из-за процентной нормы не было доступа. Со временем из этой группы вышли известные деятели и вожди сионистского движения, такие, как Лео Моцкин, Шмарьяху Левин, Хаим Вейцман, Виктор (Авиг-

дор) Якобсон, Иосеф Лурье, Нахман Сыркин и другие. Эти молодые люди организовали в Берлине "Еврейско-русское научное общество", в которое вошли евреи — выходцы из России. На своих собраниях члены Общества обсуждали национальные и общественные вопросы и разрабатывали обоснование сионистской идеологии с разных точек зрения. Они также вступили в контакт с молодыми сионистами Галиции, Вены и других мест. На собраниях и в беседах часто обсуждалась идея созыва сионистского конгресса. Об этом, в своей острой, саркастической манере, рассказывает в воспоминаниях Нахман Сыркин:

"Если вести учет бесчисленным вечеринкам, на которых я силился приблизить час Исхода, то вечеринки с дискуссиями насчет конгресса для самоорганизации палестинофильского еврейства безусловно заняли бы целую отдельную главу. В разговоре на эту тему в моей маленькой студенческой комнатке участвовали сливки общества студентов и интеллигентов того времени. Итог такого собрания походил на итог множества других собраний, в которых мне довелось за мою жизнь участвовать, а именно — социальный пессимизм растворялся в изрядной порции стаканов чая. Публика, как водится среди еврейских интеллигентов, была и за и против, пока не встал д-р Натан Бирнбаум и не озадачил всех важнейшим национально-экономическим ребусом: "Други, откуда взять деньги на почтовые расходы?" — после чего план конгресса разом испустил дух. Герцлю повезло с конгрессом прежде всего потому, что у него хватило денег на почтовые марки и даже более, чем на это¹. Если бы Герцль нуждался в благодеяниях еврейской публики и ее финансовой помощи, кусать бы ему неминуемо губы в горьком разочаровании, а идея конгресса, в лучшем случае, испарилась бы в статьях на страницах еврейской публицистики".

¹ Как известно, на дело сионизма и созыв конгресса Герцль расходовал личные средства.

Итак, идея конгресса возникла в сионистских кругах еще до появления Герцля, но осуществил ее он, и он же создал Всемирную сионистскую организацию.

Помимо сионистов, отправившихся на конгресс из России, в Базель прибыло множество выходцев из России, временно проживавших за границей. Это были студенты, учившиеся в университетах европейских городов, а также люди, жившие постоянно в европейских странах.

5. Первый конгресс

В конгрессе участвовало около двухсот делегатов, в том числе около семидесяти представителей русского еврейства, из которых сорок четыре человека прибыли непосредственно из России.

Конгресс открылся 29 августа 1897 года и закончился 31 августа. О царившей во время открытия атмосфере рассказывает Нахман Сыркин: "На конгресс, со священным чувством исторического изумления, собралось около двухсот человек, которых никто сюда не посылал, так как еще не существовало никаких сионистских организаций. Двести этих "посланцев", наполовину студенты, составили в малом зале базельского казино Первый конгресс и основали сионистскую организацию".

Центральными событиями конгресса были две речи: вступительная речь Герцля и доклад Нордау: "Общее положение евреев в мире". В двух этих выступлениях содержались первоосновы того, что получило название "политического сионизма", определившего суть всемирного сионистского движения на много лет вперед. В начале своей речи Герцль сказал:

"Где бы мы ни находились, мы живем в окружении той извечной ненависти, новое и всем хорошо известное имя которой — антисемитизм. Нееврейский мир никогда правильно не понимал нашей сущности. Нас всегда осуждали за чувство единства, которое, якобы,

связывает все части мирового еврейства. На деле этому единению грозил полный упадок, пока антисемитизм не двинулся на нас в поход. И вот именно он воссоединил нас и укрепил. Можно сказать, что наше возвращение к самим себе произошло под его воздействием. И действительно, сионизм — это возврат к еврейству еще до возвращения в страну евреев”.

Так же ”просто” ответил Герцль и на вопрос, откуда придет спасение народу Израиля:

Спасение нации — только в ее собственных руках, и если она на это не способна, ей невозможно помочь. Мы не сумеем построить наше будущее на терпимом отношении к нам. Мы достаточно навиделись чужой терпимости и жизни евреев под опекой¹. Сионистское движение лишь в том случае будет действовать верно и умно, если начнет стремиться к гарантиям, базирующимся на публичном и признанном праве. Не исключено, что решение проблемы Ближнего Востока явится следствием решения еврейского вопроса; но в таком случае это, безусловно, в интересах всех культурных народов. Заселение евреями Палестины приведет и к улучшению положения на Востоке христиан. Но это не единственная причина, благодаря которой сионизм может рассчитывать на симпатию народов. Еврейский вопрос досаждал немалому числу правительств в странах, где имеется значительное еврейское население. Правительство, которое займет доброжелательную позицию по отношению к евреям, восстановит против себя темные массы; если же оно решится на притеснение евреев, это может повести к серьезным экономическим последствиям, учитывая их роль в мировой

¹ Понятие ”подопечные евреи” обозначало особый статус в эпоху средневековья, когда евреи были отданы на милость феодального правителя, принимавшего их за изрядную мзду под свое, якобы, покровительство и под защиту от нападений черни. Феодал же, в зависимости от прихоти, либо защищал их, либо выдавал толпе на расправу, либо вообще прогонял со своих земель.

торговле. Сионизм, который представляет собой не что иное, как еврейскую самопомощь, открывает, таким образом, выход из этих специфических затруднений. Пусть знает и ведаёт весь мир, что истинный сионизм — это нравственное, законное движение, исполненное человеколюбия и стремящееся к извечной цели, составляющей непреходящие чаяния нашего народа”¹.

Макс Нордау в своем докладе нарисовал общую картину положения евреев в мире в конце 19 века. Докладчик пришел к выводу, что повсюду, где имеется достаточное число евреев, присутствует и еврейское горе: не те обычные беды, которые являются, по-видимому, неизбежным уделом всего рода человеческого, а горе особое, постигающее евреев не в силу того, что они люди, а потому, что они евреи, и от которого они были бы избавлены, не будь они евреями.

”Еврейское горе” может быть видимым, физически осязаемым, но может быть и нравственным, глубоко скрытым. В Восточной Европе, Северной Африке и западной части Азии, где проживает почти девять десятых всего мирового еврейства, горе это осязаемое: евреям там приходится вести отчаянную борьбу за само свое физическое существование в прямом смысле этого слова. В Западной Европе борьба евреев за существование не столь трудна, хотя в последнее время и тут намечается тенденция к усилению притеснений. Тем не менее, перед евреями Запада не стоит в такой степени вопрос хлеба, крова и физической безопасности. Здесь их горе перенесено в область нравственную и происходит из-за подавления их духовных стремлений, которые неевреям никогда не запрещалось иметь. У ев-

¹ Это определение сущности сионизма, данное основателем Всемирной сионистской организации и провозвестником еврейского государства, является и сегодня нашим основным и главным ответом всем обвинителям и клеветникам, пытающимся фальсифицировать облик еврейского освободительного движения и представить в кривом зеркале образ Государства Израиль.

реев Запада есть хлеб, но не хлебом единым жив человек. Западный еврей редко ощущает угрозу своему физическому существованию со стороны черни. Но ведь болит и кровоточит не только раненая плоть. Западный еврей, видевший в эмансипации действительное освобождение, поспешил с окончательными выводами. Народы дают ему понять, что он заблуждается, ибо он, якобы, лишен настоящего представления о чести и достоинстве, морали, патриотизме, идеализме и в силу этого должен быть исключен из всех сфер деятельности, где эти качества являются обязательными.

Правда, наши обвинители никогда не давали себе труда обосновать фактами свои страшные обвинения. В лучшем случае, они время от времени с кликами торжества указывают на какого-нибудь отдельного еврея, позорящего свой народ и человечество. Немедленно делается обобщение; и хотя такой метод противоречит элементарной логике, в психологическом плане он вполне объясним. Народная поговорка гласит: "Кому хочется утопить собаку, пусть скажет, что она бешеная". На евреев взваливают вину за всевозможные преступления и грехи, дабы оправдать свою ненависть к ним. Эмансипация, дарованная евреям европейскими народами, отнюдь не следствие симпатии к ним, а результат победы рационалистических принципов французской революции.

Положение евреев в гетто не было надежным из-за внешних опасностей, однако их жизнь внутри общины обеспечивала им сохранение привычного нормального общественного уклада. Эмансипация радикально переменяла характер еврея. Словно в каком-то угаре он торопится поскорее сжечь за собой все мосты. Он быстро приспособился к новым условиям жизни и уверовал, что сам он не кто иной, как немец, француз, итальянец и т. д. Но вот Западную Европу снова охватила извечная юдофобия в лице современного антисемитизма, и еврей, дитя века эмансипации, стоит, растерянный, перед этим явлением и вдруг, осознав свое истинное положение, прозревает.

”Вот положение эмансипированного еврея в Западной Европе на сегодняшний день: от своей еврейской сущности он отказался, а другой — как объясняют ему неевреи — он не приобрел. От своих соплеменников он отделился из-за отвращения к ним, посеянного в нем антисемитизмом, а его попытки приобщиться к согражданам-нееврейам отвергнуты ими. Родина-гетто утеряна, а страна его рождения отказывается быть ему родиной. Нет почвы под ногами, нет возможности войти в общество, которое бы его желало и считало равноправным. От сограждан-христиан ему не дожидаться справедливой оценки своей личности и своих поступков, не говоря о симпатии, а с согражданами-евреями связь потеряна. Он живет в ощущении отверженности от мира, и нет места, которое одарило бы его душевным теплом, по которому он так истосковался. Это и есть нравственное еврейское горе, и оно горше горя физического.

Эмансипированный еврей лишен корней, неуверен в общении с другими людьми, опаслив при встречах с незнакомыми, мнителен, недоверчив к проявлению истинных чувств своих друзей. Лучшие силы он расходует на подавление и выкорчевывание своей сущности, или, по крайней мере, на тщательную ее маскировку, боясь, как бы эта сущность не проявилась еврейской. Никогда он не испытывает желания быть естественным, быть самим собой в мысли и чувстве, оттенке голоса, взгляде и жесте. Внутренне он становится калекой, внешне — ненатуральным, поэтому он всегда смешон и, как всякая подделка, вызывает отвращение у людей, обладающих развитым эстетическим вкусом”.

Вместе с тем, замечает Нордау, лучшие среди евреев Западной Европы задыхаются в этой атмосфере и ищут спасения. Ведь давно утрачена ими та страстотерпческая вера, которая считает, что страдания — от Бога, терзающего и любящего; уже потеряли они надежду на приход Мессии и их невиданное возвышение. Иные пытаются спастись бегством от иудейства. Однако расистский антисемитизм, отрицающий перевоплощение-

ную силу крещения, делает и этот путь достаточно безнадежным.

Все эти мысли Нордау, явившиеся основными положениями его доклада, были вполне справедливы и по отношению к определенному слою русских ассимилированных евреев; в них многое актуально и по сей день, они не утратили своей остроты, хотя были высказаны в конце прошлого столетия.

Вернувшись с конгресса в Вену, Герцль 3 сентября 1897 года сделал в своем дневнике запись по поводу доклада Нордау: "Он выступил великолепно. Речь его — памятник нашей эпохи и таковой останется навсегда".

Того же числа — то есть через три дня после окончания конгресса — Герцль записал в дневник: "Если коротко подытожить Базельский конгресс — что я поостерегусь сделать публично, — то вот он, вывод: в Базеле я основал еврейское государство. Если бы я громко заявил об этом сегодня, ответом мне был бы общий смех. Но через пять и уж во всяком случае через пятьдесят лет это признают все"¹.

В среде сионистов России мнения разделились: большинство ветеранов из Ховевей Цион, не довольствуясь политической активностью, требовали продолжения практической работы в Эрец-Исраэль, невзирая на пока еще незначительные результаты. Они отнеслись с опаской к политическому сионизму Герцля, который решительно противился "просачиванию" евреев в Палестину до получения политических гарантий для алии и поселения, ибо верил, что такой политический фундамент — дело ближайшего будущего. Молодые выходцы из России, возглавляемые Лео Моцкиным, поддерживали политический путь, который предлагал Герцль. Активность российских сионистов на конгрессе носила преимущественно внутренний характер: они

¹ И действительно, по истечении пятидесяти лет — 29 ноября 1947 года — Организация Объединенных наций приняла резолюцию о создании еврейского государства в Палестине.

не хотели слишком выделяться, чтобы не вызвать подозрений русского правительства. Поэтому не было и специального обзора положения русских евреев, в то время как делегаты из других государств выступили с докладами о положении евреев в их странах. Ситуацию в России упомянул Нордау в своем докладе об общем положении евреев. В прениях по организационным вопросам участвовали Владимир Темкин, д-р Шляпошников и Марк Коган (Мордехай Бен-Хиллель Хакозн). Он единственный выступил на конгрессе на иврите и заявил: "На этот раз, мои уважаемые братья, я решил обратиться к вам не на языке страны, где я родился, а на языке страны, где родился мой народ... Мы говорим на языках вавилонского столпотворения, на языках всех стран мира, не употребляя лишь собственного. Мы забыли свой язык. И потому пусть он прозвучит в этом зале и да будет сегодня известно всем: есть язык народа Израиля и возродится он в Эрец-Исраэль" (протокол I конгресса на иврите, стр. 132—133).

Единственным среди российских делегатов, кто выступил с призывом к действию, был д-р Яков Бернштейн-Коган. Предоставляя ему слово, председательствующий сообщил, что д-р Бернштейн-Коган выступит от имени сионистского общества в Кишиневе. Докладчик подчеркнул, что еврейскому народу надлежит стремиться к политической независимости и политическому возрождению, и что первый и главный долг сионистов — нести политическое воспитание в еврейские массы, сеять и пестовать в них твердую веру в политическое будущее еврейского народа и его древней родины, которую ему предстоит заново обрести. Вопрос в том, как добиться Эрец-Исраэль. Некоторые сионисты верят только в медленное, постепенное заселение: они противопоставляют его политической деятельности, ставящей целью получение гарантий для алии и заселения Палестины. Другие, напротив, полагают, что заселение надо прекратить, сосредоточив все усилия на возведении политического базиса. Бернштейн-Коган не видит противоречия между этими двумя путями. Не надо

пренебрегать постепенной практической работой, которую следует продолжить, поскольку вопрос политической независимости Эрец-Исраэль не кажется разрешимым в обозримом будущем. Надо поэтому действовать одновременно в обоих направлениях, практическом и политическом. Таким образом, уже на Первом конгрессе Бернштейн-Коган фактически изложил свой взгляд на необходимость синтетического сионизма, который был принят через десять лет на Восьмом конгрессе в Гааге (1907) в качестве программы действий Всемирной сионистской организации.

Как упоминалось, деятельность русских сионистов на конгрессе выражалась не столько в публичных выступлениях, сколько во внутренней работе. Усышкина избрали секретарем конгресса по ведению документации на иврите, Темкина — секретарем по отчетности на русском языке. Раввин Могилевер, отсутствовавший по болезни, прислал приветствие, зачитанное с трибуны конгресса. Одним из наиболее активных и темпераментных участников конгресса был Нахман Сыркин (идеолог социалистического сионизма, опубликовавший в 1898 году сочинение под названием "Социалистическое еврейское государство"). Он предложил проект резолюции об осуществлении плана профессора Германа Шапиро основать Еврейский национальный фонд по приобретению земель в Палестине в вечную собственность народа. Под проектом резолюции подписалось двадцать человек, в большинстве своем студенты, выходцы из России.

Профессор Шапиро, один из ветеранов Ховевей Цион, читал курс математики в Гейдельбергском университете. Он происходил из России (до приезда в Германию был раввином и главой иешивы в литовском местечке), был глубоко привязан к русскому еврейству и любовно относился к еврейским студентам, приехавшим учиться из России в Гейдельберг. В дом к нему были вхожи Иосиф Клаузнер, Лев Яффе и др. Еще на Катовицком съезде Ховевей Цион профессором Шапиро была выдвинута идея основать Еврейский на-

циональный фонд (Керен Каемет ле-Исраэль). Не сумев по болезни приехать на съезд, Шапиро изложил свое предложение в телеграмме. Теперь он выдвинул его заново на Первом конгрессе. Незадолго до начала конгресса Шапиро направил свой проект Герцлю, который опубликовал его в "Ди Вельт". В проекте между прочим говорилось: "Представим себе: если б отцы наши перед уходом в изгнание отложили хотя бы самую скромную сумму на будущее, мы могли бы сегодня приобрести обширные земельные участки. Итак, то, что не было сделано нашими предками из-за отсутствия возможности или предусмотрительности, обязаны сделать мы, ради нас самих и потомков наших". В подробно разработанном проекте профессор Шапиро определил основы, на которых позднее был создан Еврейский национальный фонд. Конгресс вынес принципиальное решение основать этот фонд и Еврейский национальный банк, однако на деле Керен Каемет ле-Исраэль был создан только на Пятом конгрессе в Базеле (1901), спустя три года после смерти профессора Шапиро.

На том же заседании обсуждались вопросы, связанные с развитием культуры еврейства. Профессор Шапиро предложил основать в Эрец-Исраэль высшее учебное заведение, названное им "Бет-мидраш Торы, мудрости и труда", с тремя отделениями: а) теологическое, б) теоретических наук, в) технических и агрономических знаний. Свое предложение, сделанное им на немецком языке, он закончил на иврите стихом пророка Исая: "Ибо из Сиона выйдет закон, и слово Божие — из Иерусалима". Эту его речь конгресс, правда, встретил бурными овациями, но самого вопроса не затронул и даже не избрал комиссии, как предлагал профессор Шапиро. Лишь по прошествии шестнадцати лет, на Одиннадцатом конгрессе (Вена, 1913), по рекомендации д-ра Хаима Вейцмана было решено приступить к осуществлению этого замысла Шапиро. В 1918 году Хаим Вейцман заложил первый краеугольный камень в фундамент здания Еврейского университета в Иеру-

салиме на горе Скопус, и в 1925 году на официальной торжественной церемонии лорд Бальфур открыл Университет.

На Первом конгрессе была основана Всемирная сионистская организация. В организационной сфере конгресса особенно активно помогал Герцлю его преданный друг Давид Вольфсон, выходец из России (Литва), в 1888 году переехавший на жительство в Кельн. По его предложению конгресс утвердил два символа: бело-голубой флаг со щитом Давида (Маген Давид) в качестве национального флага еврейского народа и название "шекель"¹ для удостоверения, которое должно выдаваться каждому еврею, участвовавшему во Всемирной сионистской организации членскими взносами в течение двух лет. На конгрессе была принята и провозглашена знаменитая "Базельская программа". Главный ее параграф стал квинтэссенцией всего сионистского учения: "Сионизм стремится к созданию в Палестине обеспеченного публичным правом убежища для еврейского народа".

Для достижения этой цели конгресс считал необходимым осуществление следующих мер: а) заселение Палестины евреями-земледельцами, ремесленниками и промышленниками; б) укрепление еврейского национального чувства и еврейского национального сознания; г) проведение работы, направленной на получение необходимой для достижения целей сионизма поддержки правительств разных стран.

На заключительном заседании конгресса слово взял профессор Мандельштам из Киева, заявивший: "Уверен, что выполню желание моих многочисленных соотечественников и всех участников конгресса, выразив нашу глубокую благодарность господам, которые вели предварительные и текущие обсуждения с полной отдачей и напряжением всех физических и нравственных сил". Он особенно подчеркнул большой вклад Герцля

¹ Название монет библейской эпохи.

и Нордау в успех конгресса и закончил выступление словами: "Да здравствует президент Первого сионистского конгресса доктор Теодор Герцль!" Присутствующие ответили на это громовым "Да здравствует!" Под бурные овации всего зала председательствующий объявил о закрытии конгресса.

Следует заметить, что профессор Мандельштам, человек преклонного возраста, один из ветеранов Ховевей Цион, делегат Катовицкого съезда и друг Пинскера, испытывал глубокое уважение к значительно более молодому Герцлю. Со времени их встречи на конгрессе между ними завязались узы глубокой, искренней дружбы, продолжавшейся до последнего дня жизни Герцля. В своем фантастическом романе "Альтнойланд" Герцль с большой симпатией придал черты профессора образу врача Эйхенштамма.

Из числа российских сионистов на конгрессе были избраны четыре уполномоченных (они же члены Большого сионистского исполкома) с задачей создать сионистскую организацию в их стране: раввин Ш.Могилеввер (Белосток), Я.Ясиновский (Варшава), д-р Я.Бернштейн-Коган (Кишинев) и профессор М.Мандельштам (Киев)¹. Герцль поручил д-ру И.Л.Виленскому, делегату из Кременчуга, посетить раввина Могилеввера и сообщить ему об избрании. Невзирая на тяжелую болезнь, раввин принял свое назначение. Месяца через три после конгресса уполномоченные собрались в Белостоке вместе с четырьмя приглашенными из различных городов и заложили основы сионистской организации в России. На раввина Могилеввера было возложено руко-

¹ Руководящими органами Всемирной сионистской организации являлись: Конгресс – высшее законодательное учреждение; Малый исполнительный комитет (позднее – Правление) – исполнительный орган; Большой исполнительный комитет (позднее – Исполнит. комитет) – совещательный и контрольный орган. В России члены Большого исполнительного комитета назывались также "уполномоченными". – *Прим. ред.*

водство Духовным центром¹, д-ру Бернштейн-Когану поручили корреспондентский центр, профессору Мандельштаму — финансовый центр, Ясиновскому — пресс-центр. Духовный центр Ховевей Цион превратился, таким образом, в Духовный центр сионистов. Собрание единогласно постановило, что работа по заселению Эрец-Исраэль соответствует Базельской программе. Тем самым российские Ховевей Цион соединили свое движение с движением политического сионизма Герцля.

Конгресс вызвал многочисленные отклики в российской печати. В еженедельнике "Восход" "Летописец" дал подробный обзор состоявшихся на конгрессе прений и вынужден был признать, что "сионистский конгресс вызвал общую симпатию — это бесспорный факт". Тем не менее, далее он пишет, что тезисы сионизма должны быть отвергнуты. Докладчики и ораторы конгресса правы, утверждая, что евреи находятся в трудном положении, как материальном, так и правовом, "но сионисты становятся неправы, как только впадают в глубокий пессимизм и провозглашают положение евреев в Европе безнадежным". Поэтому евреям требуется не "политический центр", а просвещение и подъем культурного уровня — и т. д. и т. п. (в духе набивших оскомину утверждений еврейских "просветителей").

6. Сионисты России о Первом конгрессе

Об атмосфере, царившей на конгрессе с момента его открытия и до конца, о впечатлении, которое произвели конгресс и Герцль на делегатов из России, мож-

¹ Так назывался сионистский религиозный комитет, созданный раввином Могилевсером при основании Одесского комитета с задачей функционировать вне рамок Одесского общества. Со временем (1902) из Духовного центра выросла сионистско-религиозная партия Мизрахи (иврит; аббр. от Мерказ Рухани; досл. — духовный центр).

но судить по отзывам, написанным по горячим следам и позднее — из их мемуаров. Вот некоторые из них.

Лев Яффе: "Я был тогда поклонником Ахад-Гаама. Молодежь дорожила нравственными идеалами, положенными в основу его учения. Мы понимали ценность национального воспитания и обучения народа. И все-таки его сионизма было нам недостаточно. Мы жаждали более масштабных политических горизонтов и более обширного поприща для его Духовного центра. Нам казалось, что он подрезает наши стремления, не верит в возможность крупных политических достижений и поэтому выдает действительное за необходимое. Герцль выразил наши чаяния и открыл перед нами горизонты, о которых мечталось. Мы шли на конгресс, на встречу с вождем, охваченные предчувствием чуда и праздника. Память о конгрессе сохранилась в нас, как дивный сон нашей весны и юности. Всем, кто в нем участвовал, он осветил их дальнейший жизненный путь, будто они навсегда вдохнули в себя чистейший горный воздух. Один из первых в России Ховевей Цион сказал после закрытия конгресса: "Теперь нам следует уединиться подальше от повседневной суеты и влияния будней, заново переживая воспоминания о конгрессе и питая душу его впечатлениями. Их достаточно, чтобы наполнить жизнь могучим и прекрасным содержанием до конца наших дней".

"...В Базеле мы впервые встретились с Герцлем. Кто-то нас ему представил. Мы увидели его — и тотчас были покорены обаянием его личности. Герцль стал первой любовью нашей юности и большой любовью всей жизни, олицетворением всего высокого и прекрасного, что есть в мире. Его образ и личность наполняли каждый час и миг нашего существования. Еще не видав Герцля, мы его полюбили и уверовали в него всем сердцем. А когда увидели, он пленил нас своей сияющей, гармоничной красотой. Поколению, знакомому с ним только по портретам, не понять этой красоты. Для нас он был не только избранником народа, не только вождем дела

всей нашей жизни, не только творцом возрождения народных надежд — он победил нас цельностью своей личности, ибо нам посчастливилось видеть его в полном расцвете отпущенных ему сил. Природа, желая показать, до каких высот может подняться смертный, подарила нам Герцля. Сионизм был для него не печальной необходимостью, а возвышенным идеалом. Так он однажды и написал, обращаясь к учащейся молодежи: "Я говорил, что сионизм — вечный идеал, и действительно верю, что и после того, как мы унаследуем Эрец-Исраэль, он не перестанет быть идеалом. Сионизм, как я его понимаю, — не только стремление найти еврейскому народу прибежище, но также мечта о духовном и нравственном совершенстве".

Интуитивно мы создали себе смесь из учения Ахад-Гаама и политических идей Герцля, синтез между еврейством и евреями. Это хорошо выразил тогда Менахем Шейнкин: "Если бы Баал-Шем-Тов и Виленский гаон соединились, явился бы Мессия"¹. Эта смесь из учения Ахад-Гаама и идей Герцля все сильнее преобладала в наших мыслях и разговорах. Конгресс стал для нас сплошным радостным и бурным переживанием. Самыми великими минутами были: открытие конгресса, появление Герцля и его речь о еврейской политике, исполненная гениальности и высокой простоты. Еврейский вопрос превратился в сионистский вопрос. Второй момент, который увлек нас до самозабвения, — речь Нордау о положении евреев. Эта речь зажгла всех участников конгресса. Представители крупнейших европейских газет повскакивали с мест, бешено аплодируя и стуча ногами. Кто-то от избытка чувств вскочил на стол. Зангвиль, который поначалу был холоден и полон сомнений, сказал после этого: "Только при помощи такого взрыва можно создать народ".

¹ Намек на синтез противоположностей: Баал-Шем-Тов — основатель хасидизма, в то время как Виленский гаон возглавлял противников этого движения.

И, наконец, третий момент — момент закрытия конгресса, когда старик Мандельштам благословил молодого вождя, к которому были устремлены все взоры, и все сердца тянулись с обожанием и любовью. Ночами мы не могли спать от возбуждения и обилия впечатлений. Часами бродили мы по улицам Базеля. Преисполненные энтузиазма, возвратились мы в Гейдельберг. Профессор Герман Шапиро вернулся совершенно другим человеком. Вечер за вечером я навещал его на его квартире. Шапиро усаживался в глубокое кресло. Темой наших бесед были конгресс и Герцль, к которому Шапиро привязался всей душой: человек, бывший ранее противником Герцля, теперь не выносил ни одного слова критики в его адрес. Мы разговаривали о судьбах сионистского движения: его перспективы нам казались теперь сияющими. Некоторые из нас, студентов, уехали на каникулы домой. Шапиро нам завидовал. У него возникла идея поездки в Россию, где он не был долгие годы, встреч с еврейскими массами для выступлений в пользу сионизма и Еврейского национального фонда.

С тех пор миновали десятилетия, но память о конгрессе живет в наших сердцах. Сквозь годы сияет свет, зажженный на Первом конгрессе, и не тускнеет он в наших душах и в душе всего народа. Свет, вспыхнувший на заре нашей жизни, будет освещать нам путь до последней минуты”.

М.Усышкин, который, как известно, энергично и резко выступал против Герцля во время Угандийского кризиса (1903—1904), назвал его впоследствии в своих мемуарах ”великим орлом, появившимся на небосклоне еврейской жизни и возвестившим о великом творении — создании сионистской организации”. О конгрессе он сказал: ”С того дня и по сегодня мы в разных формах продолжаем дело, которое возложил на нас Первый конгресс”.

Мордехай Бен-Хиллель Хакоэн: ”Такой подъем, какой мы испытали во время закрытия Первого конгресса, нам уже не ощутить более никогда. Поистине в тот

момент воспрянула душа сынов Израилевых, паря все выше и выше... Я не умею выразить это состояние... Нет слов, чтобы описать те чувства, ту душевную бурю”.

М.Бен-Ами: ”На сцену спокойно подымается Герцль... Перед нами царственный образ, прекрасный и печальный; взгляд глубокий, сосредоточенный. Это уже не тот лощеный ”венский” Герцль, а некто из дома Давидова, восставший внезапно из небытия во всей своей сказочной красоте. Весь зал напрягся, как струна, будто у него на глазах совершается историческое чудо. Но разве это не было чудом?.. В продолжение нескольких минут зал дрожал от восторженных выкриков, аплодисментов и топота ног. Казалось, свершился великий сон нашего народа, длившийся два тысячелетия, и перед нами предстал Мессия сын Давидов”.

Реувен Браинин: ”То была весна нашего движения, начало нашего пробуждения. Священный дух осенил наш стан. Будучи в приподнятом состоянии духа, мы готовы были превзойти самих себя. Мы верили и надеялись с пламенной приверженностью неопитов. Дни приобрели новое значение, каждый час приносил новое откровение, каждый день опрокидывал сложившиеся представления. То, что вчера находилось за пределами реального, сегодня было возможно и необходимо, даже непонятное — открылось всем, невероятное — стало реальным фактом... Там был Герцль — творец и чародей конгресса, символ пробудившихся сил и центр их проявления. Более чем вождь, провозвестник, политик, даже более чем творец — сам народ Израиля в его красоте и благородстве, все лучшее из того, что есть в нас, наше прошлое, настоящее и будущее, синтез нашего прежнего достоинства и будущего величия, знак и образ вечной жизни нашего народа. Его сила и мужество передавались нам — и он черпал из нашей силы. Велики были его простота и мудрость. В нем сошлись простосердечие и гениальность”.

Л.Моцкин: ”Герцль — самое глубокое переживание всей нашей жизни. Первый сионистский конгресс был

для нас, как башня, упирающаяся вершиной в небо: чем дальше от нее отходишь, тем явственней ее масштабы и высота. Чем дальше в прошлое уходил от нас конгресс, тем выше для нас, его очевидцев и его свидетелей, возносилась его вершина. Что было особенно привлекательно на Первом конгрессе, так это нелепая смелость, с которой он обратился к евреям и всему миру. После пророческого выступления Нордау многие от изумления замирали, пораженные неожиданностью, и самые старые участники конгресса превратились в самых юных; главные скептики среди нас лишились дара речи, неверующие уверовали. Старый профессор Макс Мандельштам метался по залу и с юношеской пылкостью восклицал, что никогда в жизни еще не был потрясен столь могучим предвидением...

То, с чем Моше Гесс¹, Леон Пинскер и другие предшественники Герцля обращались к своим соплеменникам, — с этим непреложным требованием Герцль впервые обратился ко всему человечеству; и голос Первого конгресса явился неким откровением не только для евреев, но и для неевреев. Причем носителем этого откровения был человек, который сам казался нам чудом. Уже тогда мы по достоинству оценили его и его жребий, отбросив все малозначительное и запомнив самые высокие его действия и минуты. Всем последующим движением еврейских масс мы обязаны Первому конгрессу и тому мужеству, которым он наделил наши сердца''.

Нахум Соколов, редактор газеты "Хацфира", не присоединившийся к Ховевей Цион и даже выступавший против них, встретил появление Герцля на общественной арене критикой и отмежевался от него. Но при первой же личной встрече был совершенно поко-

¹ Мыслитель и публицист, друг и сподвижник Карла Маркса, автор книги "Рим и Иерусалим" (1862), в которой он определил евреев не как религиозную группу, а как нацию, и предсказал возврат в Сион на социалистических началах.

рен личностью Герцля и превратился в пламенного сиониста. В своих воспоминаниях о Первом конгрессе он пишет: "На Первом конгрессе в 1897 году я увидел невиданное: вершину еврейского энтузиазма в ярчайшем накале. Никогда не забыть мне этого зрелища. Озаренное нимбом времени, оно навсегда останется в моей памяти, как вечное откровение". О личности Герцля он сказал: "Он родился вождем и властителем. Он знал, чего хочет, и умел настоять на своем. Была в нем наивно-целомудренная простота, первозданная цельность. Герцль времен Первого конгресса и есть подлинный Герцль — человек эпохи, пропитанный свободолюбивыми идеями, исполненный благородства и уверенности в себе. Герцль предвосхитил нас. И это было — как мистическая загадка. Он совершил все, о чем мы мечтали. Он создал из конгресса еврейскую трибуну. Он объединил всех евреев, сохранивших верность национальному чувству".

7. Герцль о евреях России

Ассимилированные евреи в Германии и остальных странах Запада, причислявшие себя в плане национальном к народам, среди которых они проживали (хотя неевреи категорически отвергали эти популяризации), смотрели на русских евреев свысока. Евреев Восточной Европы они считали второсортными и в культурно-духовном плане отсталыми. Неудивительно, что и во взгляды Герцля что-то бессознательно проникло от этого стереотипа. И вот, на Базельском конгрессе он впервые лицом к лицу встретился с представителями русских евреев и вступил с ними в личные контакты. Встреча оказалась для Герцля наиболее глубоким переживанием на конгрессе, как он это сам потом отметил в статье о евреях России, напечатанной в газете "Ди Вельт". Это открытие пробудило и упрочило в нем самое уважительное отношение к типу русского еврея.

По поводу высокомерия евреев Запада и их взгляда

на евреев России Герцль писал, что "варваром" всегда считается тот, кого не понимают. Именно так относятся к евреям Восточной Европы, принимая их за существа грубые и примитивные. "Какое заблуждение! Признаюсь, для меня появление на конгрессе евреев из России стало крупнейшим его событием". Далее Герцль рассказывает, что еще до конгресса он вступил в переписку со многими русскими евреями. Он, однако, остерегался перенести свое впечатление от этих культурных людей на еврейские массы. За истину он принимал только сведения о физической силе и трудолюбии русских евреев из бедняцких слоев. Последнее подтверждалось также очевидцами, видевшими их в России на работе в мастерских и сельском хозяйстве. В трудолюбии еврейских рабочих и ремесленников Герцль видел один из залогов осуществления своей сионистской программы, относя на их долю работы по первичному возделыванию земли в Эрец-Исраэль. Что касается господствовавшего тогда неверного представления о духовном уровне евреев России, то Герцль по этому поводу говорит: "Мы всегда были убеждены, что они нуждаются в нашей помощи и духовном руководстве. И вот на Базельском конгрессе российское еврейство явило нам такую культурную мощь, какой мы не могли и вообразить... На конгресс прибыло из России около семидесяти человек, и мы, без сомнения, можем утверждать, что они выражают мысли и чувства пяти с половиной миллионов русских евреев".

Герцль продолжает: "Какой стыд, что мы верили, будто превосходим их. Образованность всех этих профессоров, врачей, адвокатов, инженеров, промышленников и купцов уж наверняка не уступает западноевропейскому уровню. В среднем, они говорят и пишут на двух-трех современных культурных языках, а что каждый из них несомненно силен в своей профессии, это можно себе представить по тяжким условиям борьбы за существование, которую им приходится вести в своей стране".

Герцль понимал причину "тихого" поведения представителей русского еврейства, намеренно старавшихся не слишком выделяться во время прений на конгрессе. Им приходилось считаться с фактом, что цели и тенденции сионизма в мире еще недостаточно известны. Они опасались возникновения неверного впечатления, а также не хотели дать повод для злонамеренных измышлений — будто в Базеле плетут заговор против существующего в России строя. "Но хотя наши русские сионисты в публичных прениях приняли лишь скромное участие, мы познакомились с ними в частных беседах и научились ценить их. Если впечатление это, чрезвычайно сильное, сформулировать в одной фразе, я бы сказал, что они обладают той внутренней цельностью, которая утрачена большинством европейских евреев. Русские сионисты ощущают себя евреями-националистами, однако без ограниченной и нетерпимой национальной заносчивости, какую трудно понять, учитывая современное положение евреев. Их не мучает мысль о необходимости ассимилироваться, личность их цельна, без двойственности и без душевных надрывов. Всею своею сущью русские евреи дают ответ на конкретный вопрос, который часто задается бедными болтунами: не приведет ли неизбежно еврейский национализм к отдалению от европейской культуры? Отнюдь! Эти люди идут верной дорогой без лишних самокопаний, возможно даже не чувствуя при этом никаких затруднений. Они не растворяются ни в каком другом народе, но перенимают все лучшее у всех народов. Так им удастся держаться с достоинством и подлинной непосредственностью. А ведь это евреи гетто — единственные евреи гетто, которые еще существуют ныне. И после того, как мы их увидели, мы поняли, что давало нашим предкам силу выстоять в самые тяжелые эпохи. В их облике нам открылась история наша во всей полноте своего единства и жизненной силы. Пришлось задуматься о том, что поначалу мне часто говорили: "К этому делу тебе удастся привлечь только русских евреев". Если бы мне это повторили сегодня, у меня был

бы готов ответ: "И этого достаточно!"

Таково мнение Герцля о евреях России.

Глава шестая

СПЛОЧЕНИЕ СИОНИСТОВ РОССИИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. Навстречу Второму конгрессу

Первый конгресс, открывший в сионизме новую эпоху, стал поворотным пунктом еврейской истории в целом и истории российского еврейства в частности. В Базеле было создано первое политическое представительство еврейского народа со времени утраты им национально-политической независимости. На конгрессе встретились посланцы еврейства Востока и Запада, — и в этом было гласное проявление единства еврейского народа вопреки всем разрушительным ветрам диаспоры. Это публично провозглашенное и продемонстрированное национальное единство обрело и соответствующее организационное оформление в виде основанной на конгрессе Всемирной сионистской организации. Однако: хотя политический сионизм и возник как всемирная организация, — как массовое движение он существовал только в России, включая Украину, Польшу, Литву и остальные страны Прибалтики, Кавказ, Сибирь и др.

Политический сионизм как общественное движение не был в России легальным. Правда, он не преследовался властями в той степени, в какой преследовалось социалистическое движение, но отсутствие законного базиса для существования ограничивало и сковывало его деятельность. И тем не менее политический сионизм вызвал в еврейских массах в России напряженный и обширный процесс национально-общественного возрождения. В ходе организации сионистских отделений

(хотя и без легальной базы) в разных местах и их подчинения центральным учреждениям, само собою восстановилась и связь между еврейскими общинами разных городов и местечек. Таким образом, в России снова произошла консолидация — конечно, другим путем и в иной форме — еврейских общественных сил, раздробленных и разъединенных со времени упразднения "кагала" — автономии еврейских общин, ликвидированной Николаем I в 1844 году. По причине самодержавного режима, исключавшего открытую и гласную общественную деятельность, русские сионисты свою разъяснительную работу вели преимущественно устно, с помощью сотен агитаторов и активистов, действовавших во всех местах жительства евреев. Невзирая на цензурные строгости, сионистская работа велась также через печать: издавались брошюры, рассылались циркуляры и т. п. В такой обстановке сионисты России готовились ко Второму конгрессу.

При всем энтузиазме, вызванном Первым конгрессом, где сошлись "восток" и "запад" мирового еврейства, не ступались наметившиеся различия в подходе к национальной еврейской проблеме и путям сионизма между русскими сионистами из числа ветеранов Ховевей Цион и сионистами Запада — "новыми", "венцами" школы Герцля. "Западники" ставили во главу угла политико-дипломатическую работу, невысоко цenia действия по ограниченному заселению Эрец-Исраэль, возрождению языка иврит и еврейской культуры. Ветераны же дорожили именно этими ценностями, вступая в борьбу и с местными, российскими "сионистами-политиками", в большинстве своем примкнувшими к движению после появления Герцля на общественной арене и созыва Первого конгресса.

2. Первый съезд сионистов России в Варшаве

Незадолго до Второго конгресса в России было зарегистрировано 373 местных сионистских кружка. О

степени роста движения за год после Первого конгресса можно судить по тому, что до этого их было только 23. Сионистское движение во всем мире насчитывало тогда 913 организаций и групп. Накануне Первого конгресса существовало только 117. Таким образом, число сионистских кружков в России приближалось к 41% общего их числа во всем мире.

Накануне Второго конгресса сионисты России сочли необходимым созвать свой съезд для выработки направления сионистской работы и для определения единой позиции по вопросам, которые будут обсуждаться на конгрессе. Среди российских сионистов имели хождение различные и даже противоположные взгляды: были Ховевей Цион старой формации, считавшие главным заселение Эрец-Исраэль, пусть даже и в ограниченных масштабах; были "политические сионисты" нового, герцлевского типа, противившиеся "просачиванию в Палестину" и всякой переселенческой работе без политико-юридической базы; "духовные сионисты" из школы Ахад-Гаама; "религиозные сионисты", преимущественно ортодоксальные раввины, которые сопротивлялись всякой культурной работе, исходившей из сионистской организации, — их отталкивало уже само слово "культура", чреватое, на их взгляд, попытками реформировать религию. Среди представителей всех этих направлений особенно обострились отношения между политическими сионистами и сторонниками Ахад-Гаама, вставшими в крайнюю оппозицию Герцлю и его сионистско-политической системе.

Съезд собрался в Варшаве без разрешения властей, и совещания проходили в частном доме. Он открылся 19 августа 1898 года и закончился 22 августа, за шесть дней до открытия Второго сионистского конгресса в Базеле. То был первый съезд российских сионистов¹,

¹ "Первым съездом сионистов России" официально назван Минский съезд, состоявшийся в начале сентября 1902 года. Однако на деле он был вторым. Первый, Варшавский, не упоминался только потому, что был проведен нелегально.

и в нем участвовало около 160 представителей из 93 городов и местечек. Большинство затем отправились в качестве делегатов на Второй конгресс.

На Варшавском съезде были зачитаны обзоры общего состояния движения в России и работы местных организаций, а также проведены предварительные прения по вопросам повестки дня Второго конгресса, в том числе о переселении и по поводу Колониального банка.

Обсуждения и решения Варшавского съезда оказали существенное влияние на ход Второго сионистского конгресса. По рассмотренным обоими форумами вопросам конгресс почти целиком принял предложения российских сионистов. Кроме того, Варшавский съезд повлиял на весь ход сионистской работы в России. Съезд помог сближению между ветеранами Ховевей Цион и политическими сионистами, выявив базу для совместной работы.

3. Второй конгресс

Второй конгресс снова собрался в Базеле и работал с 28 по 31 августа 1898 года. На конгресс прибыли 385 делегатов, 530 гостей и около 150 газетных корреспондентов.

Герцль открыл первое заседание. Говоря о путях практической деятельности сионистов во всех странах, он особенно остановился на двух вопросах: **завоевание общин и основание банка**. Как и на Первом конгрессе, с большим докладом "О положении евреев в мире" выступил Нордау. Его доклад на эту тему стал непременной традицией сионистских конгрессов и всегда производил огромное впечатление на зал. Нордау достигал тут вершин ораторского искусства, — как по форме, так и по содержанию.

К мысли о завоевании сионистами еврейских общин Герцль пришел на основании своего опыта политической работы, столкнувшись с отрицательным отношением к сионизму и даже активным сопротивлением ему со стороны светских и религиозных руководителей об-

щин. Такое положение являлось серьезным препятствием на пути сионизма как во внутренней еврейской жизни, так и в отношениях с внешним миром, то есть в политическом плане. Лозунг завоевания обдин, выдвинутый Герцлем на Втором конгрессе, был, таким образом, своевременным. Герцль, однако, представлял себе это "завоевание" весьма схематично: сионистские отделения на местах поведут общественное наступление на официальных глав еврейских общин и заменят последних сионистами. Но здесь (как и вообще в достижении политической цели сионизма) не годились методы "большого скачка". Лозунг "завоевания общин" на практике стал не более чем зерном идеи об активном участии сионистов в общественной жизни евреев в странах рассеяния — работе, названной позднее немецким термином "гейгенвартсарбайт" — "работой данного часа".

Что касается банка, то в нем Герцль видел финансовый инструмент сионистской организации, которому надлежит послужить при ведении переговоров с Турцией. Акционерный капитал был установлен в два миллиона фунтов стерлингов, и до Второго конгресса набралось лишь 7—8% искомой суммы. По вопросу о банке доклад сделал Давид Вольфсон. Конгресс вынес официальное решение об основании банка с местопребыванием в Лондоне¹. Во время обсуждения и прений по

¹ Еврейский колониальный банк был зарегистрирован 20 марта 1899 года в Лондоне в качестве английского акционерного общества под названием "Джуиш Колониэл Лтд Траст". В конце апреля того же года было выпущено 200 тысяч акций достоинством в один фунт стерлингов (или десять русских рублей) каждая. На 75% всех этих акций подписались русские евреи. По уставу банк был вправе приступить к регулярной работе только при наличии минимального капитала в 250 тысяч фунтов. Недостающая сумма (50 тысяч) собиралась с трудом, и банк начал функционировать лишь в начале 1902 года. В конце февраля этого года была создана дочерняя компания банка под названием Англо-Палестинское общество, затем — Англо-Палестинский банк (ныне — Банк леуми ле-Израэль — Национальный банк Израиля). Эта дочерняя компания начала действовать в Яффе летом 1903 года под руководством Залмана Давида Левонтина.

поводу банка возник вопрос о сферах его деятельности, определенных в его уставе словом Восток (Ориент). От имени сионистов России Усышкин потребовал, чтобы в устав ясно записали: Сирия и Палестина. Конгресс принял компромиссную формулировку: "Восток, в особенности Сирия и Палестина".

Два делегата из России выступили на конгрессе с докладами от имени исполкома: Мандельштам — о сионистской программе действий и Моцкин — о положении еврейского поселения в Эрец-Исраэль. Мандельштам, один из старейших Ховевей Цион и близкий друг Пинскера, стал пылким политическим сионистом, верным другом и почитателем Герцля². В своем обширном докладе он с похвалой отозвался о политическом сионизме, вдохнувшем новую жизнь в круги Ховевей Цион. Вместе с тем он также отметил важную роль Хибат Цион до появления политического сионизма. Мандельштам выразил отрицательное отношение к "контрабандному просачиванию" в Палестину и призывал к действиям, ставящим целью добиться законной, политико-юридической базы для алии и заселения. До того, как это будет достигнуто, надо перевести на земледельческий образ жизни евреев Палестины и Сирии. Надо позаботиться, чтобы пробуждение национального самосознания еврейского народа проходило без уклонов в шовинизм, который не только смешон, но вреден. "Прежде всего мы должны стремиться к тому, чтобы еврей перестал стыдиться своего происхождения, и еврейская мать не гордилась бы тем, что ее дети не похожи на евреев". Необходимо вести обширную воспитательную работу, знакомить еврейскую молодежь с нашим великим прошлым путем преподавания истории Израиля и еврейской культуры. Молодежь должна знать лучших сынов и героев своего народа, образы

² На Шестом конгрессе (1903 г.) Мандельштам поддержал предложение об Уганде. После Седьмого конгресса (1905 г.), высказавшегося против Уганды, он вышел из сионистской организации и вместе с Заггвиллем (Лондон) основал Еврейскую территориалистскую организацию.

которых могли бы послужить основой для подражания.

Л.Моцкин доложил о еврейском ишuve в Эрец-Исраэль. По поручению Сионистского исполкома он посетил Страну, чтобы познакомиться с положением на месте. В итоговой части доклада он перечислил ряд отрицательных тенденций, порожденных, по его мнению, принятой тогда практикой заселения. Его выводы следующие: 1) надо неуклонно стремиться к получению законного статуса для алии и заселения; 2) необходимо решительно противиться "просачиванию" в Палестину; в настоящее время надо закрепить то, что уже имеется в Стране, укоренением находящихся там евреев и созданием промышленных предприятий. Таким образом, Моцкин принял сторону противников "малого" заселения.

В Комиссию по заселению, выбранную на конгрессе в составе 17 человек, вошли 5 делегатов из России. Как и в Постоянной комиссии¹, они представляли оба течения российского сионизма: "политиков" и "практиков". В рекомендациях, вынесенных на пленум конгресса, явно ощущался компромиссный дух резолюций Варшавского съезда.

В том же духе принял конгресс и свои постановления по вопросу заселения Эрец-Исраэль, которые звучали так:

"Конгресс, относясь с симпатией к заселению Палестины, начавшемуся уже издавна, и желая содействовать заселению в будущем, провозглашает:

1. Под заселением, "отвечающим намеченной цели", следует понимать заселение, которое будет вестись в соответствии с заранее полученным разрешением правительства Турции, по планам и под наблюдением комиссии, избранной конгрессом.

¹ Рабочая комиссия, избираемая на все время работы конгресса. В ее функции входит решение вопроса о личном составе разных сионистских центральных органов. Ее рекомендации для конгресса не обязательны, но, как правило, им санкционировались. — *Прим. ред.*

2. Комиссия по руководству делами заселения будет состоять из десяти членов с местопребыванием в Лондоне. Средства для комиссии на ее расходы изыщет исполком.

3. Первые шаги по заселению должны заключаться в переселении евреев, проживающих в пределах Турции.

4. Банк своей деятельностью должен помочь добиться разрешения турецкого правительства”.

Влияние духа резолюций Варшавского съезда ощущается также в постановлении конгресса по пункту ”культура”: ”Сионизм положил своей задачей возрождение еврейского народа не только в области материальной и политической, но и духовной. Сионизм не предпримет ничего такого, что шло бы вразрез с законами иудейской религии”. Конгресс решил также избрать комиссию по делам культуры, которая в сфере своей деятельности будет пользоваться самостоятельностью и будет работать в соответствии с решениями конгресса. Исполкому было поручено обеспечить расходы комиссии за счет членских взносов.

Второй конгресс принес с собой также нечто новое в плане фракционно-идеологическом: здесь впервые публично заявила о себе группа, правда, весьма незначительная, ”сионистов-социалистов” во главе с Нахманом Сыркиным.

4. Нахман Сыркин и ”Еврейское социалистическое государство”

Появление на Втором конгрессе сионистов-социалистов во главе с Нахманом Сыркиным, поразившее всех участников конгресса, вовсе не было случайным. Наоборот: ему предшествовали определенный процесс развития и целенаправленная идеологическая подготовка.

На пороге 20-го века, в обстановке ”бури и натиска”, Нахман Сыркин появился на общественной арене как провозвестник социалистического сионизма и основоположник движения. В числе многих других еврей-

ских юношей, не имевших доступа в высшие учебные заведения России из-за процентной нормы, Сыркин уехал в Западную Европу для продолжения образования. В Берлине он присоединился к группе студентов — выходцев из России, среди которых были Хаим Вейцман, Шмарьяху Левин, Виктор (Авигдор) Якобсон, Лео Моцкин и другие. Он активно участвовал в общественной жизни и публиковал философские и публицистические статьи.

В Берлин Сыркин приехал в 1888 г. в двадцатилетнем возрасте. Уже в то время он проявлял склонность к слиянию еврейской национальной идеи с идеей социализма в единое национально-гуманистическое течение. Одновременно с созданием Всемирной сионистской организации на Первом конгрессе в Базеле (1897 г.), в Вильно, на тайной нелегальной сходке была основана первая еврейская социалистическая партия — Бунд. Оба движения повели между собой острую борьбу, хотя с исторической и объективной точек зрения оба они происходили из одного источника. Отсюда возник и сионистско-социалистический синтез, глашатаем которого стал Сыркин. В глазах его современников соединение этих двух начал было противоестественным, и сам Сыркин почитался за чудака и неуравновешенного человека. В кругах еврейской студенческой молодежи из России, собравшейся на Западе, шли жаркие споры на политические и общественные темы. Подавляющее большинство сочувствовало русским революционным движениям и чуждалось еврейского национального дела. Легко понять, что еврейская социал-демократическая интеллигенция ко взглядам Сыркина относилась с насмешкой. Позднее Сыркин рассказал, как в те дни он набрался духу выйти на люди и громогласно изложить свою идею о слиянии сионизма с социализмом. Вот как он это описывает:

”Внутренний инстинкт и глубокая убежденность в высшей истине придали мне в то время смелость взяться за проповедь социалистического сионизма и противопоставить себя всей еврейской интеллигенции. Если

возможно, что в мозгу одного человека идея еврейской страны сплавилась в прекраснейшую из гармоний с идеей еврейской революции, то почему бы этому сплаву не стать животворной, созидательной мыслью всей еврейской интеллигенции и простых еврейских масс? ... Так я возложил на себя неблагодарную миссию быть социалистом среди сионистов и сионистом среди социалистов; понятно, обе стороны отбрыкивались от меня изо всех сил и отсылали к противной стороне”.

И на Первом сионистском конгрессе в Базеле (1897 г.) Сыркин не был единственным социал-сионистом. У него имелось несколько единомышленников, но пока они еще не были организованной группой. Впервые в таком качестве они публично появились на Втором конгрессе. Первую гласную попытку синтеза между сионизмом и социализмом Сыркин предпринял в лекции, которую прочел в 1898 году в Цюрихе в сионистском союзе “Гессиана”. Эту лекцию под названием “Еврейский вопрос” он напечатал в журнале социалистического направления “Дойче Ворте”, издававшемся в Вене на немецком языке под редакцией А.Пернерсторфера. В том же году Сыркин издал эту статью, подписанную его литературным псевдонимом Бен-Элиэзер, в виде отдельной брошюры: “Еврейский вопрос и еврейское социалистическое государство”. Итак, спустя два года после появления работы Герцля “Еврейское государство”, вышло сочинение Сыркина “Еврейское социалистическое государство”. В своих воспоминаниях о зарождении социалистического сионизма Сыркин замечает по поводу этой брошюры: “Так я впервые в социалистической литературе поставил проблему социалистического сионизма”. Во время Третьего конгресса в Базеле в 1899 году Сыркин прочитал в малом зале лекцию на тему “Социалистический сионизм”. В тот раз он впервые применил словосочетание “социалистический сионизм” для обозначения новой идейной системы и нового движения (в своей работе “Еврейское социалистическое государство” он еще не пользовался

этим термином. В 1901 году он выпустил на русском языке "Воззвание к еврейской молодежи". Воззвание печаталось в Берлине, но по политическим соображениям — чтобы избежать вмешательства немецкой полиции — местом издания был указан Лондон. В воззвании за подписью "Группа сионистов-социалистов" в сжатой форме излагалось соединение идеи сионизма с социалистической идеей.

Брошюра "Еврейское социалистическое государство" содержит следующие главы: а) Евреи и неевреи; б) Эмансипация евреев и антисемитизм; в) Евреи и социализм; г) Сионизм; д) Еврейское социалистическое государство. В первой главе рассматривается "извечное напряжение между евреями и окружающим миром". Еврейскому народу, говорит Сыркин, удалось благополучно выйти из всех бурь истории средневековья; обнаружив поразительную силу, евреи выстояли против всех превратностей времени и остались на исторической арене.

"Под давлением бедствий в гетто создалась особая атмосфера, благодаря которой существование еврейского народа продолжалось, невзирая ни на что. Чувство национальной гордости, вынесенное евреями еще из Эрец-Исраэль, почерпнуло из бедствий добавочную жизнестойкость. Евреи ощущали себя дрожжами мировой "опары" — борцами за правду, великомучениками, за которыми будущее; страдания и муки народа Израиля рассматривались ими лишь как побочные эпизоды его великого предначертания".

Но вот явилась эмансипация, наделившая вышедших из гетто евреев гражданскими правами, и принесла с собой большую угрозу существованию еврейского народа, нежели преследования средневековья. Причем эта угроза возникла именно изнутри. Еврейский народ, самый одинокий и консервативный в мире, который в продолжение всего изгнания черпал животворные соки в чувстве национальной гордости, вдруг и самым крайним образом отринул от себя свою национальность. Мало того: серьезно подорвано его чувство соб-

ственного достоинства, дававшее еврею внутреннюю силу сопротивляться унижениям извне. "Если до того Израиль в собственных глазах был венцом творения, избранником неба и истории, то теперь народ гетто начал так себя презирать в душе и над собой насмехаться, как до того не смели делать злейшие из его ненавистников. Еврей из гетто с гордостью и полным самосознанием выставлял на виду у всех свое еврейство — разговорным языком, одеждой, образом жизни и обычаями; эмансипированный же еврей стремился к тому, чтобы с корнем вырвать из души еврейство".

И действительно, дух внутренней свободы и собственного достоинства, который поддерживал евреев из поколения в поколение, почти утерян... Место веры в будущее, в приход Избавителя и миссию Израиля заняло раболепие перед аристократией просвещенных народов. Любовь к Израилю стала теперь рассматриваться как "шовинизм", зато национализм господствующих народов — как высшая ступень прогресса и общечеловеческого гуманизма. На эту доктрину национального самоуничтожения, исповедуемую "прогрессивными" евреями, неевреи ответили антисемитизмом — новой, расистской разновидностью ненависти к Израилю. Еще в конце прошлого века вскрыл Сыркин расовую сущность этой ненависти:

"Что является главной основой современной ненависти к евреям? В средние века это были религиозные различия, пропасть между иудаизмом и христианством. Но гвоздь концепции новомодной ненависти к еврейскому народу — расовые противоречия. Роль возбудителя этой ненависти теперь поручена расовым предрасудкам, поскольку религиозные противоречия признаны в буржуазном обществе отжившими свой век. Ненависть к еврейскому народу курсирует ныне под флагом антисемитизма, и тем не менее это тот же самый корабль с тем же экипажем".

Что говорят ненавистники Израиля — расисты?

"Евреи — по природе дурной народ, несправимое племя, которое ищет лишь собственной выгоды и тщит-

ся закабалить весь мир; при всем своем стремлении к ассимиляции оно чуждо и враждебно коренному населению тех стран, среди которого оно проживает; евреи — проводники капитализма, эксплуатации, ростовщичества и хищничества. Но в то же время они — дрожжи исторического процесса, порождающие брожение и распад всего существующего, это революция во плоти и крови. Все это преследует одну цель: как бы полегче удовлетворить жажду еврейства к владычеству. Одним словом, еврейский народ — мерзость и проклятие рода человеческого, так вопит буржуазное общество, живущее за счет классовой борьбы”.

И Сыркин заключает главу об эмансипации и антисемитизме так:

”Антисемитизму присуща тенденция охватить все классы и подорвать положение евреев. Он — следствие разделения власти в лишенном равноправия обществе и его естественное побочное явление. До тех пор, пока общество будет основано на власти сильных, и до тех пор, пока евреи будут находиться среди слабых, нищета и бедствия — их неизбежный удел”.

Социалистический сионизм, по мнению Сыркина, выражает пробуждающуюся волю еврейского народа к политической самостоятельности, общественной свободе и свободному национальному возрождению. Сыркин верил, что сионизму суждено превратиться в массовое движение и стать не только идеологией национального освобождения, но также идеологией освобождения еврейских масс от всех бед и страданий в капиталистическом обществе. Содержание сионистского идеала есть новое общество в новой стране, общество свободы и равенства, без деления на классы, — коллективистское общество на новых экономических основах: общее владение землей, коллективный труд, — общество, создаваемое массами и ради масс. Идеал этот не только плод процессов, происходящих в еврейском обществе в последнее время. Подобно тому как социализм не начинается с развития производительных сил в 19-ом веке, а есть звено в длинной цепи борьбы стра-

дающего человечества за свободу и равноправие, так и сионизм — не что иное, как естественное продолжение древнего мессианского еврейского стремления. Можно утверждать, что Нахман Сыркин, как и его предшественник Моше Гесс, которого Сыркин ценил и почитал, находил источник сионизма в учении древних еврейских пророков и видел существенную связь между этим учением и устремлениями прогрессивного человечества. Евреи, говорит Сыркин, воплощают идею свободы личности. Таким образом, само их существование — протест против подавления, борьба за справедливость. Поэтому "гибель евреев равноценна гибели гуманизма".

В идеологии ассимиляции, проповедовавшейся еврейскими социалистами, Сыркин видел буржуазную мысль, у которой нет ничего общего с сутью социализма. Ассимиляция же является не чем иным, как ложным интернационализмом. Сыркин говорит:

"Социализм, провозгласивший священность свободы и право на самоопределение, — прямая противоположность этому сорту ложного интернационализма. Все стремления, направленные на подавление и ликвидацию в народе его национальных чувств, натолкнутся на решительное сопротивление социализма, подобно тому как будут пользоваться его поддержкой все попытки угнетенных народов добиться освобождения и независимости. В социалистической этике и в социалистическом понятии свободы любое национально-освободительное движение находит нравственную опору... — Социалисты народов мира уже давно решили проблему соотношения между национализмом и социализмом. Ни у одного народа нельзя найти борцов за социализм, которые из этого учения и своей преданности интернационализму сделали бы вывод о необходимости ассимилироваться и раствориться в более сильном народе, отвернувшись от своего собственного. ... Только у евреев, у которых все не так, как у других, социалисты приняли в свой духовный фонд ассимиляцию и отход от еврейства".

Тем, кто утверждает, что сионизм — это утопия, Сыркин отвечает, что утопия — это стремление решить еврейский вопрос путем ассимиляции.

”Сионизм — это не утопия, потому что он соответствует жизненным чаяниям еврейства и вытекает из его бедствий. Он не более утопичен, чем современный социализм, основывающий свои принципы на общественном интересе и необходимости. Сионизм основывается на бедствиях евреев, поднявшихся в новое время и пришедших к ощущению своей силы и достоинства. ... В конечном счете сионизм сольется с социализмом. Еврейское государство непременно будет социалистическим. Нет у евреев интересов, которые бы противоречили этому. Напротив, эта форма полностью совмещается с самыми заветными чаяниями и надеждами широчайших слоев еврейского народа”.

Итак, по Сыркину, еврейское государство неизбежно будет социалистическим, ибо строить еврейское государство на принципах свободной конкуренции и частной собственности — ошибочно не только с социальной точки зрения, но и в чисто техническом плане.

”Чтобы еврейское государство из надежды превратилось в факт и из мечты в действительность, надо сразу же исключить те противоречия современной жизни, которые парализовали бы его развитие. Еврейскому государству следует руководствоваться идеалами справедливости, разума и общественной солидарности, если оно хочет увлечь за собой современного человека”.

И не только национальное, экономическое и социальное возрождение народа в его государстве предсказывает Сыркин, но и его нравственное обновление. Велик, прекрасен, нравствен и социально-справедлив станет Израиль, когда возвратится к самому себе и признает свое ”Я”. ”Еврейское социалистическое государство” заканчивается следующими словами:

”Израиль подобен объятому сном герою. Он восстает из глубин горя и мрака. Он распрямляется — и вот неописуемо высок. Чело его озарено нимбом мирового страдания. Он чувствует свое предназначение творить

справедливость и быть вестником правды. Его историческая трагедия выдвигает перед ним и высокую историческую миссию. Он спасает мир, который его распял. Израиль снова станет избранным народом!"

Такова квинтэссенция мыслей Нахмана Сыркина о еврейском социалистическом государстве, с которыми он выступил в конце прошлого столетия на Втором сионистском конгрессе. Только историческим недоразумением можно объяснить, что на этом самом конгрессе сионисты требовали исключить Сыркина из движения за попытку протащить чуждые взгляды.

Глава седьмая

ПЕРИОД УСИЛЕННОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Попытка ориентации на Германию и последующее разочарование

Уже в начале своей сионистской политической деятельности Герцль обратил внимание на крепнущие связи между Германией и Турцией и влияние, которое оказывает Вильгельм II на султана Абдул Хамида. Изыскивая пути скорейшего получения политико-юридической базы для алии и поселения евреев в Палестине, Герцль пришел к выводу, что необходимо заручиться симпатиями кайзера Вильгельма к целям сионизма. В этом направлении он и начал энергично работать сразу же по окончании Второго конгресса. Он обратился к Фридриху, курфюрсту Баденскому, чье личное расположение и полную поддержку сионистского дела он уже успел завоевать. Герцль просил курфюрста стать посредником между ним и германским императором. Фридрих согласился взять на себя эту миссию и затем известил Герцля, что кайзер проявил большой интерес к его сионистской программе. Курфюрст посоветовал

обратиться к немецкому послу в Вене Филиппу Ойленбургу, которому Вильгельм поручил приготовить для него доклад о сионистском движении. Герцль посетил посла, изложил перед ним свои планы, после чего нанес визит и германскому министру иностранных дел фон-Бюлову; однако последний холодно отнесся к идеям Герцля.

В конце сентября 1898 года посол Ойленбург известил Герцля от имени кайзера, что Вильгельм намерен вскоре совершить поездку в Святую землю и будет готов дать ему аудиенцию в Иерусалиме. Герцль расценил это как большое политическое достижение и уверовал в близость осуществления своих планов. 2 октября он приехал в Лондон в связи с делами Колониального банка. На следующий день он выступил на большом еврейском митинге в восточной части Лондона, населенной преимущественно евреями, выходцами из Восточной Европы, говорившими на идиш. Герцль говорил на немецком. В дневниковой записи от 4 октября 1898 года он отмечает, что митинг собрал десятки тысяч человек. И тут, от большого оптимизма и полной уверенности, что поддержка кайзера Вильгельма обеспечена, Герцль позабыл о своей обычной предусмотрительности и во всеуслышание заявил, что скоро начнется возвращение в Сион в широких масштабах и что недалек день, когда "еврейский народ придет в движение..."

Митинг, собранный, собственно говоря, чтобы продвинуть дело банка, превратился в мощную демонстрацию за сионизм. Речь Герцля вызвала необыкновенный энтузиазм у тысяч его слушателей, а ее отзвуки привели в сильное волнение евреев во всем мире. Как вскоре выяснилось, это было большой ошибкой Герцля, за что его и критиковали российские сионисты на Третьем конгрессе.

Вернувшись в Вену, Герцль созвал сионистское руководство и поставил вопрос о делегации, которая встретится в Иерусалиме с Вильгельмом II. Составить ее оказалось нелегко, так как многие члены сионист-

ского исполкома по разным причинам не могли поехать. Протелеграфировали Мандельштаму в Киев, предлагая ему войти в состав делегации, но он ответил, что ехать не может. В конце концов была составлена делегация из пяти человек с Герцлем во главе. Затруднения вызвал и вопрос финансирования поездки, но русским сионистам удалось изыскать требуемые средства, и делегация смогла отправиться в путь. Хотя все приготовления совершались под большим секретом, об этом узнало слишком много людей. От Элизера Бен-Иехуды поступило предостережение из Иерусалима, что в Эрец-Исраэль возможна попытка покушения на жизнь Герцля. Решили этим все-таки пренебречь, и делегация выехала в дорогу.

Хотя Вильгельм через германского посла в Вене сообщил Герцлю, что примет его в Иерусалиме, Герцль старался добиться у него аудиенции еще и в Константинополе, где кайзер остановился проездом в Иерусалим. Это оказалось весьма непросто, но Герцлю все-таки удалось, и Вильгельм принял его 18 октября в присутствии своего министра иностранных дел фон-Бюлова. Император охотно выслушал Герцля и пообещал в положительном духе высказаться о сионистском движении перед турецкими властями; на вопрос, о чем ему, Вильгельму, следовало бы просить султана, Герцль ответил: о согласии на основание концессионного общества по заселению Палестины под покровительством Германии. Вильгельм обещал Герцлю поднять этот вопрос во время своей беседы с султаном. В заключение было решено, что кайзер примет сионистскую делегацию в Иерусалиме и что Герцль должен заблаговременно подготовить свою речь, с тем чтобы Вильгельм и Бюлов могли с нею заранее ознакомиться.

19 октября 1898 года, уже находясь в Мраморном море на борту судна, направлявшегося в Палестину, Герцль описал в дневнике свою встречу с кайзером, впечатления и подробности состоявшейся беседы. 18-ое число он называет "великим днем" и заканчивает запись замечанием, что память об "императорском дне"

сохранится навеки. Записывая эти слова, Герцль не подозревал, какое горькое разочарование ожидает его в Иерусалиме.

В Эрец-Исраэль еврейские поселенцы из Ришон ле-Циона, Реховота, Нес-Ционы, а также коллектив сельскохозяйственной школы Микве Исраэль оказали Герцлю восторженную встречу.

В дневниковой записи от 29 октября Герцль описывает также прием, устроенный школой Микве Исраэль кайзеру Вильгельму и его свите, ехавшим в Иерусалим. Дети спели в честь императора германский гимн. Герцль, стоявший возле плуга, снял свой пробковый шлем. Кайзер узнал его издали, повернул лошадь в сторону Герцля и, подъехав, остановился. Герцль сделал два шага навстречу, император подал ему руку, осведомился о его здоровье и коротко побеседовал с ним. Закончив разговор, Вильгельм еще раз пожал ему руку и поскакал своим путем.

Этот эпизод произвел сильнейшее впечатление на присутствующих, среди которых были и служащие барона Ротшильда. Сам Герцль мог истолковать это как доброе предзнаменование перед приемом делегации в Иерусалиме. Однако все обернулось не так. 2 ноября 1898 года сионистская делегация, возглавляемая Герцлем, встретила с германским кайзером Вильгельмом II¹. Прежде всего, Герцлю пришлось выступить не по оригинальному тексту своей речи, а по усеченному варианту с поправками Бюлова, вычеркнувшего из нее ведущие политические принципы. Кроме того, ответ кайзера на речь был холодно-вежливым, без тени тех заверений, которые были даны Герцлю во время константинопольской аудиенции. Император заметил в конце, что "будет продолжать интересоваться вопро-

¹ Некоторые из современных исследователей называют этот день "Второе ноября д-ра Герцля", имея в виду, что, спустя девятнадцать лет, в этот день была провозглашена декларация Бальфура.

сом". Герцль так заключает запись от 2 ноября в своем дневнике о иерусалимской встрече с Вильгельмом: "Он не сказал ни да, ни нет. Ясно, что в промежутке произошло многое".

И действительно, очень скоро выяснилось, что в своей беседе с Вильгельмом султан высказал резко отрицательное отношение к политическому сионизму. Министр иностранных дел Бюлов также уговаривал кайзера отказаться от поддержки Герцля и его планов из-за боязни серьезных политических осложнений с Францией, Англией и Россией. Не исключено также, что Бюлов действовал по наущению богатых ассимилированных евреев, убедивших его, что сионизм ничего не стоит и что его поддерживают лишь маленькие группки фантазеров-интеллигентов.

Итак, "роман" Герцля с императором Вильгельмом II скоростижно закончился, и улетучилась мечта о заселении Палестины под германским покровительством. Герцль, однако, быстро оправился от удара и начал действовать, поставив своей целью наладить прямые связи с султаном Абдул Хамидом.

26 июня 1899 года он снова выступил в Лондоне на крупном еврейском митинге. Девять месяцев назад он заявил здесь с полной уверенностью, что возвращение в Сион — дело ближайшего будущего... Теперь же он не привел подробностей своей встречи с Вильгельмом в Иерусалиме, будучи не вправе разглашать их, и публика осталась при впечатлении, что его политическое положение достаточно стабильно. На сей раз Герцль говорил о своих надеждах придти к соглашению с султаном и заявил: "Мы хотим добиться от турецкого правительства "чартера"² на заселение Палестины под суверенной властью султана".

² Известный термин в истории сионизма. Подробности см. ниже, в следующей главе.

2. Третий конгресс

Вопрос о "чартере", мимоходом упомянутый на лондонском митинге, был поднят Герцлем через несколько месяцев на Третьем конгрессе, состоявшемся в Базеле 15—18 августа 1899 г.

На конгресс съехались около 280 делегатов. Самая крупная делегация была российская, и она же проявила большую активность как на предварительных собраниях перед конгрессом, так и в прениях на самом конгрессе, а также на своих частных совещаниях по поводу важных вопросов, выносившихся на пленарные заседания.

Во вступительной речи Герцль, как уже говорилось, выдвинул лозунг "чартера": "Мы стараемся добиться от турецкого правительства "чартера" — разрешения на поселение под верховным покровительством султана. Лишь располагая такой гласной санкцией, содержащей необходимые гарантии публично-правового характера, мы сумеем приступить к широкому практическому заселению". Колониальный банк рассматривался Герцлем как средство и орудие для получения "чартера".

Более подробное разъяснение сущности "чартера" Герцль дал в беседе, состоявшейся у него после конгресса с одним из представителей российской сионистской печати, просившим уточнений. По словам этого журналиста Герцль сказал, что речь идет о получении от правительства Турции разрешения, в соответствии с которым евреи в Сирии и Палестине экономически будут самостоятельны, хотя Палестина по-прежнему будет находиться под суверенной властью султана. Таким образом, евреи будут не только вправе туда эмигрировать, но и заниматься на месте земледелием, производством и торговлей, строительством железных дорог и портов, организацией мореходных компаний, прокладкой мелиоративных сетей и осушением болот — иначе говоря, всем, что необходимо, чтобы превратить этот заброшенный край в культурную страну. Причем в самом предложении нет ничего нового, так

делалось всегда: подобный "чартер" получила от правительства Англии Ост-Индская компания. Турция не только не останется в накладе, а наоборот выгадает, так как получит изрядные финансовые преимущества.

В той же речи на конгрессе Герцль отметил в качестве важного события и аудиенцию, данную кайзером Вильгельмом сионистской делегации в Иерусалиме. Герцль не входил в подробности, а только указал на сам факт, что германский император заинтересовался сионистским движением — и это немаловажно.

Что особенно характерно для Третьего конгресса — это появление отчетливой, хотя еще и неорганизованной оппозиции Герцлю и сионистскому руководству в Вене, чего не было на двух предыдущих конгрессах. Оппозиция сложилась в среде русских сионистов и не только как результат противоречий между "политиками" и "практиками". В основе ее лежало требование предоставления большей независимости сионистским организациям отдельных стран, а также представителям этих организаций, членам Большого исполкома, не проживающим в Вене.

В своем обзоре Третьего конгресса М.Шейнкин, один из активных деятелей российского сионизма, приводит некоторые подробности возникновения оппозиции. Он особенно отмечает Моцкина и д-ра Вейцмана. Во время общих прений по докладу руководства Вейцман затронул, главным образом, вопрос контактов между руководством с одной стороны и членами Большого исполкома и организациями отдельных стран — с другой. Он критиковал руководство за то, что оно недостаточно информирует членов исполнительного комитета о своей практической и политической работе, а также не советуется с ними по таким серьезным вопросам, как разработка повестки дня конгресса. Об этих людях вспоминают только тогда, когда руководство нуждается в их согласии и подписях, чтобы скрепить какое-нибудь готовое решение. Особенно резко выступил Моцкин. Поддержав мнение Вейцмана об отсутствии достаточной связи между венским руко-

водством и членами Большого исполкома, в результате чего ущемляются права его отдельных членов, Моцкин обрушился на "диктатуру" в сионистском движении, являющемся по своей сущности и природе ярко выраженным демократическим движением. Моцкин сказал:

"Есть моменты, когда диктатура нужна, и в таких случаях я тоже проголосую за диктатуру. Но диктатура всегда явление временное и преходящее. Устойчивые движения не знают диктатуры — в противном случае они долго бы не просуществовали. И поэтому, при всем моем уважении к д-ру Герцлю, оценить деятельность которого у меня было много других возможностей, я хочу, чтобы конгрессом было заявлено, что ответственность за все не должен нести один лишь д-р Герцль, она должна распространяться и на остальных членов Исполнительного комитета, которые должны быть равными и в своих правах. Само доверие, которым пользуется д-р Герцль, придавший нашему движению такой размах, несомненно обеспечит ему преимущественное положение, но это преимущество должно быть законным".

Моцкин подверг критике речь Герцля, произнесенную 3 октября 1898 года в Лондоне на большом еврейском митинге, создавшую у его слушателей и еврейского народа во всем мире впечатление, будто Палестина вот-вот будет возвращена евреям для широкомасштабной алии. Моцкин подчеркнул большой вред подобной пропаганды из уст вождя, пробудившего напрасные надежды.

Отвечая на критику, Герцль сказал, что народ нуждается в ободрении, что и было целью той его речи.

В отчете руководства отмечался организационный прогресс сионистского движения в разных странах. Самое большое увеличение количества сионистских организаций произошло в России, где их число выросло на 30% по сравнению с предыдущим годом. О состоянии движения в России и его деятельности рассказал д-р Бернштейн-Коган. Он подчеркнул, что работа велась в

трех направлениях: во-первых — политический сионизм; во-вторых — усилия для сближения "политиков" с "практиками", группирующимися вокруг Одесского комитета; наконец, в культурном плане имеется тенденция приблизить массы к основам европейской культуры, а интеллигенцию — к основам еврейства.

Д-р Брук (Гомель) сообщил, что сионисты России распространили 82 тысячи "шекелей" (из 120 тысяч во всем мире); из 300 тысяч акций, выпущенных Колониальным банком, русские евреи подписались на 200 тысяч. В 670 городах и местечках России имеется 818 сионистских отделений по сравнению с 373, насчитывавшимися в предыдущем году. Эти цифры свидетельствуют, что главный центр тяжести всемирного сионистского движения, как по численности, так и в организационном смысле, находится в России, несмотря на отсутствие легальных условий для работы.

Серьезная и резкая дискуссия состоялась по вопросу сферы деятельности банка. На Втором конгрессе было принципиально решено, что параграф устава, определяющий сферу деятельности банка словом Восток (Ориент), будет дополнен недвусмысленной расшифровкой: "Восток, в особенности Сирия и Палестина". Составление окончательной редакции было передано банковской комиссии, которая в Лондоне, по рекомендации юристов, сформулировала текст этого параграфа следующим образом: "Поселение евреев может иметь место в Палестине, в Сирии, либо в любой другой стране в любой части света". Такая формулировка была явным нарушением резолюции Второго конгресса. Из-за этого Усышкин еще за полгода до Третьего конгресса отказался поставить свою подпись под воззванием о распространении акций; он уступил только после того, как получил от Герцля заверения, что этот пункт будет исправлен в духе решения Второго конгресса.

После доклада Давида Вольфсона о банке разгорелся бурный спор, в котором особенно энергично участвовали делегаты из России: профессор Белковский,

д-р Бернштейн-Коган, адвокат Ш.Розенбаум, Шейнкин, Моцкин, д-р Брук и другие. Они категорически потребовали, чтобы соответствующий параграф устава был изменен в соответствии с принципиальной резолюцией Второго конгресса, постановившего, что банк будет работать только на Востоке и прежде всего — в Палестине и Сирии. Защитники официальной формулировки, не ограничивавшей сферу деятельности банка исключительно Сирией и Палестиной, приводили аргументы в ее пользу, заявляя, что в соответствии с английским законом, суд вправе ликвидировать любое акционерное общество, если оно не приступило к операциям в течение года с момента регистрации. Заранее ограничив свою деятельность Востоком — Сирией и Палестиной, в соответствии с решением Второго конгресса, Колониальный банк подставляет себя под угрозу ликвидации, ибо возможно, что политические обстоятельства не позволят начать работу в требуемый промежуток времени. Тем не менее, Третий конгресс, удовлетворив требование большинства российских делегатов, постановил изменить формулировку параграфа в духе принципиального решения Второго конгресса так, чтобы работу по заселению банк был вправе вести только "в странах Востока, в особенности в Палестине и Сирии"; зато торгово-промышленные операции могут производиться банком и в других странах, по усмотрению Наблюдательного совета банка.

Такая чувствительность оппозиции к формулировке банковского устава проистекала из опасения, как бы руководство, под давлением различных внешних причин, не отошло от принципиальной концепции возвращения в Эрец-Исраэль, заменив ее на общую "территориалистскую", согласно которой национальным очагом еврейского народа может послужить и другая территория, не обязательно Эрец-Исраэль. (С особой силой опасение это проявилось незадолго до закрытия конгресса, когда, как будет описано ниже, на обсуждение был поставлен вопрос о поселении на Кипре.)

Еще более непримиримо выступила оппозиция во главе с Моцкиным по поводу системы распределения учредительских акций банка. При основании банка была учтена задача обеспечить его сионистский характер и влияние конгресса на его дела. С этой целью выпустили сто учредительских акций, дающих их владельцам половину всех голосов на общих собраниях акционеров банка. Другой особенностью этих учредительских акций было то, что они не приносили прибыли. Было решено, что они будут находиться в распоряжении Сионистского исполнительного комитета, избираемого конгрессом. Кроме того, постановили, что двадцать из этих акций Исполком вправе передать активным сионистам в пожизненное пользование в знак признания их заслуг. Было тут и важное дополнительное соображение — создать таким образом постоянную группу сионистов-ветеранов с обеспечением влияния в делах банка. Семь из этих акций уже были обещаны Герцлем семи главным учредителям банка и его первым директорам. Моцкин решительно воспротивился этому, утверждая, что учредительские акции являются собственностью конгресса и не должны вручаться отдельным людям, какими бы добрыми сионистами они ни были. Во-первых, это недемократично, и потом — подобный подарок чреват опасностями для самого сионистского движения, поскольку не может быть никаких гарантий, что лица, получившие акции в пожизненное пользование, сохранят до конца своих дней верность сионизму. Исходя из своего отрицательного отношения к системе распределения учредительских акций среди частных лиц, Моцкин потребовал ликвидировать договоренность о передаче семи акций директорам банка. В том же духе выступили Усышкин и другие делегаты из России.

Герцль в принципе согласился не распределять учредительские акции среди частных лиц, но только на будущее: что же касается семи акций, уже обещанных директорам, они должны быть вручены, — в противном случае он будет рассматривать это как акт недоверия

к нему лично. Русские сионисты отправились совещаться. Заявление Герцля, практически означавшее, что он подаст в отставку, если его обещание по поводу семи акций будет аннулировано, повергло в замешательство весь конгресс. Мнения российских делегатов разделились: одни были согласны с требованием Моцкина и Усышкина, другие, в особенности Мандельштам и Ясиновский, поддержали Герцля¹. Никто из российских уполномоченных (членов Исполкома) не мог вспомнить, чтобы Исполнительный комитет когда-либо принимал решение обещать семь акций директорам банка. Лишь Членов заметил, что, как ему помнится, Герцль год назад вскользь упомянул об этом на заседании Исполкома, но никто не обратил на это внимания и не отреагировал; молчание было, по-видимому, сочтено Герцлем за знак согласия. Поэтому Членов предложил утвердить на сей раз передачу семи акций директорам с условием, что это не будет рассматриваться в качестве прецедента на будущее. Свое предложение Членов выдвинул на пленарном заседании конгресса, и оно было принято. Так удалось предотвратить кризис.

Страсти вновь разгорелись, когда делегат немецких сионистов Давид Трейч изложил с трибуны свой план еврейского поселения на Кипре. Незадолго до закрытия конгресса ему было предоставлено слово для "инициативного предложения" (содержание которого в повестке дня не уточнялось). Еще до конгресса Трейч пропагандировал идею "широкой Палестины", отстаивая необходимость еврейских поселений и в соседних с Эрец-Исраэль странах. Сионисты России, в подавляющем большинстве отвергавшие любую мысль о поселении вне Эрец-Исраэль, устроили Трейчу обструкцию и

¹ Впоследствии Мандельштам и Ясиновский поддержали "Угандийскую рекомендацию" и, после того как она была отклонена Седьмым конгрессом, после смерти Герцля, вышли из сионистской организации и примкнули к территориалистам.

не дали ему говорить. В зале поднялся оглушительный шум, и даже Герцль, председательствовавший на заседании, не сумел охладить накалившиеся страсти. Он поставил перед конгрессом вопрос, позволить ли Трейчу продолжить свое выступление или нет. Большинство голосов конгресс дал отрицательный ответ, и Трейч покинул трибуну.

”Кипрский инцидент” на Третьем конгрессе воочию продемонстрировал, как велика верность российских сионистов Сиону и насколько непреклонно их сопротивление любому другому территориальному решению. Некоторые усматривают в инциденте с Трейчем прообраз крупного и бурного конфликта, разразившегося в сионистском движении четыре года спустя вокруг вопроса об Уганде.

Конгресс принял также постоянный устав сионистской организации, заменивший действовавшее до сих пор временное положение. В соответствии с новым уставом Исполнительный комитет был официально разделен на так называемый Малый исполком в составе пяти человек — Правление движения и Большой исполком, число членов которого будет устанавливаться заново каждым конгрессом. Правление обязано созывать Большой исполком для обсуждения важных вопросов не реже одного раза в год.

По завершении конгресса российские сионисты дали торжественный обед в честь Герцля, охотно принявшего их приглашение. В речах, произнесенных хозяевами, прозвучали любовь и огромное уважение, которое сионисты России питали к великому вождю сионистского движения, несмотря на имевшиеся расхождения во взглядах.

3. Четвертый конгресс

Первые три конгресса состоялись в Базеле, четвертый же проходил в Лондоне с 13 по 16 августа 1900 года. Крушение надежды добиться с помощью Вильгель-

ма II согласия султана на большую еврейскую алию в Палестину не сломало Герцля: он быстро воспрянул духом и начал поиск других путей добиться приема у султана. Он также пытался при посредничестве некоторых влиятельных на Западе лиц получить аудиенцию у царя Николая II, чтобы через него попасть к султану. И эта попытка провалилась. Тогда Герцль решил пробиться к султану прямым путем и изложить перед ним свой план "чартера", провозглашенный с трибуны Третьего конгресса.

Со времени этого конгресса в сионистском движении, особенно в России, разговоры о "чартере" велись так настойчиво, как будто речь шла о совершенно реальной вещи. Тем временем приблизился срок Четвертого конгресса, а никаких реальных результатов энергичной политической деятельности Герцля не было видно. Зато в организационном плане имелся безусловный прогресс. Движение расширилось в разных государствах, особенно в России. В странах, где прежде вообще не было сионистского движения, появились сионистские организации.

Однако в самой Палестине положение было чрезвычайно трудным. В начале 1899 года барон Ротшильд передал свои поселения компании ЕКО¹, администрация которой начала вводить новые порядки, дабы "улучшить" существующие. В итоге несколько сот еврейских сельскохозяйственных рабочих были уволены. Служащие ЕКО, посчитавшие их "лишними", требовали отправления этих рабочих в другие страны, где есть спрос на рабочую силу. Часть рабочих согласилась, но остальные категорически отказались покинуть Эрец-Исраэль и обратились с призывом о помощи к Ховевей Цион и Всемирной сионистской организации.

¹ ЕКО – Еврейское Колонизационное Общество (или J.C.A. – Jewish Colonization Association). Основано в 1891 г. в Лондоне бароном М.Гиршем с первоначальной целью способствовать колонизации Аргентины евреями-эмигрантами из Восточной Европы. – *Прим. ред.*

В политической сфере, как уже говорилось, продвижения не было. Международное положение не благоприятствовало этому. Война англичан с бурами в Южной Африке и Боксерское восстание в Китае приковывали внимание политиков всего мира. В такой обстановке и при таком положении дел собрался Четвертый конгресс в столице Великобритании, находившейся тогда в эпицентре мировых политических событий. Конгресс должен был послужить своего рода демонстрацией перед внешним миром, и действительно преуспел в этом, вопреки неблагоприятным обстоятельствам.

На конгресс прибыло более 400 делегатов, свыше половины этого числа составили российские сионисты. Предварительные совещания российских делегатов начались еще за пять дней до открытия конгресса. Председательствовал Моцкин. Был сделан обзор культурной работы, и результат признан положительным: основан ряд новых библиотек, читальных залов, реформированных "хедеров"¹, по вечерам преподают еврейскую историю, иврит, еврейскую литературу, Танах и т. д. Было отмечено, что эта работа наталкивалась во многих местах на активное сопротивление со стороны ортодоксов.

На пленарном заседании конгресса отчет о работе Малого исполкома (Правления) зачитал Оскар Марморек. Он говорил о том, что в мире ширится сионистское движение, и отметил, что оно особенно прочно укоренилось в России, где насчитывается около ста тысяч сионистов.

¹ Хедер -- комната (ивр.) -- традиционная для черты еврейской оседлости в России форма надомного обучения детей основам грамоты и религии. Преподавание велось на идиш. Реформированный хедер, в отличие от традиционного, имел сионистское направление, языком преподавания был иврит. Кроме религиозных предметов, там преподавались и светские. Реформированный хедер послужил прообразом будущих еврейских национальных школ.

Снова развернулась полемика по вопросу культуры, и раввины, возглавляемые И.Я.Рейнесом, заявили, что именно это отталкивает от сионизма десятки тысяч верующих евреев. Вейцман это утверждение опроверг, а Моцкин сказал, что не следует преувеличивать влияния раввинов на жизнь еврейства России.

Большой интерес вызвал доклад профессора Мандельштама "О физическом обновлении евреев". Галутное существование евреев приводит к их физической дегенерации в результате крайне неудовлетворительных социальных и гигиенических условий жизни еврейских масс. Надо обновить физический облик еврея, но процесс этот станет возможным только в нашей Стране, на нашей исторической родине. Лишь массовая алия, проводимая со всеми предосторожностями и в требуемых условиях, даст нам новое поколение евреев, здоровых телом и духом. Возможно, что это новое поколение снова подарит миру благую весть, учение социальной справедливости, которая сейчас попирается повсюду. Задача огромна. Быть может, это самая великая задача наступающего столетия, и для ее осуществления необходима воля всего еврейства. Если евреи перестанут стыдиться самих себя и своего народа, перестав тем самым быть посмешищем и объектом презрения всех народов мира; если они развернут собственное знамя и осознают себя как нацию; если в заселение Эрец-Исраэль они вложат все те миллионы, что сейчас идут на учреждения, от которых меньше всего пользы самим евреям; если прекратят заискивать перед соседями-неевреями в попытках заслужить их дружбу, — тогда мы сможем двинуться навстречу обновлению. На братские же к нам чувства со стороны всего человечества в обозримом будущем надеяться нечего. Это братство осуществится еще нескоро.

О духовном росте еврейского народа доклад сделал редактор газеты "Хацфира" Нахум Соколов. Напрасно, сказал он, ортодоксы усматривают в слове "культура" этакую гидру, от которой будто бы исходит угроза для еврейства. Культурная работа несет в

себе великую пользу сионизму и делу национального возрождения еврейского народа. Конгресс должен отнестись к этой работе как к существенной части сионизма, обязательной для каждого сиониста.

Раввин Рейнес выступил против культурной работы, видя задачу сионизма не в ней, а только лишь в заботе о возвращении еврейского народа в Эрец-Исраэль.

Ортодоксы оперировали также доводом, уже знакомым по предыдущим конгрессам: "Еврейский народ нуждается в хлебе, а не в культуре". Против того, чтобы сионистское движение занималось культурной работой, выступил и делегат Ф.Авиновицкий (также российский сионист): он не против культуры как таковой, но считает, что конгресс не должен заниматься этим. За работу на культурном поприще ратовал Вейцман, подчеркнувший, что некоторые пытаются развенчать понятие культуры, в то время как смысл этого понятия, в сущности, заключается в воспитании. Пройдет лет шесть, и мы будем стыдиться того, что здесь, на этом самом месте, запрещали говорить о культуре. Молодежь нуждается в культурной работе. Раввины встают против культуры, так как опасаются отрицательного влияния светского образования, но где были они, когда тысячи евреев переходили в христианство, и что предприняли против этого? Нет правды в утверждениях раввинов, будто еврейские массы не хотят культуры.

Президент конгресса Герцль предлагает снять этот вопрос с повестки дня. Его предложение принимается 120 голосами против 105. Темкин замечает, что итог голосования указывает на то, что сопротивление ортодоксов распространению культуры уже не имеет сильной поддержки в конгрессе.

Одна важная резолюция была принята как бы мимоходом — **принципиальное решение основать национальный фонд для приобретения земельных участков в Палестине.** Окончательное постановление по этому вопросу было вынесено позднее, на Пятом конгрессе.

Четвертый конгресс не дал никаких практических

результатов; его значение состояло лишь в политической демонстрации перед внешним миром, и этой цели он достиг. Лондон был выбран местом конгресса также не случайно. Обсуждения на конгрессе широко освещались английской прессой и печатью остальных европейских стран — Франции, Италии и других. Русская периодика также уделила конгрессу значительное место.

4. Демократическая фракция

Молодые российские сионисты покинули Четвертый конгресс неудовлетворенными. Они не могли примириться с капитуляцией большинства перед религиозно-ортодоксальным меньшинством, изо всех сил боровшимся против культуры. Эта капитуляция произошла под влиянием Герцля, который считал раввинов выразителями настроений широких еврейских масс в России. Так полагали и остальные деятели из среды западных сионистов. Что касается молодых сионистов в России, то, хотя они и ценили политико-дипломатическую работу Герцля, но, тем не менее, не ставили ее во главу угла, как это делал сам Герцль, веривший в скорую возможность современного "исхода из Египта". Молодежь видела необходимость в более углубленной и разветвленной культурной деятельности, особенно в сфере еврейского национального воспитания.

Еще до Второго конгресса в России появились "теоретические кружки", созданные молодыми сионистами для самообразования, преподавания детям, а по возможности и взрослым, следующих предметов: языка иврит, еврейской литературы, еврейской истории, истории зарождения и развития сионизма, географии Эрец-Исраэль и, кроме того, общеобразовательных предметов. Незадолго до Третьего конгресса в России действовало уже около пятидесяти таких кружков. Именно они с удовлетворением восприняли "теоретические

письма" Бернштейна-Когана, главы сионистского "Почтового бюро" в Кишиневе.

Эта молодежь была близка по образу мыслей и настроениям тем студенческим сионистским кругам выходцев из России, что учились в западноевропейских университетах, а все они вместе находились под влиянием духовной школы Ахад-Гаама. Мнения, взгляды и национально-общественные устремления участников "теоретических кружков" нашли свое яркое выражение в выступлениях на конгрессах представителей молодого поколения: Вейцмана, Моцкина и других. Разногласия между молодежью и большинством конгресса по вопросу культурной деятельности, а также требование более строго придерживаться в движении демократических принципов привели молодых к мысли о необходимости самостоятельно организоваться. Так, постепенно, выросла Демократическая фракция — оппозиционная группа в сионистской организации. Большинство ее инициаторов и участников были российскими сионистами, проживавшими как в самой России, так и за границей. Под их влиянием к фракции примкнули и молодые сионисты Запада. В своей книге "Поиски и заблуждения"¹ Вейцман перечисляет ряд причин, давших толчок объединению представителей молодежи и созданию фракции. Он пишет: "Мы были боевой группой евреев с университетским образованием, не имеющей, правда, никакого влияния и поддержки извне, но зато с четкой системой взглядов. Не нравились нам лошениость и псевдоуниверсальность, отличавшие официальный сионизм, все эти фракции и модные костюмы. Эта официальность сионистских конгрессов произвела на меня особенно удручающее впечатление после одного из моих периодических наездов в Россию и встречи с преследуемыми еврейскими массами. Собственно, там (на конгрессе) все было до-

¹ "Trial and Error", London, Hamish Hamilton, 1949.

вольно скромно, но для нас искусственность, напыщенность и великосветские манеры были как ложка дегтя: не могли мы в этом усмотреть признака демократизма, простоты и серьезности движения; нам было не по себе. Будь мы не такими, какими были, нам бы не удалось привлечь сердца учащейся молодежи, которой предстояло возглавить в будущем сионистское движение. Герцль не имел к ним подхода; в отличие от нас, он в прямом и переносном смысле не говорил на их языке, не говорил и на языке еврейских масс России. Если сионистское движение превратилось в действительный фактор в больших студенческих "колониях" на Западе, если оно перестало быть романтическим спортом и заставило его противников относиться к нему всерьез, то все это произошло только потому, что молодые знаменосцы сионистской идеи нашли путь к сердцу учащейся еврейской молодежи.

Имелись и другие, не столь значительные причины, вызывавшие наш протест. Погоня Герцля за сильными мира сего, князьями и правителями, которые должны были "даровать" нам Эрец-Исраэль, напоминала погоню за миражем. Следствием этого, к несчастью, может быть и закономерным, явилось "поправление" руководства. Герцль обращался к сильным и богатым, банкирам и финансовым воротилам, к Баденскому курфюрсту, Вильгельму Второму и турецким властям, затем к Министерству иностранных дел Великобритании. Мы, однако, не очень-то верили в благодетелей, и руководству пришлось почувствовать себя неуютно из-за Демократической фракции. ... Возможно, что русские власти согласились бы терпеть официальный сионизм, представленный бесспорно уважаемыми руководителями; иное дело молодые с их явно выраженным левым уклоном. Мы стали представлять собою "опасность" для движения, превратились в "разрушителей".

Была и третья категория причин. Герцль, как мы убедились, полагался на дипломатическую деятельность, чтобы заполучить для евреев Палестину. На первых конгрессах политические декларации Герцля, хотя

они и носили всегда общий характер, производили живительное и радостное впечатление. Хотя и мы казались себе романтиками и мечтателями, но у нас были скромные мечты. Герцль же брал широко и говорил о международном признании, о "чартере" на Эрец-Исраэль, о массовой эмиграции. Но впечатление тускло и гасло, по мере того как годы шли, не оставляя за собой ничего, кроме высоких слов. Герцль встретился с султаном. Он встретился с кайзером. Он беседовал с английским министром иностранных дел. Он собирался встретиться еще с рядом важных лиц. А толку от всего этого не было никакого. Невольно мы стали скептически относиться к этим туманным переговорам с государственными лидерами".

Названные Вейцманом причины и некоторые другие обстоятельства побудили молодежь организовать. В апреле 1901 года представители студенческих сионистских кругов из городов Западной Европы провели совещания в Мюнхене. Было решено созвать конференцию сионистской демократической молодежи в Базеле 18 декабря — накануне Пятого конгресса, который открывался в Базеле 26 декабря. К началу конференции собралось 40 делегатов, и, пока шли заседания, прибывали новые. Съехались делегаты из России, Германии, Австрии, Франции и Швейцарии. Прибыло также много гостей — в большинстве студенческая молодежь из соседних городов.

Конференцию открыл Вейцман от имени Временного бюро, избранного на совещаниях в Мюнхене, и предложил выбрать президиум. В него вошли Бернштейн-Коган, Вейцман и Моцкин. Слово было предоставлено Вейцману для обоснования программы, которую Временное бюро выдвинуло на рассмотрение конференции. После оглашения программы Вейцман предложил основать автономную фракцию, которая должна быть неотъемлемой частью Сионистской организации. Фракция привлечет к сионистскому движению продуктивнейшие силы еврейства, остающиеся в стороне из-за недостатка демократического духа в Сионистской ор-

ганизации. Новое объединение будет основано на демократических принципах и открыто для критического контроля со стороны еврейского общественного мнения, под наблюдением которого и будет вестись работа. Фракция должна заявить о себе уже на Пятом конгрессе.

О целях и задачах нового объединения сделал доклад Бернштейн-Коган. Он подверг критике методы действия Сионистской организации и выступил против каких-либо оппортунистических уступок ортодоксам, ложному либерализму или социал-демократии. Он особенно подчеркнул необходимость вести культурную работу. Объединение, как и все сионистское движение, базируется на Базельской программе, но члены данной организации, естественно, не смогут заниматься политикой и дипломатией. В экономической работе не следует идти по пути классовой борьбы, поскольку целью является сплочение народа. Бернштейн-Коган предложил основать не фракцию, а лишь объединение молодых сил ради более энергичной деятельности на пользу сионизма.

Моцкин возразил Бернштейну-Когану, заявив, что тот не сказал ничего нового: догмат веры Бернштейна-Когана — это программа сионистов, но не сионистской молодежи. Требуется не просто объединение, а фракция с четким мировоззрением. Это тем более необходимо в связи с тем, что раввины уже организовались. Моцкин не исключал заранее дипломатическую деятельность, как это сделал Бернштейн-Коган; он также не рекомендовал выступать против нее, пока не будет установлено, что она бесполезна.

Моцкин внес предложение о борьбе фракции за демократизацию сионизма в соответствии с его сущностью народно-освободительного движения. Движение необходимо очистить от шовинизма, романтизма и религии. Особенно важно отмежевание от религии, поскольку сионизм не есть прямое продолжение старой еврейской культуры. Сионизм представляет собой новую возможность для самостоятельного развития ев-

рейского народа. Верно, что не стоит отказываться от некоторых форм еврейского прошлого, однако лишь при условии, что эти формы носят бесспорно национальный характер и не имеют ни малейшей связи с религиозным направлением.

Демократическая фракция должна считать своим первейшим долгом борьбу против культа личности, укоренившегося в сионизме. Нельзя личность отождествлять с движением, ибо в таком случае исчезновение личности воспринималось бы как частичная гибель самого движения. Пора также прекратить воскурение фимиама отдельным людям, что только унижает конгресс.

Колониальный банк с самого начала надо строить на принципах справедливости, а таковыми являются принципы кооперации¹. Раз и навсегда следует положить конец бесконечным препирательствам на конгрессах по поводу "культуры", потому что невозможно требовать, чтобы Макс Нордау и раввин Рабинович пришли к одному мнению по этому вопросу. Конгресс должен лишь санкционировать культурную работу, после чего фракция займется ею независимо и самостоятельно.

Что касается экономической сферы, то известно, что в прогрессивных кругах преобладает отрицательное отношение к системе филантропии; однако нельзя закрывать глаза на особое положение еврейского народа, ибо народ, который на 90% состоит из бедняков, не вправе пренебрегать благотворительной деятельностью. Следует поэтому войти в благотворительные учреждения (такие как ЕКО, и другие), дабы влиять изнутри на их деятельность. Кроме того, Моцкин считал, что трудящиеся массы должны иметь свою организацию ввиду наличия у них специфических интересов.

¹ Здесь чувствуется влияние учения Франца Оппенгеймера, создателя доктрины кооперативных поселений. Герцль, приблизивший Оппенгеймера к сионизму, также высказался на Пятом конгрессе за кооперативное поселение.

Конференция велась на русском языке, и это вызвало протест со стороны делегатов нероссийского происхождения. Изучив положение, Вейцман установил, что лишь 3—4 человека из всех собравшихся не понимают по-русски. Рядом с каждым из них посадили по переводчику. В пятницу возник характерный спор, проводить ли заседания конференции и в субботу. Часть делегатов требовала освободиться от религиозного "оппортунизма" и продолжить в субботу работу конференции; другие считали, что не следует задевать чувства верующих. После прений по этому вопросу 19 голосами против 18 было решено не заседать в субботу, ибо "суббота — еврейский национальный праздник".

По окончании прений конференция постановила 37 голосами против 2 и при 10 воздержавшихся основать Демократическую фракцию внутри Сионистской организации и уже в ближайшем будущем приступить к действиям в духе руководящих указаний конференции. И действительно, Демократическая фракция появилась на Пятом конгрессе уже как организованная сила. В последующие годы эта фракция выдвинула таких признанных лидеров Всемирного сионистского движения, как Вейцман, Моцкин и другие. Сыркин к фракции не присоединился из-за сопротивления ее большинства идеям социализма и классовой борьбы. Из числа сионистской молодежи Запада деятельное участие в работе Демократической фракции принимали Мартин Бубер, Бертольд Файвель и другие. От этой же фракции исходила инициатива осуществить предложение, некогда выдвинутое профессором Шапиро, об основании в Эрец-Исраэль Еврейского университета.

Сионистское руководство во главе с Герцлем к новой фракции не мирволило, хотя Герцль и пытался поначалу приблизить ее активистов. Не жаловали Демократическую фракцию и такие ветераны российского сионизма, как Усышкин, Темкин, Мандельштам и другие. Поскольку подавляющее число членов Сионистской организации согласилось с принципами Демокра-

тической фракции, она недолго продержалась в виде отдельного объединения и фактически прекратила свое существование после Шестого конгресса и начала Угандийского кризиса. Ее участники влились в общий сионистский лагерь.

5. Пятый конгресс

В соответствии с решением Сионистского исполкома Пятый конгресс проходил в Базеле с 26 по 29 декабря 1901 года. Несмотря на сомнения Герцля, полагавшего, что из-за зимнего времени на конгресс съедутся не более 80 делегатов, в Базель прибыло 278 делегатов (более половины — из России), около 100 гостей и 80 представителей печати. За три дня до открытия конгресса — 23 декабря — состоялось предварительное совещание делегатов из России.

На первом же заседании произошло острое столкновение и на сей раз не между "политиками" и "практиками", а между молодежью из Демократической фракции и группой ветеранов во главе с Усышкиным. Последние резко критиковали появление фракции, утверждая, что от нее будет только вред сионистскому движению, особенно в России. Усышкин организовал контр-группировку в составе 35 делегатов, дабы ослабить влияние фракции.

Сильнейшей критике подверглась деятельность Бернштейна-Когана — главы "Почтового бюро". Противники его метода заявляли, что он занимается самоуправством и действует по собственному усмотрению, выдавая в письмах и циркулярах свои личные взгляды за позицию всего движения. Особым нападкам он подвергся со стороны Усышкина. В итоге Бернштейн-Коган подал в отставку, причем было решено не обновлять "Почтовое бюро", а предложить каждому уполномоченному поддерживать связь с отделениями своего округа.

Из представленного Бернштейном-Коганом отчета явствовало, что число сионистских отделений в России достигло 965 по сравнению с 825 в предыдущем году. Таким образом, прибавилось 140 новых, участники которых в основном принадлежали к рабочему классу. Был также представлен финансовый отчет. В Постоянную комиссию конгресса были избраны 12 делегатов. Они представляли оба течения — молодежное и ветеранов.

Пятый конгресс не получил никаких известий о новых политических достижениях. Единственная "политическая" новость, о которой сообщил Герцль в своем вступительном слове, свелась к следующему:

"В мае нынешнего года я имел честь получить продолжительную аудиенцию у его величества султана Абдул Хамида. Любезность и сердечность оказанного мне приема пробудили во мне самые радужные надежды. Слова и отношение его величества убедили меня, что в лице правящего калифа еврейский народ имеет друга и доброжелателя. Султан уполномочил меня сообщить об этом во всеуслышание. Пусть знают об этом евреи во всем мире и поймут также, какие это открывает перед ними перспективы, и да будут они, наконец, готовы приступить к действиям, которыми помогут и самим себе и процветанию турецкого государства".

Сионисты России уже не находили интереса в демонстративных конгрессах; особенно их разочаровал Четвертый, лондонский. Их больше не устраивали надежды на скорое политическое спасение, и они возобновили свое требование начать практическую работу в Эрец-Исраэль.

Главная новость, которую принес с собой Пятый конгресс, заключалась в появлении сплоченной организованной оппозиции — Демократической фракции. В общем, фракция не встретила доброжелательного отношения, в том числе и со стороны большинства российских делегатов, как это уже было разъяснено выше. Фракция насчитывала 37 членов, преимущественно молодых людей из России и выходцев из России, прожи-

вающих на Западе. Ведущими ораторами "западников" во фракции были Мартин Бубер и Бертольд Файвель. Из "русских" лидерами были Вейцман, Моцкин, Бернштейн-Коган. Представители фракции требовали дальнейшей разработки идеологии сионизма, расширения демократии в руководстве движением и большего внимания со стороны Сионистской организации к молодежи. В плане практическом они настаивали на принятии четкого и окончательного решения по вопросу о культуре, откладывавшегося от конгресса к конгрессу. Герцль, опасавшийся сопротивления раввинов и старавшийся предотвратить "культурную войну", попытался и на сей раз перенести голосование по этому вопросу на время после выборов в органы движения (исполком и т. д.), то есть на последние часы работы конгресса. От имени Демократической фракции Моцкин потребовал немедленного голосования: если нет времени для прений, решение должно быть вынесено без оных, ибо и так дискуссий по этому вопросу было более чем достаточно на предыдущих конгрессах; требуется лишь постановить в принципе, что культурная работа является неотъемлемой частью деятельности Сионистской организации.

В Пятом конгрессе приняли участие лишь два ортодоксальных раввина — И.Рейнес и С.Я.Рабинович, оба из России. Они выступили против предложения Моцкина, причем особенно непреклонен был раввин Рейнес: его коллега Рабинович питал большую склонность к компромиссу (кстати, именно в его округе сионисты вели разветвленную культурную работу). Когда по желанию Герцля конгресс решил перенести голосование, члены фракции в знак протеста организованно покинули зал. Герцль продолжал вести конгресс и после выборов в органы движения поставил на голосование рекомендации комиссии по вопросу о культуре. Теперь, когда большинством голосов прошла принципиальная резолюция "за культуру", члены оппозиции вернулись в зал. Утверждены были также почти все остальные предложения комиссии по культуре, так что члены

фракции остались довольны исходом голосования.

Принятая конгрессом резолюция по вопросу о культуре гласила: "Конгресс разъясняет, что под понятием культуры он имеет в виду национальное воспитание еврейского народа, рассматривает эту работу как важный пункт сионистской программы и вменяет ее в обязанность каждому сионисту".

Во время прений по этому вопросу Вейцман внес предложение основать еврейское высшее учебное заведение. Приоритет идеи создания еврейского университета в Эрец-Исраэль принадлежал, как известно, профессору Герману Шапиро. На этом конгрессе состоялось решение и по другому предложению профессора Шапиро — об основании Национального земельного фонда, которое он выдвинул на Первом конгрессе, за год до своей смерти. Четвертый конгресс принял лишь принципиальную резолюцию, поручив Исполнительному комитету разработку устава фонда. Во вступительном слове на открытии Пятого конгресса Герцль сказал, что теперь, с началом функционирования Колониального банка, настало время провести в жизнь решение об основании Керен Каemet ле-Исраэль. И действительно, конгресс постановил основать этот фонд в виде постоянно действующего учреждения. В решении говорилось, что фонд является национальным капиталом и не может быть использован ни на какие другие цели, кроме приобретения в Палестине и в Сирии земельных участков. Он должен достичь суммы по меньшей мере в 200 тысяч фунтов стерлингов. В целях сбора средств были отпечатаны особые марки: каждому сионисту вменялось в обязанность наклеивать их на свои конверты. Была также учреждена "Золотая книга", куда заносилось имя любого человека или семьи, пожертвовавших в фонд 10 фунтов стерлингов. Цель Национального фонда — приобретение земель в вечную собственность еврейского народа. Земля не должна продаваться частным собственникам, а может быть отдана лишь в аренду. Так был навсегда установлен принцип национализации земли — принцип, ставший спутником сио-

низма на всем его пути и краеугольным камнем национально-общественного устройства Государства Израиль. Весьма сомнительно, чтобы участники Пятого конгресса, кроме разве немногих, могли тогда полностью осознать значение этой резолюции, и тем не менее они чувствовали ее огромную важность для развития Эрец-Исраэль как родины еврейского народа.

В прениях по поводу работы банка Моцкин выступил от имени Демократической фракции с рядом предложений, имевших целью сохранить демократический характер этого учреждения. Суть предложений сводилась к следующему:

1. Каждый акционер обладает правом лишь одного голоса, невзирая на количество акций, которыми он владеет.

2. Каждый акционер может быть директором банка, вне зависимости от того, сколько у него акций.

3. Учредительские акции являются исключительной собственностью всего Исполкома в целом и, в силу устава, не могут быть переданы больше никому.

Моцкин отметил, что совершенно непонятно, почему директор должен владеть пакетом именно в пятьсот акций. Ведь могут найтись люди, не имеющие возможности приобрести такое количество акций и тем не менее достойные по своим способностям руководить банком.

На конгрессе состоялось также обсуждение того, что сионисты называли "работой данного часа" или "текущей работой"¹. Речь шла о деятельности в экономической и других областях жизни еврейства в диаспоре. Обсуждение завершилось принятием принципа свободы действий для каждой организации в пределах данной страны и в соответствии с местными условиями.

Особое значение для дальнейшего развития Сионистской организации имело изменение, внесенное в организационный устав. Герцль предложил положить в основу структуры движения федеративный принцип. До

¹ "Гейгенвартсарбайт" (нем.).

той поры в каждой стране существовал лишь один отечественный центр, с которым сионистское руководство в Вене поддерживало связь. По новому предложению, 50 отделений, распространивших не менее пяти тысяч "шекелей", получали право объединиться в особую федерацию и вступить в непосредственную связь с Малым исполкомом в Вене. Усышкин выступил против этого изменения, будучи сторонником крайнего централизма и бюрократической структуры в Сионистской организации. Он считал, что с точки зрения руководства работой, организация отделений "снизу" не имеет большого значения. Необходима такая организация, которая будет направляться сверху, и возглавлять ее будут в каждой отдельной стране члены Сионистского исполкома. Членов (избранный на сей раз вице-президентом конгресса, т. к. Мандельштам на Пятый конгресс не приехал) оспорил этот подход Усышкина. По предложению Членова было решено впредь созывать конгресс лишь раз в два года, а в промежуточном году собирать Большой исполком совместно с председателями комиссий на Ежегодную конференцию, называемую также "Малым конгрессом". Эти рекомендации Членова вошли в новый организационный устав. Предложение Усышкина принято не было. Конгресс утвердил федеративный принцип, как предлагал Герцль.

Так открылся путь для возникновения в сионистском движении отдельных партий. Приняли лишь поправку Усышкина о том, что новая сионистская федерация в какой-либо из стран может быть создана только с согласия Малого исполкома в Вене, достигнутого совместно с членами Большого исполкома от данной страны, а в случае разногласий — решающее слово будет за национальной конференцией. То была компромиссная резолюция, до известной степени ограничившая федеративный принцип.

Большой интерес конгресса вызвал доклад Соколова о еврейской истории и науке. Докладчик отметил, что наука об иудаизме в основном сложилась в Западной Европе в 19 веке. Иост, Цунц, Гейгер, Грец и дру-

гие заложили ее основы, однако она осталась оторванной от еврейской действительности. Сионизм, пробуждающий еврейский народ к общему обновлению его жизни, должен сыграть ту же роль и в отношении наук, предметом которых является изучение еврейства.

Сионистские конгрессы, как и другие крупные публичные собрания, тем более с участием делегатов из разных стран, порой становились ареной личных стычек. Есть смысл рассказать об одном таком инциденте, происшедшем на Пятом конгрессе, так как он проливает свет на отношения между русскими и немецкими евреями в сионистском движении того времени. В первый день конгресса, на послеобеденном заседании, вспыхнул спор по поводу того, кто лучшие сионисты — "немцы" или "русские". Д-р Клей, из германских делегатов, утверждал, что немецкие сионисты заслуживают особой похвалы: в своей работе им приходится сталкиваться с многочисленными затруднениями, поскольку в Германии евреи очень ассимилированы и вообще далеки от всего, что касается еврейства. В этом смысле русским сионистам легче, ибо они действуют в среде еврейских масс, твердо придерживающихся национальных традиций. Верно, добавил Клей, что в количественном отношении верх берут сионисты России; но в качественном, интеллектуальном смысле первенство за сионистами Германии. Заявление Клея, задевшее честь российских сионистов, вызвало резкую реакцию с их стороны, и несколько ораторов поднялись друг за другом на трибуну. Они прежде всего отметили, что и в России сионистам приходится сталкиваться с многочисленными противниками. Что же касается духовного, интеллектуального уровня, то сионисты России отнюдь не уступают немецким сионистам, а возможно и превосходят их, учитывая тот факт, что подлинная еврейская интеллигенция имеется лишь в России.

Вейцмана огорчали противоречия между российскими и западными евреями, он противился внесению диссонансов и "племенной" розни в отношения между ними. В то же время он не закрывал глаза на причины

самого явления и даже описал их в своих мемуарах "Поиски и заблуждения", вышедших пятьдесят лет спустя. Там он по этому поводу, между прочим, говорит:

"Западное восприятие сионизма было лишено, на наш взгляд, еврейского духа, теплоты и понимания еврейских масс. Герцль не знал русского еврейства; не знали его и примкнувшие к Герцлю западники — Макс Нордау, Александр Марморек и другие. Герцль с его способностями быстро постиг сущность русского еврейства — но не другие: они не верили, что еврейство России в состоянии дать движению руководителей. Герцль же научился ценить русское еврейство, после того как встретился с его представителями и познакомился с ними на Первом конгрессе в Базеле. Он написал об этом сразу после конгресса, дав русским евреям самую высокую оценку.

И тем не менее, при всей своей интуиции, при всем своем доброжелательном понимании Герцль не мог в корне изменить своего подхода к сионизму. Что уж говорить о людях более скромного масштаба из его окружения. Сионизм западников был в наших глазах понятием механистическим, можно сказать, чисто социологическим, основанным на абстрактной идее, без корней, берущих начало в традиции и еврейском народном чувстве. Поскольку мы находились вне руководства движением, его лидеры считали, что мы должны чувствовать себя облагодетельствованными, а не так, как мы себя ощущали — источником подлинной мощи движения. Мы, несчастные русские евреи, должны быть переправлены в Эрец-Исраэль с их помощью, помощью свободных граждан Запада. Если же Эрец-Исраэль окажется недоступной — что ж, придется им подыскать для нас какую-нибудь другую территорию".

И все же, несмотря на оппозицию Герцлю и его критику со стороны российских сионистов, его глубоко почитали в кругах студенческой молодежи, вожди Демократической фракции и ее активисты. И это тоже засвидетельствовано Вейцманом в его воспоминаниях:

”Герцля мы любили и почитали, и знали, что он — великая сила во Израиле. Но в движении мы ему оппонировали, так как чувствовали, что мало двух-трех лиц, разъезжающих по свету, дабы от нашего имени побеседовать с сильными мира сего. Это мы были рупором еврейских масс в России, искавших в сионизме выражения своей независимости, а не одного лишь спасения. Мы считали, что должны следовать по стопам билуйцев, только в значительно более широком масштабе; лишь это увлечет молодежь, разбудит дремлющие в нашем народе силы и создаст истинные ценности. Герцлю все это было чуждо с самого начала. Однако теперь, после того как я узнал и изучил венскую среду, в которой рос и жил Герцль — вдали от всех бед и сложностей, переполнявших нашу жизнь, и в особенности когда я сравниваю его с другими венскими интеллигентами того же или более позднего времени (Шницлер, фон-Гофмансталь, Стефан Цвейг), я поражаюсь величию Герцля, глубине его интуиции, позволившей ему так много постичь в нашем мире. Он был первым и единственным — и нет равного ему среди западных лидеров, но и он не был достаточно могуч, чтобы сокрушить стереотип своего мышления. В границах этого стереотипа, благодаря своим выдающимся способностям и безграничной самоотверженности, он принес делу пользу неоценимую. Образ его в сионизме не забудется никогда”.

О любви и преклонении перед Герцлем со стороны оппозиции рассказывает сионистский деятель Борис Гольдберг в своих воспоминаниях о Пятом конгрессе:

”Несмотря на оппозиционный характер, фракция с любовью относилась к президенту конгресса, и когда в конце конгресса главное требование фракции — признание для сионистов обязательности национального воспитания — было принято конгрессом чуть ли не единогласно, примирение было полнейшее.

Помнится мне характерное шутиливое замечание одного из вожakov фракции, д-ра Вейцмана, когда он в

день после заключения конгресса представил фракцию д-ру Герцлю:

— Вот перед Вами самая *преданная* оппозиция *Вашего Величества*¹.

Глава восьмая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВНУТРЕННИХ СПОРОВ

1. Основание Мизрахи

На учредительной конференции Демократической фракции (декабрь 1901 года) Моцкин мотивировал необходимость создания самостоятельной фракции также и тем обстоятельством, что "раввины уже сорганизовались". И действительно, раввины выступили организованно уже на Четвертом конгрессе, летом 1900 года в Лондоне, поведя энергичную борьбу против предложения включить культурную работу в программу сионизма, и преуспели в этом: конгресс принял рекомендацию Герцля (правда, с небольшим перевесом: 120 голосов — за, 105 — против) снять этот вопрос с повестки дня. Однако тогда еще не была создана постоянная, организованная религиозная фракция. Это произошло лишь после Пятого конгресса, где под давлением Демократической фракции прошла резолюция, гласившая: "Конгресс разъясняет, что под понятием культуры он имеет в виду национальное воспитание еврейского народа, рассматривает эту работу как важный пункт сионистской программы и вменяет ее в обязанность каждому сионисту". Формулировка этого решения, в которой отсутствовал принцип религиозного воспитания, и вызвала у раввинов стремление органи-

¹ Гольдберг Б.А. Конгрессные типы. Вильна, 1903.

зоваться в самостоятельную сионистскую религиозную фракцию с двумя главными задачами: а) привлечь к сионизму симпатии религиозных кругов, в основном раввинов; б) вести борьбу против включения светской просветительной работы в программу сионизма.

В феврале 1902 года в Вильно, на конференцию под председательством раввина Ицхака Якова Рейнеса из Лиды (Виленской губернии), собрались 72 делегата от религиозных сионистов из различных городов России, среди них 24 раввина, чтобы основать самостоятельную сионистскую религиозную фракцию в рамках Сионистской организации. Кроме инициатора конференции раввина Рейнеса, в числе учредителей были также раввины Самуил Яков Рабинович, Пинхас Розовский, Нахум Грингауз, Иехуда Лейб Дон-Яхья, Иехуда Лейб Хаккоэн Фишман (Маймон) и другие; присутствовали писатель Авраам Яков Слуцкий, писатель и историк Зеэв Явец, литератор и проповедник Ицхак Ниссенбаум и другие. После двухдневных совещаний была основана национально-религиозная организация "Мизрахи"¹.

Ицхак Ниссенбаум выступил с докладом о состоянии сионизма в России и о путях распространения сионистской идеи среди набожного еврейства страны. После принятия программы новой организации было решено сообщить сионистскому руководству в Вене об основании организации Мизрахи в качестве религиозной фракции, а также выразить д-ру Герцлю и его сподвижникам полное доверие.

В принятой на конференции программе говорилось:
"Мизрахи объединяет всех верующих сионистов, ортодоксальных и умеренных, согласных с содержанием программы;

Базельская программа принимается без изменений;
вопросы, связанные с развитием и заселением Эрец-Исраэль, составляют задачи организации Мизрахи;

¹ Ставшая позднее международной конфедерацией. — *Прим. редактора.*

все виды деятельности, не входящие в основную сионистскую работу, не следует включать в сионистскую программу, однако каждое отделение вправе всем этим заниматься соответственно местным условиям и в религиозно-ортодоксальном духе;

отделения Мизрахи обязаны выполнять резолюции конгрессов, подчиняться указаниям окружных уполномоченных и переводить членские взносы (средства от продажи "шекелей") в финансовый центр Всемирной сионистской организации;

Мизрахи распространяет сионизм среди всего еврейского народа в целом и набожных слоев еврейского населения в частности;

отделения фракции не вправе действовать в противоречии с религиозно-ортодоксальным духом;

социал-демократы не могут быть членами Мизрахи;

Мизрахи надлежит заботиться об увеличении числа ортодоксальных делегатов на сионистских конгрессах;

группы, которые пожелают присоединиться к новому объединению, должны доказать свою принадлежность к общей сионистской организации в России и получить подтверждение на этот счет у окружного уполномоченного;

Мизрахи будет укреплять работу союзов в духе традиции и ортодоксальности".

Учредительская конференция поручила Зезву Явецу составить первое воззвание организации Мизрахи, где говорилось: "Торе Израиля, являющейся душою нации, более невозможно осуществляться в полную силу в странах диаспоры, и ее заповедям не дано там сохраниться в полной чистоте. Поэтому следует обратить сердца Израиля к Сиону и Иерусалиму, где и бедняки нашего народа обретут желанный покой. Возрождение надежд на возврат в Сион даст нашему народу надежную опору и особый облик, убежище Торе нашей и всем ее святыням. Сион и Тора — суть две святыни, дополняющие одна другую и нуждающиеся друг в друге".

В приведенных выше пунктах программы сквозит заблаговременное сопротивление культурной работе

как органической части сионистской работы, а также стремление противопоставить светской воспитательной работе религиозно-ортодоксальное воспитание.

2. Навстречу Второму съезду сионистов России

После Пятого конгресса, где были приняты изменения в организационном уставе Сионистской организации, в среде русских сионистов возникла мысль о необходимости созвать съезд. Поскольку в соответствии с поправкой к уставу конгресс отныне должен собираться лишь раз в два года, 1902 год как "неконгрессный" подходил для проведения съезда. Сионистская организация в России, хотя и не была нелегальной, на деле работала не имея на то законного основания. Власти не предпринимали строгих мер против сионистских кружков, однако стояли поперек дороги и ограничивали их работу. Сионистская деятельность в России была организована по округам, во главе которых, в большинстве случаев, стояли уполномоченные — они же члены Большого сионистского исполкома, представляющие в нем русских сионистов.

Когда было выдвинуто предложение о созыве Второго всероссийского съезда (Первый состоялся в Варшаве в 1898 году накануне Второго конгресса), за него проголосовали почти все уполномоченные, кроме двух-трех воздержавшихся. Разногласия возникли по поводу даты и особенно места проведения съезда. Предлагались разные города: Одесса, Варшава, Вильно, Белосток, Минск. В итоге большинство сошлось на Минске и дате — 22 августа 1902 года.

Теперь встал вопрос о получении разрешения на созыв съезда. Инициаторы замыслили провести его с участием многочисленных представителей всех течений сионистского движения в России. Подобный съезд невозможно было устроить нелегально, а чтобы получить разрешение, надо было обратиться к всемогущему министру внутренних дел Плеве, снискавшему печальную

известность своей реакционной и антисемитской политикой. Царские власти, как правило, противились любым проявлениям национальных чувств среди меньшинств Российской империи. К сионизму, однако, они относились двойственно: с одной стороны — отрицательно, как к национальному движению любого из меньшинств; с другой же — положительно, поскольку сионизм предполагал эмиграцию евреев из России. И еще: сионизм ставил перед еврейской молодежью идеал большой привлекательной силы, способный оторвать ее от революционных движений, а также ослабить еврейский социал-демократический Бунд. Кроме того, Плеве стремился разобраться в сущности сионистского движения и выяснить те его аспекты, которые могли бы повредить самодержавному строю. Есть основание полагать, что эти соображения побудили Плеве на сей раз согласиться на созыв съезда. Его агенты пристально следили за всем ходом съезда. Чиновники Третьего отделения уже давно вели сыск и проверку, дабы установить, в чем сущность сионизма, и, главным образом, выяснить его отношение к социализму — нет ли какой-либо связи между этими двумя движениями. Спор вокруг Демократической фракции и обвинения ее в "нигилизме", "анархизме" и тому подобных вещах вызывали подозрение.

Плеве отдал распоряжение местным властям разрешить созыв съезда в Минске. Таким образом, это был первый легальный сионистский форум в царской России, но также и последний: прения на съезде убедили власти, что сионистская организация — не просто общество, выступающее за эмиграцию евреев, а национальное массовое движение за возрождение еврейского народа, принимающее близко к сердцу страдания и бедствия еврейских масс и заботящееся об улучшении их положения.

Разрешение было получено в конце июня, и инициаторы тотчас приступили к делу. Ответственность за организацию съезда решено было возложить на д-ра Григория (Цви) Брука, уполномоченного по Витеб-

ской губернии, к которой тогда относился Минск, а также на адвоката Шимшона Розенбаума как представителя минских сионистов. Ш.Розенбаум и его земляк Ицхак Бергер возглавили организационную комиссию. В программу съезда были включены следующие пункты: отчеты информационного бюро и финансового центра; организационные вопросы; Национальный земельный фонд; касса финансирования поселения евреев (Колониальный банк); национальное воспитание и образование (воспитание и культура); экономические вопросы; поселение (в этот пункт был также включен вопрос взаимоотношений сионистской организации в России с Одесским комитетом); методы пропаганды и др.

3. Минский съезд

Выборы на Минский съезд проводились тайным голосованием. Каждые сто обладателей "шекеля" избирали одного делегата. Право посылки делегата было предоставлено и отделениям с меньшим числом участников, нежели сто. Вместе с тем установили и максимум: число делегатов от одного города не должно было превышать десять человек. На съезд прибыло свыше 500 делегатов — больше, чем на любой сионистский конгресс. Явились также сотни гостей и около 70 корреспондентов и репортеров, представлявших почти шестьдесят газет — еврейских и русских. Среди делегатов съезда были представители двух четко оформленных течений: фракция Мизрахи (около 160 делегатов) и Демократическая фракция (около 60). Большинство делегатов, не принадлежавших к тому или другому организованному крылу, образовали центр. Было также небольшое число сионистов-социалистов, главным образом с юга России. Подавляющее большинство делегатов съезда стремились соединить политический сионизм с практической работой по заселению Эрец-Исраэль. Все три фракции — Мизрахи, Демократическая фракция и "нейтралы" (центр) — провели

предварительные совещания. Съезд получил у общественности название "Конгресса российских сионистов"; он вызвал огромный интерес и широкий отклик как еврейской, так и русской публики (либеральной и реакционной); о нем писали в прессе и друзья и противники.

Съезд открыл окружной уполномоченный д-р Брук. Уже во время выборов президиума обнаружились противоречия между делегатами и различными фракциями. После долгих прений было принято предложение избрать председателем д-ра Членова, его заместителями — Усышкина, Розенбаума и Ясиновского; остальных уполномоченных — членами президиума. Членов повел съезд умно, с большим тактом и успехом. Это была личность, вызывавшая уважение у всех присутствующих. Вот как описывает его избрание корреспондент газеты "Хацфира".

"В председатели единогласно был избран д-р Членов. Страсти, бушевавшие во время выборов, в мгновение ока стихли и перешли в священную тишину, как только этот обаятельный человек взял в руки председательский молоток. Он не кричит, почти не повышает голоса, и тем не менее его слышно во всех концах зала. Все, кажется, охотно принимают и его резкие замечания, когда он призывает к порядку" ("Хацфира", № 192, 1902 г.).

Подобный отзыв о влиянии Членова на публику имеется и в другом месте¹.

¹ Иосиф Элиаш в сборнике "Воспоминания сионистов из России" (Тель-Авив, 1955) рассказывает, что на одном из бурных заседаний успокоить присутствующих пытались и Темкин и Усышкин, но напрасно; так продолжалось до появления за столом президиума Членова, который, трижды стукнув молотком, как по мановению волшебной палочки, утихомирил страсти; его выслушали в полной тишине и приняли его предложение о порядке прений. Автор воспоминаний добавляет, что тогда же он вынес для себя любопытный урок: соревновались два лидера: Усышкин — "железная рука" и Членов — "доброе сердце". И вот чудо: не "железная рука", а именно мягкосердечный Членов одержал победу.

При оглашении полученных съездом приветствий бурные продолжительные овации вызвала телеграмма д-ра Герцля. Это было выражением того преклонения перед великим вождем сионизма, которое питали к нему российские сионисты всех течений, невзирая на разногласия и критику его линии в определенных вопросах. Горячими аплодисментами было встречено также устное приветствие ветерана движения Хибат Цион писателя Лилиенблюма от имени Одесского комитета. Он намекнул на то, что до сих пор Комитет не мог публично и гласно проявить свои симпатии к сионизму, однако теперь, после получения от властей разрешения на съезд, положение изменилось; он произнес традиционное благодарственное благословение за то, что дано было дожить до дня этого официального и большого форума.

В центре повестки дня съезда стояли два вопроса: организационный и культурный. По первому вопросу докладчиком был Усышкин. Он снова предложил централизовать структуру движения, но и на сей раз его рекомендации не были приняты большинством участников. Он предложил также организовать авангардный отряд молодых сионистов — нечто вроде сионистской гвардии — под именем Бней Акива (Сыны Акивы), холостые участники которого по меньшей мере два или три года будут целиком посвящать себя работе в диаспоре и в Стране. Хотя это предложение вызвало большой интерес, съезд его не принял. Лишь спустя пятнадцать лет осуществилась эта идея: была основана организация Хехалуц и не для временной службы, а с тем, чтобы ее участники посвятили себя служению народу на всю жизнь.

Центральным пунктом прений на съезде явился вопрос "культуры", вокруг которого ломались копы уже несколько лет — и на Первом съезде российских сионистов в Варшаве (1898 г.), и на конгрессах. Это было продолжение внутренних споров в сионистском движении. Основной доклад по этому вопросу сделал (на русском языке) Ахад-Гаам, прибывший на съезд

в качестве частного лица по приглашению организаторов. Как известно, Ахад-Гаам не принял политический сионизм и резко критиковал линию Герцля.

В большой речи Ахад-Гаам изложил свой взгляд на органическую связь между национальным возрождением и культурной деятельностью. Он и на сей раз критиковал политический сионизм, пренебрегающий делом еврейской культуры: фанатики от политики и религиозно-ортодоксальные фанатики сомкнулись в едином строю против культурной работы. Религиозные опасаются, что культурная деятельность повредит религии и оттолкнет набожных людей от сионизма; "политики" же боятся, что от культурной работы пострадает "главное", "подлинное" дело сионизма. А что в действительности? В кружках, где по-настоящему занимаются культурной работой, основывают школы для детей, читальни для взрослых и т. п., жизнь бьет ключом, их члены активны и в практической сионистской работе, она им удается; в то же время там, где отдают дань сионизму только продажей "шекелей" и акций да "политическими" разговорами, — там, в большинстве случаев, чувствуются пустота и отсутствие живого содержания, что неминуемо ведет к вымиранию и распаду.

Итак, культура — фундаментальная и органическая часть сионизма, его душа и живая вода. Анализируя с теоретической точки зрения общее понятие культуры и сущность культуры еврейской, Ахад-Гаам приходит к выводу, что еврейской национальной литературе принадлежит лишь то, что написано на еврейском национальном языке. Все, что пишется нашими соплеменниками на других языках, не может быть включено в это понятие. К "другим языкам" Ахад-Гаам относит и идиш или, как он его называет, "жаргон", ибо еврейским национальным языком является исключительно иврит. Поэтому только этот язык был, есть и будет национальным языком еврейского народа, и лишь литература на этом языке пребудет вовеки еврейской национальной литературой. Докладчик повторил свой известный тезис о "духовном сионизме" и указал, что осно-

вание в Эрец-Исраэль одного высшего учебного заведения для преподавания наук и литературы, а также академии языка иврит больше продвинет сионизм к его цели, чем сто земледельческих поселений. Вместо лозунга "завоевание общин" следовало провозгласить "завоевание школ", чтобы воспитывать молодое поколение в национальном еврейском духе.

В заключение Ахад-Гаам сделал съезду два предложения: а) основать особую, независимую организацию, основная цель которой будет состоять в создании духовного центра в Эрец-Исраэль¹; б) избрать две отдельные и независимые друг от друга комиссии по культуре: религиозную и светскую. Тем самым будет снята боязнь ортодоксов, что религиозному воспитанию может быть причинен ущерб. Отвечая оппонентам, Ахад-Гаам пренебрежительно отозвался о политическом сионизме и заявил, что не верит в политические трюки. Это вызвало резкие протесты делегатов Мизрахи и центра. Президиуму с трудом удалось успокоить зал.

О практической стороне культурной работы говорил Соколов, прочитавший свой доклад на иврите. Он возразил Ахад-Гааму, который не придавал значения материальной базе сионизма, и сказал, что еврейский народ прежде всего нуждается именно в материальной базе, дабы со всей возможной быстротой создать родину для многострадающей еврейской нации. Без такой базы духовного центра не построить. Соколов внес ряд практических предложений по поводу открытия начальных школ типа реформированного хедера, создания учреждений для подготовки еврейских учителей, участия в распространении словаря Элиэзера Бен-Иехуды,

¹ Речь идет не об основании определенного учебного заведения. По Ахад-Гааму в с я Эрец-Исраэль должна стать духовным центром ресееанной нации, чтобы объединить ее, связать прежде всего духовными узами. Лозунг Ахад-Гаама — "возрождение сердец". — *Прим. ред.*

субсидирования национальной библиотеки в Иерусалиме, основанной д-ром Хазановичем и др.

Прения по вопросу культуры продолжались три дня. Делегаты Мизрахи (раввины Рейнес, Рабинович и другие) энергично протестовали против включения культурной работы в сферу сионистской деятельности, в то время как представители Демократической фракции (Вейцман, Моцкин и другие) пылко защищали работу на поприще культуры. Часть делегатов "центра" поддерживала позицию ортодоксов, другая стояла за Демократическую фракцию. По остальным пунктам повестки дня с докладами выступили: адвокат Розенбаум — о Национальном земельном фонде, профессор Белковский — о Колониальном банке, д-р Членов — о поселении в Эрец-Исраэль и д-р Хаим Дов Горовиц — об экономической работе сионистов в диаспоре. Д-р Горовиц говорил об обнищании еврейских масс, о вытеснении их с экономических позиций и призывал к организации товариществ, кооперативов, кредитных учреждений и т. п. Ввиду недостатка времени, прений и решений по этому докладу не было. Постановили отложить их до следующего съезда. Активное участие в съезде принимали также гости из Эрец-Исраэль: Шошана Иоффе, директор женского училища в Яффе, Хемда Бен-Иехуда (жена Элизера Бен-Иехуды), Иехошуа Эйзенштадт (Барзилай) и Исраэль Белкинд из билуйцев, служивший в то время учителем в еврейских школах в Стране.

Резолюции по всем пунктам — Национальный земельный фонд, поселение в Эрец-Исраэль, Колониальный банк — были утверждены без особых осложнений. Камнем преткновения, как уже говорилось, стал вопрос "культуры". По предложению Членова съезд поручил президиуму совместно с раввином Рейнесом и Ахад-Гаамом сформулировать компромиссный проект решения, приемлемого для всех сторон. В день закрытия съезда (продолжавшегося семь дней вместо запланированных пяти) делегаты в крайнем напряжении ждали результатов совещания президиума, так как су-

существовали серьезные опасения раскола в движении. Велика была радость всех присутствующих, когда оказалось, что все-таки удалось прийти к компромиссному решению. Председатель совещания Усышкин объявил, что президиумом принято следующее согласованное предложение по вопросу о культуре.

”Стремясь осуществить решение, принятое на сионистском конгрессе в Базеле, и усматривая в развитии национального еврейского воспитания обязанность сионизма, съезд считает правомерными оба существующих течения в вопросе воспитания народа — национально-традиционное и национально-прогрессивное (светское) и избирает соответственно две комиссии. Комиссии будут работать самостоятельно и независимо одна от другой”.

Когда делегаты съезда единогласно приняли эту резолюцию, председательствующий Усышкин сказал присутствующим: ”Господа, у вас есть основание для радости!” И действительно, в зале стихийно вспыхнуло радостное оживление: удалось избежать раскола! Один из раввинов поднялся на сцену и взволнованным голосом прочитал стих из Книги Псалмов: ”Господь дает силу народу Своему, Господь благословит народ Свой миром”.

Второе предложение Ахад-Гаама об учреждении особого и отдельного от Сионистской организации комитета по культурной работе было отвергнуто подавляющим большинством голосов. В две комиссии по делам культуры и воспитания были избраны: от Мизрахи — раввины И.Я.Рейнес, С.Я.Рабинович, П.Розовский, писатель З.Явец и З.Гурлянд; от ”прогрессистов” — Ахад-Гаам, Х.Н.Бялик, д-р Клаузнер, Авраам Идельсон и д-р Бернштейн-Коган.

Заключительную речь произнес д-р Членов, предложивший, между прочим, послать приветственную телеграмму Герцлю. Предложение вызвало бурные продолжительные овации. Когда Членов объявил о закрытии съезда, все участники поднялись со своих мест и запели ”Хатикву”. Очевидцы рассказывали, что энтузиазм,

охвативший зал, напоминал атмосферу во время закрытия Первого конгресса в Базеле. Корреспондент "Хацфиры" оставил нам описание этих минут высокого подъема духа:

"В четвертом часу дня прозвучали стук председательского молотка: раз, два, три и голос председателя д-ра Членова: *"Первый слет [см. прим. на стр. 71] сионистов России объявляю закрытым"*. В один момент зал превратился в огромный хор, и окна загудели от мощного пения "Хатиквы". Члены президиума покидают сцену и смешиваются с остальными делегатами. Многие столпились у сцены, громко скандируя имена членов президиума, словно отказываясь расстаться с милыми их сердцу лицами. Еще минута — и вот уже весь зал безостановочно выкрикивает эти имена: Членов, раввин Рабинович, Усышкин, Белковский, Розенбаум, Темкин, Ясиновский, Гольдберг! Оглушительное скандирование не прекращалось, пока названные снова не поднялись на сцену, выстроившись у стола и кланяясь растроганно и благодарно. Когда же они спустились, публика начала вызывать остальных героев дня: раввина Рейнеса, Ахад-Гаама, Соколова, Моцкина, Вейцмана. От громких голосов дрожали станы. Усышкин вышел с Ахад-Гаамом, и оба заключили друг друга в объятия. Раввин Рейнес и Вейцман обменялись рукопожатием и тоже сердечно обнялись. Крикам "ура!" и аплодисментам не было конца и краю, они продолжались целых два часа"¹.

Минский съезд стал важной вехой в развитии сионистского движения в России. Он получил громкий отклик в печати (еврейской и русской) и среди широкой общественности. Многие деятели движения надеялись, что после этого съезда, состоявшегося с разрешения властей и под их наблюдением, произойдет перемена к лучшему в отношении режима к сионистскому движению, так что впредь оно сможет существовать легально. Очень скоро, однако, выяснилось, что это были напрасные надежды.

¹ "Хацфира", № 224, 1902 г.

4. Книга Герцля "Альтнойланд"

Спустя месяц после закрытия Минской конференции вышла в свет книга Герцля "Альтнойланд"¹. Книга была написана по-немецки и издана в Лейпциге. Это — роман-утопия, который изображает процветающую Палестину через двадцать лет после получения "чартера" от турецких властей — события, отнесенного в романе на 1903 год. К работе над книгой Герцль приступил в начале октября 1899 года, но то и дело оставлял ее ввиду загруженности политическими делами. Роман был закончен через три года, и книга вышла в начале октября 1902 года. В том же году Соколов перевел ее на иврит под названием "Тель-Авив"².

Действие романа начинается в 1902 году. Главный его герой — молодой адвокат из кругов ассимилированной еврейской интеллигенции в Вене, который разочарован образом жизни своей среды и вообще отчаялся в жизни. В таком душевном состоянии он знакомится с богатым немцем-христианином, бывшим офицером, также разочаровавшимся в жизни и в обществе. Оба решают уединиться на маленьком тихоокеанском острове. По пути к острову на своей частной яхте они ненадолго заглядывают в Палестину. Их глазам представляется то, что Герцль увидал там в конце 1898 года... Оттуда они отплывают на остров, где проводят двадцать лет, живя уединенной, здоровой и безмятежной жизнью вдали от цивилизованного общества. По прошествии двух десятилетий друзья прекращают свое

¹ "Новая древняя родина". На русском языке вышла в России в 1902 г. под названием "Страна возрождения". — *Прим. ред.*

² В книге пророка Иезекииля (3:15) "Тель-Авив" упоминается как обозначение населенного места. Видимо, отсюда его и взял Соколов. И уже из романа, для увековечения памяти Герцля, имя это в 1910 г. дано было новому городу его основателями.

затворничество, дабы увидеть мир, который они покинули. В Египте они узнают, что Палестина тем временем изменилась, превратясь в чудесно обновленный, цветущий край, и решают посетить ее. Их яхта бросает якорь в Хайфском порту, они сходят на берег, и взорам их открывается современный портовый город обновленной Палестины, которая и есть "альтнотланд". За тот исторически короткий промежуток времени, что они провели на далеком острове, в Палестине сложилось еврейское общество, оно же "новое общество", существующее на этой земле по праву дарованного турецкими властями "чартера". Евреи массами переселились в страну, возделав ее средствами современной техники. Они воздвигли села и города, университет, академию искусств, театры, оперу и т. д. Образование в еврейском обществе для всех бесплатное, от детского сада и до университета в Иерусалиме. "Новое общество" построено на основах кооперации, при соблюдении свободы личности. В этом обществе царит терпимость по отношению ко всем религиям и народам; здесь все равны, без различия веры, расы и пола, и все жители — евреи, арабы и люди других национальностей — живут в мире, братстве и дружбе.

Как в любом тенденциозном произведении, с литературной точки зрения в "Альтнотланд" есть много недостатков. Однако основная цель Герцля состояла в том, чтобы показать народам мира, что осуществление сионистской идеи принесет пользу и счастье не только одним евреям, но всему человечеству. Кроме того, он старался особенно подчеркнуть, что по достижении политической независимости евреи построят в своей стране справедливое общество, основанное на принципах религиозной, духовной и расовой терпимости, в котором будет царить человеколюбие. Евреи, постоянно страдавшие от преследований и унижений, не допустят, чтобы все это имело место на их обновленной родине.

Роману Герцль предпослал эпиграф: "Если вы захотите, это не будет сказкой...". А в послесловии он доба-

вил: "Но если не захотите, то все, о чем я тут вам рассказал, — это сказка, сказкой и останется".

Если сравнить теперь утопию, нарисованную в "Альтнойланд", с действительностью государства Израиль, то окажется, что в смысле экономического развития реальность далеко обогнала воображение Герцля в 1902 году, чего, к сожалению, нельзя сказать о проблеме мира, братства и дружбы между всеми национальностями. Современники Герцля увидели в картине, нарисованной в "Альтнойланд", пустую фантазию. Особенно рассердился на книгу и ее автора Ахад-Гаам, который, как известно, не вступил в сионистскую организацию и не прекращал своих нападок на политический сионизм и его вождей. Выход книги послужил ему новым поводом для атаки на Герцля, на его подход к сионизму и политическую линию.

Глава девятая

КИШИНЕВСКИЙ ПОГРОМ

1. Характер погрома

Через семь месяцев после Минской конференции произошел еврейский погром в Кишиневе, главном городе Бессарабии. На первый взгляд, взрыв этот был внезапным и стихийным, но на деле погром готовился сверху по заранее разработанному плану. Его идеологом был министр внутренних дел Плеве, а исполнителем — Павулаки (Паволакый) Крушеван, мелкий чиновник, издававший при поддержке государственной казны две антисемитские газеты: одну в Кишиневе, другую в Петербурге.

Конечно, после ужасной национальной катастрофы, которая постигла наш народ в сороковые годы нынешнего века, когда Гитлером и его подручными были

истреблены шесть миллионов евреев, все преследования и еврейские погромы в царской России кажутся ничтожными. Кишиневский погром в апреле 1903 года¹ также может теперь показаться только заурядным эпизодом на долгом страдальческом пути еврейского народа. Однако с исторической точки зрения это было потрясающее и чреватое многочисленными последствиями событие, притом не только в истории русских евреев, но и всего еврейского народа.

Исследователи той поры то и дело наталкиваются в воспоминаниях современников о погроме на такие выражения, как "кишиневская бойня", "резня", "убийство" и им подобные. То же мы находим и в поэме Бялика "Сказание о погроме" (по цензурным соображениям вышедшей в то время из печати под названием "Сказание о Немирове"²). Все эти эпитеты не были слишком сильными, ибо в новое время даже в России, этой "классической" стране еврейских погромов, не было ничего подобного. Около 50 убитых, многие сотни раненых (в том числе тяжелораненые, оставшиеся до конца своих дней калеками), тысячи евреев, лишившихся крова, почти 1500 разгромленных и разграбленных еврейских домов и лавок — таков кровавый итог этого погрома, сопровождавшегося жестокостями и надругательством, подобно резне времен Богдана Хмельницкого. Но Кишиневский погром разразился в начале 20 века, в эпоху расцвета западной демократии и парламентаризма, упрочения гуманистических идей, бурного развития науки и техники в Европе и Америке. Потому-то так потрясены были евреи и весь просвещенный мир.

¹ Громилы бесновались трое суток кряду: 6, 7 и 8 апреля. Начался погром на седьмой день еврейской Пасхи, который совпал с первым днем Пасхи православной.

² Немиров — город в Подолии, где в 1648 г. казаки Хмельницкого учинили кровавый погром, вырезав почти все еврейское население — 6000 человек.

Еврейские историки отмечают, что Кишиневский погром был началом нового периода погромов в России. В то же самое время после довольно длительного застоя возобносилось и усилилось в России революционное движение. Естественно, что евреи, будучи самой угнетенной и преследуемой частью населения, включились в это движение активно и в значительном числе. Царское правительство использовало антисемитизм в качестве эффективного средства для подавления революции, направив накопившееся недовольство масс на евреев. Таким способом власти преследовали две цели сразу: перевести революционное брожение в народе из плоскости политической в сферу национальной ненависти, а также ввести общественное мнение в заблуждение — будто русский народ чинит расправу над евреями за их противное русскому духу желание вызвать революцию.

В отношении серии погромов, начавшихся весной 1903 года Кишиневским погромом и продолжавшихся три года подряд, вплоть до подавления первой русской революции, не было ни малейших сомнений, что в их организации и в систематическом разжигании антисемитизма непосредственно участвуют власти на местах заодно с центральной властью. С помощью погромов режим пытался отбить у евреев охоту участвовать в революционном движении. В общем революционном потоке евреи, на взгляд правительства, представляли главную опасность в силу своей интеллигентности и духовного развития, а также как охваченный брожением элемент, отчего и требовалось припугнуть их и парализовать их желание поддерживать революцию. Погром казался для этого самым действенным и испытанным средством.

Итак, царскому правительству погромы были нужны для борьбы с революционными настроениями. Наилучшим образом подходил для этой цели город Кишинев. Не было другой такой губернии в России, где имелось бы столько землевладельцев и арендаторов-евреев, как в Бессарабии. Население там было смешанное:

румыны, молдаване, греки, болгары и русские (в меньшинстве). Среди проживавших в губернии 3,5 миллионов человек количество евреев достигало 400000. В Кишиневе находилось много молодых евреев, не попавших из-за процентной нормы в средние учебные заведения, занимавшихся заочно и сдававших экзамены экстерном. Таким образом, для социал-революционной пропаганды в Кишиневе имелось достаточно обширное поле деятельности и благодарная почва. В то время в России, особенно в южных губерниях, усилилось политическое брожение. В Кишиневе еврейская молодежь выделялась своей активностью в кругах русских революционеров, активно работал Бунд. Отсюда выбор Кишинева как самого подходящего места для погрома, "дабы проучить евреев, которые зазнались и возглавили революционное движение"¹.

2. Защищались ли кишиневские евреи?

Организаторы погрома пытались создать впечатление, будто нападавшей стороной были именно евреи, а христиане лишь оборонялись. Самую активную роль в этом измышлении сыграла антисемитская печать. Среди материалов, обнаруженных после революции 1917 года в тайных архивах царского правительства, имеются многочисленные документы, свидетельствующие о том, что власти прекрасно знали истинное положение вещей, однако скрыли его от общественности. Так, например, прокурор губернской судебной палаты в Одессе А.Полан категорически и неоднократно опровергал все эти поклепы и наветы. Между прочим в его

¹ Подлинные слова самого царя Николая, сказанные в беседе с военным министром Куропаткиным (Красный архив, № 2, стр. 43).

меморандуме № 4030 от 20 октября 1903 года на имя министра юстиции есть упоминание о попытке кишиневских евреев защитить себя от громил. Касаясь утверждения, будто евреи в Кишиневе вышли на улицу с оружием в руках, прокурор пишет:

”Действительно, на второй день Пасхи евреи, вооружившись чем попало, начали собираться в разных местах, но собирались они не для нападения на христиан, а для самообороны”.

Эти слова прокурора А.Полана являются официальным свидетельством того, что кишиневские евреи пытались обороняться, хотя им противостояла большая и хорошо организованная масса громил, поддержанная и натасканная подручными царя и жандармов. Естественно, оборона не могла быть действенной. В попытке организовать самооборону особенно активным был местный сионистский союз во главе с уполномоченным Бернштейном-Коганом. В своих воспоминаниях он рассказывает, что погром не явился для еврейской общности города сюрпризом, так как еще задолго до него началась открытая и разнузданная антисемитская пропаганда. Вот как Бернштейн-Коган описывает реакцию представителей разных общественных кругов:

”Различные еврейские группы готовятся встретить погром: раввин с помощниками идут к главе православной церкви; ...молодежь реагирует по-другому: собирается, волнуется, добывает из-под земли оружие... назначаются квартиры под штаб обороны и для ударных батальонов, прокладывается телефонная связь, а в моей квартире — главный телефон и место встреч и приема известий... В четыре часа дня все роты самообороны были окружены полицией и войсками, разоружены и загнаны в большие дворы. Там членов самообороны арестовали и отправили в полицию”¹.

Отсюда видно, что самооборона не принесла пользы, и ее участникам не удалось ничего сделать для предот-

¹ Бернштейн-Коган. Книга о погроме, стр. 127–128.

вращения погрома и отпора громилам. Жертвами погрома стали бедняки. Богатые евреи готовились к грядущему заблаговременно, обеспечивая безопасность себе и своему имуществу, задабривая крупными суммами полицию, которая заранее знала о погроме. И действительно, за трое суток бесчинств не пострадал никто из кишиневских богачей-евреев; к их домам и квартирам была приставлена охрана из войск и полиции. Среди пятидесяти человек, погибших от погрома, не было ни единого представителя еврейской буржуазии. Об этом свидетельствует в своих мемуарах известный общественный деятель — еврей, примыкавший к кругу русских либералов, Г.Б.Слиозберг.

Бурю негодования, охватившую молодое еврейское поколение, восстающее против пассивной покорности судьбе и привычки подставлять, по словам пророка, "спину под палки и щеку под пощечины"¹, с огромной художественной силой отобразил Хаим Нахман Бялик в поэме "Сказание о погроме".

После погрома Бялик провел несколько месяцев в Кишиневе в качестве посланца группы еврейских общественных деятелей и собрал большой материал, свидетельствующий о том, что, защищаясь, евреи показали немало примеров выдержки и героизма. Оборона не принесла никакой пользы из-за отсутствия предпосылок для ее успеха. Тем не менее Кишиневский погром послужил поворотным пунктом в деле создания еврейской самообороны, зачатки которой возникли уже в дни погрома.

3. Становление самообороны

Призывы к самообороне, раздававшиеся в еврейских кругах России после Кишиневского погрома, ис-

¹ Исайя, 50:6 — "Я предал хребет мой бьющим и ланиты мои — поражающим".

ходили, в основном, от сионистов. Нахман Сыркин, основоположник социалистического сионизма, писал в сборнике "Дер Хамон" (Берлин, 1903 г.) следующее:

"Полиция, чиновники и войсковые караулы тащили и грабили заодно с толпой. Но как только они замечали евреев, готовых постоять за себя и свою жизнь, — сразу бросались наводить порядок и разгонять собравшихся. Когда же появлялись громилы и начинали резать евреев и грабить их жилье, "блюстители порядка" исчезали или сами входили в долю с грабителями... Кишиневский погром, словно указующий перст истории, снова засвидетельствовал, что нет и не может быть другого решения еврейского вопроса, кроме еврейской территории, свободы и политической независимости. Кишиневский погром учит нас и тому, что евреям не на что полагаться, кроме своих собственных сил... Долг евреев оказывать сопротивление всюду, вооружаться и с оружием в руках встречать погромщиков. От убийства нет другой защиты, кроме оружия, и раз уж суждено пролиться крови, то лучше пролить ее в открытой борьбе, чем подставлять горло под нож, сидя в подвалах. Пусть богачи суют деньги жандармским и войсковым начальникам за охрану своих персон и отсиживаются в гостиницах, а массы и молодежь должны объединиться в союзы и выходить на улицы навстречу врагу с оружием в руках. Хватит евреям кланяться каждому власть имущему и просить милости у каждого чиновника. Пришел час перестать гнуть спину перед притеснителями. Пришел час притеснению противопоставить силу, а убийству — оружие. И хотя евреи стремятся уйти из диаспоры, чтобы построить новое общество и обрести самостоятельность, они обязаны и в диаспоре держаться с полным достоинством. Пока они здесь, пусть их сила не уступает силе других, и они вправе пользоваться всеми благами свободы. Так что в этот час, когда ненавистники наши перешли к открытому кровопролитию, мы должны воззвать во весь голос: объединяйтесь и выходите на улицы с оружием в руках, с пистолетами и ножами! Таково веле-

ние самой нашей жизни, нашего человеческого и национального достоинства”.

Однако самый энергичный, ясный и подробный призыв к самообороне содержался в воззвании, выпущенном через две недели после Кишиневского погрома от имени ”Союза еврейских писателей”. Его инициаторами, составителями и распространителями были Ахад-Гаам, Х.Н.Бялик, М.Бен-Ами, С.Дубнов, И.Х.Равницкий. Таким образом, кроме Дубнова, все — сионисты. Текст воззвания написал Ахад-Гаам. В дни 25-ой годовщины Кишиневского погрома, через год после смерти Ахад-Гаама, историк Дубнов поместил этот текст в журнале ”Хаткуфа” (”Эпоха”) под заглавием ”Тайное послание Ахад-Гаама”. Воззвание вышло в свое время (т. е. после погрома) тиражом всего около 100 экземпляров и поэтому содержало в конце обращение к читателям:

”Просим сообщить содержание этого письма всем интеллигентным и активным людям повсюду, где они имеются”.

О самой прокламации и ее выпуске рассказывает Дубнов в своем предисловии к ”Тайному посланию”:

”Они жили тогда в Одессе. Известия о Кишиневском погроме повергли их поначалу в уныние. Но когда миновали первые скорбные дни, они начали собираться и обсуждать, что делать. Тогда-то, в ходе разговоров, возникла среди прочего и такая мысль: ”Призвать к организации вооруженной самообороны во всех еврейских общинах, которым грозит погром”. Предварительный текст воззвания написал на русском языке Дубнов. Инициаторы много потрудились над редактурой, и, в конечном итоге, было решено написать его на иврите. Сделать это поручили Ахад-Гааму.

Дубнов продолжает: ”Ахад-Гаам выполнил свою задачу, как подобает писателю его калибра. С присущей ему ясностью изложил он нашу основную точку зрения: массовые погромы — неизбежное порождение черносотенной политики правительства, уже не властного, даже если б этого и захотело, избавиться от злых ду-

хов. А посему нам надлежит встать на защиту наших жизней и организовать самооборону, дабы наши ненавистники увидели, что мы не стадо баранов на бойне, и кто на наши жизни посягнет, тому придется рисковать и собственной. Осторожности ради, в воззвании еще говорилось: "Мы должны постараться, чтобы и правительство признало наше естественное право защищать собственную жизнь. С этой целью надо созвать общее собрание делегатов ведущих общин, чтобы упорядочить дело самообороны".

Но поскольку министр внутренних дел Плеве категорически запретил любые попытки еврейской самообороны, составители прокламации не поставили под ней свои имена, а подписались неопределенно — "Союз еврейских писателей" (против чего Ахад-Гаам протестовал впоследствии, так как это было сделано без его ведома). Инициаторы лишь устно сообщили "избранным", кто именно входил в этот союз. Дубнов добавляет, что "воззвание нашло дорогу к сердцу читателей, идея самообороны в те дни носилась в воздухе, и во многих городах, несмотря на угрозы правительства, в течение лета были сформированы отряды самообороны". Ниже мы приводим выдержки из воззвания:

"Резня в Кишиневе — вот ответ на все наши слезы и мольбы. Неужели и в будущем мы решим ограничиться только слезами да мольбами? **Позорно для пяти миллионов душ полагаться на других, подставлять шею под топор и кричать о помощи, не испробовав своей силы, чтобы самим защитить свое имущество, честь и самую жизнь.** И кто знает, не этот ли наш позор — первая причина презрения к нам простонародья и того, что нас топчут все кому не лень? Среди многих и разных народов, населяющих эту страну, нет, кроме нас, ни одного, кто подставил бы спину под плеть и отдал свою честь на поругание без попытки защитить себя из последних сил. Только тот, кто умеет постоять за свое достоинство, заслуживает уважение и в чужих глазах. Если бы граждане этой страны увидели, что и нашему терпению есть предел, что и мы, хотя не можем и не хо-

тим состязаться с ними в грабеже, разбое и жестокостях, тем не менее готовы и в состоянии защищать в случае необходимости все, что нам дорого и свято, до последней капли крови, если бы они в этом убедились на деле, то тогда — в этом нет сомнения — они не набрасывались бы на нас с таким легкомыслием.

Братья! Кровь наших братьев в Кишиневе вызывает к нам: отряхните прах и будьте людьми, перестаньте плакать и причитать, довольно простирать руки за спасением к отвергающим вас. Спаситесь сами!

Нам нужна повсюду, где мы проживаем, постоянная организация, всегда готовая встретить врага в первую же минуту и быстро созвать к месту погрома всех, в ком есть силы выстоять перед опасностью”.

О брожении среди евреев и планах организовать самооборону дознался Плеве. В циркуляре, разосланном губернаторам, градоначальникам и полицмейстерам, министр обратил внимание местных властей и на эти намерения евреев. Касательно еврейской самообороны говорилось: ”Кишиневские события вызвали тревогу у еврейской части населения во многих местах империи. В некоторых городах евреи приступили к созданию кружков самообороны. Никакие кружки самообороны не могут быть терпимы”.

Такой приговор, однако, не заставил еврейских деятелей в России отказаться от идеи самообороны. Еврейская общественность и особенно сионистские круги чувствовали, что Кишиневский погром — не случайный эпизод, а лишь увертюра к новому периоду массовых бесчинств. Поэтому, невзирая на решение Плеве, шла лихорадочная работа по организации самообороны. На одном из собраний минских сионистов по поводу мер оказания помощи жертвам Кишиневского погрома (а тайно — и по вопросу организации самообороны) глава местных сионистов адвокат Шимшон Розенбаум произнес следующие слова:

”На сегодня кишиневским евреям еще повезло, потому что им оказывается помощь. Будут города, которые уже не сподобятся получить ее. Настанут времена,

когда весть о кровавом погроме уже не заденет нас за живое, подобно тому как не волнуют нас ограничения и антисемитские законы, о которых мы читаем изо дня в день”.

Плеве, со своей стороны, пристально следил за настроениями еврейской общественности. Он был взбешен, что его обвиняют в причастности к погрому. Бундовский деятель и писатель Бейниш Михалевич (Йосеф Изицкий) рассказывает в своих воспоминаниях, что сам слышал от Шимшона Розенбаума, что последнего сразу же после погрома вызвали телеграммой к Плеве в Петербург. Министр категорически и без всяких околичностей потребовал от него, чтобы сионистская организация в России публично опровергла слухи, будто он, Плеве, замешан в погроме. Вместе с тем он пообещал Розенбауму, в качестве вознаграждения за такое заявление сионистов, легальный статус их организации, которую, как уже говорилось, власти лишь терпели. Министр также сказал, что разрешит распространение акций Колониального банка, компанию по сбору средств в Национальный земельный фонд и т. д. Однако сионисты отвергли сделку, предложенную им Плеве, и тогда он выпустил известный циркуляр о подавлении сионистского движения (см. далее). Есть основание полагать, что этот циркуляр появился на свет также и в результате покушения молодого сиониста-социалиста Дашевского на Крушевана. Плеве убедился, что сионистское движение выводит евреев из состояния покорности и побуждает их к революционным действиям.

4. Мечь Пинхаса Дашевского

Пока в общественных кругах шли совещания и приготовления к организации самообороны, внезапно был совершен акт индивидуальной мести, взволновавший все общество. Его героем был Пинхас Дашевский, 23-летний студент, принадлежавший к кругам сионистов-

социалистов. Он совершил покушение на жизнь Павулаки Крушевана, главаря подстрекателей еврейского погрома в Кишиневе. Юноша действовал на собственный страх и риск, не посоветовавшись ни с кем из своих товарищей, но его поступок был воспринят еврейской молодежью, преданной своему народу и болеющей за его честь и достоинство, как выражение национальной мести сеятелям ненависти к евреям и виновникам пролития еврейской крови.

Пинхас Дашевский приехал в Петербург специально, чтобы убить Крушевана, владельца двух антисемитских газет — кишиневского "Бессарабца" и петербургского "Знамени", субсидируемых из государственной казны. Дашевский несколько недель выслеживал Крушевана, пока не выяснил, что тот находится в Петербурге. Дашевский напал на черносотенца и ударил его ножом в шею, но нанес лишь легкое ранение. Крушеван отказался принять первую помощь из еврейской аптеки, находившейся по соседству с местом происшествия, и уехал к себе на квартиру. Дашевский после покушения отдал себя в руки стоявшего поблизости постового полицейского и был немедленно препровожден к судебному следователю. Приводимые ниже показания Пинхаса Дашевского взяты из протокола, составленного в тот же день — 4 июня 1903 года — судебным следователем шестого петербургского квартала Обух-Вощатинским.

Дашевский рассказал, что он приехал в Петербург специально для того, чтобы убить Крушевана. Он был вооружен ножом и пистолетом. Хотя у Дашевского имелся заряженный пистолет, он решил воспользоваться ножом, так как опасался, как бы в момент выстрела у него не дрогнула рука и не пострадали бы невинные прохожие. На вопрос, признает ли он себя виновным в покушении на Крушевана с заранее обдуманном намерением убить его, Дашевский отвечал, что он признает не вину, а лишь факт попытки убить Крушевана с заранее обдуманном намерением. Еще до Кишиневского погрома, сказал Дашевский, он знал об антисе-

митском направлении двух газет, которые редактирует Крушеван. Он считает, что редактор этих газет подстрекал народ против евреев, и волнения и несчастья, которые имели место в Кишиневе, являются, по мнению Дашевского, главным образом, следствием влияния этих двух газет и плодом деятельности их редактора. Хотя никто из родных Дашевского не пострадал во время погрома, он считал своим долгом убить Крушевана, как одного из главных виновников бедствия, обрушившегося на кишиневских евреев. Дашевский объявил, что он сионист и совершил свой поступок как еврей, чье национальное чувство было оскорблено, а также, что действовал из побуждений личной мести. "Я не бежал после покушения, так как заранее намеревался убить Крушевана и отдать себя в руки властей". Он не раскаивается в своем поступке, ибо, будучи евреем, обязан так действовать.

Размышляя над поступком Дашевского, С.Дубнов пишет:

"Немезида вкладывает оружие в руку благородного юноши, который не в состоянии вынести тяжесть позора его беззащитных и несчастных братьев. Он хочет искупить их вину за унижительную покорность судьбе и безответность... Вооруженный маленьким финским ножом, Пинхас Дашевский лишь оцарапал шею извергу Крушевану, разгуливавшему победителем по улицам Петербурга. Дашевский знал, что он идет не только уничтожить "злодея Амана", но, наверное, и навстречу собственной смерти; однако он рассматривал себя как жертву во искупление греха своего народа — греха непротивления злу. Этой нравственной цели Дашевский достиг: он стал мучеником-героем среди мучеников — покорных жертв. В последующих погромах героев еврейской самообороны вдохновляла сила его духа".

Воздействие примера Дашевского очень беспокоило царское правительство, и оно пыталось, по возможности, закончить все без излишнего шума. Дело о покушении Дашевского на Крушевана слушалось в Петер-

бургском окружном суде при закрытых дверях. Таково было распоряжение друга Плеве, министра юстиции Муравьева. Окружной суд приговорил Дашевского к пяти годам каторжных работ. Сенат утвердил приговор. Однако три года спустя Дашевский был досрочно освобожден. Он вышел на волю в августе 1906 года. (Стоит отметить, что свой жизненный путь Дашевский закончил в одной из тюрем Советской России, где скончался в июне 1934 года — согласно информации в газете "Хаарец" от 27 июля 1934 года.)

5. Реакция еврейской молодежи на поступок Дашевского

Хотя покушение на Крушевана оказалось не слишком успешным, поступок Дашевского вызвал громкие отголоски и большую симпатию еврейской молодежи. Свидетельством тому может служить нелегальное воззвание, подписанное "Варшавские рабочие-сионисты". Оно появилось вскоре после покушения.

"Диким показалось нам все случившееся, мы спрашивали себя: неужели нет ни одного еврея, который бы энергично протестовал против диких насмешек и издевательств над нашими братьями? Неужели, действительно, нет ни одного еврея, который бы отомстил за пролитую еврейскую кровь? Наши кровопийцы свободно расхаживали по улицам, совершали свою подлую "работу" на глазах у всех, а мы молчали и дивились, страдали и кусали себе губы! Сердце судорожно сжималось, голова шла кругом от страшных мыслей, от наплыва немного диких, но здоровых чувств! Мести жаждали мы, кровью отплатить за кровь! И еврейский мститель за пролитую еврейскую кровь явился!

Мы приветствуем тебя, дорогой брат, твой дух несется над еврейскими улицами и будит новые силы, вызывает новые здоровые чувства, новое отношение к скорбным явлениям жизни, новые ответы на кровавые преследования. Твой подвиг ясно доказывает, что про-

шло уже то время, когда еврей сгибался в три погибели, когда его забрасывали грязью! Прошло "счастливое" время, когда еврей гнул свою спину, слезно вымаливая себе у мира жизнь раба; когда еврей, чуть почувствовав себя человеком, убегал в чужие виноградники, чтобы там отдать свои свежие, лучшие силы. Эти времена прошли навсегда. Новый еврей с гордо поднятой головой, с выпрямленной спиной не убегает из несчастной "черты". Оставаясь там, дыша отвратительным воздухом, харкая кровью от затхлости и тесноты "черты", они этой кровью плюют своим мучителям в лицо.

Известие о том, что Пинхас Дашевский вонзил нож в шею известного подлеца Крушевана за его патристическую кишиневскую "работу", мы встретили с большой радостью и глубоким сочувствием. В нас снова пробуждаются надежды и вера в молодых борцов за свободу. Этот факт доказывает нам, что за последние 20 лет мы во всех отношениях выросли. Мы научились понимать свое настоящее положение, мы принялись за великое национальное дело, которое должно освободить весь еврейский народ. Но важнее всего то, что мы стали более здоровыми людьми, с более нормальными, более человеческими чувствами. Мы реагируем уже на каждое явление нашей жизни и реагируем, как истинные дети здорового народа, стремящегося к свободе, мы отвечаем кровью за кровь!

Из наших последних слов само собой понятно, что мы далеки от террора как средства борьбы за свободу, но месть, по нашему мнению, является самым здоровым человеческим чувством, и ее — эту месть — мы приветствуем. Мы прекрасно знаем, что нож брата нашего Дашевского не отпугнет наших врагов; но не в этом истинная сила протеста! Влияние его проявится в тех последствиях, в тех скрытых силах, которые он пробудит в темных жилищах еврейской улицы. Дашевский первый показал, что настоящие борцы за свободу должны быть первыми мстителями за пролитую кровь их братьев.

Велика сила, которая кроется в борьбе за свободу, но еще мощнее месть за поруганный народ. Пусть первый национальный протест зажжет огонь во всех сердцах еврейской молодежи и пламенное желание неустанно бороться за еврейскую свободу. Пусть горит этот святой огонь в еврейских сердцах нашей молодежи и кровью защитит знамя народной чести!

Да здравствует борьба за еврейскую свободу!

Долой рабство нашей скитальческой жизни, тысячелетнего галута!

Варшавские рабочие-сионисты¹.

Эта листовка была нелегально размножена группой студентов-сионистов. И сам поступок Дашевского, и его одобрение сионистскими кругами ясно показали Плеве, что сионизм — это бродильный чан национального движения, в котором еврейская молодежь заражается гордостью и активностью, и что новое еврейское поколение уже не будет мириться с преследованиями, притеснениями, дискриминацией и унижением.

Глава десятая

РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И СИОНИЗМ

1. Циркуляр Плеве о сионизме и еврейском национальном движении

Через два с половиной месяца после Кишиневского погрома, в конце июня 1903 года, Плеве разослал всем губернаторам и градоначальникам циркуляр с подробными инструкциями относительно сионизма и еврей-

¹ "Отповедь". Слово в защиту сионизма. Изд-е группы студентов-сионистов. 1903 г.

ского национального движения в целом. Хотя циркуляр был "совершенно секретный", окольными путями он попал в руки представителей еврейской общественности и был тайно размножен на гектографе. Как уже говорилось, циркуляр появился после того, как Плеве убедился, что российские сионисты не собираются подчиниться грубой и жестокой силе, обращенной против евреев. На это с предельной ясностью указывала месть Дашевского подстрекателю Крушевану и предшествовавший ей отказ минских сионистов во главе с Шимшоном Розенбаумом снять с Плеве обвинение в том, что он главный виновник погрома.

Циркуляр от 24 июня 1903 года за номером 6142¹ свидетельствует о том, что министр внутренних дел был хорошо осведомлен о положении в сионистском движении и что в его распоряжении имелась подробная и точная информация о всех сферах деятельности сионистских организаций в России. Он, например, знал, что сионисты стремятся воспитывать евреев, особенно молодежь, в национальном духе и хотят задержать процесс ассимиляции в среде еврейской интеллигенции. А ведь именно это прямо противоречило политике царского правительства и намерениям Плеве — привести образованную часть еврейского населения к обрусению, а не поддающиеся ассимиляции массы заставить тем или иным путем эмигрировать из России. В своем антисемитском циркуляре Плеве, прежде всего, подчеркивает опасность национально-воспитательной работы сионистов.

Циркуляр о сионизме и еврейском
национальном движении²
1903

М.В.Д. Департамент полиции по особому отделению.
24-го июня, № 6142.

¹ "Еврейская старина", VIII. Петроград, 1915.

² См. предыдущую сноску.

Губернаторам, Градоначальникам и Оберполицмейстерам.

В имеющихся в департаменте полиции сведениях о так называемых сионистских обществах усматривается, что таковые, поставив себе первоначальной целью содействовать переселению евреев в Палестину для создания там самостоятельного еврейского государства, ныне осуществление этой мысли отодвинули в область далекого будущего и направили свою деятельность на развитие и укрепление национальной еврейской идеи, проповедуя сплочение в замкнутые организации евреев в местах их нынешнего пребывания. Направление это, будучи враждебно ассимиляции евреев с другими народностями, усугубляя между первыми и последними племенную рознь, противоречит началам русской государственной идеи, и потому не может быть терпимо. Вследствие сего, признавая необходимым дать вопросу о сионистских организациях надлежащее разрешение, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, сообщить мне безотлагательно подробные сведения о существующих во вверенном Вам районе сионистских кружках и соображения Ваши об их значении с точек зрения государственной и национальной. Находя однако неотложным, до разрешения поставленного нами на очередь вопроса, принятие мер к предупреждению и пресечению утверждения начал сионистских организаций и развития сионистского движения во вредном направлении, считаю долгом в руководство Вашего Превосходительства преподать ниже следующие указания:

1) Пропаганда идеи сионизма в публичных местах и на собраниях общественного характера должна быть воспрещена. В этих целях надлежит препятствовать деятельности специальных агитаторов, так наз. "магидов", разъезжающих по городам и местечкам и произносящих в синагогах и на общественных собраниях речи для привлечения слушателей, особенно из числа простонародья, в ряды сторонников сионистского движения.

2) Точно также подлежат запрещению, насколько деятельность их проявляется публично в сходках, собраниях и прочих сборищах, уже существующие сионистские организации, раскинутые сетью по всей России, включая Сибирь, губернии Царства Польского, Кавказ и русские среднеазиатские владения.

3) Выезды для каких бы то ни было целей представителей и участников сионистской организации (районы, на которые поделена сионистами вся Россия), кружков и различных поместных и избирательных групп не должны дозволяться.

4) Всякие не разрешенные правительством среди публики сборы для недозволенных к ввозу в империю (№ 92, отд. I. Собр. узак. и распор. правит. за 1902 г.) акций и временных свидетельств Еврейского Колониального Банка в Лондоне, а также сборы на пополнение Национального Еврейского Фонда, учрежденного там же, производимые в некоторых городах поголовным обходом всего местного еврейского населения, должны быть немедленно прекращаемы при получении сведений о таких сборах. Лица, стоявшие во главе таких сионистских организаций, должны быть обязываемы подпиской отказаться от руководства движением и прекратить всякие денежные сборы. Находящиеся в их распоряжении суммы, как полученные путем неразрешенных правительством сборов, следует направлять на еврейские благотворительные учреждения (напр. существующее в Одессе Общество вспомоществования евр. земледельцам и ремесленникам Сирии и Палестины). Акции и временные свидетельства Евр. Колониального Банка, а также квитанции о взносах в Национальный Еврейский Фонд подлежат конфискации, а лица, занимающиеся распространением означенных выше документов, должны быть обязываемы подпиской отказаться от такой деятельности. Последняя представляется тем более вредной, что плательщиками в сионистские кассы являются преимущественно неимущие классы еврейства.

5) Надлежит также иметь наблюдение за устройством сионистами новых и уже существующих еврейских школ (хедеров), библиотек-читален, субботних школ для взрослых в целях изучения древнееврейского языка, публичных чтений по истории еврейства и т. п. учреждений. Еврейские школы, разрешаемые правительством к открытию в удовлетворение вероисповедных потребностей еврейского населения империи, не должны под руководством сионистских деятелей получать характер учреждений для развития национальной обособленности русского еврейства.

6) При представлении на утверждение центральных органов М.В.Д. кандидатов на выборные должности в еврейских общинах, в особенности на должности раввинов, надлежит прилагать собранные на месте сведения о степени причастности представляемых кандидатов к сионистским организациям.

Министр Внутренних Дел

Плеве”.

Дух циркуляра и его цель достаточно прозрачны: запретить и пресечь всякую сионистскую деятельность, если она направлена не на немедленный выезд евреев из России, а на распространение еврейской национальной идеи среди еврейского населения в пределах Российской империи. Поэтому Плеве согласен, чтобы средства из сионистских касс были переданы Одесскому комитету, поощряющему эмиграцию евреев в Палестину. Ему также хорошо известно, что подавляющее большинство жертвователей в сионистские кассы принадлежит к малоимущим слоям. Но не печальное их положение заботит министра, а то, что из-за пожертвований это положение еще более отягощается и, следовательно, усиливается недовольство жизнью в России, так что в итоге евреи превращаются в революционный ”пороховой погреб” внутри государства.

Что касается сионистских школ типа реформированного хедера, вечерних школ для взрослых по изучению языка иврит и еврейской истории, то они увеличивают число носителей национального еврейского созна-

ния, не ускоряя при этом их эмиграции в Палестину. Нет сомнений, что Плеве был известен лозунг Герцля насчет "завоевания общин", и поэтому он категорически требует от местных властей, чтобы при утверждении кандидатов, особенно раввинов, на еврейские общественные должности учитывалась мера их принадлежности к сионистскому движению. Изданием этого циркуляра Плеве хотел окончательно парализовать сионистскую работу, которая и прежде не была легальной, но не пресекалась правительством из расчета, что она поощрит исход еврейских масс из России.

Секретный антисионистский циркуляр Плеве вызвал сильную тревогу и подавленность среди российских руководителей движения, и некоторые из них обратились к Герцлю, прося предпринять какие-нибудь шаги, дабы отвести беду.

2. Приезд Герцля в Россию

Герцль несколько раз пытался получить аудиенцию у царя Николая II. Тяжелое положение русских евреев, наглядно продемонстрированное Кишиневским погромом, заставило его возобновить усилия. В мае 1903 года он по дипломатическим каналам подал прошение об аудиенции у царя, и снова оно было отклонено. В конце июня до него дошло известие о секретном циркуляре Плеве, направленном на полное запрещение сионистской деятельности в России (запрет на продажу акций Колониального банка был наложен еще ранее). Герцль вновь решил добиваться приема, если не у царя, то хотя бы у его министров. Через члена Большого сионистского исполкома варшавского адвоката Ясиновского он познакомился с г-жой Корвин-Пятровской, жительницей Петербурга. Эта польская аристократка, проявлявшая, благодаря Ясиновскому, интерес к сионизму, была в дружеских отношениях с Плеве и сумела получить для Герцля приглашение на прием к министру внутренних дел. В своем дневнике Герцль благо-

дарно называет ее "добрая старушка, госпожа Корвин-Пятровская". По ее рекомендации он был принят Плеве 8 августа, на следующий же день после приезда в Петербург.

Визит Герцля человеку, в котором все видели главного виновника Кишиневского погрома, вызвал в то время досаду и гнев в различных кругах еврейской общности, и не только у антисионистов. Далеко не все сионисты отнеслись к этому визиту положительно. Были такие, кто расценил его как оскорбление, нанесенное национальному достоинству евреев и чести сионистского движения. Герцль не остался к этому равнодушен. Но как политик в современном понимании данного слова Герцль считал себя не вправе уклониться от этой тяжелой миссии, хотя с личной точки зрения ему было бы куда приятней не вступать в контакт с Плеве. Своим критикам Герцль отвечал: а разве наш учитель Моисей не отправился к фараону?¹ Герцль знал, что среди ведущих сионистов России не все одобряют его обращение к Плеве, есть противники этого шага. Но он не видел другого пути, хотя вовсе не был уверен в успехе. В день приезда в Россию (7 августа) он записывает в дневнике: "О моей поездке товарищам не было сообщено, но всюду, куда эта весть доходила, меня ждали: в Варшаве, в Вильно. Их положение настолько плохо, что я, бессильный, кажусь им спасителем". Эти слова дневника являются документальным свидетельством того, как сильно Герцль сомневался в пользе своей поездки в Россию.

¹ Аналогичным образом осуждали тридцать лет спустя и д-ра Хаима Арлозорова за его переговоры с гитлеровским правительством о переводе имущества немецких евреев в Палестину (так называемый "трансфер"); а после основания Государства Израиль его правительство подверглось с разных сторон нападкам за соглашение с ФРГ о репарациях и компенсациях. Разница, правда, в том, что "трансфер" и репарации дали практические результаты, в то время как беседа Герцля с Плеве не могла тогда привести к ним.

3. Беседы Герцля с Плеве

Герцль был принят Плеве дважды, оба раза для продолжительной беседы. Однако министр воздержался от разговора о Кишиневском погроме. Он коснулся положения евреев в России в целом. Разговор велся по-французски. Начал Плеве:

”Я дал согласие на эту беседу, господин доктор, по вашей просьбе, чтобы мы могли придти к взаимопониманию в вопросе сионистского движения. Отношения, которые установятся между императорским правительством и сионизмом и которые могут быть, я не говорю исполнены симпатии, но отношениями, основанными на взаимопонимании, зависят от вас”. На что Герцль заметил: ”Если отношения будут зависеть только от меня, ваше превосходительство, то они будут отличными”.

Плеве продолжал: ”Для нас еврейский вопрос — это не вопрос жизни и смерти, но, во всяком случае, достаточно важный. Мы трудимся, дабы изыскать для него по возможности хорошее решение. ... Государство российское обязано стремиться к тому, чтобы все народы, населяющие его, были как одно целое. Мы, конечно, понимаем, что не сумеем исключить из жизни все религиозные и языковые различия. Мы, например, вынуждены согласиться, чтобы старая скандинавская культура продолжала существовать в Финляндии как самостоятельное целое, однако мы обязаны требовать от всех народностей нашего государства, и то же самое от евреев, патриотического отношения к России, как к незыблемой основе. Мы хотим ассимилировать их в нашей среде, и для этой цели у нас есть два пути: высшее образование и материальное благосостояние. Тот, кто выполнил определенные условия, связанные с двумя этими путями, — тот получает у нас гражданские права, т. к. мы можем предположить, что, ввиду своего образования и приличного положения, он предан существующему строю. Однако эта ассимиляция, которой мы желаем, продвигается медленно”.

Ассимиляцию, как основное средство разрешения еврейского вопроса в России, Плеве неоднократно выдвигал от имени правительства в беседах с разными лицами еще до приезда Герцля и после него. Но при условии такого подхода была совершенно непонятной антиеврейская политика русского правительства в сфере образования и права на жительство. Ведь устанавливая скудную "процентную норму", закрывающую еврейской молодежи доступ в средние и высшие учебные заведения, правительство отдаляло, а не приближало евреев к русской культуре, — так же как и запирая их в тесной черте оседлости. Плеве, понимая это противоречие между его словами и политикой правительства в отношении евреев, добавил:

"Верно, что благо высшего образования мы можем предоставить лишь ограниченному числу евреев, ибо в противном случае у нас очень скоро не станет должностей для христиан. Я также не закрываю глаза на тот факт, что материальное положение евреев в черте оседлости весьма плохое. Признаю, что они там живут, как в гетто, но тем не менее пространство это все-таки обширное — тринадцать губерний. И вот в последнее время положение ухудшилось из-за того, что евреи примкнули к революционным партиям. Ваше сионистское движение поначалу было для нас приемлемо — пока работало на поощрение эмиграции. Разъяснить мне характер движения вам нет нужды, ибо перед вами человек, уже знакомый с вашим учением. Однако со времени конгресса в Минске (Плеве имел в виду Минский съезд сионистов России) мы наблюдаем большие перемены. О палестинском сионизме говорят меньше, нежели о культуре, организации и еврейском национализме. Нам это нежелательно. Мы особенно заметили, что ваши руководители в России — а это в своем кругу в высшей степени уважаемые люди — не слушаются должным образом вашего венского комитета. Ему подчиняется, пожалуй, только один Усышкин".

Передавая в дневнике содержание беседы с Плеве, Герцль замечает: "Про себя я поразился такой осведом-

ленности, показавшей мне, насколько серьезно он изучил вопрос". Вслух же он ответил тогда Плеве: "Ваше превосходительство, все руководители в России верны мне, хотя порою и оспаривают мои рекомендации. Важнейший среди них — профессор Мандельштам из Киева". И снова Герцль был вынужден изумиться, когда Плеве сказал: "Но Коган-Бернштейн! Он совершенный его противник! Кстати, нам известно, что он направляет против нас из-за границы газетную войну".

Герцль ответил, что в это ему просто не верится, так как за границей этот человек почти неизвестен, у него нет ни связей, ни полномочий. Что касается сопротивления, которое главы российских сионистов оказывают ему самому, то Герцль сравнил это с явлением, знакомым еще Христофору Колумбу: когда прошло несколько недель, а земли все не было видно, матросы начали роптать. В сионистском движении министр наблюдает не что иное, как бунт матросов против своего капитана. Поэтому стоило бы, чтобы Плеве помог добраться до земли, тогда бунт тотчас прекратится... На вопрос Плеве, в чем же должна заключаться помощь правительства, Герцль ответил следующими тремя пунктами:

1. Правительство России ходатайствует перед турецким султаном о даровании евреям "чартера" на заселение Палестины, за исключением святых мест. Страна останется под верховной властью султана, администрация же перейдет в руки переселенческого общества с достаточным капиталом, которое будет создано сионистами. Оно будет вносить в казну Османской империи ежегодную согласованную плату взамен налогов.

2. Русское правительство окажет эмиграции евреев финансовую поддержку.

3. Русское правительство облегчит законное распространение в России сионистских организаций, в основе которых будут лежать принципы Базельской программы.

Плеве выразил принципиальное согласие с этими тремя пунктами и добавил, что деньги для финансовой

поддержки придется брать из налогов, которые платят евреи.

13 августа Герцль во второй раз встретился с Плеве. Во время этой беседы министр заявил, что император крайне разгневан тем, что имеют дерзость говорить, будто русское правительство участвовало в погроме или хотя бы терпимо к нему относилось. Император как глава государства хорошо относится ко всем подданным. Далее Плеве сказал:

”Не хочу отрицать, что положение евреев в Российской империи не слишком завидное. Да, будь я евреем, я, вероятно, тоже был бы врагом правительства. Однако мы не можем поступать иначе, чем до сих пор, и поэтому для нас было бы весьма желательным создание самостоятельного еврейского государства, способного принять несколько миллионов евреев. В то же время мы не хотим удалить всех наших евреев. Обладателей высокой интеллигентности — а вы являетесь лучшим доказательством, что таковые среди вас имеются, — мы желаем сохранить для себя. В отношении высшей интеллигенции не делается никаких различий, религиозных или национальных. А вот от евреев слабой и низкой интеллигентности и от малоимущих мы хотели бы избавиться. Кто способен ассимилироваться, того мы хотим оставить у себя. Мы не питаем ненависти к евреям как таковым”¹.

¹ Примерно через два месяца после беседы Герцля с Плеве, в конце октября 1903 года, известный английский еврейский деятель и журналист Люсьен Вольф посетил Россию и был также принят Плеве. Содержание их беседы о положении евреев в России было опубликовано лишь в 1916 году. Плеве почти в точности повторил сказанное им два месяца назад Герцлю, например, о необходимости ассимилировать представителей крупной интеллигенции, а также о больших трудностях разрешения проблемы малоимущих евреев и т. д. Об отношении министра к сионизму Люсьен Вольф писал: ”Господин Плеве сказал мне, что русское правительство было бы довольно, если б оттоманское правительство разрешило въезд евреев в

Тогда Герцль попросил Плеве облегчить положение евреев, остающихся в России, по крайней мере расширением черты оседлости и включением в нее Курляндии и Риги (Прибалтийского края Российской империи), а также разрешением покупки земли для сельскохозяйственных надобностей внутри черты. Плеве обещал отнестись положительно к этому.

В этом обращении Герцля проявляется его забота о евреях России, чье тяжелое положение, в особенности после Кишиневского погрома, потрясло его. Он приехал в Россию в сущности для того, чтобы исхлопотать у представителей власти разрешение на сионистскую работу, однако счел нужным просить об облегчении судьбы евреев на месте, потому что не тешил себя иллюзиями о возможностях сионизма оказать настоящую и немедленную помощь русским евреям, обнищавшим и преследуемым, вынужденным массами эмигрировать². В этом кроется и объяснение драматического шага Герцля на Шестом конгрессе (см. далее), который расколол сионистское движение и привел его к кризису³.

Палестину. Господин Плеве не возражает против чистого сионизма. Но он испытывает опасения, что политический сионизм окажется в конечном счете миражем. Тем не менее, он не будет мешать распространению сионистской идеи, при условии, что она поощрит евреев к эмиграции. Кроме того, сионистские идеи могут внутри России с успехом конкурировать с социалистическими".

² По данным исследования В.Каплун-Когана (на немецком языке) о еврейском эмиграционном движении в год Кишиневского погрома (1903–1904) из России эмигрировали в США 77544 еврея.

³ Писатель и журналист Бен-Цион Кац, встречавшийся с Герцлем в Петербурге после его визита к Плеве, высказывает любопытное предположение, что рекомендацию Уганды, хотя бы в качестве "ночлежного приюта" (по выражению Нордау), Герцль вынес на Шестой конгресс, отнюдь не имея в виду ее буквальный смысл, а только в виде политического маневра, рассчитанного на Плеве. Герцль, безусловно, не думал, говорит Бен-Цион Кац, будто в Уганду поедет из России много евреев. После визита к Плеве Герцль провел в Петербурге неофициаль-

В конце беседы Плевэ обещал Герцлю сделать послабление сионистскому движению в России, если оно не будет заниматься внутренней политикой. Он также сказал, что русское правительство готово использовать свое влияние на турецкие власти, чтобы содействовать доступу евреев в Палестину. В качестве резюме Плевэ вручил Герцлю письмо, которое могло рассматриваться как официальное правительственное заявление. Министр сообщил Герцлю, что показывал письмо царю и получил согласие последнего на отправку этого письма адресату. Поскольку Герцль считал исход переговоров с Плевэ политическим достижением, а письмо — важным документом и так его позднее и предста-

ную встречу с группой еврейских литераторов, в которой участвовали Бен-Цион Кац, д-р Л.Кацнельсон (писатель Буки-Бен-Иогли), Саул Гинзбург, Л.Рабинович, Ю.Бруцкус, Ш.Розенфельд, Л.Сев из редакции "Восхода", а также сионистский деятель из Ливавы д-р Нисан Каценельсон, сопровождавший Герцля в качестве советника в продолжение всей его поездки по России. Когда Буки-Бен-Иогли выступил в защиту "территориализма" (отказа от Эрец-Исраэль), Герцль дал ему резкую отповедь — в это время в кармане у него уже лежало английское предложение насчет Уганды. Герцль говорил о сионизме, как о спасении для еврейского народа. Когда же присутствующие стали ему возражать, что в Турции еще более дурные порядки, чем в России, Герцль вынул часы и твердо заявил, что "можно установить по часам время раздела Турции". Однако эти слова, сказанные еврейским литераторам, не могли быть сказаны Плевэ. Поэтому Герцль и поставил перед Шестым конгрессом вопрос об Уганде, дабы уверить русское правительство, что у сионистов есть реальные виды на отправку из России большого количества евреев. Это должно было облегчить сионистскую работу в России. По той же причине Герцль огласил на Шестом конгрессе в Базеле письмо Плевэ к нему, где говорилось: если сионизм докажет, что способен облегчить эмиграцию русских евреев, то Плевэ поможет этому движению. Отсюда Бен-Цион Кац приходит к предположению, что "вся история с Угандой имела целью выручить сионизм в России и убедить Плевэ, с которым Герцль не мог говорить о разделе Турции, как он это сделал в разговоре с литераторами" (см. Б.Ц.Кац. "Еврейство в России пятьдесят лет назад", сборник по истории еврейства России, на иврите; "Хеавар", том первый, 1953 г.).

вил Шестому конгрессу, есть смысл привести его полный текст (из книги М.Медзини "Сионистская политика") :

"Министр внутренних дел

30 июля — 12 августа 1903 г.

Вы, господин Герцль, выразили желание, чтобы остался вещественный след нашей беседы. Охотно соглашаюсь с этим, дабы устранить все, что может дать место преувеличенным надеждам либо тревожным сомнениям.

У меня была возможность разъяснить вам точку зрения русского правительства на сионизм. Эта точка зрения легко может привести к необходимости перемениť нашу политику терпимости на средства, вытекающие из надобности национальной самозащиты. Пока сущность сионизма выражалась в желании создать независимое государство в Палестине и пока он обещал организовать выезд из России некоторого количества русских подданных-евреев, русское правительство могло относиться к нему благожелательно.

Но с минуты, когда эта первичная цель сионизма кажется упраздненной ради элементарной пропаганды еврейской национальной обособленности в России, естественно, что правительство никоим образом не может терпеть это новое направление сионизма, результатом которого может стать появление групп, совершенно чуждых и даже враждебных патриотическим чувствам, слагающим мощь страны.

Поэтому доверительное отношение к сионизму может быть восстановлено лишь при условии, что он вернется к старой программе действий. В таком случае он сумеет рассчитывать на моральную поддержку с того дня, как часть его практических действий обратится на уменьшение еврейского населения в России.

Эта поддержка может быть облечена в форму заступничества за сионистских уполномоченных перед оттоманским правительством, облегчения работы эмиграционных обществ, а также поддержки их нужд, ра-

зумеется не из государственных средств, а из налогов, взыскиваемых с евреев.

Считаю нужным добавить, что правительство России, будучи обязанным согласовывать свой образ действий в еврейском вопросе с государственными интересами, никогда не отходило от великих принципов морали и человечности. Не далее как в последнее время оно расширило право жительства в сфере округов, отведенных для еврейских масс, и ничто не препятствует надеждам, что развитие таких средств послужит улучшению условий существования евреев России, в особенности, если эмиграция сократит их количество.

Плеве.”

Письмо Плеве, как видно из его содержания, осложнило и сократило возможности легализации сионистской работы в России. Тем не менее в нем есть некоторые послабления по сравнению с секретным циркуляром, приведенным нами ранее. Учитывая это, Герцль был вправе рассматривать итоги своих переговоров с Плеве как настоящее достижение.

4. Завершение визита Герцля в Петербург и его встреча с евреями Вильно

В Петербурге Герцль вступил в контакт еще с несколькими лицами, обладавшими политическим весом, в надежде попасть к царю и министру иностранных дел, но безрезультатно. Ему удалось получить аудиенцию у министра финансов графа Витте. Беседа не успокоила Герцля, потому что Витте разговаривал грубо и непреклонно, в отличие от Плеве, который умел быть притворно-любезным. Герцль не знал России и русских царедворцев, оттого и не разгадал двуличную игру Плеве и вынес от встречи с ним положительное впечатление, как это следует из его дневниковых записей.

О приеме у Витте Герцль замечает: ”Он принял меня сразу, но совсем не был любезен”. Витте отрекомендовался другом евреев, однако Герцль не слишком пове-

рил в эту "дружбу". Говоря об антисемитизме в России, Витте перечислил его "причины": экономические, религиозные и политические. Ко всему этому в последнее время прибавилось еще одно, в высшей степени серьезное обстоятельство, — активное участие евреев в революционных движениях. Евреи, составляющие всего 5% населения России, дают почти 50% российских революционеров. Витте, правда, понимает причину этого явления и полагает, что это вина правительства, ибо евреям "досаждают слишком сильно". Тем не менее факт остается фактом, и вышеуказанное обстоятельство еще более усиливает в России ненависть к евреям. Вдобавок, они сами ее подогревают в силу характерной для них заносчивости. "Между тем, большинство — бедняки и, будучи бедняками, грязны и отвратительны". Когда Герцль изложил ему идею сионизма в качестве решения еврейского вопроса, Витте ответил, что не верит в возможность такого решения. В его аргументах против сионизма Герцль различил взгляды и доводы богатых еврейских биржевиков, которые, очевидно, преподали министру финансов уроки "по сионизму". В заключение Витте признал, что предлагаемое Герцлем решение может быть хорошим, если только его возможно осуществить.

Тогда Герцль обратился к нему с просьбой вернуть акции Колониального банка, конфискованные при обысках, а также отменить запрет их продажи на будущее. На первую просьбу Витте ответил согласием, а что до второй — поставил условие: открыть филиал банка в России, с тем чтобы можно было осуществлять контроль за его сделками. Герцль тут же это условие принял, так как открытие филиала в России и без того уже входило ранее в программу. Через несколько дней Герцль подал от имени дирекции и совета наблюдателей Колониального банка письменное прошение министру Витте санкционировать открытие филиала банка в России (однако, как показало будущее, дело закончилось ничем).

Сионисты Петербурга устроили в честь Герцля бан-

кет. Отвечая на многочисленные приветствия, он предостерег русских сионистов от вмешательства во внутрисполитические дела государства. На утверждение одного из присутствовавших, принадлежавшего к Поалей Цион (Трудящиеся Сиона), что в диаспоре евреи должны поддерживать, в собственных интересах, социалистическое движение, Герцль ответил, что товарищ впадает в ту же историческую ошибку, которую допустили евреи на Западе, когда они поддерживали либерализм. "Возделывание чужих нив приводит к уничтожению евреев и еврейства. Мы трудимся только на других, но не на себя. Для нас существует лишь одна дорога, и это — сионизм!" Что касается социалистического сионизма, добавил Герцль, "то в Палестине, в нашей собственной стране, — если там возникнет крайняя в социальном смысле партия, — там она будет на месте. Партия, наверное, поможет расцвету страны, и тогда я определю свою позицию по отношению к ней".

16 августа Герцль покинул Петербург, выехав в обратный путь в Вену. По заблаговременной просьбе руководителей местных сионистов он задержался в Вильно, где ему была оказана торжественная встреча. На улицы вышли толпы евреев, желавших его увидеть и выразить ему свои чувства. Полиция запретила собрания, запретила также посещение Герцлем Большой синагоги и публичный ужин в его честь. Тем не менее Герцль, в сопровождении встречающих, поехал в помещение общины, где его дожидались старейшины и многочисленные делегации.

Достоверное описание посещения Герцлем Вильно дал в своих воспоминаниях очевидец, впоследствии известный деятель Поалей Цион в Америке Барух Цукерман. В то время он был шестнадцатилетним подростком, учившимся в Виленском ешиботе, и был еще далек от сионизма, поскольку в религиозных кругах противились "приближению Исхода". В молитвенном доме ремесленников, где он ночевал, он сдружился с рабби Эфраимом, по ремеслу сапожником, маленьким евреем, тщедушным и худосочным, но проворным и

вездесущим. Был Эфраим и начитанным человеком — нередкое явление среди ремесленников в Литве. Когда весть о скором приезде Герцля достигла Вильно, рабби Эфраим загорелся просто священным трепетом, и оба уговорились вместе пойти посмотреть на гостя. Проворный Эфраим разузнал, где Герцль остановится, какая будет встреча и какие важные гости приедут сюда из Минска, Ковно, а также из маленьких городков. Он выяснил также, что церемония встречи будет проходить в двух местах: в здании "Цедака Гедола"¹ (ее устраивает вся виленская община) и на загородной даче (организаторы — виленские сионисты).

В назначенный час оба приятеля пришли к гостинице, в которой остановился Герцль. Тысячи евреев загрохотали площадь. Объятая священным волнением толпа жадно ждала появления великого гостя. Руководители виленских евреев и прибывшие из других городов почетные лица вышли из гостиницы, парадно одетые, в черных цилиндрах. Празднично приоделись и извозчики, даже лошади были разукрашены. И вот появился Герцль. Возвышающийся над всеми, он остановился перед участниками встречи. Для него такая встреча с охваченной энтузиазмом еврейской массой была неожиданностью. Все его спутники уселись в пролетки, и процессия тронулась. И тут случилось нечто, назлектризовавшее толпу: Эфраим-сапожник подбежал к экипажу Герцля и с такой силой ухватился за одно из задних колес, что остановил четверку впряженных в экипаж лошадей... Герцль поднялся и выпрямился во весь рост, чтобы увидеть, что произошло, — и в момент, когда он повернулся лицом к народу, Эфраим громко воскликнул: "Давид, царь Израиля, да живет и здравствует!" И вся тысячеустая толпа ответила криками "да здравствует", "ура!"

Оба приятеля кое-как протиснулись в толпе приглашенных в здание благотворительного общества "Цеда-

¹ Еврейское благотворительное общество.

ка Гедола", где был устроен прием. Представитель общины вручил гостю маленький свиток Торы в резном деревянном ларце на память о его приезде в "литовский Иерусалим". Но самое сильное впечатление во всей церемонии приема произвело на юного Баруха Цукермана появление рабби Шломеле-судьи, убеленного сединами старца, который, воздев прозрачные ладони, благословил Герцля благословением храмовых священников: "Да благословит и сохранит тебя Господь!"

Прием, оказанный Герцлю еврейскими массами в Вильно, взволновал его до глубины души. На следующий день (17 августа) он запечатлел пережитое в дневниковой записи, сделанной в купе вагона: "Никогда не забуду вчерашний день, день Вильно". Самодержавная Россия, однако, "позаботилась", чтобы заключительный аккорд его визита прозвучал диссонансом. Уже когда толпа приближалась к гостинице, полиция по несколько раз грубо разгоняла людей. Но особую грубость и жестокость полиция вместе с казаками продемонстрировала на вокзале во время "наведения порядка" при отъезде Герцля в Вену. По окончании ужина на загородной даче Герцль со спутниками возвратился в гостиницу и оттуда в первом часу ночи отправился на вокзал. Город не спал. Тысячи евреев дожидались Герцля на улицах и балконах. Повсюду его встречали приветственными криками. Перед вокзалом собралась масса людей. Тут-то внезапно и появились городовые с казаками и начали орудовать дубинками и плетками, разгоняя собравшихся. Герцль был потрясен. Сцена избиения евреев в Вильно долго преследовала его. Не исключено, что эта ужасная картина оказалась последней каплей в определении его отношения к "плану Уганды".

КРИЗИС В СТАНЕ СИОНИСТОВ

1. План Уганды

Герцль до глубины души был потрясен кишиневскими событиями. О его настроении можно судить по письму-соболезнованию главам Кишиневской общины, отправленному 19 мая 1903 года: "Весь еврейский народ находится под впечатлением ужасных дней Кишинева... Потрясенные размерами этого народного несчастья, жмем вашу руку с чувством братской боли... В страдании нашем есть лишь одно утешение: "Дай Бог вместе стоять нам в радости и в беде, дабы избавить наш народ от рабства!"

Эти события еще более усилили в Герцле чувство необходимости искать скорейшие пути помощи страдающему еврейству России.

Разочарование в надеждах заполучить "чартер" от султана, но более всего потрясение от Кишиневского погрома побудили Герцля предложить на обсуждение план Уганды, о котором он прежде и думать не хотел. В июле он засел за редактирование "чартера" для еврейского переселенческого общества в Восточной Африке. Ему помогали работающие в Колониальном банке английские юристы из фирмы "Ллойд-Джордж, Робертс и Ко", которую возглавлял член британского парламента Дэвид Ллойд-Джордж, в будущем, во время первой мировой войны, — центральная фигура в английском правительстве, человек, сыгравший важную роль в качестве одного из создателей декларации Бальфура. Ллойд-Джордж хорошо разбирался во всем, что касалось Уганды, и поэтому помог выработать формулировку "чартера" в согласовании с Министерством иностранных дел. В проекте "чартера", между прочим, говорилось, что еврейское переселенческое общество будет вправе, с согласия британского правительства,

учредить особый флаг и назвать свою территорию "Новой Палестиной" ("Нью-Палестайн"). Кроме того, там значилось, что поселение создается ради "поощрения еврейской национальной идеи" и "улучшения положения еврейского народа". В начале июля Герцль переслал этот документ на рассмотрение Малому исполкому. Однако он не стал дожидаться окончательных результатов переговоров с англичанами и в начале августа выехал в Россию.

Когда Нордау узнал от Герцля об угандийском плане, он не согласился с ним. Он предвидел заранее, что план этот вызовет сильное сопротивление русских евреев, хранящих верность Эрец-Исраэль как исторической родине еврейского народа. Но Герцль силился убедить Нордау, что это не означает отхода от Базельской программы и отказа от Эрец-Исраэль, которая была и остается главной целью сионистского движения; угандийский план — не более чем средство оказать немедленную помощь преследуемым евреям, особенно из России и остальных стран Восточной Европы. В конце концов Нордау взялся защищать эту рекомендацию с трибуны Шестого конгресса. Ответное послание британского Министерства иностранных дел поступило 14 августа 1903 года, накануне Шестого конгресса. В послании говорилось, что Министерство иностранных дел готово обсудить детали плана, главными пунктами которого являются: предоставление для еврейского поселения в Восточной Африке соответствующей территории под покровительством Великобритании, назначение еврейского чиновника главой местной администрации и предоставление колонии права издавать муниципальные законы для регулирования религиозных и внутренних дел. Эта местная автономия обуславливается правом Правительства Его Королевского Величества осуществлять общий контроль. Положительный ответ британского Министерства иностранных дел был получен Герцлем, когда он находился в Вильно. Он ничего не сказал об этом даже деятелям сионистского движения, устроившим

в его честь ужин перед его отъездом из России, однако в прощальной речи, с которой он обратился к виленским евреям, он намекнул, что стоит внимательно следить за ближайшим сионистским конгрессом, потому что там произойдет нечто такое, что облегчит положение народа. Свое обращение к евреям Вильно Герцль заключил словами: "Не падайте духом, ибо придут лучшие времена. Должны придти лучшие времена, ведь ради этого мы и работаем".

2. Шестой конгресс

Шестой конгресс, который также состоялся в Базеле, был создан, в соответствии с новым уставом, через два года после предыдущего конгресса и работал с 23 по 28 августа 1903 года. Делегатов съехалось больше, чем когда-либо прежде, около 600 человек, не считая многочисленных гостей и представителей печати. И на этом конгрессе сионисты России имели самое крупное представительство и могли бы иметь решающее большинство, если бы не отделившаяся организационно религиозная фракция Мизрахи.

19 августа началось предварительное совещание делегатов из России. После того как собравшиеся почтили вставанием память жертв Кишиневского погрома, было зачитано приветствие Усышкина, находившегося в то время в Палестине, где он занимался организацией нового еврейского ишува и основанием союза учителей. В своем приветствии он просил товарищей извинить его за то, что не смог приехать на конгресс, будучи занят большим и почетным делом организации еврейских сил в Эрец-Исраэль. Слова эти вызвали волнение и бурные аплодисменты. Было принято предложение послать приветственную телеграмму Усышкину, а также слету представителей еврейского ишува в Палестине.

Первым пунктом повестки дня совещания был вопрос о положении в движении и дальнейшей сионист-

ской работе. Ввиду враждебного отношения к сионизму русских властей, во главе с Плеве, на совещании ощущалась атмосфера угнетенности и уныния. Выступавшие боялись открыто высказываться, были очень осторожны в формулировках. Принимали в расчет, что сионизму в России придется идти по опасной тропе нелегального движения, и во время выборов организационной комиссии не называли ее членов по именам из соображения, что огласка поставит их под угрозу. По этому пункту совещание приняло резолюцию, сформулированную осторожно и расплывчато, хотя ее цели и намерения были ясны и понятны.

”Собрание представителей российских сионистов считает долгом своей совести заявить, что оно, невзирая ни на какие условия, не допускает и мысли прекратить сионистскую работу, дающую жизнь, свет и надежду еврейскому народу во мраке его блужданий. Принимая во внимание меняющиеся обстоятельства данного времени, способствующие или осложняющие ведение работы, делегаты обязуются ни на минуту не покидать своих постов”.

Резолюция была принята с огромным воодушевлением; ей долго аплодировали. Многие из собравшихся восторженно называли резолюцию важной вехой в истории сионизма и предлагали занести ее в ”Золотую книгу”.

На следующий день были представлены отчеты по различным областям работы. Отмечалось, что сионистское движение в России, действующее на территории двенадцати округов, за последний год усилилось как в пределах черты оседлости, так и вне ее. Этот рост движения в России (отмеченный позднее и на пленуме конгресса Оскаром Мармореком в главном докладе от имени сионистского правления) указывал, по мнению авторов отчетов, на несколько факторов: укрепление национального самосознания еврейских масс; успешное влияние сионистской пропаганды; сознание необходимости самостоятельных действий, а также на результаты оживления культурной работы. Степень роста

движения можно увидеть из данных об общем числе местных кружков и обществ: к началу обзорного периода их насчитывалось 1146, а к моменту конгресса эта цифра дошла до 1572, иначе говоря, число сионистских отделений в России увеличилось на 426, то есть — на 37%; причем все это происходило в крайне неблагоприятных для движения условиях.

* * *

Накануне конгресса, как обычно, состоялось заседание Большого исполкома. Это было через три дня после возвращения Герцля из России. Он рассказал о своих встречах с Плеве и Витте. Подавляющее большинство членов исполкома из России считали, что на обещания Плеве нельзя слишком полагаться, в то время как Герцль видел в письме Плеве документ большой политической важности. Далее Герцль сообщил, что английское правительство предлагает на востоке Британской Африки территорию для еврейского поселения с автономными правами. Предложение будет официально представлено конгрессу. Те из членов Большого исполкома, которые теперь впервые слышали об угандийской рекомендации, были, конечно, поражены. Подробных прений по этому вопросу не было — лишь короткие реплики за и против нее. Я.Бернштейн-Коган сказал, что при теперешних обстоятельствах еврейство России побежит даже в преисподнюю. Аналогичное мнение выразил Ясиновский (позднее Бернштейн-Коган изменил свой взгляд и стал одним из самых активных противников угандийского плана, Ясиновский же остался его сторонником). Однако Членов, глава российского объединения сионистов на конгрессе, не согласился с мнением двух своих товарищей. До прений по этому вопросу дело не дошло и на втором заседании Большого исполкома, так как обсуждение там, в основном, сосредоточилось вокруг кишиневских событий и письма Плеве. Члены исполкома успели лишь ознакомиться с текстом послания ан-

глийского Министерства иностранных дел, и весь вопрос оказался вынесенным на рассмотрение конгресса без предварительного обсуждения на Большом исполкоме.

В своей вступительной речи Герцль не говорил о политической работе в общей форме, а рассказал о конкретных политических шагах, например, о переговорах с султаном, закончившихся безрезультатно, и о новом предложении британского правительства насчет еврейского поселения в Восточной Африке. В заключение он сообщил о результатах своей поездки в Россию, сделав особый упор на обещании Плеве поддержать стремления сионистов перед турецким правительством. Он сказал: "Ценность этой декларации, которую я уполномочен довести до сведения конгресса, безусловно, понятна всем. Подобное обещание со стороны русского правительства означает несравненное политическое достижение. Не только устранено с пути огромное препятствие, но появилась внезапно и могучая поддержка. Правда, результатов еще следует подождать, однако свое дело мы теперь можем продолжать с новым подъемом и с лучшими, чем прежде, перспективами в наших усилиях добиться Эрец-Исраэль".

Тем не менее в центре речи Герцля, как и в центре последовавших затем прений, стояло предложение английского правительства по поводу еврейского поселения в Восточной Африке. Герцль описал бедствия евреев в Восточной Европе, с гневом и болью упомянул о Кишиневском погроме и сказал, что есть и другие "кишиневы" и не только в России. "Кишинев" повсюду, где истязают плоть евреев или их душу, где их честь и имущество предаются поруганию и разграблению, потому что они евреи. Давайте же спасем тех, кого еще дано спасти. Это последний срок".

В этих немногих фразах заключено все объяснение подхода Герцля к истории с Угандой. Он считал себя не вправе отвергнуть это предложение ввиду ужасных бедствий еврейских масс в странах, где их преследовали, порабощали и притесняли. Говоря о местности,

предлагаемой британским правительством в Восточной Африке для поселения евреев, Герцль сказал: "Эта новая территория не имеет той исторической, поэтико-религиозной и сионистской ценности, которой еще обладал Синайский полуостров¹, но я не сомневаюсь, что конгресс, как представитель еврейских масс, примет новую рекомендацию с чувством самой горячей благодарности. Предложение означает создание в Восточной Африке автономного еврейского поселения с еврейской администрацией и местными еврейскими властями, возглавляемыми верховным еврейским чиновником, разумеется, под суверенным контролем Великобритании. Поскольку такое предложение было сделано, я счел себя не вправе — учитывая положение еврейства и необходимость срочно изыскать какое-нибудь средство для возможного облегчения этого положения — поступить иначе, кроме как заручиться разрешением вынести этот вопрос на обсуждение конгресса".

Чтобы кто-нибудь не подумал, что принятие этой рекомендации означает отказ от Эрец-Исраэль, Герцль тут же добавил: "Понятно, что и речи не может быть о том, будто у еврейского народа существует другая конечная цель, кроме Эрец-Исраэль, и какой бы ни была судьба угандийского предложения, наш взгляд на страну наших отцов не подлежит изменению и не переменится никогда. И все-таки конгресс должен признать: наше движение добилось необычайного прогресса благодаря переговорам с британским правительством. Могу сказать, что наши взгляды в отношении Палестины были детально и с полной откровенностью доведены до сведения членов английского кабинета и высоких правительственных чиновников, компетентных в этом вопросе. Я убежден в способности конгресса найти средства, чтобы извлечь пользу из этого пред-

¹ В конце 1902 г. Герцль вел переговоры с британским министром колоний Джозефом Чемберленом о поселении евреев в Эль-Арише на Синайском полуострове. План этот не получил одобрения английского правительства. — *Прим. ред.*

ложения. Форма, в которой оно было нам представлено, обеспечивает улучшение положения еврейского народа и его участи без малейшего отказа от великих принципов, на коих зиждется наше движение... Каким бы ни было решение, я могу с полной уверенностью сказать: все мы испытываем самую глубокую признательность Великобритании за политическое доброжелательство в отношении еврейского народа, проявленное в этих переговорах. Конечно, это не Сион и никогда не будет Сионом. Это не более чем помощь посредством поселения; однако заметим, что она основана на национальных и политических принципах. Мы не можем, да и не подадим сигнала еврейским массам к выходу в (конечный) путь, потому что речь идет всего лишь об акции, вызванной чрезвычайными обстоятельствами... И тем не менее есть в этом повороте очень существенный прогресс". Герцль предложил конгрессу избрать комиссию в ограниченном составе, которая займется этим вопросом.

Вступительная речь Герцля загрозила большинству делегатов. Его выступление неоднократно прерывалось продолжительными аплодисментами, а конец речи был покрыт овациями, словно Герцль возвестил конгрессу, что "Эрец-Исраэль — наша, пускай массы поднимаются и трогаются в путь-дорогу", как писал корреспондент одного еженедельника, изображая впечатление, которое речь Герцля произвела на публику. Только позднее, на заседаниях объединений отдельных стран, собравшихся на свои совещания после пленума, начала раздаваться критика самой сути рекомендации и протесты против нее.

На второй день конгресса Нордау выступил с пространной речью, посвященной, главным образом, защите угандийского предложения. На сей раз, однако, ощущалось, что оратор не в ладу с делом, которое он поддерживает, и взялся за это только из-за своей верности и преданности Герцлю. Он говорил о бедствии "сотен тысяч наших несчастных братьев", которые не могут более ждать, — потому "мы и обязаны найти для них

своего рода ночлежный приют, пока появится возможность перевести их на постоянную квартиру”.

”Постоянная квартира”, которой жаждет народ, таким образом, есть и будет Эрец-Исраэль, и Уганда — не более, чем полустанок. Образ ”ночлежного приюта”, использованный Нордау в его выступлении, был подхвачен всеми участвовавшими в прениях и превратился в крылатое выражение на конгрессе, а позднее — и вне его.

3. Полемика вокруг Уганды

В сфере политической деятельности сионистского Правления решения принимались Герцлем единолично, и подавляющее большинство в лагере сионистов полагалось на него и шло за ним, не проявляя склонности к критике. Исключением из этого правила являлись сионистские лидеры России, на что и указал Герцлю Плеве во время их беседы. Сионисты же Западной Европы, кроме редких случаев, противились всякой попытке критиковать внешнюю политику, которую проводил президент. Такой подход, правда, был и у некоторых российских сионистов, но они были в меньшинстве. Это положение наглядно проявилось в дискуссии по угандийскому вопросу, разгоревшейся на Шестом конгрессе и принявшей самые резкие формы.

Поначалу делегаты конгресса были застигнуты врасплох, будучи совершенно не подготовлены к принятию столь серьезного и необычного решения, как ответ великой державе на ее дружественное предложение облегчить участь евреев. Однако по мере того, как они постепенно освобождались от первого заволаживающего влияния речи президента, делегаты начали собираться в своих местных объединениях для выработки собственной позиции в ходе свободного обсуждения вопроса. Совещания российских делегатов оказались продолжительными и бурными. Проводились они в перерывах между пленарными заседаниями конгресса и по

ночам, когда люди уже были утомлены. Споры завершились принятием проекта резолюции, который должен был быть представлен конгрессу. Текст гласил:

”Признавая огромное политическое значение сделанного английским правительством предложения — основать в Восточной Африке автономную еврейскую колонию, — конгресс поручает своему Исполкому выразить правительству великого английского народа глубочайшую признательность представителей еврейского народа. Но, оставаясь верным своей программе и видя цель движения в основании правоохранного убежища в Палестине, конгресс не находит возможным внести осуществление этого предложения в программу работы сионистской организации”.

На собрании российских делегатов эта резолюция была поставлена на голосование повторно и получила 146 голосов против 84. Большинство ее противников, то есть сторонников угандийского предложения, принадлежали к фракции Мизрахи.

В прениях по этому вопросу на пленарном заседании конгресса первым выступил адвокат Шимшон Розенбаум из Минска. Он заявил, что все усилия должны быть сосредоточены исключительно на Эрец-Исраэль и не стоит разменивать их на Восточную Африку. Когда сионизм завоеует поддержку всего еврейского народа и воля народа всей мощью обратится на то, чтобы добиться Эрец-Исраэль, он добьется ее. Желание двенадцатимиллионного народа — фактор огромного политического значения, с которым нельзя не считаться.

Большой Исполком, в противовес мнению семи своих членов из России¹, постановил большинством голосов предложить конгрессу резолюцию в пользу угандийского плана. Содержание резолюции следующее: избрать комиссию в составе девяти человек в качестве консультативного органа при Малом исполкоме (Правлении), в то время как экспедиция специалистов по

¹ Из четырех остальных российских ”уполномоченных” часть поддержала предложение, а часть воздержалась.

поручению сионистского руководства изучить условия местности, предлагаемой правительством Великобритании под заселение. Однако для этой цели нельзя будет пользоваться ни финансовыми средствами Керен Каемет ле-Исраэль, ни деньгами банка. Для принятия окончательного решения по вопросу о поселении в Восточной Африке будет созван специальный конгресс. По предложению Герцля Большой исполком постановил, вопреки мнению российских представителей, что на пленарном заседании члены Исполнительного комитета не будут голосовать как отдельные лица, поскольку данная резолюция вносится от имени всего Исполкома как единого органа. Между тем, на предыдущих конгрессах подобная процедура не была принята. Следует признать, что это решение прошло под личным давлением Герцля. Герцль не согласился и с требованием Членова, чтобы перед голосованием на пленуме президиум огласил имена членов Исполкома, голосовавших против посылки экспедиции в Восточную Африку. Герцль мотивировал это тем, что подобная огласка была бы равносильна попытке оказать давление на участников голосования.

На бурном пленарном заседании по вопросу об Уганде столкнулись два лагеря. На конгрессе прозвучало более тридцати выступлений "за" и "против". Членов сказал, что с того момента, когда он впервые услышал об африканском предложении, он переживает тяжелую драму: "Я чувствую, как нечто, спрятанное в укромнейшем уголке моего сердца, нечто такое, что я всегда считал дорогим, святым и неприкосновенным, — здесь, в этом доме, ныне унижено и оскорблено". Нет, он, Членов, вовсе не опасается подмены Эрец-Исраэль другой страной, это так же невозможно, как невозможно другую страну сделать целью движения. Большая опасность кроется в том, что у народа может возникнуть очередная иллюзия, в то время как сионизм стремится освободить евреев от иллюзий. Верно, что бедствия велики, но нам это не в новинку, и мы должны вооружиться терпением. Герцлю удалось пробудить понима-

ние наших интересов у представителей великого английского народа, и они проявляют готовность помочь нам. И Членов обратился к Герцлю: "Пойдите к этому народу и скажите ему, что Сион наша родина; великий народ поймет наш патриотизм и не откажет нам в помощи для достижения этой цели".

Из этих слов следует, что Членов понимал и ценил политическое значение английского предложения, хотя и противился ему по соображениям принципиальным и политическим. Этот подход Членова выступает еще ярче в его сочинении "Сион и Африка" (на русском языке), появившемся после Шестого конгресса сначала в виде серии статей в сионистском журнале "Еврейская жизнь" (1904), а затем отдельной книгой (1905).

"Длинен и долог скитальческий путь нашего народа; со всеми народами ему пришлось столкнуться на этом пути; и что же встречал он? В лучшем случае терпимость; большею же частью двери закрывались перед его входом, или открывались для его ухода. Впервые, со времени потери самостоятельности, скитальцу как бы протягивается рука для помощи. Впервые слова: автономия, национальная жизнь, своя территория применяются к нам внешним миром так, как они применяются ко всякой другой нации. Ведь мы, в нашем изгнании, вечных гонениях и унижениях, дошли уже до того, что многие из нас самих считают народ еврейский неспособным к автономной жизни, к возрождению; мы уверены, что так смотрит и внешний мир. И вот могущественная, столь высококультурная нация устами своих представителей свидетельствует, что она не разделяет пессимизма наших мудрствующих интеллигентов, что она считает нас способными возродиться к самостоятельной нормальной жизни.

Итак, впервые земля, почва под ногами, полная внешняя безопасность под скипетром Англии, внутреннее самоуправление с еврейскими высшими чиновниками, возможность беспрепятственного национального развития: как много элементов из наших мечтаний заключается в этой бумаге!"

И несмотря на все это, Членов, по своим собственным словам, чувствовал себя так, как если бы самое потаенное и святое в его душе подверглось поруганию.

Бернштейн-Коган, который до того — на заседании Исполкома — был готов поддержать угандийский план и сказал, что "в существующих условиях еврейство России согласится эмигрировать даже в преисподнюю", объяснил конгрессу перемену, произошедшую в его взглядах: "Когда я впервые услышал об этом предложении, я почувствовал то, что испытывает каждый мучимый жаждой и голодом. То был вопль: "Дайте мне хлеба и воды!" Мы, однако, явились сюда не только как посланцы страждущего, больного еврейства, но и как хорошие врачи". Дневник болезни еврейского народа — еврейская история, а она ведет к Эрец-Исраэль. Говоря о кишиневских мучениках, с которыми он лично встречался, оратор подчеркнул: "Страдания не ослабляют еврейский идеал, напротив — укрепляют его! Это заставляет меня дать вам совет не принимать никакого компромиссного решения на чрезвычайный случай". В заключение он предложил конгрессу принять резолюцию с выражением благодарности английскому правительству, но вместе с тем недвусмысленно заявить, что Сионистская организация, будучи верна своей основной цели, не сумеет заняться этим предложением. Таким образом, Бернштейн-Коган изложил перед конгрессом решение российских делегатов, принятое на их отдельном собрании большинством голосов.

Нахман Сыркин выступил в защиту рекомендации: он сказал, что серьезность вынесенного на обсуждение вопроса обязывает укротить эмоции и действовать в соответствии со здравым смыслом. Аргументы же, выставляемые противниками плана, не что иное как романтика. Не измена Сиону вынуждает нас обратиться к другой стране, а бедственное положение еврейских масс. Срочная необходимость организовать эмиграцию требует действия, и сионизм обязан взять на себя инициативу в этом жизненно важном для еврейст-

ва вопросе. Если мы этого не сделаем, то понесем тяжелые потери, ибо множество евреев из года в год рассеиваются по всем странам земного шара, и эмиграционный вопрос становится все более серьезным. Как представители единственной организации еврейства мы должны откликнуться на эти нужды. Не займемся этим вопросом мы — займется общество ЕКО или другая филантропическая организация, и от этого дело только проиграет. Неверно, что приняв рекомендацию относительно Восточной Африки, мы тем самым отказываемся от надежд на Эрец-Исраэль. Ведь побуждения, толкающие нас к Эрец-Исраэль, имеют не только социально-экономический, но и духовно-нравственный характер. Отсюда следует, что нам нечего бояться Восточной Африки, потому что она не удовлетворит нашего национального чувства¹.

Лагерь сторонников угандийского плана составляли, за редким исключением, сионисты Запада, в то время как лагерь его противников, опять-таки за редким исключением, — российские сионисты. Тут и выявилась диаметрально противоположность между ярко выраженным политическим сионизмом и сионизмом национально-историческим. Характерно, что именно представители страдающего, истерзанного и преследуемого еврейства России со всем пылом души боролись за Сион. Представители западного сионизма не могли этого понять. Российские же сионисты знали, что траге-

¹ Нахман Сыркин, создатель социалистического сионизма, после Седьмого конгресса в 1905 году вышел из рядов Сионистской организации и основал с группой своих единомышленников Социалистическую территориалистскую партию, называвшуюся сокращенно СС (Сионисты-социалисты). В Америке она называлась СТ (Социалисты-территориалисты). В 1909 году, проживая в Америке, Сыркин вернулся к старому ("классическому") сионизму, после того как убедился, что территориализм менее реалистичен, чем первоначальный сионизм. На Чикагской конференции произошло тогда объединение Сыркина и его товарищей с партией Поалей Цион, исповедовавшей примат Эрец-Исраэль.

дия евреев слишком глубока и велика, чтобы ее можно было с легкостью устранить. Они видели в сионизме сложный, длительный и фундаментальный процесс и не увлекались формально-политическим подходом, полагавшим решить историко-национальную проблему формальным актом получения "чартера". Это яркое противоречие между мировоззрением двух лагерей описывает Вейцман в своей автобиографической книге "Поиски и заблуждения".

"Наша позиция по отношению к западным вождям нашла свое оправдание в решающую минуту в истории сионизма. После погрома в Кишиневе Герцль сделал попытку заменить Эрец-Исраэль Угандой — ради временного облегчения, как он утверждал, — и не мог понять, что евреи России, при всех страданиях, не в состоянии перенести свои чаяния и мечты со страны отцов на какую-нибудь другую страну. Так обнаружилось, что для западного руководства Эрец-Исраэль никогда и не "существовала". То был мираж, и когда он поблек, вместо него предложили Уганду — на деле еще более мираж, нежели Эрец-Исраэль. Тот факт, что сердце еврейства связано с Эрец-Исраэль узами любви и нравственности, был недоступно высок для разума западников. Они не видели огромного реального значения этих уз, их единственной, неповторимой и незаменимой силы, которая одна способна разбудить энергию, скрытую в еврейском народе".

Говоря, что в глазах западного руководства Эрец-Исраэль всегда была не более чем миражем, Вейцман сурово судил Герцля. Иным было отношение Членова, лидера оппозиции на Шестом конгрессе, первого среди отвергавших угандийский план. Он не так жестко отнесся к Герцлю и не ставил под сомнение его преданность Сиону. В своем сочинении "Сион и Африка", вышедшем уже после смерти Герцля, Членов прямо заявляет о своей уверенности, что Герцль ни в коем случае не собирался отказаться от Палестины.

"Думал ли он при этом оставить Палестину? Полагаю, что никоим образом. Уже имея английское пред-

ложение, он и до, и после конгресса не прерывал ни на один день работы для Сиона. Мало того, он был уверен, что предложение об устройстве автономной колонии в Уганде, принятое с радостью конгрессом, поднимет сильно наши шансы на Босфоре. Нет, он не думал изменить Сиону. Но вместе с тем, я полагаю, что привез он Уганду не для дипломатии только. Если бы Палестина продолжала еще долго оставаться неприступной для нас, и получение чартера все отодвигалось бы, то эти массы надо было бы двинуть в Уганду, отсрочив работу для добывания Палестины на более отдаленное будущее. Он был глубоко уверен, что для Уганды легко будет получить Колонизационное общество, Ротшильдов и другие силы в еврействе, которые стоят вдали от сионизма. А у народа достаточно сил, чтобы разрешить таких две задачи. Его необыкновенно глубокая, безотчетная вера в еврейский народ, вера, которая придавала ему его специфическую мощь, она иногда приводила его к слишком оптимистическим мыслям и надеждам. Только этим объясняется то, что он сам мог выдвинуть такую сильную опасность для своего дела”.

Оба лагеря, сторонники и противники Уганды, были почти равны в численном отношении, и судьбу голосования решила фракция Мизрахи, подавляющее большинство членов которой голосовало за предложение.

И Членов пытался объяснить себе это явление — поддержку, оказанную угандийскому предложению фракцией Мизрахи. Со свойственной ему объективностью он старался проникнуть в подоплеку намерений ортодоксальных сионистов и понять, чем же они руководствовались. В ”Сионе и Африке” он замечает, что среди членов Мизрахи были такие, кто верил в возможность немедленного облегчения участи еврейских масс путем основания колонии в Уганде параллельно Эрец-Исраэль. Другие поддерживали эту рекомендацию в силу своей слепой веры в вождя сионистского движения.

”Но несомненно, что в голосовании большинства Мизрахи сказалась тактика целой организации, проводимая и руководимая главарями, которой только немногие, смелые, не подчинились. А между тем, от Мизрахи, людей традиции, веры, вечно молящихся о возвращении нашем в Палестину, всего менее можно было ожидать согласия на Уганду. Я [Членов] не был на их совещаниях, — говорят, что они были очень бурны, — но думаю, что тут сыграли роль отчасти религиозные, отчасти тактические соображения.

Мизрахистам всего чаще приходится сталкиваться с возражениями из ортодоксального же мира, что мы, сионисты, покушаемся ”ускорить конец” и хотим предвосхитить дело, которое должно совершиться Мессией. Беспочвенность этого возражения, именно с точки зрения религии, сто раз доказывалась в литературе и жизни; но его продолжают ставить, ибо противники редко имеют мужество вникать в рассуждения, подрывающие их предрассудки. Далее, наших мизрахистов смущают ”религиозные предписания, связанные только с Палестиной”, неуверенность, что проведение их не встретит коллизии с жизненными условиями. Уганда снимала и то и другое; она устраняла с пути препятствия, которые им кажутся очень большими и трудными. Они хотели Уганды, не для вида, а для работы в ней, сосредоточения сил на ней. Ну, а как же Палестина? — Она нам обещана и будет наша; пусть ее теперь населяют другие, все равно, придет время, она будет наша. Но ведь это противоречит совершенно нашей программе, которая вся говорит об активной работе для получения Сиона? Не знаю, какой ответ мизрахисты давали себе на этот вопрос; быть может, они полагались на вождей, которые создавали программу и которые уверяли их, что здесь нет противоречия...”.

Сторонники Уганды не были все на один покррой. Членов подразделяет их на несколько групп. Таких, кто совсем был чужд Эрец-Исраэль, среди них было ничтожное меньшинство, которое возглавлял Занг-

вилль¹. Значительная часть верила, что угандийская рекомендация приведет к немедленному облегчению страданий еврейских масс, другая часть поддерживала рекомендацию просто из непоколебимой верности Герцлю. Наиболее выразительным случаем такой поддержки был поданный за Уганду голос старого члена Ховевей Цион и основателя Национальной библиотеки в Иерусалиме д-ра Иосефа Хазановича. То, что он проголосовал за Уганду, вызвало изумление не только у делегатов конгресса, но даже у самого Герцля. Семь лет спустя д-р Хазанович рассказал на страницах газеты "Ди Вельт" (30 мая 1910 г.), что после голосования Герцль послал за ним и спросил: "Доктор, ведь вы настоящий палестинофил; как же вышло, что вы проголосовали за угандийское предложение?" Хазанович ответил: "Я считал, что вы, как избранный нами вождь, постоянно беспокоящийся за судьбы нашего народа, желаете принятия конгрессом английского предложения. Ваших политических расчетов я не понимаю. Но я полагаю, что, если даже вы допустили ошибку, вы будете знать, как ее исправить. Я заодно с нашим вождем во всем: в успехе и в неудаче".

Среди делегатов имелись и колеблющиеся, не сумевшие сделать выбора в ту или иную сторону. Эти от голосования воздержались. И вот настал решительный момент. Объявили о поименном голосовании. Об этой драматической минуте рассказывает Членов:

"Мы, русские уполномоченные, остались одни. Мы решили потребовать того, против чего никто, даже д-р Герцль, не мог бы уже ничего иметь: объявить о нашем несогласии после голосования; тут уже не могло быть речи о каком-либо давлении. Я сообщил об этом д-ру Герцлю, уже сидевшему в своем кресле и озиравшему поле будущей победы. Хорошо, ответил он, но знайте,

¹ После Седьмого конгресса (1905) он порвал с Сионистской организацией и основал (вместе с профессором Мандельштамом из Киева) организацию территориалистов.

что расходящиеся по такому вопросу не могут потом сидеть за одним столом.

Быстро были вновь созваны товарищи. Семеро из нас подписали письменное заявление, двое были против, один отсутствовал, а один переживал адские муки колебаний и возбуждал к себе глубокое чувство сострадания; он не подписал. Я передал президенту письменное наше заявление и добавил, что мы готовы нести ответственность за любые последствия...”.

В четыре часа пополудни Герцль представил рекомендацию конгрессу. Проект резолюции был переведен на несколько языков (также и на иврит), которыми пользовались делегаты, затем приступили к поименному голосованию. Результаты: 295 делегатов — ”за”, 178 — ”против”, 100 делегатов воздержались (не считая 32 членов Исполнительного комитета, по решению этого органа не голосовавших лично на пленарном заседании конгресса). Среди воздержавшихся были Соколов и глава Мизрахи раввин Рейнес, в прениях выступавший за рекомендацию. Большинство членов Мизрахи, как уже говорилось, проголосовали ”за”.

4. Уход Ционей Цион

После оглашения итогов голосования Герцль зачитал с трибуны конгресса письменное заявление семи членов Большого исполнительного комитета из России, отвергнувших резолюцию: ”Нижеподписавшиеся, члены Большого исполнительного комитета, настоящим сообщают, что на заседании Исполнительного комитета они голосовали против посылки экспедиции в Восточную Африку — И.Членов, З.Темкин, Я.Бернштейн-Коган, Ц.Белковский, В.Якобсон, Ц.Брук, И.Л.Гольдберг”.

Членов встал, спустился со сцены и пошел к выходу из зала. За ним последовали остальные члены Исполкома, подписавшие заявление. Их сторонники в зале зааплодировали, и все, кто голосовал против угандийской

рекомендации, присоединились к уходящим и вместе с ними покинули зал — мрачные, подавленные, многие со слезами на глазах. Это был стихийный жест, никем заранее не отрепетированный и не подготовленный. То был трагический момент и для уходящих, и для остающихся, и, в первую очередь, для Герцля; он стоял пораженный, бледный, словно прикованный к месту, с совершенно застывшим лицом.

Российские сионисты были очень далеки от желания устроить демонстрацию. Слишком их потрясло существо дела, казавшееся им ударом по самой душе сионизма, чтобы они могли думать о каких-нибудь внешних формах выражения протеста. Герцль сделал заявление, что принятая резолюция не означает окончательного решения по предложению Великобритании, а лишь согласие, что оно будет изучено, результаты же исследования будут представлены конгрессу, который призван сказать окончательное слово; поэтому ему непонятен уход делегатов — противников предложения, он ждет, что они вернутся, и до этого прекращает разговоры на эту тему.

Противники угандийской рекомендации, называвшие себя отныне Ционей Цион (Сионисты Сиона), собрались в малом зале казино, где в свое время состоялся Первый сионистский конгресс и была принята Базельская программа. Было нечто символичное в том, что собрались они именно здесь, как бы тем самым говоря: "Вы большинством голосов сделали выбор в пользу Восточной Африки, ну а мы, Ционей Цион, стоим за Базельскую основополагающую программу".

В зале пленарных заседаний Герцль объявил перерыв на час, считая невозможным продолжать обсуждение остальных пунктов повестки дня (организационный вопрос, пропаганда, Национальный фонд и др.), будто ничего не случилось. Правда, поначалу он полагал, что "русские" предприняли демонстрацию, наподобие демонстрации членов Демократической фракции на предыдущем, Пятом конгрессе. Интуиция ему, однако, подсказывала, что сейчас дело обстоит иначе, об

этом свидетельствовало выражение боли и угнетенности, которое он видел на лицах уходящих. И все-таки он не сумел понять до конца их состояние и позицию, о чем свидетельствует его дневниковая запись, сделанная уже после конгресса, 1 сентября 1903 года. Там он признается, что совершил ошибку, предупредив товарищей из России, что им уже не быть более членами Исполкома, и пишет: "Перед голосованием по поводу Восточной Африки я сказал Членову, Бернштейну-Когану и их соратникам, что тот, кто проголосует против, не сможет оставаться в Исполнительном комитете. С этого момента результаты им были уже безразличны, и они покинули зал".

Эти слова, написанные уже после того, как Герцль встретился с противниками угандийского предложения на их собрании и по завершении всего конгресса, свидетельствуют, что он так и не понял их мотивов, оставшись при мнении, будто уход их был вызван потерей мест в Исполнительном комитете и не более того. Следуя этой оценке Герцля, аналогичной причиной объясняет уход семи российских "уполномоченных" и его биограф, который пишет, что подписавшие заявление ушли из зала "либо потому, что более не считали себя членами Исполкома, либо для того, чтобы дать форму и выход своим эмоциям" (Алекс Бейн, "Теодор Герцль", биография). Справедливо поэтому привести объяснение случившемуся данное самим Членовым, лидером оппозиции на Шестом конгрессе, который писал по поводу ухода противников Уганды следующее:

"Целых два часа продолжалась эта перекличка. Ведь в редком парламенте голосует такая масса делегатов, около 500! С напряженным вниманием следит весь зал, многие записывают и подсчитывают шансы. Признаюсь, меня прямо поражало, как часто раздавалось "нет". Я считаю присутствие в этом зале и при таких условиях 178, открыто голосовавших против, фактом, крайне знаменательным, которого я не ожидал. Но исход голосования, конечно, не подлежал сомнению. В воздухе носилась победа; а победителей не судят, провозгласил

еще за два дня раньше одесский делегат. Он ошибся; суд наступил очень скоро, в Базеле же, потом производился по всему миру еврейскому. И этот суд показал, что еще одна такая победа, и армия рассыплется на мелкие части. Но теперь был момент победы. В зале аплодисменты, махали платками. Но, признаюсь, искренней радости я не видел, вернее, не чувствовал. Все это было очень громко, очень шумно; но казалось как-то искусственно, дуто. Впрочем, я был плохой наблюдатель в этот момент.

Меня давил во время голосования вопрос: что мы теперь, мы, несогласные, нежелающие, что нам теперь делать? Ведь тут не деталь какая-нибудь решается, а рушится основа, на которой стоит все наше здание, создается нечто несовместимое, глубокой пропастью отделяющее будущее от прошлого. На этом конгрессе, говорили некоторые, впервые почувствовалась под ногами почва; мы на этом конгрессе ясно почувствовали, что почва уходит, что все зашаталось под ногами. Что делать теперь, можем ли вместе работать, что уцелело из наших общих устоев? Все это проносилось в тяжелой свинцовой голове. И как ни трудно, тяжело было мыслить в это время, одна мысль однако стала у меня все яснее обрисовываться: между прошлым и тем, что настанет теперь, должна быть проведена черта, ясная, чувствительная и видимая для всех; теперь нельзя продолжать, как будто ничего не случилось. Наступившая пропасть должна проявиться видимым образом и здесь, но как?

Читается наша записка; она читается бегло, равнодушным голосом. Зал в недоумении. И в этот момент, два часа бродившая мысль приняла определенную форму: я собрал все свои бумаги, книги, надел шляпу и сошел с президиальной трибуны. Куда и зачем? Я не знал в эту минуту. Одно я чувствовал, что здесь, в этом зале, в эту минуту, сейчас оставаться невозможно, физически невозможно. Нам здесь теперь нечего делать. Я пошел; но не знал, пойдет ли еще кто-нибудь за мной. Ни с кем мы ни о чем не сговаривались. Но, оче-

видно, было довольно одной искры. Первыми присоединились товарищи по записке; движение нашей маленькой группы было тотчас замечено внизу, а когда мы, протеснившись сквозь особенно густые в этом году ряды журналистов, вышли на средний проход, тогда это движение стало видно и галереям. Бешеный, оглушительный взрыв аплодисментов огласил зал внизу и наверху; в нем искало себе выхода чувство, старательно сдерживаемое весь этот день. Мы двигались и, не озираясь, чувствовали, что мы не одни идем, не одни делаем то, что делаем. И чувствовалось, что делаем мы что-то хорошее и очень нужное. Мы разряжаем атмосферу, очищаем ее, облегчаем душу себе и другим.

Мы прошли густой толпой в малый зал. Здесь создавалась в 1897 г. базельская программа. Много было тогда споров, горячих и страстных; одно только не подлежало спору и было для всех ясно: в Палестине. Прошло всего несколько лет, и теперь, давлением и силой нескольких людей, эти два слова вырываются из программы, и в этом зале, где все возобновили обет верности народу и стране, теперь можно бы сделать надпись: "Здесь мы сидели и плакали, вспомнив Сион". Ибо часть, правда, очень небольшая, из пришедших разразилась неудержимыми рыданиями, и среди плакавших были люди видимо сильные, крепкие".

Один из участников собрания Ционей Цион, описавший атмосферу, в которой у людей лились слезы из-за принятого решения, сказал: "Можно было подумать, что эти люди получили известие о новой резне или о смерти своих родных и близких".

Герцль поначалу полагал, что уход из зала был чисто демонстративным поступком, и собирался не реагировать на него, как он это уже раз сделал по отношению к демонстрации Демократической фракции на предыдущем конгрессе. Однако ему сказали, что люди плачут, и тогда он понял, что имеет дело с куда более серьезным явлением, чем внешний протест. Он решил поступиться своей гордостью и амбицией и отправиться на собрание противников резолюции об Уганде. Сове-

щение Ционей Цион затянулось надолго, и поздней ночью, когда обсуждение все еще не было завершено, появился Герцль и попросил разрешения присутствовать. Собрание, однако, было закрытым; Герцль ждал в коридоре, пока решат, допустить ли его вообще. В конце концов, ему было позволено войти, но собравшиеся встретили его с необычайной холодностью.

Об этой драматической встрече Герцля с противниками угандийского плана рассказал Иосеф Элиаш в сборнике "Воспоминания сионистов из России", редактор которого, рабби Биньямин, в примечании к этому эпизоду говорит, что собравшиеся выставили у двери двух дежурных, двух крепких парней, строго-настрого наказав им никого не впускать. И вот появился Герцль и выражает желание присутствовать на собрании. Один из дежурных пошел в зал и сообщил об этом председательствующему. Тот попросил довести до сведения Герцля, что это собрание только российских делегатов. Герцль промолчал, отправился в свой отель и вернулся с удостоверением, что он является делегатом конгресса также и от России. Дежурный снова пошел к председательствующему. Тот вышел из зала к Герцлю и сообщил об опасении некоторых заседающих, что он, Герцль, силой своей личности склонит делегатов ко всему, чего захочет. Но Герцль настаивал на своем праве участвовать в собрании в качестве российского делегата, и ему было позволено войти. Рабби Биньямин передает этот эпизод со слов одного из дежурных, Ашера Эрлиха; имени председательствовавшего на собрании рабби Биньямин не запомнил.

Герцль попросил слова, и оно ему было предоставлено. Он сообщил собравшимся подробности своей политической деятельности и переговоров, которые он провел, прежде чем решил вынести на конгресс предложение английского правительства об Уганде. Он призывал собравшихся вернуться на конгресс, ибо они ошибаются, если полагают, что он нарушил Базельскую программу.

К утру между президентом и представителями оппозиции было достигнуто соглашение, и голосовавшие против Уганды вернулись на конгресс. Шмарьяху Левин от имени оппозиции сделал следующее заявление: "Я должен пояснить, что уход меньшинства из зала после голосования не имел никакой демонстративной цели, а явился спонтанным следствием глубокого душевного потрясения из-за резолюции, которая противоречит основам Базельской программы".

На этом Герцль прервал оратора и заметил, что его слова не соответствуют предварительному тексту, представленному президенту, и что он "не может допустить заявления, будто конгресс отклонился от Базельской программы, поскольку резолюция была принята большинством голосов. И если большинство в 295 делегатов постановило, что резолюция не противоречит Базельской программе, меньшинство не может утверждать, что тут есть противоречие".

Шмарьяху Левин продолжал далее чтение дополнительных предложений оппозиции, и руководство согласилось их принять: а) запрещается финансировать африканскую экспедицию из фонда членских взносов (решение запретить ее финансирование из средств Колониального банка и Национального фонда было принято уже ранее); б) отчет экспедиции должен быть представлен Большому исполкому до того, как будет созван конгресс для принятия окончательного решения по этому вопросу.

Два последних дня конгресса прошли в спокойном обсуждении остальных пунктов программы его работы, хотя все еще чувствовалось напряжение, вызванное угандийским вопросом. В соответствии с резолюцией конгресса была избрана комиссия по Восточной Африке. Хаим Вейцман согласился войти в комиссию, несмотря на то, что принадлежал к противникам "Уганды". Избрали также комиссию по изучению Эрец-Исраэль, утвердив для нее постоянный бюджет. Герцль снова стал президентом Сионистской организации, но на сей раз три делегата проголосовали против его канди-

датуры — случай небывалый: до сих пор на всех конгрессах его избирали единогласно.

Следует отметить, что именно Шестой конгресс, вошедший в историю сионизма под названием "Угандийского", постановил по итогам доклада Оппенгеймера о поселении основать комиссию по изучению Эрец-Исраэль и условий развертывания в ней поселенческой деятельности. Возможно, это был примирительный жест по отношению к оппозиционерам, но, так или иначе, он стал практическим шагом в направлении строительства Страны, даже и без всякого "чартера"... Приняли также изменение в организационном уставе, согласно которому один делегат на конгресс избирался от каждых двухсот платящих членские взносы, а не от каждых ста, как ранее.

В своем заключительном слове — ставшем его последней речью на последнем конгрессе с его участием — Герцль сказал, что конгресс был трудным, но великим. Великим не только по количеству делегатов, равного которому не знали предыдущие конгрессы, но и по характеру работы. Упоминая о бушевавших тут яростных и тяжких спорах, Герцль заметил: "Мы убедились, что на сионистов можно полагаться и что верен афоризм, гласящий, что опереться можно лишь на предмет, оказывающий сопротивление".

Дабы рассеять опасения, возникшие у значительной части делегатов в результате полемики об Уганде, Герцль счел необходимым успокоить их и произнес традиционную клятву: "Если забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет моя десница!" И поднял правую руку в подтверждение этих слов. Тем не менее конгресс завершился в напряженной атмосфере.

5. Смерть Герцля

3 мая 1904 года газета "Ди Вельт" опубликовала короткое извещение: "По настоянию врача д-р Герцль уходит в продолжительный отпуск и в течение этого

времени свои обязанности исполнять не будет. Просьба не обращаться к д-ру Герцлю письменно, а по всем вопросам — в Исполнительный комитет”.

Состояние Герцля со дня на день ухудшалось, и все попытки врачей спасти его оказались бесплодными. Герцль скончался 3 июля 1904 года в возрасте сорока четырех лет. Хотя в сионистском движении было известно, что у Герцля не все благополучно со здоровьем, однако только близкие друзья знали, насколько его состояние серьезно. Поэтому весть о его смерти обрушилась, как гром среди ясного неба. Когда распространилось известие, что вождя сионизма не стало, скорбь и мрак опустились на еврейскую улицу в России. Массы людей собирались в синагогах, участвовали в траурных митингах, и печать, даже антисионистская, посвятила оценке личности и подвига покойного лидера многочисленные статьи.

Вышедший после смерти Герцля июльский (по новому стилю) номер ежемесячника ”Еврейская жизнь” открывался некрологом, написанным Ю.Бруцкусом. ”Умер величайший и преданнейший сын еврейского народа, — писал Бруцкус, — погиб безвременно, в расцвете жизни и разгаре работы. Чуткое сердце его захотело объять все еврейское горе, залить его своею кровью; оно долго и славно боролось, но теперь не выдержало и разбилось — герой погиб на полпути. ... Велико несчастье еврейского народа. Мы притерпелись уже к бедствиям. Наши слезы иссякли, голос подавлен от мук. И мы встретили тяжелую весть не воплями и слезами, а грустным молчанием. Печаль наша слишком велика, чтобы вылиться в словах, удар слишком силен, чтобы оценить его. Еще одну горькую чашу страдания пришлось нам испить. Несчастлив тот герой, который не увидел обетованной цели, несчастлив тот народ, который на полпути теряет своего вождя. Но он умер с верою в усталом сердце и словами любви к Сиону на устах. Он завещал нам идти все вперед и нести его наследие по указанному пути к великой цели. Его сердце разбилось, но дело его живо...”.

Большую статью о Герцле поместил в том же номере журнала Жаботинский. "... Когда будет подведен итог его подвига, книжники наши должны будут устроить большой пересмотр учению о том, что не личности делают историю. Да, творит историю стоногая Причина и стихийное желание масс; но с мучительной медленностью ползет эта история, если не впряжется в ее колесницу гениальный человек, сердце которого чутко собрало и отразило неуловимые потребности толпы и нашло то слово, которое нужно для их выражения. Так маховое колесо в машине: правда, не оно дает машине движение — напротив, оно само приводится в движение машиной; но с ним машина работает легче и скорее... Маховое колесо истории — сердце гения-вождя". В заключение Жаботинский предлагал увековечить память Герцля основанием фонда для развития сети еврейских национальных школ в Эрец-Исраэль.

Членов писал в "Сионе и Африке", что покойный вождь целиком отдал себя движению. Он отдал ему все силы, все время, все свои денежные средства, свой мозг и сердце — и движение словно воплотилось в его личности. Такое слияние имело важные и положительные стороны, особенно в начальном периоде, когда нужно было находить новые формы и создавать новые учреждения. Даже в разгар полемики об Уганде на Шестом конгрессе, где большинство российских делегатов испытывали глубокое недовольство Герцлем, а некоторые даже обрушились на него с обидными и резкими выпадами, они не переставали его любить и почитать. Вот как описывает тот же Членов появление Герцля на собрании противников угандийского предложения, после того как они ушли с конгресса:

"Одно видели мы все перед собой: глубоко, сильно страдающего любимого человека. Все пути к отступлению отрезал он, все корабли сжег в тот момент, когда геройски ринулся в бой, за свой народ. И впервые ему здесь, в среде своих, приходится поставить себе вопрос: понимают ли его, ценят ли его труды?"

Может быть, наиболее сильным выражением любви к покойному вождю явилось стихотворение Жаботинского "Надгробное слово" ("Хеспед") :

И он угас, как древле Моисей,
На берегу земли обетованной;
Он не довел до родины желанной
Ее вдали тоскующих детей;
Он сжег себя, и жизнь отдал святыне,
И "не забыл тебя, Иерусалим", —
Но не дошел и пал еще в пустыне,
И в лучший день родимой Палестине
Мы только прах трибуна предадим...

Пусть мы стгнем под муками ярма,
И вихрь умчит клочки священной Торы;
Пусть сыновья уйдут в ночные воров,
И дочери в позорные дома,
И в мерзости наставниками людям
Да станем мы в тот черный день и час,
Когда тебя и песнь твою забудем
И посраим погибшего за нас...

Спи, наш орел, наш царственный трибун.
Настанет день — услышишь гул похода,
И скрип телег, и гром шагов народа,
И шум знамен, и звон веселых струн;
И в этот день от Дана до Баршевы
Благословит спасителя народ,
И запоют свободные напевы
И поведут в Сионе наши девы
Перед твоей гробницей хоровод...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СИОНИЗМ В ПЕРИОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ГЕРЦЛЯ И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава двенадцатая

ЕВРЕЙСТВО РОССИИ МЕЖДУ ШЕСТЫМ И СЕДЬМЫМ КОНГРЕССОМ

1. Погром в Гомеле

Над Шестым конгрессом витала тень Кишиневского погрома, сыгравшего немаловажную роль в возникновении Угандийского кризиса. Но прошло немного времени и выяснилось, что погром в Кишиневе — отнюдь не изолированное событие, а лишь начало нового периода массовых бесчинств, когда погром стал, по выражению Дубнова, "постоянным государственным институтом" Российской империи.

Спустя две недели после Шестого конгресса (сентябрь 1903 г.) погром произошел в Гомеле (Могилевская губерния). Бесчинства начались после стычки евреев с крестьянами, приехавшими в город за покупками. Один из крестьян пытался силой забрать бочку селедок по более низкой цене, чем требовал лавочник. Крестьянина вытолкали; тогда его единоверцы набросились на евреев. Последовала драка и один из христиан был убит. Через два дня собрались огромные толпы мстить евреям за убитого. Драка, таким образом, послужила поводом для расправы, которая была

весьма наруку властям, так как в Гомеле активно работали организации революционеров.

Застрельщиками погрома были железнодорожники, к которым присоединились чернорабочие и всякий сброд. Приложили руку и люди из "общества" — попы, торговцы, учителя и студенты, науськивавшие и подбадривавшие громил. Последние действовали на глазах у полиции и войск, при их полном одобрении и поддержке. Но на сей раз кишиневский позор не повторился: в Гомеле выступила еврейская самооборона, организованная из боевых отрядов Бунда и Поалей Цион, которые дали громилам яростный отпор. Отрядами Поалей Цион командовал Иехезкель Ханкин, впоследствии ставший одним из основателей организации Хашомер (Гашомер) в Палестине. Количество жертв среди евреев оказалось значительно меньше, чем во время Кишиневского погрома, и куда больше, чем в Кишиневе, оказалось убитых и раненых на стороне погромщиков, хотя солдаты стреляли в участников самообороны и кололи их штыками. Самооборона не только защитила евреев — в еще большей степени она реабилитировала честь еврейского народа и укрепила его достоинство как в его собственных глазах, так и в глазах христиан. Выступление самообороны и подвиг ее участников засвидетельствовали на деле, что отныне никому не удастся проливать еврейскую кровь безответно и безнаказанно. Это почувствовали все, — и еврейское население, и русское, и власти.

Однако теперь русская общественность уже не испытала того шока, в который полгода тому назад ее вверг Кишиневский погром. Похоже было на то, что уже начали привыкать к погромам, как к "постоянному государственному институту". Либеральная русская печать на погром в Гомеле почти не реагировала; зато шум подняли крупнейшие реакционные, антисемитские газеты, крича, что волнения в Гомеле в еще большей степени, нежели кишиневские события, доказали, что виновниками этих происшествий являются сами евреи.

Причем эта версия получила распространение не только в антисемитской прессе.

Русское правительство не простило евреям организации самообороны и ее мужественного выступления. Оно решило инсценировать суд в подтверждение своей версии, согласно которой никакого погрома не было, а было нападение евреев на христиан. С этой целью были отданы под суд шестьдесят человек, среди них большинство евреев. Все понимали, что на скамью подсудимых посажены не зачинщики и участники погрома, а еврейская самооборона. Для фальсификации материалов предварительному следствию потребовался целый год; слушание дела началось лишь в октябре 1904 г. и закончилось в январе 1905 г. Весь процесс принял форму обвинительного акта против евреев, вызвавших "русский погром"; не только представители погромщиков, но и сам председатель суда Иван Котляревский так обращался с обвиняемыми-евреями и их адвокатами, что последние были вынуждены в знак протеста (и с согласия их подзащитных) покинуть зал судебных заседаний. Адвокаты не вернулись в суд, и он продолжался в отсутствие защиты.

Прокурор утверждал, что в Гомеле вовсе не было погрома: евреи, озлобленные кишиневскими событиями, организовались в "самооборону" ради мести, вооружились и выжидали только удобного случая для нападения. И вот в Гомеле им подвернулась драка на базаре из-за бочки селедок, и они напали на христиан, дабы отомстить таким образом за события в Кишиневе. Правда, по доброте своей, прокурор был согласен, чтобы обвиняемым смягчили приговор, так как "идея организовать самооборону исходит, разумеется, не от обвиняемых, а от более авторитетных представителей еврейства".

Таким образом, гомельский процесс официально, хотя и в кривом зеркале, засвидетельствовал становление еврейской самообороны тотчас же после погрома в Кишиневе. Цель властей была достаточно ясна и про-

зрачна: ликвидировать еврейскую самозащиту в зачатке и нагнать на евреев страх на будущее.

В итоге процесса одних обвиняемых оправдали, других приговорили к незначительным срокам заключения — от десяти дней до полугода. Большинство осужденных были евреи, большинство оправданных — христиане. Однако сам факт, что суд не считал возможным подвергнуть участников самообороны более строгому наказанию, даже вопреки фальсифицированному материалу, который власти сфабриковали и представили на процесс, — сам этот факт явился пощечиной "победителям". Хотя в нравственном смысле на скамье подсудимых оказались не участники самообороны и даже не погромщики, а царское правительство в лице своего судебно-административного аппарата, председатель суда Котляревский после процесса получил орден. Это известие подавалось без комментариев, которые, и в самом деле, были совершенно излишни.

Еврейская община в Гомеле поставила на могиле убитых участников самообороны памятник с эпитафией, сочиненной известным общественным деятелем и сионистом, тоже гомельцем, писателем Мордехаем Бен-Хиллелем Хакоэном. Эпитафия в стиле псалма иносказательно намекала на погром и отпор, оказанный самообороной. Местные власти делали все, чтобы помешать установке памятника, но гомельской общине удалось в конце концов обойти все препятствия, по поводу чего автор эпитафии пишет: "Тут нам тоже пришлось очень долго мыкаться и обивать пороги полиции, которая злонамеренно отнеслась и к установке памятника".

Если во времена Александра III правительство еще маскировало свои истинные намерения, утверждая, что антиеврейские бесчинства есть следствие экономической эксплуатации евреями русского народа, то правительство Николая II уже прямо заявляло, что погромы — это ответ на революционную деятельность евреев: дескать, еврейская молодежь подстрекает против правительства, активно участвует в революционном

движении, и русский народ этого не потерпит. В погромах виновны, таким образом, сами евреи, и если они хотят избежать расправ, пускай обуздывают свою молодежь. В таком духе выступил могилевский губернатор, приехавший в Гомель после погрома и пригласивший представителей еврейской общины выслушать его наставления. Нет сомнений, что губернатор при этом черпал свое вдохновение из более высокого источника, так как те же самые слова сказал и Плеве вызванной к нему делегации еврейских старейшин.

Гомельский погром имеет прямую связь с историей нового ишува в Палестине: гомельская группа, состоявшая из участников самообороны, принадлежавших к кругам Поалей Цион, в 1904 году открыла Вторую алию в Эрец-Исраэль.

2. Евреи в годы русско-японской войны

Зимой 1904 года разразилась русско-японская война. В июле того же года министр внутренних дел Плеве был убит эсером Игорем Сазоновым и портфель министра получил князь Святополк-Мирский, известный своими либеральными взглядами. Но и он не был свободен от предрассудков в отношении евреев. В беседе с корреспондентами одной французской газеты, отвечая на вопрос о своем отношении к евреям, министр сказал: "Я евреям не враг; но если бы мы предоставили им полную свободу, как нашим православным гражданам, евреи очень быстро приобрели бы слишком большой вес. Во всяком случае, я решил относиться к евреям со всей возможной симпатией и улучшить положение самых нуждающихся из них. Добротой и щедростью можно много добиться".

Издававшийся на русском языке еврейский еженедельник "Восход" выразил надежду, что новый министр приложит усилия для улучшения положения евреев. Но надежды не сбылись — вполне возможно, что не из-за злой воли самого министра. В конце лета

1904 года антиеврейские бесчинства вспыхнули в местечке Смела, Киевской губернии и в Ровно, на Волыни. Журнал "Восход" по этому поводу писал: "Опять погромы. Опять озверелая толпа крестьян и рабочих, полуинтеллигентов и интеллигентов глумится над евреями. Опять с криками "бей жидов" разгромляются сотни еврейских домов и лавок, расхищается еврейское добро и сотни еврейских семейств пускаются по миру".

Вслед за двумя этими погромами прокатилась волна бесчинств, творимых мобилизованными в армию. Перед уходом на фронт они избивали и грабили еврейское население, вымещая свою злобу на жителях-евреях, у которых родные и близкие тоже тысячами сражались на фронте. Власти смотрели на это сквозь пальцы, дабы не раздражать "защитников отечества", и погромщики орудовали почти безнаказанно.

Буйства мобилизованных происходили в Александрии, Херсонской губернии, в Могилеве на Днестре и в целом ряде городов и местечек Витебской и Могилевской губерний. Еврейская общественность не питала подозрений к Святополк-Мирскому и не относилась к погромам на его счет. Полагали, что он бессилен совладать с бесчинствами, поддерживаемыми в общественном порядке антисемитскими газетами и реакционными кругами. Уже в самом начале войны антисемитская печать развернула разнузданную кампанию против евреев, указывая на них как на главных виновников национального бедствия, постигшего Россию. Особенно изощрялась черносотенная газета "Новое время", доказывавшая, что евреи, будучи выходцами из Азии, состоят в расовом родстве с японцами, врагами России. Русско-японскую войну на Россию навлекли евреи, пытаясь таким образом отомстить за Кишиневский погром. Как они этого добились? А очень просто — подстрекательством против России в тех странах, где печать и биржа находятся в их руках: в Англии и в Америке. Япония, несомненно, не дерзнула бы воевать с Россией, если бы не гарантии, полученные ею от Англии и Аме-

рики. И все это — дело рук еврейских эмигрантов, выходцев из России. Они сколачивают коалицию великих держав против России, устраивают врагу займы, преподносят в дар японскому императору военный корабль, продают Японии коней, а харбинские евреи возносят публичные молитвы за победу японского оружия над Россией.

Весь этот бред и ему подобные выдумки антисемитская газета преподносила своим читателям в то время, когда на фронтах сражались за Россию около 30 тысяч еврейских солдат. Еврейский публицист Шими (М.Трибус) писал в журнале "Восход", что в Манчжурии обильно льется еврейская кровь во славу и во имя процветания России, а в самой России еврей, как и прежде, скован по рукам и ногам бесчисленными ограничениями и преследуется как враг отчизны.

Число еврейских солдат, сражавшихся на фронтах русско-японской войны, значительно превосходило численное соотношение между евреями и другими нациями, населявшими Россию. Доказано документально, что даже в мирное время число евреев-новобранцев было куда выше этой пропорции. Так, например, в официальных отчетах Министерства внутренних дел о воинской повинности за 1903 год указывалось, что новобранцы-евреи составляли более 5% всех призванных на военную службу, в то время как по данным всеобщей переписи русские евреи составляли лишь 4,13% всего населения. В сибирских же полках, которые первыми вступили в бой с японцами, процент евреев был еще выше, ввиду того что, согласно инструкциям того времени, еврейские новобранцы из западных губерний направлялись обычно для прохождения службы в Сибирь. Все это не мешало антисемитской печати обвинять евреев в том, что они уклоняются от военной службы, и черносотенные газеты беспрерывно подстрекали против евреев и натравливали на них мобилизованных.

Но если перемен в положении евреев не наступило, то совершилась заметная перемена в их сознании, на-

учившая их ценить свое человеческое и национальное достоинство; теперь они были готовы защищать эти ценности даже самой дорогой ценой. И нет никаких сомнений, что эта фундаментальная внутренняя метаморфоза произошла в большой степени под влиянием воспитательной работы сионистов. Это признавала даже еврейская печать несионистского направления. Мужественное выступление еврейской самообороны в Гомеле еще больше укрепило в молодых евреях чувство человеческого и национального достоинства, они уже более не собирались склонять голову перед каждым хамом-антисемитом и безропотно глотать оскорбления. Сионистский еженедельник "Хроника еврейской жизни" сообщает, что в Двинске, городе с многочисленным еврейским населением, 60 девочек-евреек ушли из русской школы в знак протеста против антисемитской выходки преподавателя по отношению к одной из учениц. И это лишь один из множества примеров той перемены, которая совершилась в национальном самосознании российского еврейства и, в особенности, его молодого поколения.

3. Еврейская самооборона и участие в ней сионистов

Как уже упоминалось, призыв к самообороне прозвучал в среде еврейства России сразу же после Кишиневского погрома, в апреле 1903 года. Однако первая попытка самозащиты была предпринята еще на Пасху 1901 года в Екатеринославе местным союзом Поалей Цион. Бер Борохов рассказывает, что у самообороны в Екатеринославе произошли стычки с хулиганами, которых она обратила в бегство без вмешательства полиции. Таким образом, первая группа еврейской самообороны в России в 20 веке возникла на базе союза Поалей Цион за два с половиной года до выступления самообороны в Гомеле.

Лео Моцкин, издавший два тома сочинений (на не-

мецком языке) о еврейских погромах в России, приводит подробности зарождения организации самообороны и разного отношения к ее идее со стороны сионистов и антисионистского Бунда. Позиция Бунда была поначалу отрицательной: он считал необходимым прежде всего упрочить свою партию и укрепить ее во имя революционной борьбы с самодержавием, допускающим еврейские погромы. Организация же еврейских отрядов самообороны была, с точки зрения Бунда, мелкобуржуазной затеей, способной привести к затуманиванию классового сознания и ослаблению классовой борьбы. Только через некоторое время Бунд отошел от этой позиции и создал группы из числа членов партии, под своим партийным флагом.

Совершенно иным было отношение к этому вопросу сионистских кругов. Многие из сионистских руководителей незамедлительно выдвинули лозунг о необходимости национальной самообороны, апеллируя при этом к развитому национальному чувству евреев как в среде сионистов, так и в рядах их противников из еврейской общественности. Благодаря почти одной только сионистской инициативе возникли — сразу же после Кишиневского погрома и несколько позднее — организации еврейской самообороны в таких крупных центрах, как Киев, Одесса, Екатеринослав, Ростов, Елизаветград, Николаев, Минск, Варшава и др. В некоторых местах, например, в Киеве, Одессе, а потом и в Варшаве, были попытки организовать самооборону целого округа. Существовала даже идея создать одну общую, всероссийскую организацию еврейской самообороны.

Правда, достигнуть более широких целей не удалось из-за печальной еврейской действительности в России. Однако идея самообороны проникла даже в такие места и такие общественные круги, которые были далеки от всякой политики. Так возникали в разных местах все новые отряды самообороны. Каждый погром служил побуждающим стимулом, а мужество, проявленное защитниками, укрепляло стремление своими сила-

ми положить конец бесчинствам. Исследование, проведенное в пострадавших от погрома местностях, показало, что более чем в половине случаев были сформированы отряды самообороны, большие и малые.

Поначалу в такие формирования входило относительно большое число участников. Так, например, в Киеве организация самообороны насчитывала около 1500 человек, в Кишиневе — 1000, а в Одессе еще больше. Однако из-за нехватки оружия и боеприпасов всех людей нельзя было использовать. Да и не было нужды в столь многочисленных отрядах. Опыт показал, что даже в большом городе 200—300 хорошо вооруженных участников самообороны было совершенно достаточно, чтобы ликвидировать в зародыше любую попытку устроить погром. В городах поменьше хватало и нескольких десятков человек. Все это, разумеется, при условии, что войска и полиция не выступали на стороне громил, храня, по крайней мере, нейтралитет.

Отряды сталкивались с многочисленными трудностями при добывании оружия. Участники самообороны принадлежали, в основном, к трудящимся слоям населения и среднему классу, то есть не имели достаточных материальных средств, в то время как зажиточные евреи в подавляющем большинстве относились к самообороне неодобрительно, считая ее авантюрной и бесперспективной затеей. Они предпочитали полагаться на защиту местных властей, которые можно было подкупить. Кроме того, зажиточные евреи боялись, как бы их деньги, попав в руки участников самообороны, не пошли на революционную работу. Что касается властей, то они следили за самообороной во все глаза, устраивали налеты и обыски, конфискуя и то незначительное количество оружия, которое с таким трудом удавалось раздобыть. Неизбежным следствием всего этого было сокращение роста и эффективности еврейской самообороны.

Важная роль выпала на долю оборонных формирований в период между Кишиневским погромом и "погромами революции", прокатившимися по местностям

с еврейским населением в октябре 1905 года, в дни Первой русской революции. Там, где полиция и войска не выступали на стороне громил, самооборона действовала успешно.

В Палестину идею самообороны принесли с собой зачинатели Второй алии, прибывшие в Страну в дни праздника Хануки в 1904 году. То были гомельцы, которые уехали организованной группой (13—14 человек) вскоре после погрома, разразившегося в их городе в сентябре 1903 года. Они принесли с собой не только идею, но и первый практический опыт защиты от внешнего врага собственными силами. Гомельцы принадлежали к минскому течению Поалей Цион. Они не верили в пользу политической борьбы в диаспоре, но, вместе с тем, активно участвовали в организации групп обороны и в борьбе против погромщиков в Гомеле, так как сражались за еврейское достоинство. Гомельские отряды самообороны, укомплектованные членами Поалей Цион, носили символическое наименование Гиборей Цион (Герои Сиона). Таким образом, еще в диаспоре гомельцы, выступив на защиту своих братьев и чести своего народа, начертали на своем знамени Сион.

Во главе группы из Гомеля стоял Иехезкель Ханкин. Он был центральной фигурой в гомельском отряде самообороны во время погрома, а позднее явился одним из основателей союзов Бар-Гиора¹ и Хашомер в Эрец-Исраэль. Вскоре после приезда в Страну гомельской группы (1904) сюда прибыли братья Шохат, Элизер и Исраэль, активисты самообороны в Гродно. Исраэль Шохат выступил с идеей создания Хашомера и был одним из его основателей. В истории самозащиты в Эрец-

¹ Имя одного из вождей восстания евреев против римского владычества. Из организации Бар-Гиора позднее развился Хашомер.

Исразль важнейшую роль сыграл принесенный Второй анией опыт русской революции и еврейской самообороны в России. Бесспорно, что и без этого с течением времени проявилась бы отвага евреев в Эрец-Исразль, но кто знает, как долго пришлось бы этого ждать, если б не чудесная метаморфоза, произошедшая с молодежью крупнейшего скопления еврейства в диаспоре — в черте еврейской оседлости России — в начале 20 века. Молодежь эта побывала в горниле русского переворота и погромов, и в ней пробудились дремавшие веками силы. Горстка этой молодежи достигла берегов Эрец-Исразль и вновь зажгла в ней пламя еврейской доблести.

4. Погром в Житомире и доблесть участников самообороны

Однако и власти извлекли урок из факта появления еврейской самообороны и ее действий и поэтому вскоре переменили тактику: войска перестали "запаздывать", и погромщики чувствовали себя уверенно, освободившись от страха перед самообороной. Так поступили власти во время кровопролитного погрома в Житомире, главном городе Волыни, — вскоре после мелитопольского погрома, на Пасху 1905 года. Это была заранее запрограммированная и хорошо подготовленная местными властями акция по образцу Кишинева и Гомеля, призванная сыграть роль политического средства против революционеров. Она явилась своего рода генеральной репетицией перед волной погромов, обрушившихся на евреев в сотнях городов и местечек России через полгода — в октябре 1905 года, в дни Первой русской революции.

Поскольку среди местных социалистов самой активной была еврейская молодежь, черносотенцы решили дать евреям урок. Они пустили по городу слух, будто евреи упражняются за городом в стрельбе, пользуясь в качестве мишени портретом императора, и готовятся учинить резню христиан. Организаторы житомирского

погрома вызвали на помощь группу громил из Москвы.

Еврейская молодежь Житомира в самом деле лихо-радожно готовилась к самообороне ввиду явных признаков близкого погрома. Он начался 23 апреля. Четверо суток в городе бесчинствовали банды черносотенцев.

Большинство еврейских домов было разрушено, значительная часть имущества расхищена. Десятки людей были убиты и сотни ранены, многие из них вскоре умерли от ран. Еврейская самооборона действовала с величайшим мужеством повсюду, где ей не мешали войска и полиция. Однако там, где против самообороны выступали войска, ее ряды несли потери. Пятнадцать участников погибли и около ста получили ранения.

Среди павших был также русский студент Николай Блинов, принимавший участие в еврейской самообороне. Студент-эсер Николай Блинов из-за преследования властей эмигрировал в Женеву, где продолжил учебу в университете. Незадолго до Житомирского погрома он вернулся в Россию, в Киев; оттуда отправился навестить родителей в Житомир — и, защищая евреев, погиб, оставив жену и двоих детей.

Участники самообороны сражались самоотверженно и героически. Однако еврейское население города было предоставлено своей судьбе — городские власти и местная русская общественность и пальцем не пошевелили, чтобы прекратить погром.

28 апреля в Житомире состоялись похороны погибших участников самообороны. На могилы были возложены венки — от имени сионистов, Поалей Цион, студентов. В субботу 7 мая в Большой хоральной синагоге в Петербурге по просьбе молящихся была прочитана заупокойная молитва по жертвам Житомирского погрома. После молитвы выступили ораторы, в том числе и сионисты. Выступавшие говорили о причинах погрома и указывали на разницу между событиями в Житомире и Кишиневе. Евреи уже не отсиживаются по погребам, они мужественно сражаются и гибнут с оружием в руках, защищая честь своего народа.

Читая заупокойную молитву, кантор включил в нее, наряду с именами жертв-евреев, имя христианина Николая Блинова.

Глава тринадцатая

ЦИОНЕЙ ЦИОН ПРОДОЛЖАЮТ БОРЬБУ

1. Разброд в движении после смерти Герцля

Со смертью Герцля сионистское движение уподобилось кораблю, оставшемуся в гибельном штормовом море без капитана. Среди членов венского руководства не нашлось никого, кто был бы способен заменить покойного президента, верховный авторитет которого являлся незыблемым даже в глазах его критиков. В движении наблюдалось замешательство, и внутренний раскол, последовавший за полемикой вокруг Уганды, еще более углубился и расширился. Самую резкую и крайнюю форму этот раскол принял в России. Значительная часть "угандистов", выступавших сначала под лозунгом: "В Сион через Уганду!", пошла дальше и превратилась просто в "территориалистов", иначе говоря — в сторонников любой территории, которую можно заполучить, и открытых противников Эрец-Исраэль. В спорах с Ционей Цион они бросали фразы типа: "Долой Палестину, пустыню и запустение!", "Палестина — мертвая страна" и т. п. Невыносимо тяжело было слышать это из уст людей, которые только вчера торжественно присягали на верность Сиону и Иерусалиму¹.

¹ Уйдя позднее с Седьмого конгресса (1905 г.), они основали партию сионистов-социалистов (она же социал-территориалистическая партия) во главе с д-ром Нахманом Сыркиным. Как упоминалось, в 1909 г. Сыркин вернулся к "классическо-

Во время полемики вокруг Уганды подавляющее большинство российских делегатов выступило против угандийского предложения. Таким образом, можно было полагать, что сионистское движение в России, не колеблясь, поддержит Ционей Цион. Однако после конгресса картина изменилась: из-за острого столкновения между Ционей Цион, с одной стороны, и угандистами и территориалистами — с другой, движение оказалось на распутье, и распри проникли почти во все отделения и округа. Пытаясь подорвать престиж Ционей Цион в глазах участников движения, их противники говорили, что те против политического сионизма вообще и представляют собой не что иное, как Ховевей Цион старого образца; себя же они называли политическими сионистами. Поэтому Ционей Цион старались доказать, что поддерживают политический сионизм, но только такой, который ориентируется исключительно на Палестину, а не на Уганду или какую-нибудь другую территорию. Эту концепцию палестинофильского политического сионизма изложил сионистский еженедельник "Хроника еврейской жизни" в редакционном обзоре первых семи лет существования Сионистской организации. В статье говорилось:

"Мы, конечно, не отрицаем существования кризиса, напротив, мы признаем, что кризис — тяжелый и очень важный. Но он именно потому тяжел и важен, что в его лихорадке вырабатывается новый и богатый фазис сионизма. Наше движение вышло из своего детства и переживает разгар отроческого перелома. Подросток не может не пройти через период острого, часто мучительного брожения, и чем глубже переживает он этот период, тем более крепок, устойчив и плодороден будет его

му сионизму" и вместе с единомышленниками объединился на Чикагской конференции с Поалей Цион, верными Эрец-Исраэль. В России, однако, партия сионистов-социалистов просуществовала до 1917 года. Некоторые ее участники после Октябрьского переворота примкнули к большевикам и работали в так называемой Евсекции.

дух в пору молодости и зрелости. Вглядываясь во всю эту бурлящую суматоху вопросов и споров, мы совершенно ясно видим в ней повсюду одну и ту же яркую и определенную идею: принцип национальной самостоятельности, который был и будет основой всякого национального освобождения. Первоначально этот принцип охватил только наше будущее; теперь он стремится, шаг за шагом, обнять и настоящее, взять в свое ведение все стороны еврейской жизни. Он растет, и мы осторожно, заботливо, но спокойно и уверенно следим за его ростом.

Не присоединяясь к оплакивателям будущего, не присоединимся мы и к порицателям прошлого. Опять-таки не потому, чтобы мы считали официальную тактику первых семи лет политического сионизма хоть сколько-нибудь безошибочной. Напротив: мы признаем все ее недостатки. Но мы в то же время понимаем ее историческую необходимость, — скажем больше: ее историческую мудрость. Задача истекшего семилетнего периода состояла не в том, чтобы "выхлопотать" Палестину, а в том, чтобы положить начало политической организации, ибо только политическая организация может взять на себя столь трудную и длительную политическую работу, как создание нового государства. Но для того, чтобы созвать и сплотить этот зародыш организации, нужен был какой-нибудь конкретный стимул, какая-нибудь достаточно яркая и не особенно сложная формула. Было бы ошибкою поставить перед юным движением нашу задачу во всем ее сложном объеме, требующем колоссальных трудов и долголетнего активного терпения. Изумительное чутье Герцля подсказало ему именно ту элементарную схему сионизма, вокруг которой только и можно было на первых порах сплотить столь разрозненную и взбалмошную массу, как наша. Подсказало и заставило самого поверить в эту схему. И если теперь мы выросли из нее и готовимся ее расширить, то это не ошибка Герцля, а его застуга.

Схема сионизма стремится к расширению и, несомненно, расширится, как бы мы ни противились и ни

упирались. Может быть, вернее даже было бы сказать, что до сих пор мы только строили ту динамомашину, без которой невозможна была бы вообще никакая работа, а теперь машина готова, и мы стремимся дать ее силе конкретное применение — установить содержание сионизма.

Мы не берем на себя здесь теоретического ответа. Жизнь сама создаст реальный ответ. Что будет заключаться в этом ответе — ясно уже теперь. Он гласит: сионизм не есть партия, сионизм есть национальная политическая организация. Поэтому содержание сионизма есть национальная самостоятельность во всем объеме этого понятия, — служение всем национальным потребностям еврейского народа, материальным и духовным, и прежде всего — основной, единой, всеобъемлющей потребности в собственной земле.

По мере того как улетучивалось неизбежное опьянение первых лет и перед нами выяснялось, что создание Еврейского государства есть процесс длительный, дело десятков и десятков лет, — мы стали догадываться, на первых порах еще пугливо, что рано или поздно сионизму придется взять на себя попечение о всех интересах и запросах еврейского народа, от великих до малых. Придется невольно и совершенно неизбежно, не по злой или доброй воле сионистов, а так же естественно, как растет и пухнет снежный ком, катящийся под гору. Это произойдет по двум причинам: потому, что это нужно сионизму как партии, и сионизму как идеалу.

Это нужно сионизму как партии, потому что нам необходимо захватить преобладающее влияние среди еврейства, стать господами положения. А господином положения в данной среде может быть только тот, из чьих рук эта среда привыкла получать то важнейшее, в чем она нуждается. Уж и теперь мы с гордостью указываем на то, что во время такого-то погрома сионисты были на своих местах, — хотя нам могут возразить, что о погромах в базельской программе ничего не говорится. Мы понимаем, как важно для упрочения на-

шего влияния показать, что в момент наиболее острой национальной нужды мы пришли на помощь своему народу. Так же точно заставит нас жизнь, шаг за шагом, откликнуться и на все другие, уже не острые, а хронические нужды этого народа.

Это нужно и сионизму как идеалу, ибо Палестину нельзя ни выпросить, ни выплакать, а можно только взять упорной и планомерной работой сильной политической организации, имеющей определенный удельный вес на чаше весов международной политики”.

В статье заметны признаки освобождения от растрянности и поиск путей продолжения сионистской работы в соответствии с конкретными условиями жизни и положения русских евреев.

После смерти Герцля, летом 1904 года в Вене состоялось заседание Большого исполкома. Главным пунктом повестки дня были приготовления к Седьмому конгрессу. Усышкин предложил кандидатуру Нордау на пост президента Сионистской организации. Он обосновывал это тем, что Нордау был наиболее близок к Герцлю и его политической деятельности и будет так же пользоваться доверием движения. Предложение охотно приняли и довели до сведения Нордау, послав к нему делегацию; принять этот пост Нордау, однако, отказался. Среди мотивов отказа основным было состояние его здоровья. Четверо членов Малого исполкома в Вене, оставшись без Герцля, не считали себя достаточно полномочными, чтобы руководить движением. Поэтому было решено присоединить к ним еще пятерых из числа членов Большого исполкома и поручить этому новому органу в составе девяти человек разработать программу Седьмого конгресса. От сионистов России в эту комиссию вошли Усышкин и Членов. Вскоре состав комиссии был расширен до тринадцати человек.

В частности предполагалось, что сионистское Правление должно выполнить резолюцию Шестого конгресса о посылке экспедиции в Восточную Африку с задачей изучить пригодность Уганды для еврейского поселе-

ния. Поскольку конгресс запретил расходовать на эту цель средства из источников Сионистской организации, вопрос финансирования экспедиции (требовалось около 50 тысяч франков) оказался чрезвычайно трудным. В конце концов нашелся частный источник: эту сумму пожертвовал один из друзей сионизма, англичанин-христианин, пожелавший остаться неизвестным. На заседании Большого исполкома в начале января 1905 года председательствующий объявил, что экспедиция в Восточную Африку уже отбыла в конце декабря в следующем составе: английский майор Гиббонс, известный исследователь Африки; швейцарский профессор Кайзер, специалист по Восточной Африке; инженер Вильбушевич, из сионистских активистов России. После того как экспедиция представит свой отчет, вопрос о поселении в Уганде будет вынесен на окончательное рассмотрение Седьмого конгресса, формально разделенного на две части: очередной конгресс, который займется текущими делами движения, и внеочередной — для обсуждения и решения исключительно угандийского вопроса. На заседании Большого исполкома в мае 1905 года, последнем перед Седьмым конгрессом, отчет восточноафриканской экспедиции уже был обсужден. Выводы Вильбушевича и Кайзера были резко отрицательными. Третий участник экспедиции, Гиббонс, не соглашался с пессимизмом двух своих коллег, однако и он считал, что речь может идти только об ограниченной колонизации, которая потребует много времени и больших капиталовложений. В итоге Исполком единогласно решил, что он не может рекомендовать Сионистской организации заняться реализацией угандийского предложения. Вместе с тем конгрессу предлагалось выразить английскому правительству глубокую признательность за его симпатии к еврейскому народу.

Такое решение, основанное на отчете экспедиции, казалось, должно было положить конец угандийской полемике, охватившей все сионистское движение. На деле это оказалось не так, ввиду того, что тем време-

нем возникло и организовалось течение территориалистов — откровенных противников Эрец-Исраэль, добивавшихся ревизии Базельской программы.

2. "Наша программа"

М.Усышкин, не принимавший участия в Шестом базельском конгрессе (он в это время организовывал новый ишув в Палестине), по возвращении в Россию стал духовным вождем Ционей Цион. Идейный разброд, охвативший движение из-за полемики вокруг Уганды, побудил Усышкина заново и четко сформулировать основные практические положения сионизма, дабы объединить сионистские силы на базе ясной и детализированной программы. В декабрьском (1904 г.) выпуске сионистского журнала "Еврейская жизнь" он опубликовал большую статью под названием "Наша программа". Эта статья, содержащая двадцать глав, была затем издана отдельной брошюрой, и ее распространяли накануне Седьмого конгресса среди участников движения.

Автор "Программы" дал обзор развития сионизма за четверть века, от возникновения Хибат Цион, и пришел к выводу, что Хибат Цион, духовный сионизм и конгрессно-дипломатический сионизм — не что иное, как разные формы одной сущности, а именно — политического сионизма. В политическом возрождении любой нации участвуют три слагаемых: народ, территория и внешние обстоятельства. Для того чтобы любой народ оказался в состоянии построить самостоятельный политический и культурно-экономический центр, он должен исподволь готовить себя к этой цели. Он должен проникнуться сильным и развитым национальным сознанием. Он должен быть сплочен при помощи мощной и дисциплинированной организации и обладать большими денежными средствами; должен быть стойким и запастись терпением. Однако прежде всего необходима полная, вытекающая из высокой сознательнос-

ти, готовность жертвовать сиюминутными нуждами ради интересов будущего. При отсутствии всех этих предпосылок любые попытки создать политический центр обречены на провал.

Что касается территории, то еще до возникновения государства она в экономическом и культурном смысле должна стать фактическим достоянием того народа, который избрал ее своим центром. Необходимо, чтобы вся жизнь на этой территории была неразрывно связана с данным народом: он должен на деле владеть страной, хотя пока и без юридических на то оснований. Он должен быть связан с этой страной узами духовной преданности и любви и окропить ее землю потом своим и кровью.

Наконец, третье слагаемое — внешние обстоятельства. Даже если первые два уже существуют, не всегда возможно обрести страну, если этому не благоприятствуют внешние обстоятельства, например, отношение других народов и т. п. Для устранения таких препятствий требуются планомерные и систематические дипломатические усилия. В заключение, говоря о теории сионизма, Усышкин приходит к следующему выводу:

”Я не сказал ни одного нового слова, но повторил старые истины, которые, чем они старше, тем они все больше и больше забываются. Я призываю всех искренних палестинцев-сионистов возвратиться не к Хибат Цион, не к духовному сионизму и не к дипломатическому сионизму, а к синтезу всех этих трех течений — т. е. к политическому сионизму, сформулированному в Базельской программе”.

Говоря о практических действиях, автор ”Программы” требует, чтобы Сионистская организация безотлагательно приступила к работе в Палестине, не забывая при этом о дипломатической деятельности. Вместе с тем он выступает за сотрудничество с бароном Ротшильдом, обществом ЕКО и менее значительными организациями, занимающимися колонизацией Палестины, такими, как Одесский комитет, общество ”Эзра” в Германии и др.

Усышкин также повторяет свою мысль, с которой он уже однажды выступал, — о создании халуцианской службы: в рамках этой службы еврейская молодежь будет добровольно работать определенное время в Эрец-Исраэль в качестве земледельцев, закладывая основы еврейского труда, без чего еврейскому государству не бывать. С этой целью он предлагает создать Всемирную еврейскую рабочую артель из холотой, здоровой — физически и духовно — еврейской молодежи.

Каждый член этой артели будет обязан на три года поехать в Эрец-Исраэль, чтобы послужить там своему народу, как на военной службе — только не саблей и ружьем, а бороною и плугом. Тысячи таких молодых людей придут в еврейские поселения и предложат там свои услуги в качестве наемных работников за ту же плату, что и арабские рабочие. Им придется жить в самых суровых условиях, как живут солдаты в казармах. Вместе с тем учреждениям разных обществ будет вменено в обязанность бесплатно обеспечивать нужды этой молодежи в области жилья, медицинской помощи и культуры (книги, газеты и т. д.). После прохождения такой трехгодичной службы каждый юноша сумеет, в зависимости от своего желания, либо осесть в Стране (при поддержке и при помощи учреждений), либо вернуться на прежнее место жительства, что сделает, по-видимому, большинство. После отбывания такой повинности молодые люди будут вправе устраивать свою дальнейшую жизнь по своему вкусу. При этом создание рабочей артели позволит достичь еще одной и не менее важной цели: живой, а не абстрактной, как до сих пор, связи между евреями диаспоры и палестинскими евреями. Нет сомнений, что в диаспоре найдутся молодые идеалисты, и если в восьмидесятые годы у нас были десятки билуицев, то сейчас мы сумеем мобилизовать тысячи. У нас живая, самоотверженная молодежь — надо лишь обратиться к ней с призывом и указать путь к действию.

Исходя из определения политического сионизма как синтеза трех форм (или направлений): Хибат Цион, ду-

ховного сионизма и сионизма дипломатического — синтеза, построенного на Базельской программе с приматом Эрец-Исраэль, Усышкин, в сущности, приходит к выводу, что в Сионистской организации место только сторонникам Сиона. Отсюда следует, что угандисты и территориалисты всех мастей и течений не могут быть членами этой организации. Тем самым Усышкин определил линию крыла "бескомпромиссных" среди Ционей Цион, в отличие от тех, кто на определенных условиях был готов согласиться с присутствием умеренных угандистов в рядах Сионистской организации. К такой линии склонялся Членов, предлагавший отнестись к угандистам терпимо, дабы попытаться ликвидировать раскол. Экстремисты взяли, однако, верх как среди Ционей Цион, так и среди территориалистов.

Усышкин заключает "Программу" предсказанием:

"Пройдут десятки лет, — народ наш будет крепнуть духом, организацией и материальными средствами. Страна наша постепенно фактически перейдет в наши руки. Народы и государи всего мира проникнутся нашими историческими идеалами, и плод нашей работы созреет. Нужно будет только его сорвать; и явится тот Герой, пришествия Которого наш народ ожидает вот уже скоро два тысячелетия. Не бесправное или духовное гетто сгран галута его вскормит, а свободный дух Иудейских и Галилейских гор. Он нам отопрет врата нашей родины не извне, а изнутри. Он соединит в себе силу и отвагу древнего Бар-Кохбы с умом и обаянием современного Герцля. Он смело и гордо перед лицом всего мира водрузит бело-голубое знамя освобожденного Израиля на горе Сион. Это не сказка. Это не фантазия. Это сбудется".

3. Полемика перед Седьмым конгрессом

Еще до того, как на своем майском (1905 г.) заседании Исполком отверг угандийское предложение, Усышкин организовал в России во всем сионистском

движении широкую разъяснительную кампанию в духе Ционей Цион против угандистов и территориалистов. На места были отправлены агитаторы, вступившие в контакт с рядовыми участниками движения. К этому делу Усышкин привлек молодых — Бера Борохова и Владимира (Зезва) Жаботинского, которые обладали выдающимся ораторским и публицистическим даром.

Борохова, подходившего к сионизму с точки зрения исторического материализма, Усышкин посылал агитировать, главным образом, в круги Поалей Цион, поскольку там свили себе гнездо территориалисты марксистского толка. Лекции Борохова на эту тему легли в основу его обширного и глубокого труда, опубликованного в "Еврейской жизни" (1905 г.) в виде серии статей под общим названием "К вопросу о Сионе и территории". Там он говорит о триедином идеале Сиона, вкладывая в этот идеал следующее содержание: "Сион — освобождение еврейского народа; Сион — возрождение еврейской культуры; Сион — возвращение на древнюю родину". Причем это не три отдельных идеала, но один триединый идеал. Борохов говорит, что Ционей Цион принципиальны не только в отношении идеала, но и в области практической программы, т. к. "единственная территория, практически достижимая для семитского народа с европейской культурой, — это Палестина". Угандисты и территориалисты, говорит Борохов, в своей аргументации статикой подменяют динамику. Ни нынешние наши возможности, ни трудности, с которыми мы теперь сталкиваемся, — не есть нечто данное раз и навсегда. Углубленно проанализировав проблему с учетом динамики, Борохов приходит к заключительному выводу, что Палестина — это единственно желанная территория, потому что Палестина — Эрец-Исраэль — единственная территория, которая для евреев предназначена, потому что евреи постепенно овладеют Эрец-Исраэль в силу исторической неизбежности. Не все в кругах Поалей Цион были территориалистами, и Борохову удалось сплотить имевшихся среди них Ционей Цион — ядро, из которого затем вышла

социал-демократическая партия Поалей Цион (1906 г.).

Вообще-то сионисты недооценивали значения этого рабочего движения для дела сионизма, против чего протестовал Жаботинский в еженедельнике "Хроника еврейской жизни", требуя признать это движение и помочь его развитию. Он писал, что необходимо установление таких "взаимных отношений между Поалей Цион и общесионистским лагерем, которые дали бы этому молодому движению возможность вполне свободно и самобытно развиваться. Это я считаю крайне важным. Недоверчивое отношение многих мещанских элементов сионизма к П.Ц., боязливые и придирчивые вопросы: "да где же их сионизм?" — это все доказывает нашу политическую близорукость. Сионизм П.Ц. именно в том, что они гласно признают необходимость еврейского государства, между тем как до их появления организованный еврейский пролетариат был поголовно против еврейского государства. Поалей Цион ведут в наш лагерь самую ценную часть еврейского народа, и оттого каждый их успех есть успех всего нашего движения, и все, что способно облегчить им дорогу, облегчает задачу сионизма, хотя бы в то же время отношения между нами и П.Ц. продолжали выливаться, как и теперь, в самые резкие формы взаимной критики. Не нужно никогда забывать, что резкая обособленность П.Ц. от общесионистского лагеря есть и будет всегда необходимостью, вытекающей из их особой классовой психологии, и для того, чтобы их молодая теория выработала гармонический, правильный *modus vivendi* между национальной и классовой точкой зрения, нужно время и полная свобода развития. Эту свободу развития мы им должны предоставить, признав их особой федерацией, имеющей право на получение соответствующих сумм из кассы организации для самостоятельного расходования их, а также право на представительство в исполнительных органах конгресса".

Таковы были взгляды Жаботинского на сионистское рабочее движение, высказанные им в 1905 году

во время полемики между Ционей Цион с территориялистами и угандистами.

Итак, Большой исполком отверг предложение об Уганде. Однако это было еще не все, ибо последнее слово оставалось за полномочным конгрессом. Поэтому оба лагеря — Ционей Цион и территориялисты разного толка — вступили в решающую борьбу за привлечение на свою сторону сионистского общественного мнения в преддверии Седьмого конгресса.

4. Съезды в Вильно (Ционей Цион) и Варшаве (территориялисты)

По инициативе Усышкина 1 января 1905 года в Вильно был созван съезд активистов Ционей Цион. Кроме Усышкина, организаторами были И.Гольдберг, Г.Златопольский, Ш.Розенбаум, М.Шейнкин. Съезд не был выборным — рассылались приглашения. Прибыли 47 представителей из 21 города разных концов России. Состав участников был чрезвычайно пестрым: купцы, газетчики, рабочие, представители свободных профессий (врачи и адвокаты), раввины, студенты, общественники. Активно участвовали в работе съезда Б.Борохов, В.Жаботинский, И.Гринбаум, Н.Лурье, Л.Яффе, Е.Членов, Ш.Левин и другие. После четырехдневных прений был принят ряд резолюций в духе "Нашей программы" Усышкина. Вот содержание главных решений:

П о в о п р о с у т е р р и т о р и а л и з м а . Ввиду того, что появилось течение, которое признает возможность воплощения конечной цели сионизма в другой стране, вне Эрец-Исраэль, съезд констатирует, что это течение противоречит историческому идеалу сионизма и Базельской программе. Съезд считает необходимым разъяснить в печати как можно более полно и фундаментально безосновательность притязаний территориялизма. У территориялистов, отрицающих основной па-

параграф Базельской программы о возрождении еврейского народа в Палестине, нет нравственного права на сионистский "шекель". Съезд решает не допустить в конгрессе никаких обсуждений по поводу какого-либо изменения Базельской программы.

По вопросу об Уганде. Необходимо разъяснить устно и в печати, что угандийское предложение, с одной стороны, противоречит принципам сионизма, а с другой — не способно облегчить бедствия еврейских масс. Поэтому угандийское предложение должно быть категорически отвергнуто, если оно будет вынесено на конгресс в какой-либо форме.

О практической работе в Палестине. Необходимо немедленно приступить к практической работе в Эрец-Исраэль, такой, как выкуп земель, организация ишува, развитие сельского хозяйства, ремесел, торговли и промышленности, строительство школ, возрождение языка иврит и др.; надо основать среднюю школу имени Герцля.

Таковы были решения съезда Ционей Цион в Вильно в январе 1905 года. Но и оппозиционная сторона организовалась и готовилась к выборам в конгресс. В апреле в Варшаве состоялся съезд "чисто-политических сионистов" (территориалистов) под предводительством д-ра Мандельштама. Участвовали Ясиновский, Ельский, раввин Рейнес и другие делегаты из 15 городов: Одессы, Лиды, Белостока, Елизаветграда, Ковно, Варшавы, Гродно, Ровно, Дубно и др. Было решено предъявить Седьмому конгрессу ряд требований:

Изменение Базельской программы путем принятия следующей формулировки параграфа о цели сионизма: "Сионизм стремится создать для еврейского народа убежище на доступной для этой цели территории"; упразднить резолюцию Третьего конгресса об изменении устава Колониального банка, ограничивающего сферу деятельности этого учреждения исключительно пределами Палестины; выступить против перевода капитала банка из Лондона в Палестину; постановить не приобретать земельные участки в Палестине на средств-

ва Национального фонда, пока у нас нет в стране автономных прав; не создавать никаких учреждений или компаний для практических действий в любой стране, пока не получено политических гарантий; сопротивляться любой мелкой переселенческой работе без политической автономии; учредить суд для рассмотрения в нем действий сионистского Исполкома в целом и товарищей из России в частности, за то, что они препятствовали выполнению решения Шестого конгресса о посылке в Восточную Африку экспедиции и фактически провалили угандийский проект; отменить решение Исполкома о разделении Седьмого конгресса на два (очередной и внеочередной), поскольку такое разделение оставляет угандийский вопрос вне повестки дня конгресса.

В отношении угандистов съезд постановил, что видит в них непоследовательных территориалистов. Приняв угандийское предложение, они тем самым на деле приняли точку зрения территориализма, не дойдя до его логических выводов. Тем не менее они более близки к территориалистам, нежели остальные течения, а посему необходимо объединиться с ними для практических совместных действий, особенно на выборах в Седьмой конгресс. Решено приступить к предвыборной агитации.

5. Совещания перед Седьмым конгрессом

На выборах в Седьмой конгресс победу в России одержали Ционей Цион: они добились подавляющего большинства в общем числе делегатов. На Западе сторонникам Сиона также сопутствовал успех. Таким образом, можно было заранее предвидеть, что на конгрессе возьмут верх Ционей Цион.

Седьмой конгресс открылся в Базеле 27 июля 1905 года и продолжался до 2 августа. Примерно за неделю до открытия конгресса во Фрейбурге близ Базеля состоялась конференция Ционей Цион. Председа-

тельствовал Усышкин. В конференции участвовало 200 делегатов, подавляющее большинство из России. После двухдневных прений решено было предложить конгрессу: а) провозгласить верность принципам Базельской программы; б) безотлагательно начать практическую работу в Палестине; в) считать угандийский вопрос снятым с повестки дня; г) исключить территориалистов из Сионистской организации.

Ниже приводится текст постановления, принятого Фрейбургской конференцией для представления конгрессу в Базеле:

"Седьмой сионистский Конгресс заявляет: сионистская организация непоколебимо держится основного принципа Базельской программы, согласно которому сионизм стремится создать для еврейского народа правоохраненное убежище в Палестине, и отклоняет всякую колонизационную деятельность вне Палестины и ближайших к ней соседних стран, безразлично будет ли такое предложение выставлено в виде цели движения или как средство для достижения цели.

Седьмой сионистский конгресс напоминает и усиленно подчеркивает, что, согласно первому пункту сионистских организационных статуты, сионистская организация обнимает всех тех евреев, которые заявляют о своем согласии с программой сионистского конгресса, и возлагает на руководителей движения ответственность за точное выполнение заключающегося в этом пункте постановления"¹.

В этом постановлении, как и в остальных резолюциях Фрейбургской конференции, нетрудно распознать решения, принятые в начале января 1905 года на съезде в Вильно.

Как сообщала еврейская газета "Дер Фрейнд" (Петербург, № 1, 1905), распределение делегатов Седьмого конгресса по странам было следующим: Россия — 500,

¹"Хроника еврейской жизни", № 27, 1905.

Германия — 31, Австрия — 35, Англия — 40, Франция — 4, Голландия — 3, Италия — 6, Швейцария — 6, Сербия — 4, Болгария — 4, Румыния — 20, Палестина — 8, Южная Африка — 30, Соединенные Штаты Америки — 40, Канада — 5, Аргентина — 1, Австралия — 1, Китай — 1.

24 июля открылось предварительное совещание делегатов конгресса из России. В нем участвовало 380 человек: 300 Ционей Цион и 80 территориалистов и угандистов. Уже в самом начале заседания произошла яростная стычка большинства с меньшинством из-за процедуры выборов в президиум совещания. Оппозиция требовала пропорционального представительства в президиуме, но большинство не соглашалось с этим, так как прежде это не было принято. Территориалисты и угандисты устроили обструкцию. Поднялся оглушительный шум, и никто уже не слышал ораторов. От имени социалистов-территориалистов выступал Нахман Сыркин; от имени сторонников Сиона — Бер Борохов, но его слова беспрерывно заглушались территориалистами. Шум и ссора продолжались более двух часов, и заседание окончилось безрезультатно. На завтра картина повторилась, с той разницей, что уже через час собрание было прекращено. Совещания российских делегатов на Седьмом конгрессе не проводились.

За день до открытия конгресса составили Постоянную комиссию, где делегаты организаций отдельных стран были представлены, как обычно, по их количественному соотношению. Из России в комиссию вошли 19 делегатов, из них 15 Ционей Цион и 4 представителя меньшинства. Хаим Вейцман, переехавший на постоянное жительство в Англию, был избран в Постоянную комиссию в качестве одного из четырех делегатов из Великобритании.

6. Седьмой конгресс

Конгресс открылся 27 июля в первой половине дня речью Нордау, посвященной памяти Герцля. Это был

первый конгресс без его создателя. После слова о Герцле, в знак траура, заседание было тотчас закрыто, и конгресс собрался на второе заседание после обеда. Президентом конгресса был избран Нордау, его заместителями — Давид Вольфсон (Германия), Александр Марморек (Франция), З. Темкин и Я. Бернштейн-Коган (Россия).

Нордау выступил со своей традиционной речью о положении евреев в мире. На сей раз, в отличие от предыдущих конгрессов, он позволил себе открыто говорить о самодержавном строе в России, угнетающем евреев и лишаящим их элементарных прав. Он почтил память жертв погромов в Гомеле, Мелитополе и Житомире и память павших в рядах еврейской самообороны; почувствованные слова он посвятил также памяти Николая Блинова, русского студента, вступившегося за евреев и погибшего в Житомире от рук громил. Нордау подчеркнул, что долг сионистского движения — помогать всем евреям, страдающим от несправедливости и насилия, повсюду, где их жизнь и имущество находятся под угрозой. Он предсказал, что Россию ожидают глубокие перемены, которые могут оказать огромное влияние на судьбу шестимиллионного еврейского населения. Сионизм, исповедующий принципы свободы, права на самоопределение, принципы возрождения и прогресса, изменит себе, если не будет бороться за суверенность народа, за его просвещение, против подавления его духа и против всех сил зла¹.

Сионисты не верят, что еврейский вопрос в России будет окончательно разрешен по достижении равноправия. Идеалом сионистов России и других стран является национальное возрождение еврейского народа

¹ В этой части речи обычная политическая осторожность изменила Нордау, подобно многим в те дни, он, по-видимому, верил, что революционное брожение в России положит конец режиму и его тирании. То были, однако, напрасные надежды. Переворот 1905 года не удался, был очень быстро подавлен, и первой и главной жертвой этого стало еврейство России.

на земле его предков. Тем не менее, ничто не удержит евреев России от борьбы вместе с лучшей частью русского народа за прогрессивный государственный строй, который предоставил бы все права и евреям. Ведь только свободные евреи смогут стать добрыми гражданами будущего еврейского государства.

А.Марморек зачитал отчет от имени руководства, указав, что, невзирая на тяжкий кризис, через который проходит движение в последние два года, оно увеличилось и расширилось, и на данном конгрессе около 750 делегатов представляют 140000 членов Сионистской организации.

После того как отчет был зачитан, со своего места поднялся Усышкин и предложил конгрессу принять решение Цией Циян, выработанное на их Фрейбургской конференции, о территориализме и угандизме. Оппозиция устроила ему шумную и продолжительную обструкцию, пока председательствующий не объявил, что этот вопрос будет рассмотрен на внеочередном конгрессе вместе с вопросом об Уганде.

Назавтра (28 июля) открылся внеочередной конгресс, продолжавшийся два с половиной дня. Профессор Отто Варбург (Берлин) доложил о результатах изысканий восточноафриканской экспедиции. Л.Гринберг (Лондон) рассказал о развитии событий вокруг предложения об Уганде. В прениях первым взял слово Зангвиль, который протестовал против решения Исполкома отклонить предложение английского правительства. Он потребовал, чтобы конгресс принял угандийскую рекомендацию.

В прения записалось 120 человек. Из этого непомерного числа конгресс выбрал восьмерых, представлявших все направления. Главным оратором Цией Циян был Членов. Опираясь на выводы восточноафриканской экспедиции, он указал, что по самому оптимистическому варианту отчета можно будет поселить в Уганде — через несколько десятилетий и после больших капиталовложений и труда — не больше 20 тыс. человек; причем, судя по выводам большинства участни-

ков экспедиции, даже и эта оценка завышена. На вопрос Зангвилля, что ответят Ционей Цион, если найдется место лучшее и более подходящее, чем Уганда, Членов не колеблясь ответил: "Нет!" — потому что для сионистской цели существует лишь одна страна, и это Эрец-Исраэль! Именно потому, что наше поселение в Палестине сопряжено с такими трудностями, мы не вправе растрачивать силы на любые другие переселенческие программы. Нам надо собрать все наши ресурсы и сосредоточить их на работе по заселению Эрец-Исраэль.

После бурных споров и обструкций со стороны оппозиции Исполком внес проект резолюции, основанный, главным образом, на фрейбургском постановлении Ционей Цион, вдохновителем которого был Усышкин. К этому проекту было добавлено выражение признательности английскому правительству за его добрую волю и предложение основать автономную еврейскую колонию в Восточной Африке.

Резолюция была принята большинством голосов. После голосования Нахман Сыркин от имени своей группы (28 делегатов) объявил, что они покидают конгресс, и призвал последовать их примеру остальных территориалистов. Последние вняли этому призыву. Ушедшие с конгресса основали Еврейское территориалистическое общество (ЕТО), которому за все время его существования не удалось сделать практически ничего в области переселенческой работы, и оно в конце концов распалось.

После прений и принятия резолюции по вопросу об Уганде, внеочередной конгресс закончился, а очередной — продолжил свою работу в отсутствие территориалистов и угандистов. Члены Палестинской комиссии профессор Варбург и д-р Соскин доложили о работе комиссии в период между Шестым и Седьмым конгрессами, а также о том, что уже осуществлено на практике в Эрец-Исраэль. По предложению Ционей Цион был принят еще ряд постановлений о практичес-

кой работе в Палестине, главное из которых звучало так:

”Седьмой конгресс постановляет, что, наряду с политико-дипломатической деятельностью и в качестве подкрепляющей ее реальной базы, должна вестись систематическая работа по расширению наших позиций в Палестине, что согласуется с параграфом первым Базельской программы; вот средства достижения этого: 1) многосторонняя изыскательская работа; 2) стимулирование развития сельского хозяйства, промышленности и т. п. по возможности на демократических началах; 3) культурный и экономический подъем палестинского еврейства путем привлечения свежих интеллектуальных сил; 4) стремление к реформам в административной и правовой областях, необходимым для улучшения положения евреев в Палестине. Седьмой конгресс отвергает всякую практику мелкой бессистемной и основанной на филантропии колонизации, как несоответствующей первому параграфу Базельской программы”.

Резолюция эта почти тождественна предложению, в духе постановлений Фрейбургской конференции, внесенному на конгресс Усышкиным. Конгрессу предстояло еще выполнить достаточно трудную задачу — избрать новое Правление. Поскольку отказ Нордау войти в Правление и возглавить его был окончательным, требовалось найти другую кандидатуру. После долгих обсуждений было названо имя Давида Вольфсона. Вольфсон, вышедший из рядов Ховевей Цион, уроженец России (Литва), с 1888 года постоянно проживал в Кельне. Он был одним из самых близких и преданных друзей Герцля.

Конгресс избрал Правление в составе семи человек: Давид Вольфсон — президент; Леопольд Гринберг (Лондон), Якобус Кан (Гаага), д-р Александр Марморек (Париж) — представители герцлианского политического течения; от ”сионистов-практиков” — д-р Я.Бернштейн-Коган, М.Усышкин и профессор О.Варбург (Берлин). С избранием Вольфсона в президенты

сионистское руководство переместилось из Вены в Кельн.

Начиная с Седьмого конгресса была упразднена традиция, согласно которой председатель Исполнительного комитета автоматически становился президентом конгресса. При жизни Герцля такой порядок был само собой разумеющимся.

Еженедельник "Хроника еврейской жизни" так писал об уходе территориалистов из Сионистской организации:

"Это было тяжело, ибо все мы верим, что каждому из враждебно столкнувшихся дорог родной народ, что каждый кровью своего сердца, страдавшего в скорби народной, выносил свой идеал. Это было больно, невыносимо больно, ибо те, кто восемь тяжелых и бурных лет вместе работали, вместе радовались и страдали, не легко могут порвать друг с другом навсегда.

Но исхода, честного и правдивого исхода, не было.

Люди в святой борьбе за народное дело не могли лгать.

Люди, поставившие себе разные цели, должны идти разными дорогами, под разными знаменами"¹

Глава четырнадцатая

В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА И ПОСЛЕ НЕЕ

1. "Манифест" и погромы в дни революции

Поражение русской армии и флота в русско-японской войне нанесло тяжелый удар царскому самодержавию. Авторитет его пал низко, как никогда, и созда-

¹ "Хроника еврейской жизни", № 28, 1905.

лась благоприятная обстановка для общественной критики в адрес царя и правительства. Энергичная агитация революционных партий, вызывавшая в массах сильное брожение, напор либеральной общественности и общая забастовка, охватившая страну, вынудили Николая II отступить от своей непреклонной позиции нежелания даровать народу конституцию: 17 октября 1905 года был опубликован "манифест" о так называемых "свободах".

В мае 1905 года конституционно-либеральное движение сплотилось в объединение под названием "Союз союзов". В него вошли 14 союзов, представлявших, в основном, людей свободных профессий. В нем участвовал и представитель (Л.Брамсон) "Союза для достижения полноправия еврейского народа в России", возникшего под влиянием общего освободительного движения¹. Союз этот был основан в конце марта 1905 года в Вильно на съезде еврейских общественных деятелей из 32 городов. В рамках Союза объединились разные общественно-политические течения, существовавшие в еврействе: группа сионистов во главе с Борисом (Довом) Гольдбергом и Шмарьяху Левиным; Еврейская народная группа антисионистского толка, возглавляемая кадетским лидером М.Винавером и еврейским общественным деятелем адвокатом Г.Б.Слиозбергом; Еврейская народная партия во главе со своим основателем С.Дубновым; Еврейская демократическая группа, близкая к русским социалистам-трудовикам, возглавляемая Л.Брамсоном и Я.Бикерманом. Союз поставил своей задачей "достижение полных гражданских, политических и национальных прав для еврейского народа в России".

¹ "Союз для достижения полноправия" просуществовал недолго. Он распался вскоре после своего основания на различные составлявшие его течения и в 1907 году был распущен. Однако и после этого слагавшие его течения продолжали совместные действия в вопросах, касавшихся еврейства.

Революционное брожение в России совпало с кризисом в сионистском движении (полемика об Уганде, смерть Герцля, уход территориалистов), а общественно-политическая обстановка в империи возлагала на сионистских вождей новую большую ответственность. Вскоре выяснилось, что "манифест 17 октября", фактически ничего не изменил в практике самодержавного режима. Правда, отныне дозволялись запрещенные прежде публичные сходки и собрания, но правительство сумело начисто выхолостить эту "свободу": на каждом таком собрании присутствовал полицейский чин, следивший за речами и бывший вправе, покажись ему эти речи крамольными, после третьего предупреждения собрание закрыть и разогнать.

Таким образом, "манифест" оказался всего-навсего уловкой, призванной ввести общество в заблуждение и расколоть оппозицию. Ликование по поводу "свободы" было коротким, власти быстро оправились, и реакция ударилась в безудержный разгул.

Чтобы справиться с революцией, на сцену был выведен исторический козел отпущения, к которому прибегали все темные силы во все времена, — евреи. Самодержавие решило "утопить революцию в еврейской крови", и это ему действительно удалось. Уже на следующий день после оглашения "манифеста", 18 октября 1905 года волна погромов захлестнула сотни еврейских общин. Серии погромов были заранее запланированы и вдохновлялись свыше близкими к царскому двору шовинистическими организациями. Самой усердной в этом деле была экстремистская монархическая организация "Союз русского народа", комплектовавшая отряды погромщиков под ставшим с тех пор нарицательным названием "черная сотня". Действия этих отрядов против евреев были на руку властям.

Только за двенадцать дней — с 18 по 29 октября — погромы произошли в 660 городах, местечках и деревнях. А поскольку в иных случаях погромы еще и повторялись, их общая цифра достигла 690. Было убито около тысячи евреев и многие тысячи ранены. Более

200 тысяч потеряли свое имущество, общий ущерб выразился в сумме 63 миллиона рублей. К подобному разгулу массовых бесчинств еврейская общественность была совершенно не подготовлена. Самооборона, которая проявила достаточную эффективность после Кишиневского погрома, теперь оказалась не на высоте, будучи раздробленной и разделенной по политическому признаку.

2. Реакция российских сионистов на октябрьские погромы

В таких обстоятельствах и при таких общественных настроениях приходилось вожакам сионистов в России руководить движением и направлять его. Задача была не из легких: трагический оборот событий требовал определить позицию и высказаться по поводу происходящего.

В разгар погромов сионистский еженедельник "Хроника еврейской жизни" с горечью атаковал прогрессивную русскую печать, всегда грешившую замалчиванием еврейского вопроса. В выступлениях от редакции и статьях, подписанных полными именами публицистов, журнал обвинил либеральную, радикальную и прогрессивную русскую общественность и всю прогрессивную печать в безразличии к страданиям евреев и практике погромов. Все они будто вступили в заговор молчания во всем, что касается евреев и их положения: "манифест", суливший всем-всем права и свободы, обошел молчанием только евреев и не содержал даже малейшего намека на отмену дискриминационных законов, но прогрессивная печать никак не отреагировала на эту вопиющую несправедливость. Александр Гольдштейн писал в своей статье:

"Прочтите газеты...

Обо всем вспомнили они в эти дни: о заточенных и ссыльных, которые должны получить амнистию, о нуждах и горестях крестьян, о сокращении рабочего дня,

о нормировании заработной платы, о тяжелом положении солдат и матросов, о справедливых требованиях финнов, о необходимости автономии для поляков, об отмене военного положения и усиленной охраны, об отмене института земских начальников, об открытии университетов, о военных судах, о гимназиях и т. д. и т. д. и т. д. Обо всем писались длинные и короткие статьи, всем посвящались горячие, смелые строки. Об одних лишь забыли — о евреях...

Зато не забыли вспомнить про евреев другие, те, которые всегда и — увы! — черезчур даже часто вспоминали о них: и над многострадальной головою еврейства разразились ужасы погромов, перед зверством которых меркнут кровавые пиры мрачного средневековья. Заставили ли эти события русскую прессу отнестись более вдумчиво к еврейскому вопросу, подробно коснуться его сущности, начать настойчивую, упорную борьбу за полное уравнивание евреев в правах?

Прочтите газеты...

В самый разгар разгрома российского еврейства, когда от "погромных" телеграмм листы газет покрывались кровавыми столбцами, в день 23-го октября, "Наша Жизнь" ухитрилась поместить передовицу о погромах, в которой ни разу не было произнесено слово "еврей"..."

Гольдштейн приводит факты, которые свидетельствуют, что по части безразличия к судьбе и положению евреев от либеральных обывателей не отличался и организованный "передовой" пролетариат.

Писали на эту тему также М.Соловейчик, Ш.Гепштейн и другие. По поводу же обыкновения прогрессивной печати громко величать погромы "контрреволюцией" журнал замечал, что самим-то евреям нечего себя обманывать. Надо зарубить себе на носу: не контрреволюция это, а именно погромы, то есть массовые избиения евреев по кишиневскому и житомирскому образцу.

В конце ноября 1905 года Сионистская организация провела в Петербурге публичное массовое собрание,

посвященное октябрьским погромам. Более 2500 человек наполнили зал до отказа. Вел собрание Авраам Идельсон. Профессор Белковский обвинил власти в активной поддержке погромщиков, а русскую публику — в пассивности и равнодушии к пролитию еврейской крови.

М.Усышкин, встреченный овациями, сказал, что в погромах в немалой степени виновен сам еврейский народ, потому что склонен проявлять слабость и верить в чужих "спасителей". Еврейский народ должен полагаться только на себя самого и не должен вручать свою судьбу в чужие руки. Он не может положиться ни на либералов, ни на радикалов, ни на русскую социал-демократию.

Здесь часть собравшихся запротестовала и устроила оратору обструкцию. Однако подавляющее большинство аплодировало в знак согласия с Усышкиным. Президиуму не удалось усмирить антиссионистскую оппозицию, по-видимому решившую не дать оратору закончить свое выступление. Тогда на сцену поднялся Жаботинский, и в зале воцарилась тишина. Он воззвал к гражданской порядочности противников сионизма и призвал их выслушать оратора, даже если им это неприятно. Прав или неправ оратор, но он прибыл оттуда, где обильно проливают еврейскую кровь, и должен быть выслушан до конца.

"Что касается партийных счетов, то пусть наши противники слева помнят, что в течение семи лет мы были мишенью их злобствующих нападок и не имели возможности им возразить. Пусть они выслушают и нас!"¹

Зал затих, и Усышкин продолжил: "Два лозунга провозглашены теперь в России: "Бей жидов!" и "Пролетарии всех стран, объединяйтесь!", и надо быть легковым и слепым, чтобы думать, что первый, кото-

¹ Материалы о митинге. "Хроника еврейской жизни", № 46, 1905.

рый насчитывает 300 лет со времен Хмельницкого и гайдаматчины, сейчас же уступит позицию второму, насчитывающему каких-нибудь 20 лет. И кто может поручиться, что пролетариат не забудет, что его первыми учителями были Карл Маркс и Фердинанд Лассаль, как христиане забыли, кем был Иисус Христос и апостол Павел...”.

От имени Поалей Цион выступил И.Новаковский, который на первый план выдвинул разногласия между его единомышленниками и Усышкиным. Он согласился, что главная причина погромов — диаспора, однако подчеркнул вину темных сил самодержавия, использовавших в своих преступных целях антисемитизм и невежество. Развитие социал-демократии поднимет также и сознательность масс и будет способствовать установлению более нормальных отношений между всеми народностями. Тем не менее, в силу особенностей социально-экономического развития еврейства, параллельно с этим будет происходить вытеснение евреев с передовых экономических позиций. Так во весь грозный рост встанет общенациональный еврейский вопрос, который может быть разрешен только с помощью сионизма. В то же время оратор полагал, что участие еврейского пролетариата в революционном движении необходимо, потому что преследуемому и бесправному народу не под силу одному осуществить столь великий идеал, как сионизм. Воплощение сионистского идеала будет венцом национального возрождения еврейского народа, и в стремлении к этой цели надо надеяться на поддержку мирового пролетариата.

Шмарьяху Левин выступил на идиш. Он задал риторический вопрос: кто они, эти жертвы погромов, — герои или мученики? И ответил: в большинстве мученики, иначе говоря пассивные жертвы. Для того чтобы у нас появились борцы за народное дело, надо стремиться к возрождению народа на его исторической родине. Нахум Соколов, также выступивший на идиш, проанализировал сущность погромов и подчеркнул

элемент их постоянства, прослеживаемый во всей истории еврейского народа.

На трибуну под гром аплодисментов поднялся Жаботинский.

”Господа и товарищи! — начинает он свою речь. — Когда товарищ Наум Соколов начал говорить на жаргоне, в зале раздался свисток: требовали речи не на жаргоне, а на русском языке. Ни на одном митинге другого народа невозможно было бы такое позорное явление: против этого свистка жаргону, языку миллионов, языку трудящихся еврейских масс, раздался бы вом в октябре 1905 г., на заре политического освобождения России, имеют своей основной причиною общее

Затем оратор перешел к спору с противниками сионизма и осудил необузданную ненависть, которую они проявляют по отношению к сионистам в своих злобных выдумках и наветах. А ведь сионисты призывают еврейский народ отнюдь не к смерти и не к самоубийству (ассимиляция), но к жизни. В своих бедах и блужданиях еврейский народ в конечном счете окажется перед двумя путями: ”один — на церковную паперть и в могилу”, другой — возрождение на своей исторической родине. И он изберет жизнь и пойдет второй дорогой.

Председательствующий зачитал проект решения, принятый абсолютным большинством участников собрания:

”Погромы, разразившиеся над российским еврейством в октябре 1905 г., на заре политического освобождения России, имеют своей основной причиною общее ненормальное положение еврейского народа в диаспоре. Рассеянный, бесправный, вытесняемый из прогрессирующих форм хозяйственной жизни, разрозненный, с беспримерным 18-вековым мартирологом в своем прошлом, еврейский народ является постоянно первой жертвой всех религиозных, политических и социальных переворотов. Ненормальным положением еврейства в России, создавшим в широких слоях окружающих его народов чувства неприязни, а подчас и вражды к

нему, воспользовались темные силы умирающего самодержавия, чтобы организовать при содействии полиции и войск октябрьскую резню. Митинг не находит достаточно слов, чтобы заклеить проклятием всех организаторов, попустителей и участников этого небывалого злодеяния и требует отдачи всех преступников против жизни, чести и имущества евреев и, прежде всего, всех чинов полиции и войсковых частей, виновных в погромах, — под гласный суд.

Митинг находит, что манифест 17.X. лишен всякого значения для еврейского населения России до тех пор, пока оно ограничено в самых элементарных своих правах, и требует немедленного провозглашения еврейского равноправия.

Митинг с глубоким прискорбием констатирует безучастное отношение большей части российского общества к еврейским погромам, проявившееся в печати и бездеятельности различных общественных групп и организаций, и, с особенной болью, отмечает пассивность Спб.С.Р.Д., обошедшего молчанием еврейские погромы при провозглашении ноябрьской забастовки протеста.

Восторженно приветствуя героев самообороны, митинг с глубоким удовлетворением отмечает единодушное участие всего еврейства всех стран в горе российских евреев, знаменующее наше национальное единство. Митинг призывает все еврейское население России для защиты своей жизни и элементарных человеческих прав и для отстаивания своих национальных интересов.

Митинг твердо убежден, что объединенное еврейство признает единственным путем для радикального решения еврейского вопроса возрождение его на исторической родине, написанное на знамени сионизма”.

Таков текст этой резолюции, из которой видно, что даже сионисты верили, невзирая на бедствия, постигшие евреев, в близкий конец ”агонизирующего самодержавия” и ”зарю политического освобождения России”. После того как резолюция была одобрена абсолютным большинством присутствующих, среди

публики были распространены воззвания петербургской организации сионистов и местной группы Поалей Цион. Митинг завершился пением "Хатиквы" и гимна Поалей Цион — "Хашвуа" ("Клятва").

3. Гельсингфорсский съезд

Со времени проведения Минского съезда (1902) в России произошли грандиозные события: русско-японская война, революция, оглашение "манифеста", созыв и разгон Думы и, среди всего этого, — волна еврейских погромов. Эти события, приведшие к новому положению в политической и общественной жизни России, поставили перед сионистским движением многочисленные трудные проблемы. Оно оказалось невольно увлечено стихией (участие в "Союзе для достижения полного права", выдвижение кандидатов на выборы в Думу) и при этом все еще не имело своей линии действий в новых условиях. Ощущалась, таким образом, острая необходимость в глубоком и разностороннем обсуждении актуальных проблем. Так возникла мысль о созыве общего съезда российских сионистов.

При всех "свободах" и "конституции", дарованных "манифестом", в России фактически отсутствовали условия для свободных дискуссий. Поэтому местом созыва Третьего съезда был выбран Гельсингфорс, главный город автономной Финляндии, пользовавшейся широким самоуправлением в рамках Российской империи. Съезд открылся 21 ноября 1906 года и работал до 27 ноября. В нем участвовали 72 делегата из 56 городов. Усышкин не приехал, лишь прислал приветственную телеграмму. Председателем был избран Членов. В большой вступительной речи он сделал обзор пути, пройденного сионистским движением, и остановился на дискуссиях и борьбе в российском сионизме во время двух предыдущих съездов (Варшава, 1898; Минск, 1902); сказал об угандийском кризисе, о полемике между "политиками" и "практиками" и подчеркнул необходимость синтеза этих двух линий. Касаясь "ге-

генвертсарбейт", он отметил, что революция в России привела к перемене в отношении сионистов к этому вопросу: необходимо бороться за достижение гражданского и национального полноправия, за создание все-русской еврейской национальной организации.

С докладом о практической работе в Палестине и о деятельности в России в пользу Палестины выступил Борис Гольдберг. По его мнению, политический сионизм допустил просчет, добиваясь исключительно "чартера" и забросив практическую работу в Эрец-Исраэль. Поэтому деятельность движения не была успешной. Он не возражает против политико-дипломатических действий, но они могут иметь значение лишь при условии, что основываются на реальной действительности; поэтому в ближайшем будущем целью движения должно стать не получение "чартера", а устранение ограничений и преград на пути заселения Палестины. Эта линия будет соответствовать решениям Седьмого конгресса.

И.Гринбаум требовал отказа от идеи "катастрофального сионизма"¹, связанной с внезапным и полным решением еврейского вопроса. Сионизм — длительный процесс, который приведет нас к цели единственным путем после постепенного, сложного и непрерывного развития. Линию "синтетического сионизма", то есть синтеза политической деятельности с практической работой в Эрец-Исраэль, поддержали Д.Пасманик, А.Гольдштейн, Л.Яффе и многие другие выступавшие.

Основной причиной кризиса в сионистском движении, — продолжал Гринбаум, — является нежелание вести борьбу за национальные права евреев в России. То была ошибка, вытекавшая из веры в "катастро-

¹ Сторонники "катастрофального сионизма" считали, что "чудесная катастрофа внезапно, извне изменит коренным образом жизнь и спасет нацию". См.: Гринбаум, "III Всерос. Съезд сионистов в Гельсингфорсе в 1906 г.", Петроград, 1917 г. — *Прим. ред.*

фальный” путь сионизма и скорое решение проблемы. Правда, тем временем в сионистскую программу в России была включена культурная работа, а также экономическая деятельность. Но нельзя забывать, что обе они находятся в неразрывной связи с политическим положением евреев. Сионизм — это постепенный процесс собирания национальных сил как в Палестине, так и в диаспоре, и наша национальная независимость может придти только как следствие такого процесса.

В прениях выступили Пасманик, Жаботинский, Моцкин, Членов и другие.

О направлении деятельности сионистского движения в России доклад сделал Жаботинский. Он предложил принять участие в русском освободительном движении, поскольку евреи России заинтересованы в свержении самодержавия и установлении демократического строя. Сионисты должны действовать в качестве самостоятельной политической единицы и выступить как сионистская партия. На выборы в Думу сионистам следует идти под собственным флагом, не затушевывая сущности движения. Надо выдвинуть требование об автономном руководстве национальными делами русского еврейства и действовать в пользу созыва всероссийского еврейского национального собрания.

По окончании прений были приняты резолюции по всем пунктам повестки дня. Из совокупности этих резолюций возникла ”Гельсингфорсская программа”, состоявшая из следующих частей: а) практическая работа в Палестине (тут нашел свое выражение синтетический подход к слиянию политической деятельности с практической работой); б) политическая платформа; в) национально-политические требования; г) ближайшие действия; д) организационный вопрос.

Требования политической платформы:

1. Демократизация государственного строя на основе последовательного парламентаризма, широкие политические свободы, автономия для национальных районов и обеспечение прав национальных меньшинств.

2. Полное и безоговорочное равноправие для еврейского населения.

3. Обеспечение меньшинству представительства на всех общегосударственных, окружных и местных выборах, проводимых путем общего, равного, прямого и тайного голосования, без различия пола.

4. Признание еврейского народа в России в качестве целостной единицы с правом на самоуправление в национальных делах.

5. Созыв национального собрания евреев России для выработки основ национальной организации.

6. Право на национальный письменный и разговорный язык в школе, суде и общественной жизни.

7. Право на повсеместную замену для евреев воскресенья субботой в качестве выходного дня.

По организационному вопросу, в частности, было решено:

Членом Российской сионистской организации может быть каждый еврей, согласный с Базельской программой и подчиняющийся постановлениям сионистских съездов; местные сионистские отделения вправе избирать свой комитет (это предложение было внесено Усышкиным еще на Минском съезде, но не было принято). Разрешается также существование отдельных групп, представляющих особое течение или объединившихся для особой цели по особым причинам. Такие группы имеют своих представителей в местном комитете. Съезд избирает Центральный Комитет, который возглавляет движение. Съезд считает необходимым иметь краевые комитеты для юга, Польши, Литвы, Прибалтийского края, Центральной России и Сибири. Задача краевых комитетов — осуществлять посредничество между Центральным и местными комитетами. Центральный Комитет вправе поддерживать с местными комитетами также непосредственную связь.

Таковы были главные решения по организационному вопросу, значение которых состояло в том, что они укрепили движение, сплотили его и дали ему полномочное руководство. Съезд избрал Центральный

Комитет в составе семи человек: Юлиус Бруцкус, Борис Гольдберг, Ицхак-Лейб Гольдберг, Лев Яффе, д-р Иосеф Лурье, д-р Даниэль Пасманик, адвокат Шимшон Розенбаум. Местопребывание Центрального Комитета определили в Вильно.

В циркуляре, разосланном на места новым ЦК, содержалась оценка съезда, его прений и решений. Отмечалось, что Третий съезд Сионистской организации в России, состоявшийся в Гельсингфорсе, открыл новую эпоху в истории движения. Съезд положил конец кризису, царившему в движении три последних года. Относительно самого характера кризиса говорилось, что он касался не цели, а только средств: основной целью сионизма было и остается на будущее государственное возрождение еврейского народа в Эрец-Исраэль. Основная ошибка движения заключалась в том, что сначала преобладала вера в возможность добиться Эрец-Исраэль чрезвычайно быстро, благодаря воле и гениальным способностям Герцля. Сионисты со дня на день ждали получения "чартера" и по этой причине равнодушно относились к вопросам повседневной жизни. Тогда полагали, что нельзя расходовать силы на проблемы евреев в диаспоре и надо сосредоточиться исключительно и только на осуществлении главной задачи. Вся работа заключалась в распространении "шекелей", продаже банковских акций и сборе пожертвований для Национального фонда. Надеясь скоро заполучить "чартер", сионисты воздерживались от практической работы как в Палестине, так и в диаспоре. Действительность развеяла, однако, эти мечты.

Так, суть кризиса состояла в том, что пришлось признать эволюционный характер сионизма и, в соответствии с этим, изменить средства для достижения цели. Цель остается прежней, но средства изменились. Не подлежит сомнению, что только организованное еврейство в состоянии аккумулировать те великие материальные и духовные силы, которые необходимы для осуществления векового идеала. Но процесс организации еврейства должен строиться на двух

следующих основах: работа о нуждах народа в его повседневной жизни и работа по осуществлению основной задачи сионизма — работа, которая частично может быть выполнена уже теперь. Сионизм должен охватывать все стороны еврейской жизни, должен давать ответ на все ее вопросы и использовать все кроющиеся в народе силы. Для этого требовалось выработать соответствующую программу, что съезд с успехом и сделал.

В циркуляре подчеркивалось, что ни страшные погромы, ни несбыточные грезы о том, что положение евреев в России теперь совершенно переменится, не могут поколебать основной цели. Напротив — как буржуазия, так и массы еврейского пролетариата теперь более, чем когда-либо, убеждены, что нет возможности разрешить еврейскую национальную проблему в диаспоре.

Новый Центральный Комитет выразил в этом циркуляре принципы "синтетического сионизма", положенные в основу Гельсингфорсской программы. В циркуляре чувствуется оптимизм при оценке значения съезда и его результатов. Однако политический поворот в направлении реакции, наступившей в России после разгона Второй Думы, исключил всякую возможность нового подъема сионистской работы после съезда, ибо движение снова стало недопустимым в глазах властей и было вынуждено действовать, в основном, тайно. Перемены к лучшему наступили только с началом Февральской революции 1917 года, да и то на короткое время — до установления в России большевистской диктатуры.

“СИНТЕТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ”

1. Четвертый съезд сионистов России

После победы Ционей Цион на Седьмом конгрессе и выхода территориалистов всех оттенков из Сионистской организации конгресс, правда, принял принципиальное постановление о необходимости практической работы в Палестине, но на деле сионистский лагерь продолжал оставаться расколотым, как и прежде, на “политиков” и “практиков”, и внутри движения борьба между этими двумя линиями продолжалась.

Президентом Всемирной сионистской организации на Седьмом конгрессе был избран Давид Вольфсон. Кроме него в Правление вошли три “политика” и три “практика” — для равновесия: Леопольд Гринберг (Лондон), Александр Марморек (Париж), Якобус Кан (Гаага) — представители политической линии; Отто Варбург (Берлин), М.Усышкин и Я.Бернштейн-Коган — сторонники “практической” линии. Для укрепления аппарата и в помощь себе Вольфсон пригласил Соколова на пост генерального секретаря Правления, а также перевел в Кельн главное бюро Национального фонда и редакцию газеты “Ди Вельт”. С января 1907 г. начал выходить и печатный орган Сионистской организации на иврите — еженедельник “Хаолам” (“Мир”) под редакцией Н.Соколова.

Несмотря на паритетный состав Правления, баланс между двумя направлениями сохранен не был — из-за того, что Вольфсон, считавший себя “хранителем наследия” Герцля, склонялся на сторону политического течения, и это обстоятельство вызывало у большинства российских сионистов досаду и оппозиционные настроения. Кроме того, после перевода Правления в Кельн (город, где проживал Вольфсон) оба представителя из России уже не могли за дальностью расстояния прини-

мать активное участие в работе. Усышкин время от времени, правда, наезжал в Кельн на заседания Малого исполкома, но Бернштейн-Коган в них совсем не участвовал. Таково было положение, когда в Гааге собрался Восьмой конгресс. Место для его проведения было выбрано с расчетом привлечь к еврейскому вопросу внимание великих держав, так как в то самое время (август 1907 года) в Гааге шла Вторая мирная конференция, обсуждавшая вопросы ограничения вооружения. Однако надежды заинтересовать великие державы бедами евреев закончились такой же неудачей, как и сама мирная конференция.

Поскольку из-за реакции, воцарившейся в России после провала революции 1905 года, там уже нельзя было свободно проводить публичные собрания, свой Четвертый съезд российские сионисты устроили также в Гааге, за несколько дней до открытия Восьмого конгресса. Д.Пасманик и Л.Яффе сделали обзор состояния движения. Они отметили, что именно теперь, когда после Гельсингфорсского съезда движение вышло из внутреннего кризиса, порожденного полемикой об Уганде и территориализме, внешние условия для ведения сионистской работы стали особенно тяжелы. В прениях участвовали Ш.Розенбаум, М.Усышкин, Е.Членов, В.Жаботинский, Ю.Бруцкус, И.Гринбаум, Б.Гольдберг и другие. Принимал участие в работе съезда и Х.Вейцман, правда, в качестве гостя от английских сионистов. Съезд принял следующие постановления:

О национально-политической работе в России:

1. По вопросу о самостоятельном выступлении съезд подтверждает соответствующие резолюции Гельсингфорсского съезда.

2. Отдельные сионисты, желающие вступить в нееврейские партии, обязаны обеспечить себе полную свободу от дисциплины этих партий в области еврейского вопроса.

3. По вопросу об избирательной тактике съезд, стоя на почве Гельсингфорсских резолюций, утверждает по-

следний циркуляр бывшего ЦК и предлагает его новому ЦК для руководства на предстоящих выборах в Государственную Думу¹.

По организационным вопросам:

Членом СО в России может быть всякий еврей, признающий Базельскую программу и уплачивающий сверх "шекеля" обязательный партийный налог в размере не менее 40 коп. в год.

Вопрос об областных комитетах передается на усмотрение ЦК.

Бюджет ЦК на ближайший год установлен в 30 тысяч рублей.

Ежегодно устраиваются делегатские съезды.

Не менее 4 раз в году созываются совещания всех членов ИК², живущих в России, вместе с членами ЦК.

Решения этих совещаний обязательны для ЦК.

О сионистской организации в Польше:

1. Сионистская организация в Польше абсолютно независима в вопросах внутренней политической работы, пропаганды, информации и финансов.

2. Во главе сионистской организации в Польше стоит бюро в составе пяти человек с местопребыванием в Варшаве. При бюро создается совет, периодически собирающийся для обсуждения важных вопросов. Число членов совета устанавливает бюро — не менее одного представителя от каждой губернии. Бюро, а также совет, избираются конференцией сионистов Польши.

3. Конференция сионистов Польши проводится ежегодно.

¹ В декабре 1906 года в Вильно Центральный Комитет выпустил в духе этих постановлений воззвание к избирателям-евреям по поводу выборов во Вторую Думу. Воззвание было опубликовано в первом номере журнала "Рассвет" за 1907 год. Однако евреи не добились успеха на выборах из-за реакционно-го избирательного закона, изданного 3 июня 1907 года.

² Исполнительный комитет.

4. Бюро назначает комиссию по пропаганде, которая ведет в Польше агитационную и разъяснительную работу, издает воззвания и брошюры и организует курсы для обучения агитационных групп.

5. Каждые два-три месяца бюро обязано созывать губернские съезды и направлять во все населенные пункты инструкторов¹.

О п е ч а т и :

1. "Рассвет" признается официальным органом партии на русском языке.

2. Ответственный перед партией редактор "Рассвета" избирается съездом.

3. Палестинский отдел "Рассвета" редактируется Палестинской комиссией или соответствующим институтом при ЦК.

4. В "Рассвете" открывается отдел свободной дискуссии.

5. Съезд признает нежелательным существование другого сионистского органа на русском языке.

6. Взамен прекратившейся "Еврейской Жизни" редакция обязуется издавать сборники не менее двух раз в год.

7. Съезд предлагает ЦК приступить к созданию ежедневной дешевой газеты на жаргоне.

8. До учреждения ежедневной газеты на жаргоне продолжается выпуск "Дос юдише фолк", однако не позже 1-го ноября.

9. Съезд предлагает ЦК принять меры к изысканию средств для основания еженедельника на евр. языке².

¹ Эти решения показывают, что Сионистская организация в России предоставила польским сионистам значительно более широкую автономию, нежели предоставило Царству Польскому в рамках Российской империи царское правительство...

² Иврите. — Прим. ред.

10. Съезд рекомендует ЦК перевести издат. "Кади-ма" в Вильно и содействовать дальнейшему развитию этого книгоиздательства.

11. Съезд признает нежелательным прекращение издания сионистского органа на польском языке.

12. Съезд признает обязанностью каждого сиониста, имеющего к тому возможность, выписывать по крайней мере один из партийных органов.

2. Восьмой конгресс в Гааге

В Восьмом конгрессе, проходившем 14—21 августа 1907 года, участвовало около 400 делегатов; примерно половина их была из России. Центральным вопросом, который предстояло обсудить, была практическая работа в Палестине. Сионисты России пришли на конгресс после углубленного и детального изучения этого вопроса, с четкими решениями, принятыми на Третьем, Гельсингфорсском съезде и подтвержденными на Четвертом. И как на прежних конгрессах, так и на этом, основные резолюции носили отпечаток взглядов российских сионистов. Среди последних имелось и меньшинство, склонявшееся к политическому течению, так же как среди западных сионистов имелось небольшое число "практиков" (профессор Отто Варбург из Берлина; Герберт (Цви) Бентвич из Лондона и другие). Выразителем взглядов меньшинства российских сионистов на конгрессе стал Моцкин, который считал неприемлемым отказ от лозунга о "чартере" и предлагал пользоваться им: сионисты, полагавшие, что "чартер" — вопрос ближайших дней, просто не понимали Герцля. Покойный вождь не утверждал, что "чартер" удастся заполучить быстро, а говорил лишь, что это может стать делом ближайшего будущего. Герцль говорил: "Если еврейский народ захочет, он сумеет добиться "чартера". Еврейский народ должен предоставить сионистам необходимые организационные и материальные ресурсы. Нельзя согласиться с положением, будто эту

истину надо отвергнуть, отказаться от нее и выставить в смешном виде. Факт, что большинство людей из сионистского лагеря сегодня говорят о ней с усмешкой. И тем самым ведут фактически подкоп под сионизм. ... Надо придти к еврейскому народу и сказать ему: мы вам принесли истину, и ее осуществление было в ваших руках, но вы этого не захотели. Сионизм не потерпел никакого поражения. "Если сионизм не будет осуществлен, в этом будут повинны только евреи", — сказал Моцкин. По поводу требования приступить к немедленным действиям в Палестине он заявил, что однажды этот путь уже был испробован, но, так как не было гарантий, обеспечивающих открытую и беспрепятственную деятельность в Палестине, начинание это провалилось на полпути.

Взгляды сторонников практической работы в Эрец-Исраэль изложил Хаим Вейцман:

"Мы стоим перед задачей пробудить волю еврейского народа. И, может быть, трагическая судьба Герцля состояла в том, что он думал пробудить эту волю слишком рано. Последние его слова были: "Мы дошли до барьера". Для нас же не было барьера. Мы должны изменить мнение о "чартере". Мы должны сказать народу, что он достигнет своей цели лишь в том случае, если уже сегодня начнет освоение принадлежащей ему страны. И мы признаем, что это есть средство, ведущее к цели, но разница в том, что мы считаем прежнее, т. н. политическое, сионистское движение односторонним. До сих пор политический сионизм был лишь дипломатическим. Полагали, что возможно воодушевить народ, говоря ему, что тот или другой властитель относится благосклонно к нашему движению. Это было действительно в известной мере, так как еврейский народ считался с тем, что властители благосклонны к нашему делу; он замечал также, что правительства признают, что мы правы, что они признают, но ничего не делают, чтобы провести справедливость в действительности.

Вы считаете, что работа в Палестине не гарантирована, но такой гарантии не будет, даже если вы получите

”чартер”. При первых опытах нет никогда уверенности, что они будут удачны. Я стою за синтез обоих моментов. Я знаю только один путь. Сионизм, конечно, политическое движение, но политика не состоит в том, чтобы ходить к правительствам и собирать хорошие отзывы о сионизме. Я понимаю политический сионизм так, что еврейский вопрос международный, и мы требуем помощи от отдельных государств, но мы сами должны делать все для укрепления нашей позиции в стране. Конечно, мы не можем ручаться, что все наши предприятия будут удачны. Но если ждать полной уверенности, то вообще ничего нельзя делать, а сидеть сложа руки и ждать. Политический сионизм требует работы во всех областях, требует практической работы для достижения политической цели.

Г.Гринберг как-то сравнил еврейскую работу с прорытием туннеля, которое должно быть начато с двух сторон. С одной стороны начали работать, и я желаю, чтобы начали и с другой.

Конгресс должен дать ИК определенную инструкцию: стремиться к достижению ”чартера”, но как следствия нашей работы в стране. Если мы теперь получим ”чартер”, он будет только листом бумаги, но если мы будем работать в Палестине, он будет написан нашей кровью и нашим потом и будет прочен”. (Шумное одобрение)¹.

Речь Вейцмана произвела на конгресс чрезвычайно сильное впечатление. С той поры в сионистском движении укоренился термин ”синтетический сионизм” как обозначение сплава двух направлений, политического и практического, в одну систему работы. Спустя сорок лет, вспоминая этот эпизод в автобиографической книге ”Поиски и заблуждения”, Вейцман писал:

”Разногласия между ”угандистами” и ”классическими сионистами” обернулись разногласиями между ”политическим” и ”практическим” сионизмом.

¹ ”Рассвет”, № 34–35, 1907.

Сионисты-политики твердили: Палестина принадлежит Турции. Покупка земель запрещена законом. Вся наша работа должна быть направлена на "чартер", и мы должны прибегнуть к великим державам, таким, как Англия и Германия, дабы они помогли нам заполучить "чартер". Так смотрели на дело сионистские организации Германии и Австрии и большинство западных сионистов. Им противостояла маленькая группа в Англии, возглавляемая д-ром Гастером и Гербертом Бентвичем.

Взгляд второй, "практической" школы — нашей, как я ее называл не раз, — взгляд этой школы на сионизм и на исторический процесс был более органичным. Если говорить правду, ни "духовные", ни "практические" сионисты не отрицали политической работы, как это часто изображалось; они только хотели напомнить миру сионизма ту простую истину, что одной политической работы недостаточно; она должна сопровождаться прочными конструктивными достижениями, реальным освоением земель в Эрец-Исраэль, а это опять-таки должно быть сопровождено нравственным напряжением еврейского сознания, возрождением языка иврит, приобщением к еврейской истории и возвещением вечных ценностей еврейства.

Процесс слияния двух этих школ не был простым делом. Сила привычных фраз, сила предвзятых мнений были так велики, так завладели умами, что всякие разговоры о возобновлении настоящей поселенческой работы всегда встречались в штыки. Впечатление было такое, будто люди думают, что переселение евреев в Эрец-Исраэль, основание колоний, закладка индустриальной базы в самой скромной форме не имеют ничего общего с подлинной задачей сионизма. Задача, мол, совершенно другая — твердить о нашем намерении создать еврейскую республику в Эрец-Исраэль; и пока таковая не возникла с помощью "чартера", добиться там сколько-нибудь стоящего прогресса невозможно. "Лед тронулся", как мне помнится, на Восьмом конгрессе, который состоялся в Гааге летом 1907 года.

Я там страстно отстаивал взгляды, проповедуемые мною со дня моего вступления в движение. Я сказал, что дипломатическая работа важна, но ее значение увеличится благодаря реальным делам в Эрец-Исравль. Если мы достигнем синтеза течений в сионизме, мы преодолеем застой. Я утверждал, что даже если б можно было получить "чартер", такой, о каком мечтал Герцль, этот "чартер" ничего не будет стоить без опоры на реальную землю в Палестине, на еврейское население, привязанное к этой земле, на учреждения, созданные этим населением и для него. "Чартер" всего лишь клочок бумаги. Понятно, что необходимо вынести наше дело на суд народов, но впечатление оно может произвести только будучи подкреплено алией, поселением и национальным самосознанием. Основывая свою точку зрения, я употребил выражение "синтетический сионизм", которое стало лозунгом сионистов-практиков".

С аргументацией сторонников школы синтетического сионизма согласовывалась и речь Членова, произнесенная еще в начале конгресса, после вступительного слова Вольфсона и выборов президиума. За три недели до этого Членов побывал в качестве представителя сионистского Правления на праздновании 25-летия со дня основания поселения Ришон ле-Цион. Там он приветствовал участников юбилейного митинга, собравшихся по случаю национального торжества со всех уголков нового ишува, а теперь привез их приветствие, которое они поручили передать конгрессу: "Привет вам всем — которые служат делу народа нашего в галуте, привет от тех, кто в настоящее время осуществляет наш идеал".

Членов продолжал:

"Наше дело преследует три цели: возродить народ, страну и язык, которые еще недавно, некоторыми еще и теперь, объявляются умершими. Каждая из этих трех задач весьма трудна, и неудивительно, если у того или другого возникают сомнения в возможности решения этой задачи, хватит ли сил человеческих.

Истекшие 25 лет были испытанием, которое должны были выдержать страна, народ и язык. И я призываю всех сомневающихся: идите в страну, и там увидите вы, как заброшенные пустыни руками наших братьев превращены в уголки рая. Побывайте в школах, на улицах колоний, где играют дети, и вы услышите, как звучит наш живой язык. Побывайте в домах, встречайтесь с людьми, проникните в общественную жизнь, и вы почувствуете, что создается нечто новое, своеобразное: еврейская жизнь, еврейские чувствования и мышление.

Уважаемые товарищи! Здание, которое мы хотим воздвигнуть для нашего народа, должно быть грандиозным и требует тяжелой работы. Но истекшие 25 лет доказали, что материал прочен и годен для созидания. Только одного еще нет в достаточной мере — твердой народной воли. "Народ может, если он хочет", — сказал на одном из наших конгрессов наш покойный незабвенный вождь. Еврейское народное дело теперь зависит только от одной воли еврейского народа. И она появится, она должна появиться. Наша задача — пробудить ее"¹.

Выступление Членова сопровождалось громкими аплодисментами. Оно внесло осязаемый вклад в принципиальное обсуждение путей воплощения сионизма.

О состоянии национального воспитания в Эрец-Исраэль докладывал д-р Шмарьяху Левин. Он рассказал о деятельности различных христианских миссионерских обществ, расставляющих свои силки для ловли еврейских душ. Да и школы еврейских филантропических обществ из Европы (Альянс и др.) только усугубляют царящую в ишуве языковую мешанину и фактически настраивают молодое поколение покидать Страну. Однако в Стране, особенно в новых поселениях, начала развиваться и сеть национальных школ, где языком преподавания стал иврит, а у детей иврит — живой

¹ "Рассвет", № 31, 1907.

разговорный язык. Далее он коснулся развития нового ишува и недавно прибывшего из России контингента, образовавшего зачатки городского сословия и рабочего класса¹. Для удовлетворения их нужд в области просвещения решено основать еврейскую гимназию, где преподавание всех предметов будет вестись на иврите². Ш.Левин назвал также имена основателей гимназии — д-ра Иехуды Матмона-Когана, д-ра Хаима Бограшова и их соратников, которые приехали в Страну из России после Седьмого конгресса, привезя с собой знания и опыт. Под впечатлением доклада д-ра Левина Джейкоб Мозер, лорд-мэр Брэдфорда, пожертвовал 80 тысяч франков на гимназию, обеспечив тем самым ее развитие.

Нахум Соколов также говорил о национальном воспитании в диаспоре и предложил, чтобы конгресс провозгласил иврит официальным языком сионистского движения и его органов. Конечно, для пропагандистских и информационных нужд можно пользоваться и другими языками, в соответствии с потребностями организаций отдельных стран. Это предложение нашло сторонников и противников.

В прениях по докладу руководства выступил представитель движения Поалей Цион Шломо Капланский (уроженец Белостока), который работал в то время в Вене. В августе 1907 года, во время работы Восьмого сионистского конгресса в Гааге, собралась первая всемирная конференция Поалей Цион, где был основан Всемирный еврейский социалистический союз Поалей Цион. Капланский был одним из его организаторов. В своем выступлении на конгрессе он подчеркнул необходимость привлечения в Палестину капитала, чтобы

¹ То была Вторая алия, о которой речь пойдет ниже в этой главе.

² Речь идет о гимназии "Герцлия", основанной в Тель-Авиве после закладки города. Первая в мире еврейская средняя школа, где все предметы преподавались на иврите.

создать условия для широкомасштабной алии и поселения. Практическая работа должна вестись в любом случае, а не только в благоприятных условиях. Необходимо образование в Эрец-Исраэль классов еврейских рабочих и крестьян. Конгрессу следует в основном сосредоточиться на вопросе практической работы в Стране, с упором на развитие сельского хозяйства. Проявляя заботу о поселении, следует иметь в виду не только тех евреев, которые располагают частью необходимых средств, но, главным образом, неимущих. В помощи сионистов нуждаются не зажиточные, а трудящиеся, способные превратить Палестину в еврейскую страну.

Впервые в конгрессе приняли участие и представители палестинских еврейских рабочих: от Поалей Цион Ицхак Бен-Цви¹ и Исраэль Шохат, от партии Хапозль гацаир (Гапозль гацаир) — Иосеф Аронович и Элизер Шохат (брат Исраэля Шохата), все четверо — пионеры Второй алии из России. Обе рабочие партии в Эрец-Исраэль в своих политических платформах требовали практической работы в Стране. Аронович, выступивший с трибуны конгресса в защиту еврейского труда в Стране, сказал, что каждый сионист — если он подлинный сионист — обязан претворить в жизнь сионизм личным примером, переехав в Страну или хотя бы вкладывая в нее свой капитал. Он резко обрушился на сионистскую "болтовню", не подкрепленную никакими практическими делами. Это была новая нота, прозвучавшая в прениях конгресса.

3. Резолюция Восьмого конгресса и выборы Правления

Восьмой конгресс ознаменовал поворот в сионистском движении в направлении совмещения политичес-

¹ Второй президент Государства Израиль. Скончался в 1963 году.

кой деятельности с практической работой в Палестине; то была линия "синтетического сионизма", выработанная ранее сионистами России на Гельсингфорсском съезде и явившаяся содержанием речи Вейцмана на конгрессе, оказавшей самое сильное влияние на присутствующих. Эти взгляды были положены в основу резолюции по центральному вопросу, обсуждавшемуся на конгрессе, — о практической работе в Палестине. Приводим текст резолюции.

РЕШЕНИЯ И РЕЗОЛЮЦИИ VIII КОНГРЕССА

О работе в Палестине

1. При малом ИК учреждается особое Палестинское управление под руководством одного из членов Малого ИК для заведывания всеми палестинскими делами. Управление содержит в Палестине ответственное бюро, состоящее из одного или нескольких лиц на жалованьи.

2. Четверть всех доходов ИК, за исключением сумм, предназначенных для специальных целей, отчисляется через посредство Еврейск. Колон. Банка в пользу Палестинского управления. Сверх того, в его пользу поступают все специально для него собираемые пожертвования и взносы.

3. Конгресс поручает Палестинскому управлению изучить вопрос о кооперативной колонии по системе Оппенгеймера и представить доклад об этом ближайшей годичной конференции.

4. Конгресс рекомендует Малому ИК и директорииу АПК¹ принять меры к тому, чтобы при АПК было устроено отделение долгосрочного кредита под

¹ Англо-палестинская компания. — *Прим. ред.*

сельскую и городскую землю и чтобы это отделение имело право покупать и продавать городскую и сельскую землю, парцеллировать, брать и сдавать в аренду, равно как и на земле производить мелиорационные работы.

5. Конгресс поручает Палестинскому управлению уделить особое внимание школьным учреждениям и стремиться к созданию специального школьного фонда. Конгресс далее поручает Палестинскому управлению принять меры к устройству евр. среднего учебного заведения в Палестине.

Об изменении устава банка

Конгресс стоит, как и прежде, на той точке зрения, что его устав должен быть изменен согласно решению III конгресса, насколько такое изменение может быть проведено без ущерба для интересов банка. Во всяком случае Малый ИК должен позаботиться посредством дополнения к статутам, чтоб банк нигде в мире не занимался колонизационной деятельностью, помимо Сирии, Палестины и соседних стран. Окончательное решение о продолжении процесса конгресс предоставляет Малому ИК и комиссии из 3-х специалистов, избранных конгрессом.

Организация. (Существенные изменения в статутах) :

§ 11. Делегаты конгресса избираются на двухлетний период. В случае созыва экстраординарного конгресса в нем принимают участие делегаты последнего конгресса.

§ 19. Ежегодный созыв делегатского съезда является обязательным для всех землячеств и федераций.

§ 22. Пассивным избирательным правом в Большой ИК пользуется всякий сионист, уплативший шекель по крайней мере непрерывно в течение 3-х лет. Председатели землячеств и федераций являются членами Большого ИК.

§ 23. Малый ИК по требованию 1/3 членов Большого ИК обязан созывать экстренное заседание Большого ИК.

§ 24. Для образования новой федерации требуется не менее трех тысяч шекеледателей. Федерации утверждаются лишь Малым ИК.

§ 29. Шекельный сбор для России установлен в 50 коп.

§ 37. Параграф 1 и последний статута могут быть изменены лишь тогда, когда на двух следующих один за другим обыкновенных конгрессах изменения приняты большинством в 3/4 явившихся на конгресс делегатов.

Е в р е й с к и й я з ы к¹ признается принципиально официальным языком сион. движения, его руководящих органов, конгрессов и съездов и постепенно проводится в жизнь. Национальный язык является для сионизма обязательным. Только в виду необходимости популяризации сионистской идеи организации предоставляется право наряду с евр. языком пользоваться и другими.

П а р т и й н ы й ф о н д

Конгресс постановляет привлечь, по возможности, всех сионистов к созданию партийного фонда посредством единовременного взноса не менее 2-х рублей.

Определенные трудности обнаружились при избрании нового Правления. Вольфсон утверждал, что Правление только в том случае будет работоспособным, если число его членов будет небольшим, а места их жительства не будут слишком удалены. Постоянная комиссия предложила избрать Правление из пяти человек, среди них Усышкина и Членова, в соответствии с требованием российских сионистов, постановивших это на своем Четвертом съезде. Вольфсон воспротивился, и тогда оба лидера российских сионистов сняли свои кандидатуры. По требованию Вольфсона Малый

¹ Иврит. — Прим. ред.

исполком (Правление) составили из трех лиц: его самого в качестве президента, Отто Варбурга (Берлин) как представителя "практиков" и Якобуса Кана (Гаага) — представителя "политиков". Позиция Вольфсона привела к напряженности между ним и российскими сионистами. Последние увидели в его сопротивлении введению в руководство Усышкина и Членова намерение по возможности затормозить осуществление резолюции по практической работе в Палестине. Это явилось причиной возникновения сильной оппозиции Вольфсону среди российских сионистов. И первые ее признаки отразились уже на результатах выборов руководства. Делегаты из России были уязвлены и разочарованы и потребовали отдельного голосования по каждой из трех кандидатур в Малый исполком. Вольфсона избрали в президенты 132 голосами против 59, Кана — 140 против 5, Отто Варбург был избран единогласно, при явной симпатии к нему всего конгресса. В заключительной речи Вольфсон заявил, что надеется заслужить на следующем конгрессе голоса и тех пятидесяти девяти, что на сей раз голосовали против него.

Решения о практической работе в Палестине, принятые Восьмым конгрессом, вскоре вошли в стадию выполнения. Еще летом 1907 года сионистское руководство в Кельне обратилось к д-ру Артуру Руппину с просьбой поехать в Палестину с целью изучения возможности для основания новых поселений. Возвратясь из своей поездки, Руппин представил Большому исполнительному комитету подробный доклад на заседании 6—7 января 1908 года. Руппин рекомендовал ряд практических мер в рамках разработанной им программы трудового поселения в Эрец-Исраэль. Ему предложили возглавить Палестинское бюро в Яффе, и он согласился. В апреле 1908 года он прибыл в Страну и приступил к своим обязанностям. Его заместителем стал д-р Яков Тон.

С прибытием Руппина в истории поселения в Стране открывается новая эпоха. Позднее Руппина называли "отцом трудового поселения".

4. Халуцим Второй алии

Когда говорят Вторая алия, имеют в виду поток олим, прибывших в Страну в 1904—1914 гг., до начала Первой мировой войны. Пионеры этой алии, как и Первой алии, начала 80-х гг. 19 века, прибыли из России. После погромов в Кишиневе и Гомеле (1903) и погромов во время революции (1905—1906) десятки тысяч евреев покинули Россию. Основной поток, как и прежде, устремился в Соединенные Штаты Америки, но тонкая струйка направилась в Эрец-Исраэль. Именно эти немногие открыли в сионизме новую эпоху, ознаменовав таким образом переход из области отвлеченных идей к непосредственному строительству страны, и тем самым привели к повороту в еврейской истории. Халуцим Второй алии заложили основы роста и развития рабочего движения в Эрец-Исраэль и трудового поселения.

Период Второй алии открыла гомельская группа, прибывшая в страну в январе 1904 года. Во главе этой группы (14 человек) стоял Иехезкель Ханкин, руководивший отрядом самообороны Поалей Цион во время гомельского погрома. Переселение гомельцев в Страну не было прямым следствием погромов. Еще в 1902 году они решили ехать в Эрец-Исраэль и начали к этому готовиться. Но когда распространилась весть о кишиневском погроме, они отложили отъезд ради организации самообороны, понимая, что после Кишинева наступит черед других городов. Погром в Гомеле, а также последующие аресты и суд над участниками самообороны, послужили последним толчком их намерению отправиться в Эрец-Исраэль. Иехезкелю Ханкину, раненному во время выступления против громил и поддерживавших их армии и полиции, а также его товарищам по борьбе, грозила тюрьма. Поэтому они тайно покинули Гомель, кочевали несколько месяцев из города в город, приехали в Киев и оттуда в Одессу. Одесский комитет достал им документы и помог отплыть на корабле в Палестину. О том, каким трудным

было это путешествие, рассказывает в своих воспоминаниях Сарра Ханкин, жена Иехезкеля, в книге о Второй алии. После гомельской группы из России прибыли и одиночки, в том числе люди, которые со временем оказали большое духовное и нравственное влияние на развитие всего трудового движения и еврейского поселения в Стране: Аарон Давид Гордон, Шломо Цемах, братья Элиезер и Исраэль Шохат (первый — один из основателей Хапоэль хацаир в Стране; второй — из членов Поалей Цион и основателей Хашомера).

В своем первом письме из Эрец-Исраэль (опубликованном в ноябрьском номере ежемесячника "Еврейская жизнь" за 1904 г.) А.Д.Гордон описывает положение в еврейском ишuve и сетует по поводу того, что работа делается чужими руками (арабами, а не евреями). А ведь национальное возрождение еврейского народа невозможно, если евреи не освоят труд, весь, — даже самый тяжелый. Еврейский народ добьется национального и нравственного права на Палестину не деньгами, а своим трудом. Существующее же положение вызывает у Гордона "обиду, стыд и боль", и он говорит, что если мы не испытываем чувства стыда, глядя, как каждый метр земли, достаемой нам с таким трудом, обрабатывается чужими руками, если мы не в состоянии чувствовать это, то, верно, очень еще далеки мы от подлинного национального возрождения. Мы провинились перед нашей родиной и обязаны найти искупление в самостоятельном труде, если мы хотим жить национальной жизнью. Лишь в труде залог нашего успеха; только наша воля к труду, только наша самоотверженность могут исправить дело, и нельзя это откладывать, иначе можно упустить неповторимые возможности; ведь, если верить преданию, задержи евреи свой исход из Египта на одно мгновение, они никогда бы оттуда не вышли. То был момент подъема всех сил, как это случается с человеком во время внезапной беды, когда, пытаясь спасти то, что возможно, он взваливает на себя груз, не чувствуя его тяжести. Потом,

когда беда миновала, он сам удивляется себе — откуда только силы взялись. Подобные минуты не повторяются, и нужно готовить себя к ним. ... Скажут, что это утопия, что это невероятно. Но не надо забывать, что "невероятен" весь сионизм. И не только сионизм, но и любое освободительное движение вначале кажется утопией. Если бы отцы наши во времена Хасмонеев строили планы на основе точного расчета, если бы они руководствовались исключительно реалистической политикой и здравым смыслом, то руки бы у них наверняка опустились, и еврейский народ оказался бы обреченным на уничтожение. Евреи, как правило, любят обвинять себя в крайностях, но горькая правда состоит в том, что наши идеалисты чересчур реалистичны и чересчур трезвы. И все наше движение во имя идеала пронизано этим духом рационализма. Что нам нужно — так это пламенная вера, могучее желание, способные подвинуть народ к самоотверженности. ... Нам надо помнить всегда, что в том, что касается нашего национального движения, все шансы и все цифры против нас, и здравый рассудок и трезвый подход — тоже против нас! Так что, если не хватит нам сил неуклонно идти по нашему пути вопреки всем цифрам и всем шансам, наперекор "здравому смыслу", то нам нечего себя обманывать, не стоит играть в идеализм, сионизм и национальное движение! Наш покойный великий вождь показывал нам пример, как действовать вопреки всему. Он трудился, невзирая на все цифры, вопреки всем шансам. Он твердо шел вперед до последнего вздоха — вот ему и удалось пробить изрядную брешь в стенах нашего гетто.

Свое письмо Гордон заключает призывом переселиться в Страну.

Возрождающемуся Сиону не нужны евреи вне Эрец-Исраэль. Только тех следует принимать с раскрытыми объятиями, кто готов работать, предан, способен все вынести и претерпеть. Это подлинный национальный труд, достойный называться сионизмом. Только он имеет право так называться.

Письмо Гордона не нашло отклика у сионистской молодежи. Может быть потому, что приведенные выше строки являлись частью опубликованной в журнале статьи, а не четко оформленным призывом, каким было, например, "Воззвание к еврейской молодежи, чье сердце принадлежит своему народу и Сиону", написанное Иосифом Виткиным и обращенное непосредственно по адресу. Оно было написано в 1904 году. Однако сегодня не менее актуально, чем тогда.

Иосиф Виткин был предшественником Второй алии. Он приехал в Страну вскоре после Первого конгресса, за 6—7 лет до гомельской группы. Он прибыл с намерением обрабатывать землю, но по состоянию здоровья не смог долго заниматься физическим трудом и занялся преподаванием иврита. Он работал учителем в Гедере, Ришон ле-Ционе, Месхе (Кфар-Табар) и с тоской и болью наблюдал упадок ишува. Виткин умер в 1912 году в возрасте 36 лет.

В своем воззвании он описывает положение в Стране и призывает еврейскую молодежь России поспешить на помощь ишуву ради будущего своего народа.

"Братья, силы наши слабы, а цель намного возвышеннее нас. Но именно поэтому нам нельзя сидеть, сложа руки, если мы хотим живой жизни; именно поэтому мы должны собрать все силы и отдаться нашей задаче с безудержной любовью, с безграничной самоотверженностью и бесконечным терпением! Не дай нам Бог обманывать себя и народ, козыряя его именем и говоря, что путь короток и легок. ... Мы должны смотреть в будущее без страха, даже если убедимся, что путь этот труден и чрезвычайно долог... мы должны следовать по этому пути, не оглядываясь назад. Нам следует, наконец, признать, что мосты за нами сожжены и нет у нас спасения и убежища, нет во всем мире!!! ... Для завоевания нашей страны мы должны отчаянно трудиться и бороться, как раненый зверь борется за свою жизнь!"

Далее он призывает еврейскую молодежь организоваться, приехать в Страну, поселиться на земле и стать

земледельцами. Воззвание завершается страстными словами: "Спешите, герои Израиля, возродите времена билуицев с мужеством и размахом, иначе еще немного, и мы погибнем!"

Хотя это воззвание появилось по собственной инициативе Виткина и было написано им одним, под воззванием стояла подпись "Группа молодежи из Эрец-Исраэль". Виткин отправил это воззвание в марте 1905 года Усышкину с просьбой содействовать его распространению среди еврейской молодежи. Усышкин так и поступил. И немало молодых людей откликнулись на этот искренний и непосредственный призыв Виткина и начали уезжать в Страну. Поток алии усилился с волной погромов, затопившей еврейское население в дни революции 1905 года и после ее поражения, В Палестину прибыли члены Цеирей Цион (Молодые сионисты), Поалей Цион, а также одиночки, состоявшие в русских революционных партиях, разочаровавшиеся в своем пути и пришедшие в отчаяние после поражения революции и начала разгула реакции и антисемитизма.

Пионеры Второй алии, прибывшие в Страну с заранее обдуманном намерением заниматься физическим трудом и жить его плодами, наталкивались на этом пути на многочисленные трудности. Им приходилось выдерживать конкуренцию с арабскими рабочими, местными уроженцами, привычными к тяжелой работе и климату страны. Поскольку арабские рабочие довольствовались малым и работали за гроши, еврейские фермеры предпочитали их рабочим-евреям, и новые олим, в большинстве случаев, оставались без работы и хлеба. Кроме того, фермеры с подозрительностью относились к молодежи, только что приехавшей из России, к их свободолобивым идеям и требованиям уважать их человеческое достоинство. Отношения между еврейскими фермерами и пионерами Второй алии обострились до такой степени, что комитет поселения в Петах-Тикве объявил еврейским рабочим бойкот (1906 г.) и не из-за трудовых конфликтов, а из-за религиозной нетер-

пимости старожилов. Тогда прозвучал лозунг: "Даешь Галиль!" — и десятки рабочих покинули Петах-Тикву (во всей стране тогда насчитывалось всего около 600 еврейских рабочих) и перешли в поселения Нижней Галилеи (Седжера, Месха), где установились более нормальные отношения между рабочими и фермерами.

Благодаря помощи и поддержке д-ра Руппина, главы Палестинского бюро в Яффе, в Нижней Галилее (включавшей и Иорданскую долину) возникла организация еврейских сельскохозяйственных рабочих и там же было положено начало трудовому поселению Дгания, "матери кибуцов" (Кинерет).

В то же время (1906 г.) в Стране организовались и рабочие парии: Поалей Цион и Хапозль хацаир. Ведущий лозунг членов Хапозль хацаир состоял в завоевании труда для еврейского рабочего. Члены Поалей Цион решили взять дело охраны еврейских хозяйств в еврейские руки (до тех пор охрану несли арабы). Группа участников самообороны из России, примыкавших к Поалей Цион, основала в 1907 году организацию по охране и обороне под названием Бар-Гиора (в честь вождя восстания против римлян в конце эпохи Второго храма), которая в 1909 году была переименована в Хашомер. В числе ее основателей, как уже говорилось, были Исраэль Шохат, Исраэль Гилад, Ицхак Бен-Цви, Александр Зайд, Иехезкель Ханкин, Мендель Португали, Берл Швейгер, Меир Хазанович, Цви Бекер, Иехезкель Нисанов. Хашомер вписал в историю Второй алии замечательную страницу: он стал тем ядром, из которого впоследствии развилась организация Хагана, поставившая, в свою очередь, кадры первым вооруженным силам Государства Израиль.

Целый ряд выдающихся людей из числа пионеров Второй алии, выходцев из России, оказали сильнейшее влияние — общественно-политическое, духовное и культурное — на свое поколение. Оно не прекратилось и позднее, когда после Первой мировой войны еврейский ишув разросся и увеличился. Это влияние просле-

живается и до наших дней. Вот некоторые из этих людей: Иосеф Ааронович, один из тех, кто заложил основы и сформировал политический облик партии Хапоэль хацаир, а также в течение многих лет был главным редактором печатного органа ("Хапоэль хацаир") этой партии; Иосеф Шпринцак, один из основателей Цеирей Цион в России и руководитель Хапоэль хацаир в Стране; из членов Поалей Цион — Давид Бен-Гурион, Яков Зерубавел, Рахель Янаит (Бен-Цви). И, кроме них, упоминавшиеся нами ранее: А.Д.Гордон, писатель Шломо Цемах, Ицхак Бен-Цви, братья Элизер и Израэль Шохат. И беспартийные, чей общественный и нравственный авторитет был чрезвычайно высок: Берл Кацнельсон, Ицхак Табенкин, Шмуэль Явнеэли. Писатели: И.Х.Бреннер, Зеэв Смилянский, Александр Зискинд-Рабинович, Яков Рабинович.

Наконец, основоположницы женского рабочего движения в Стране: Сарра Малкина, Хана Майзель, Рахель Кацнельсон-Шазар, Ада Фишман (Маймон).

Все они и многие другие, не названные здесь, внесли огромный вклад в формирование еврейского рабочего движения в Стране, в ее облик, в создание ее ценностей.

Глава шестнадцатая

ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДАВИДА ВОЛЬФСОНА

1. Поражение революции и усиление реакции в России

Реакционные порядки, возродившиеся в России после поражения революции 1905 года, сказались на отношении властей к сионистскому движению, которое и ранее существовало без легальной базы. Руководители движения, от случая к случаю, пытались легализовать сионистскую деятельность в каком-нибудь из

мест, где она велась, дабы создать тем самым законный прецедент. Такая попытка была предпринята в 1906 году минскими сионистами, которые обратились в Минское губернское присутствие с просьбой зарегистрировать местный сионистский союз в качестве легального общества. По их просьбе было вынесено положительное решение. Однако губернатор выступил против этого, и дело было передано в Сенат. В апреле 1907 года, примерно за четыре месяца до начала Восьмого сионистского конгресса в Гааге, Сенат постановил отменить решение о регистрации сионистского союза в Минске в качестве легального общества. В постановлении Сената говорилось:

”Правительствующий Сенат находит: 1) что, как видно из доставленных Министром Внутренних Дел сведений, проявления деятельности сионистских организаций обнаруживают стремление их к национальному обособлению еврейских масс с целью активной борьбы с существующими условиями правовой жизни еврейства и, следовательно, должны повести к обострению национальной вражды с коренным местным населением; 2) что посему всякие организации сионистов в сообщества должны быть признаны запрещенными, согласно точному смыслу ст. 6 Временных Правил. Признавая, в виду изложенного, решение большинства членов Минского Губернского по делам об обществах Присутствия о регистрации Минского Общества сионистов неправильным, Правительствующий Сенат определяет: таковое отменить”.

Это постановление Сената носило принципиальный характер и устанавливало прецедент на будущее для всех аналогичных случаев. На основании этого постановления Министерство внутренних дел разослало всем губернаторам секретный циркуляр (№ 48 от 21 декабря 1907 г.) с указанием не разрешать никаких сионистских организаций, а также принять меры к запрещению всякой деятельности Национального фонда. В сущности, циркуляр официально закрепил положение, существовавшее на деле уже ранее. Об этом сви-

детельствует письмо Центрального Комитета Сионистской организации в России от 6 декабря 1907 года (подписанное Л.Яффе и Б.Гольдбергом), которое было отправлено из Вильно президенту Давиду Вольфсону в Кельн. В письме говорилось, что в Польше, Сибири и в целом ряде крупных городов, как например Одесса, Киев, Харьков, Севастополь, Екатеринослав и др., нет никакой возможности вести сионистскую работу из-за мер властей, объясняемых объявленным незадолго до того чрезвычайным положением. Эти внешние условия привели к тому, что сионистская работа сократилась и даже само ее существование оказалось под вопросом, так как в силу своей природы она не могла успешно вестись в подполье.

2. После Восьмого конгресса. Приезд Вольфсона в Петербург

У сионистов России имелось полное основание быть довольными резолюциями Восьмого конгресса в Гааге, отразившими их позицию в отношении практической работы в Палестине и признавшими принцип "синтетического сионизма", иначе говоря, слияние усилий по поселенческой деятельности в Палестине с политическими действиями в Константинополе и столицах Европы. Эта оценка итогов конгресса была зафиксирована в циркуляре, направленном в октябре 1907 года уполномоченным по Московской губернии Членовым в губернское отделение Сионистской организации. В циркуляре с удовлетворением констатировалось, что данный подход (соединение практической работы в Эрец-Исраэль с деятельностью по достижению легальной базы для нее) разделяется большинством Сионистской организации в России, что наложило свой отпечаток на резолюции конгресса. В этих резолюциях конгресс четко и ясно подтвердил необходимость практической работы в Эрец-Исраэль, за которую российские сионисты боролись, начиная со Второго конгресса. Вместе с

тем, конгресс с той же определенностью признал необходимость добиваться законных основ для этой работы. Такова была исходная позиция конгресса, когда он приветствовал предложение об открытии филиала банка в Константинополе¹.

Относительно выполнения на практике резолюций конгресса Членов отмечает в циркуляре, что конгресс мог бы полностью удовлетворить российских сионистов, если бы они были уверены, что практические действия окажутся на уровне этой сложной, трудной и деликатной задачи. Опыт минувших двух лет вынуждает к осторожности. Вместе с тем Членов выражает уверенность в доброй воле нового Правления достойно выполнить свою ответственную миссию. Однако о том, насколько его деятельность будет успешной, можно судить лишь года через два. Так, с присущей ему осторожностью и сдержанностью, Членов выразил сомнение в способности Правления провести в жизнь резолюции Восьмого конгресса.

Между тем, условия сионистской работы в России чрезвычайно осложнились. В начале 1908 года были произведены многочисленные аресты деятелей и активистов движения, нарушившие сионистскую работу во всей империи. В силу этих политических и административных обстоятельств сократились доходы от распространения "шекелей". Вместе с тем, в отличие от революционных лет (1905—1906), в еврейском населении заметно окрепли сионистские настроения. Однако, из-за давления властей, использовать эти симпатии масс для усиления сионистской работы и распространения сионистских идей не было никакой возможности. Так-

¹ И действительно, через год в Константинополе открылось отделение Колониального банка во главе с Виктором Якобсоном, одним из наиболее крупных деятелей сионистского движения в России, бывшим до того представителем банка в Бейруте. На своем новом посту Якобсон фактически являлся неофициальным политическим представителем сионистского руководства в Константинополе.

же плохо обстояло дело и с организационной работой, ибо во многих местах собрания и сходки запрещались. Так описывали положение товарищи из России, участники совещания Большого исполкома совместно с членами Центрального Комитета в мае 1908 года.

В докладе Центрального Комитета на этом совещании подчеркивалось, что еврейские массы, интеллигенция и молодежь обнаруживают отчетливую склонность к сионистским идеям, однако, ввиду установившихся в России условий, эти настроения нельзя превратить в действенную силу. Общее безразличие к политическим вопросам, ныне имеющее место в России, сказывается и на еврейской публике. Из-за невозможности проводить собрания почти все пути для устной пропаганды закрыты. Единственное место, оставшееся для разговора о сионизме, — это синагога, но для работы там нет подходящих агитаторов. Остается печатная агитация, но еврейские массы, не знающие русский язык, нуждаются в газете на идиш. На Четвертом съезде сионистов России, состоявшемся в Гааге в дни Восьмого конгресса (август 1907 г.), было решено организовать выпуск ежедневной газеты на идиш, приостановив издание еженедельника "Дос идише фолк", но по материальным причинам это сделать не удалось, и поэтому возобновили выпуск еженедельника.

Положение евреев в России и проблемы российских сионистов побудили Вольфсона попытаться придти им на помощь. Считая себя "хранителем наследия Герцля", Вольфсон старался во всем подражать своему учителю и вождю. И подобно тому, как Герцль посетил министра внутренних дел Плеве после кишиневского погрома, так и Вольфсон решил добиться аудиенции у премьер-министра Столыпина. Эти его усилия увенчались успехом, ему было передано приглашение от имени главы русского правительства.

В начале июля 1908 года Вольфсон прибыл в Петербург в сопровождении Нахума Соколова, генерального секретаря сионистского Правления. Об отношении реакционных кругов России к сионизму свидетельствует

передовая статья, опубликованная в черносотенной газете "Русское знамя" (№ 153) по случаю приезда Вольфсона. Газета представила своим читателям "этих сионистов-социалистов", "этих сионистских рабочих", напомнила о "Гельсингфорсской программе", направленной на изменение строя в России, о еврейской самообороне, которую организовали сионисты, и т. д. Автор призывал читателей не быть "столь наивными", чтобы поверить сионистам, т. к. их (сионистов) задача совершенно ясна. Надлежит видеть в каждой сионистской организации в России еврейскую революционную шайку, плетущую новый заговор против государства российского и русского народа.

Учитывая открытую привязанность царя Николая к "Союзу русского народа", чьим печатным органом являлась вышеупомянутая газета, есть основания полагать, что эта статья отражала позиции престола по отношению к сионизму. И действительно, в своей беседе с Вольфсоном Столыпин повторил то же самое, что пять лет тому назад сказал Герцлю Плеве, причем и в том и в другом случае, — с одобрения Николая: правительство не возражает против сионистской деятельности, пока она направлена на создание национального очага для евреев в Палестине; однако оно не может допустить никакой политической работы сионистов, выходящей за рамки действий в пользу Палестины. Та же позиция была занята Сенатом в 1907 году, когда он отменил решение о регистрации сионистского союза в Минске в качестве легального общества. Что касается ходатайств Вольфсона по поводу положения евреев в России, Столыпин пообещал, как в свое время Плеве пообещал Герцлю, содействовать облегчению этого положения, но, как и тогда, все эти обещания оказались только пустыми словами. В тот же день Вольфсон был принят для продолжительной беседы и министром иностранных дел А.П.Извольским, который на следующий день даже нанес гостю ответный визит. Кроме того, Вольфсон встретился с помощником Столыпина по внутренним делам Макаровым, ведавшим полицией.

Как в свое время Герцль, Вольфсон на обратном пути задержался в Вильно для встречи с местными представителями еврейской общественности. По-видимому, в силу своего отношения к покойному вождю, Вольфсон старался повторить визит Герцля в Россию во всех подробностях. На сей раз русское правительство проявило больше ума, чем во время поездки Герцля в Вильно, когда полиция и казаки с дикой жестокостью напали на толпу, собравшуюся на вокзале проводить его. На этот раз правительственной телеграммой из Петербурга было приказано виленской полиции не мешать сионистам собираться по случаю приезда президента Всемирной сионистской организации Давида Вольфсона. Его визит в Вильно прошел спокойно, без инцидентов.

Как Герцль пять лет тому назад, Вольфсон (в сопровождении Соколова) был принят в здании еврейской общины в Вильно. От имени общины и особенно от сионистски настроенных евреев президента сионистов приветствовал д-р И.Л.Кантор. Он говорил о сионизме, его национальном значении для еврейского народа. Отвечая на приветствия, Вольфсон сказал, что предвидит время, когда сионистом станет каждый еврей. Вечером того же дня в честь гостей был организован многолюдный ужин. В нем участвовало около 150 человек: члены Центрального Комитета российских сионистов, члены Большого исполнительного комитета, деятели и активисты движения, делегация сионистских отделений разных городов и другие приглашенные.

Банкет открыл от имени Центрального Комитета Б.Гольдберг, сказавший в своем приветствии, что нет особой нужды пробуждать в евреях России национальное сознание — оно существует. Еврейские массы в России испытывают к сионизму самые горячие симпатии, но существующие внешние условия мешают работе движения. Пять лет тому назад здесь, проездом из Петербурга, побывал д-р Герцль. Было это после кишиневского погрома, и среди евреев царили уныние и подавленность. Выступление вождя сионизма явилось

тогда крупным событием в России и вдохнуло новые силы в движение. Теперь в еврейской среде в России снова царит подавленность, на сей раз после кровавых погромов революции. Публика стала равнодушной и безразличной ко всякому общественному движению. Все это и вдобавок запрет на собрания и сионистскую пропаганду омрачили положение. Согласно талмудической поговорке, узник не в состоянии сам себя вызвать из тюрьмы. Поэтому столь важен визит президента. Российские сионисты не могут изменить положение собственными силами, и этот визит служит им ободрением. Российские сионисты благодарят Вольфсона. В лице д-ра Герцля сионисты России чтили великого европейца, вернувшегося к еврейству. В лице г-на Вольфсона они видят одного из своих, жившего среди них в свое время, и надеются, что душой он всегда с ними. Вольфсона приветствовали также представители сионистов из разных городов.

Отвечая на приветствия, Вольфсон заметил, что не следует преувеличивать значение его приезда в Россию, ибо помощь невелика. Говоря о путях движения, он сказал: "Мы не только "практические сионисты" и не только "политические сионисты". Мы в равной степени и "практические" и "политические" сионисты. Хибат Цион и сионизм, как душа и тело, не могут существовать врозь. Не хочу льстить, но я всегда говорил, что лучшие сионисты — российские. Я повторял это нашим братьям в Англии, Германии и Австрии. И когда я говорил это за границей, то и тогда моими слушателями были ... евреи из России. (Смех.) Я сам родился в России, и любовь к моим братьям не угасает в моем сердце". Вольфсон заключил речь призывом продолжать дело в любых условиях, памятуя, что к сионистской программе нам нечего ни прибавить, ни отнять. Участники банкета встретили слова Вольфсона шумными овациями.

Вместе с тем, из торжественной встречи, устроенной российскими сионистами Вольфсону, еще не следует, что они были довольны его руководством. Одно дело

законы гостеприимства, другое — оппозиция его политике. Большинство деятелей движения в России считали, что он не подходит для столь высокой должности, невзирая на свое постоянное старание во всем походить на Герцля. Весьма возможно, что именно эти усилия, рассматривавшиеся многими как подражательство, лишенное того величия, которым обладал Герцль, подогревали оппозицию Вольфсону. Он, однако, боролся с нею изо всех сил и не всегда безуспешно, так как большинство западных сионистов поддерживали его.

Тем временем свершилось событие мирового политического значения, которое совершенно очевидно должно было повлечь за собой разительные перемены и на политическом фронте сионизма: в июле 1908 года в Турции произошел переворот, совершенный организацией, члены которой называли себя "младотурками". Их поддержала армия. Во главе движения стояли европейски образованные люди, стремившиеся к проведению в Турции кардинальных реформ и превращению ее в современное государство. Народы, населявшие пространства Оттоманской империи (арабы, армяне, греки и др.), возлагали на новый режим большие надежды, ожидая, что он предоставит им автономные национальные права. Воспряло духом и сионистское движение. Все верили, что революция в Турции открывает перед сионизмом новые горизонты. Среди российских сионистов и в Палестине раздавались даже голоса о необходимости изменить Базельскую программу и ясно заявить, что сионизм стремится основать национальный очаг для еврейского народа в Палестине с разрешения оттоманского конституционного правительства и под его покровительством. В циркуляре, разосланном филиалам в августе 1908 года, Центральный Комитет Сионистской организации в России сделал особый упор на значении совершенного младотурками переворота для сионизма. В циркуляре говорилось: для сионистского движения, являющегося исторической необходимостью, ... политическая революция в Турции означает не только избавление от больших и многочис-

ленных препятствий, но и заметный шаг вперед на пути осуществления наших основных задач; и такая ситуация должна быть использована полностью.

И действительно, поначалу казалось, что переворот в Турции создал более благоприятные условия для сионизма. Пробудились национальные чувства и у евреев в Османской империи. Основаны были сионистские организации, еврейские спортивные союзы, четыре еврея оказались избранными в новое законодательное собрание (от городов Константинополя, Салоник, Смирны и Багдада). Такое положение, однако, длилось недолго. Вскоре выявился подлинный облик нового режима — централистский, шовинистский и, в качестве такового, разумеется, антисионистский. И тогда во внутренней жизни еврейства Турции снова взяли верх ассимиляторы и противники национального начала. Спустя два года после переворота уже не осталось никаких иллюзий по поводу новой власти в Турции.

3. Пятый съезд сионистов России

В октябре 1909 года Центральный Комитет Сионистской организации в России опубликовал циркуляр о Пятом съезде российских сионистов, который решено было созвать в Гамбурге 23—24 декабря, в преддверии Девятого конгресса, открывавшегося 26 декабря. Согласно организационному уставу Сионистской организации в России, съезды должны были проводиться ежегодно, но из-за внутреннего политического положения в России и трудных условий для сионистской деятельности это требование устава не было выполнено. Четвертый съезд состоялся в Гааге во время Восьмого конгресса, два с половиной года тому назад. На сей раз Центральный Комитет решил отделить обсуждение вопросов из повестки дня предстоящего конгресса от вопросов, касающихся сионистской работы в России. Пятый съезд займется лишь последними, в то время как вопросы, которые внесены в программу конгрес-

са, обсудит предварительное совещание делегатов из России. Такое разделение было необходимо не только по соображениям продуктивности обсуждения, но и ввиду различия конечных целей съезда сионистов России и предварительного совещания российских делегатов конгресса. Решения съезда обязательны для всех членов Сионистской организации в России, итоги же совещаний не являются обязательными для всех делегатов, поскольку цель совещаний — лишь разбор вынесенных на конгресс вопросов и констатация отношения к ним большинства российских делегатов. Из-за упомянутых трудных условий сионистской работы специальных выборов на съезд на сей раз не было: постановили, что те, кто будет избран в качестве делегатов конгресса, будут и делегатами съезда¹.

Циркуляр напомнил участникам движения о том, как важно увеличить на конгрессе представительство российского сионизма, с тем чтобы подчеркнуть силу движения, а также его стремление использовать сложившиеся ныне в Турции благоприятные обстоятельства.

Съезд открылся 23 декабря в присутствии 120 делегатов, многочисленных гостей и представителей печати. Открыл съезд Б.Гольдберг. Свою вступительную речь от имени Центрального Комитета прочитал Лев Яффе, который заявил, что после поражения революции реакция завладела всеми сферами жизни, и существование евреев в России, и без того тяжелое, стало еще более невыносимым из-за усилившихся преследований и огра-

¹ После того как Мизрахи и Поалей Цион организовались в независимые федерации, их члены уже не входили в Сионистскую организацию в России. Эти федерации установили со всемирным сионистским руководством прямую связь. Что касается Цейрей Цион, то они сохранили свое членство в Российской сионистской организации. Российская партия Поалей Цион зашла еще дальше в своем изоляционизме, постановив в сентябре 1909 года выйти из Всемирной сионистской организации, и в конгрессе не участвовала.

ничений. Разгром освободительного движения сказался на еврейском населении самым жестоким образом. Вместо шумной общественной борьбы в среде еврейства России установилась мертвая тишина. С арены еврейской жизни точно ветром сдуло все бесчисленные партии и группки, которые еще недавно старались перекричать друг друга в претензии руководить еврейством. Общий спад не обошел и сионистское движение, хотя в последнее время в среде еврейской молодежи и еврейской интеллигенции наметились признаки попыток самоанализа, тяготения к еврейству и интереса к национальным проблемам. Переворот "младотурков" привел к некоторому оживлению в сионистском движении, но уже вскоре проступает разочарование в преувеличенных надеждах, возлагавшихся на этот переворот.

После того как Восьмой конгресс в Гааге постановил считать язык иврит официальным языком сионистского движения, Правление (Малый исполком) начало с августа 1907 года издавать в Кельне еженедельник "Хаолам" ("Мир"). Четвертый съезд российских сионистов в Гааге также постановил выпускать еженедельник на иврите. Однако, по соглашению с Малым исполкомом, во избежание дублирования решено было перенести издание "Хаолам" в Вильно в качестве совместного печатного органа Всемирного сионистского правления и Центрального Комитета Сионистской организации России, что и было сделано в декабре 1908 года.

В последнее время наметился возврат в ряды сионистского движения той части молодежи, которая в дни "манифеста" и "конституции" примкнула было к русским революционным партиям. Теперь пролетарская молодежь проявляет заметный интерес к организации Хапозль хацаир в Эрец-Исраэль и к ее одноименному печатному органу. В противовес этому, фракция Мизрахи, как уже было сказано, окончательно отделилась от Сионистской организации в России и провела отдельные выборы своих делегатов в конгресс.

Д-р Членов, который с начала 1908 года взял на себя руководство делами Национального фонда в России, доложил о деятельности фонда и отметил, что за последний год его доходы достигли суммы 70 тысяч рублей — увеличение на 90% по сравнению с предыдущим годом. Это сообщение было встречено овацией. В прениях по этому пункту все выступавшие указывали на большие заслуги и самоотверженную и отличную работу Членова, и было решено занести его имя и имена его помощников на страницы "Золотой книги" Керен Каемер ле-Израэль.

О "гегенвартсарбейт"¹ в диаспоре докладывал Гринбаум. Он начал на иврите и хотел перейти на идиш, поскольку иврит понимали немногие из делегатов. Однако Иосиф Клаузнер резко запротестовал против доклада на идиш (на "жаргоне", как он выразился) и потребовал от докладчика говорить либо на иврите, либо по-русски (протестуя против идиш, Клаузнер говорил по-русски). Лев Яффе от имени Центрального Комитета осудил подобное отношение к языку шести миллионов евреев и подчеркнул, что в соответствии с гельсингфорскими резолюциями сионистское движение в России считает равноправными оба языка, делая при этом акцент на иврит как на национальный язык. В итоге было решено (по предложению Усышкина), что Гринбаум выступит на иврите, а тезисы его речи будут переведены на идиш и русский. Гринбаум отказался подчиниться этому решению, и тезисы его выступления были зачитаны другим делегатом и переведены, согласно принятому решению. Этот инцидент внес в прения съезда диссонирующую ноту.

В числе прочего было решено, что редакторы "Хаолам" и "Рассвета" должны избираться съездом. Редактором еженедельника "Хаолам" был избран А. Друянов, а исполняющим обязанности редактора (на случай его

¹ Текущая работа, "текучка".

болезни или других обстоятельств) — И.Гринбаум. Редактором "Рассвета" стал Авраам Идельсон. Оба редактора кооптируются также в члены Центрального Комитета Сионистской организации в России. В Центральный Комитет, кроме того, постановили ввести и одного представителя польских сионистов.

Заключительное заседание съезда отложили до окончания конгресса, и оно состоялось 31 декабря.

4. Девятый конгресс

Девятый конгресс проходил в Гамбурге с 26 по 30 декабря 1909 года. Сионисты России отнеслись отрицательно к выбору места и времени проведения конгресса; по их мнению, зимние месяцы не подходили для съезда такого масштаба, а место (Гамбург) было слишком удалено от еврейских центров. Тем не менее конгресс собрал многочисленных участников: 420 делегатов, 120 представителей печати почти из всех стран, а также 3000 гостей. Вступительную речь произнес президент Вольфсон. Он отметил, что это первый сионистский конгресс, который проводится на немецкой земле; он подчеркнул также, что конгресс собрался после установления нового строя в Турции, приветствовал вступление Турции в семью конституционных держав и с удовлетворением констатировал присутствие делегатов из Турции, прежде лишенных возможности участвовать в сионистских конгрессах из-за позиции старого режима. Президент также сказал, что сионизм в своих устремлениях сохраняет по отношению к Турции лояльность и что Базельская программа продолжает оставаться незыблемой основой сионистского движения как в политическом плане, так и в проведении необходимой и планомерной практической работы в Палестине.

Нордау в своей традиционной политической речи говорил по поводу нового политического положения, создавшегося после смены власти в Турции. Вместе с

тем он подчеркнул неизменность Базельской программы, невзирая на все политические перемены. Нордау сказал: мы готовы отправиться в Турцию, дабы стать палестинскими евреями, но не для того, чтобы ассимилироваться где-нибудь в Македонии или в Малой Азии. Если бы мы хотели ассимилироваться, это можно было бы сделать и поближе и подешевле... Если новая Турция даст нам возможность осуществить нашу национальную мечту, мы будем это пламенно приветствовать как поворот в истории еврейского народа. Не даст — будем вынуждены, к нашему прискорбию, ждать. Верно, что долго дожидаться — горько, но зато не постыдно; а вот колебаться и утрачивать веру — это позор! Приветствуя свободу турецкого народа, мы его не отождествляем ни с одной из турецких политических партий.

По предложению д-ра Вейцмана, председателя Постоянной комиссии, был избран президиум в следующем составе: М.Нордау — президент конгресса; его заместители — д-р Боденхеймер (Германия), А.Штанд (Австрия), и от сионистов России — Е.Членов и М.Усышкин.

От имени Правления делегатам был роздан письменный отчет, дополненный устными объяснениями генерального секретаря Соколова. В общих прениях резко критиковали деятельность Вольфсона на посту руководителя Всемирной сионистской организации. Большинство делегатов из России, Австрии и Палестины выступили против его руководства, в то время как большинство западных делегатов поддержали Вольфсона. Члены оппозиции утверждали, что руководство Вольфсона лишено политического размаха, а его идеи и подход к делам диктуются "коммерческими" соображениями и расчетами. Особенно резко выступил Пасманик, вышедший за рамки деловой критики и обрушившийся на Вольфсона с личными нападка. Он также заявил, что поездка Президента в Петербург принесла больше вреда, чем пользы. Руководство, сказал Пасманик, далеко от масс еврейского народа как географически, так и духовно, и ему чужды запросы и нужды этих

масс. В конце оратор предложил вынести вотум недоверия Вольфсону. В то же время он с похвалой отозвался о члене Правления профессоре Варбурге, возглавлявшем Палестинский отдел. Хотя Пасманик и заявил, что выражает мнение всех "недовольных", большинство российских сионистов не одобрили формы его выступления. Об этом после конгресса писал в "Рассвете" Александр Гольдштейн.

Такая форма критики глубоко задела Вольфсона, и когда он взял слово для ответа выступавшим, то заговорил с горечью и обидой. Он сказал, в частности, что не допустит растрачивания наследия Герцля, анархии и произвола. Его руководство вновь навело порядок в движении, создало деловую атмосферу и этим выполнило свой долг. И не надо превращать эту распря в счеты между евреями Восточной Европы и западными евреями. "Я до сих пор чувствую себя совершенно русским евреем".

Ответ Вольфсона произвел сильное впечатление на конгресс.

Затем перешли к обсуждению вопросов, стоявших на повестке дня. Ораторы подчеркивали значение политических событий в Турции, побудивших даже противников практической работы в Палестине пересмотреть свою точку зрения. Так, например, Моцкин (один из немногих российских сионистов, противившихся практической работе в Палестине без достаточных правовых гарантий) сказал, что большое событие, свершившееся в Турции в период между Восьмым и Девятым конгрессами, несомненно повлекло за собой перемену в умонастроении разных сионистских кругов, перестройку в их взглядах на работу в Палестине. "Я прямо заявляю, — сказал Моцкин, — что и на меня, человека, который с самого начала движения стоял и стоит на базе политического сионизма, эти события произвели сильное впечатление. Но вместе с тем следует распознавать и опасность, связанную с этими переменами". Далее Моцкин предостерег от пренебрежения полити-

ческой задачей сионизма как центральной при воспитании в народе национально-политического сознания.

Сенсацию на конгрессе произвело возвращение д-ра Нахмана Сыркина, лидера сионистов-социалистов, покинувшего Сионистскую организацию на Седьмом конгрессе во время ухода территориалистов. Он эмигрировал в Америку, обосновался в Нью-Йорке и там работал со своими сподвижниками в пользу "социалистического территориализма". Незадолго до Девятого конгресса (Чикагская конференция — 1909 г.) все три существовавшие в Америке еврейские национальные течения социалистического толка — Поалей Цион, социалисты-территориалисты и так называемые "сеймисты" (сторонники автономии) — объединились на базе социализма и палестинского сионизма в одну партию под названием Поалей Цион. На Второй всемирной конференции Поалей Цион, собравшейся в Кракове накануне Девятого конгресса, Сыркин представлял уже объединенную партию из Америки и спорил с российскими членами Поалей Цион, которые незадолго до этого решили выйти из Сионистской организации и более не участвовать в конгрессах. Сыркин был и среди самых пылких сторонников кооперативного поселения в Эрец-Исраэль в соответствии с доктриной Оппенгеймера, в то время как Поалей Цион России отрицали эту доктрину как противоречащую линии классовой борьбы.

На пленарном заседании конгресса Сыркин попросил слова для объяснения своего возвращения в Сионистскую организацию и сказал: "Территориализм оказался миражем, потому что в жизни еврейского народа иррациональные факторы сильнее партийных программ. Поэтому и пришлось похоронить великую мечту территориализма. Кроме того, турецкая революция создала почву для сближения территориализма с сионизмом, поскольку Эрец-Исраэль стала достижимой "территорией". Таким образом, пришло время объединению территориализма с сионизмом. И инициатива исходит теперь от социалистов-территориалистов". Да-

лее Сыркин подчеркнул значение участия рабочих масс в сионистском движении. С их помощью конгресс станет представителем организованной еврейской нации. Сыркин так закончил свое выступление: "С той же самой трибуны, откуда на Седьмом конгрессе я объявил о расколе сионизма, ныне я выступаю за его объединение. С этой трибуны я обращаюсь с призывом к своим товарищам, еврейским социалистам, и в особенности к большому еврейскому патриоту Израэлю Зангвиллю, сплотиться вокруг Сионистской организации ради решения еврейского вопроса". Конгресс сопровождал драматическую речь Сыркина бурными аплодисментами¹.

Как и на предыдущем конгрессе, выступили представители палестинских еврейских рабочих: Иосеф Аронович из Хапозль хацаир, Ицхак Бен-Цви из Поалей Цион. Третьей была Рахель Янаит. Она не была избрана на конгресс непосредственно в Эрец-Исраэль, а поехала вместе с Бен-Цви на Вторую всемирную конференцию Поалей Цион, где товарищи из Америки вручили ей мандат на Девятый конгресс. На судне, отплывшем из Эрец-Исраэль в Европу, ехали вместе все три представителя рабочих: Бен-Цви пригласил Ароновича принять участие в конференции Поалей Цион на правах гостя, и последний принял это приглашение.

На всемирной конференции Поалей Цион выявился разрыв между российскими представителями партии и основателями Поалей Цион в Эрец-Исраэль, также выходцами из России, — пионерами Второй алии. На своем совещании, состоявшемся в сентябре 1909 года в Вене, "русские" постановили порвать все связи с Всемирной сионистской организацией и не участвовать более в сионистских конгрессах, так как считали, что сотрудничество с буржуазией находится в противоре-

¹ Как известно, призыву Сыркина не последовали ни его товарищи — социалисты-территориалисты в России, ни Зангвиль в Англии.

чий с учением Маркса. По тем же самым причинам они противились кооперативному поселению по системе Оппенхеймера в Палестине, рассматривая эту систему как отход от линии классовой борьбы. Товарищи из Эрец-Исраэль, однако, не поддерживали их и резко критиковали за уход из Сионистской организации и конгресса. Ицхак Бен-Цви перед конференцией опубликовал статью с критикой их поведения. Под влиянием Поалей Цион из Австрии (среди которых работал Шломо Капланский, уроженец Белостока), Америки (во главе с Нахманом Сыркиным) и Эрец-Исраэль всемирная конференция Поалей Цион постановила активно поддержать на конгрессе доктрину Оппенхеймера, что представители партии и выполнили весьма успешно. Конгресс принял положительную резолюцию по этому вопросу. Национальному фонду было поручено выделить требуемые земельные участки и начать сбор средств для создания кооперативного поселения. О положительном отношении делегатов к этому решению говорит тот факт, что уже в дни конгресса для этой цели было собрано 48 тысяч марок.

Трое представителей палестинских рабочих — Иосеф Аронович, Рахель Янаит и Ицхак Бен-Цви рассказали с трибуны конгресса о тяжелом положении трудящихся Палестины, об отсутствии минимальных жилищных условий, гигиены и т. п.; они возмущались тем, что даже сионистские учреждения отвернулись от еврейского рабочего и его нужд. К примеру, на строительстве домов Национальный фонд использует, в основном, арабских рабочих, а число еврейских рабочих не превышает 10%. Рахель Янаит¹ заявила, что еврейские рабочие представляют не только собственные, спе-

¹ Рахель Янаит выступала на конгрессе под фамилией Гольдин, под которой она проживала в России во времена подпольной работы. Документ с этой фамилией у нее сохранился и в Палестине, и в соответствии с ним ей был выдан паспорт для поездки в Европу.

цифические интересы, но также интересы, общие для всего еврейского народа. Они не только трудятся, но и обороняют колонии от нападения.

Бен-Цви остановился на нетерпимых условиях, в которых находятся еврейские рабочие ишува, и потребовал, чтобы конгресс сказал свое слово по поводу судьбы рабочего, выполняющего национальную миссию первостепенной важности.

Наиболее трудным пунктом повестки дня были выборы нового Правления и президента. На Восьмом конгрессе президентом Всемирной сионистской организации был избран Вольфсон, но против него голосовали 59 делегатов. Вольфсон тогда сказал, что постарается к Девятому конгрессу заслужить доверие и тех делегатов, что голосовали против него. Однако этого не произошло. На сей раз в оппозиции к Вольфсону была почти почти половина делегатов конгресса, ибо многие были против местонахождения Правления в Кельне (городе, где жил Вольфсон). В Постоянной же комиссии против Вольфсона было абсолютное большинство. Председатель этой комиссии Вейцман предложил изменить порядок выборов президента Всемирной сионистской организации: избирать его не на конгрессе (как это было принято раньше), а на заседании Правления из его же состава. Выбранное лицо становится председателем Правления и одновременно президентом Всемирной сионистской организации. Если бы это предложение прошло, то Постоянная комиссия, руководимая Вейцманом, постаралась бы провести в Правление противников Вольфсона. Тогда последнему президентом не бывать. Однако большинством голосов (148 против 128) конгресс предложение Вейцмана отклонил. Позднее, после дополнительных переговоров, большинство склонилось в пользу отвергнутого ранее предложения (даже сам Вольфсон выступил за него). Тем не менее, оппозиционеры не добились желаемого результата (переизбрания Вольфсона), т. к. никакого переизбрания вообще не было. Рекомендованные в Правление сионисты Германии (от сионистов России

были предложены Усышкин, Соколов и Членов) выступили против перенесения местопребывания Правления из Кельна в Берлин. И несогласие в этом вопросе привело к тому, что решено было не проводить никаких перевыборов, изменений и перемещений до следующего конгресса.

Атмосфера сгустилась еще до выборов. Западные делегаты выдвинули проект резолюции с выражением благодарности и доверия президенту и Малому исполнительному комитету; в противовес этому Темкин, от имени российских делегатов, представил проект резолюции с одобрением президенту и Малому исполкому за "правильное ведение административно-финансовых дел движения". Вольфсон немедленно заявил, что проект российских делегатов не что иное, как выражение недоверия Правлению во всех областях его деятельности, за исключением административно-финансовой. За первый проект резолюции, выражающий полное доверие, проголосовало подавляющее большинство конгресса, в том числе и многие делегаты из России. После этого Темкин свое предложение снял, и оно не было поставлено на голосование.

Девятый конгресс произвел на его участников удручающее впечатление. Вольфсон сохранил свое кресло, в то время как почти половина конгресса была против него. Подобное положение было невыносимым для движения и его президента в равной степени.

На следующий день после закрытия конгресса собрался на свое заключительное заседание Пятый съезд российских сионистов. Б.Гольдберг сказал: "Мы вышли из зала конгресса побежденными, но и в поражении надо уметь держаться с достоинством. Дела не столь печальны, как это кажется на первый взгляд. На Восьмом конгрессе российские делегаты были до того слабы, что вынуждены были подчиняться любому диктату западных сионистов; зато здесь, в Гамбурге, "русские" представляли собой настолько сплоченную силу, что уже нельзя было провести ничего наперекор их мнению. Одна из главных причин слабости сионистско-

го движения состоит в том, что руководство таким большим народным движением, как сионизм, выше сил одного человека, и российские сионисты стремятся заменить одиночную волю президента волей коллегиального органа. На сей раз это не удалось, потому что российские сионисты еще были недостаточно сильны". В заключение Гольдберг выразил уверенность, что на Десятом конгрессе это осуществится.

Вслед за ним выступил Членов: "Мы покинули конгресс, — сказал он, — подавленные и оглушенные. Вспомним, однако, что после Шестого конгресса пришел черед Седьмого, который поставил все на свое место, — все, что предыдущий конгресс пытался разрушить. На этом же конгрессе ничто, в сущности, не угрожало нашим принципам. Основы движения непоколебимы теперь и на Востоке, и на Западе. Конечно горько, что продвигаемся мы медленно и работа не делается так, как мы этого хотели; но для подавленности и депрессии нет оснований. Десятому конгрессу придется исправить то, что испортил Девятый. Почему мы не добились того, чего желали? Может быть, наши взгляды и требования неверны? Отнюдь! Если мы и просчитались, то только тактически, из-за недостаточной организованности. Наши требования вытекали исключительно из нужд движения, а не из какой-либо жажды власти. И в таких обстоятельствах иногда предпочтительнее оказаться в роли побежденных, нежели победить. Уходишь с более чистым сердцем. Запомним, что Десятый конгресс близок и что нам нужно организовать так, чтобы мы были не только правы, но и сильны".

После Девятого конгресса борьба между оппозицией и руководством продолжалась, поскольку не была устранена причина разногласий.

5. Примирие на Ежегодной конференции

Как уже упоминалось, в Константинополе открылся филиал Колониального банка, возглавляемый Викто-

ром Якобсоном, который делал многое, чтобы привлечь симпатии общественного мнения в Турции на сторону сионизма. Он стал компаньоном издателя ежедневной газеты на французском языке, которая начала пропагандистскую кампанию в пользу предоставления широкой национальной автономии всем народам Османской империи. Новое правительство недоброжелательно отнеслось к направлению этой газеты и при каждом удобном случае отыгрывалось на ней. Однако Якобсон умело использовал существующие законы и продолжал выпускать газету, делая это мужественно, умно и талантливо. Одновременно, под его влиянием, в Турции возникла и сионистская печать, ставившая своей задачей распространение сионистских идей среди местного еврейства. В помощь Якобсону в Константинополь были посланы Жаботинский и Усышкин, проработавшие вместе с ним некоторое время. Однако противник был сильнее, и их деятельность не увенчалась успехом. Надежды, возлагаемые на новый режим в Турции, скоро развеялись. Положение стало окончательно ясным в 1910 году, когда вожди младотурок объявили с трибуны законодательного собрания, что не допустят сосредоточения евреев в Палестине.

Между тем, внутренняя борьба в сионистском движении продолжалась. Отношения между оппозицией и Правлением становились все более напряженными. Особенно резко выступали против Вольфсона российские сионисты, и только малое их число поддерживало Правление и его линию. Н.Соколов, занимавший пост генерального секретаря Правления, уже не считал более возможным продолжать работу под руководством Вольфсона. Он подал в отставку и возвратился из Кельна в Варшаву.

В январе 1910 года Центральный Комитет Сионистской организации России направил своим отделениям циркуляр, где подвел итог прениям и резолюциям Девятого конгресса в Гамбурге. В циркуляре, в частности, содержались отдельные отрывки из речи Нордау на конгрессе и отмечалось, что Нордау впервые при-

знал, что идея "чартера" более не является фундаментом сионистской политики и сохраняет лишь историческую ценность. Поступившись "чартером", Нордау как бы освятил путь сионизма, принятый и сформулированный российскими сионистами на Гельсингфорсском съезде. Тем самым было снято препятствие на пути развития сионистской мысли. Отныне нет более принципиальной разницы в подходе к политическому сионизму между российскими и западными сионистами. Перемена эта проявилась и во время дискуссии на конгрессе по поводу практической работы в Эрец-Исраэль. Теперь уже не было принципиальных разногласий.

Мнения разделились только по вопросу о деталях этой работы, способах ее осуществления и о темпе развития ее различных направлений. Тем самым проблема практической работы в Эрец-Исраэль вышла за рамки принципиальной дискуссии и вступила в область практических, осязаемых дел. Центральный Комитет считает это большим достижением российских сионистов. Что касается критики, которой оппозиция подвергла линию руководства Вольфсона, то не следует воспринимать ее как личный выпад против президента: это лишь выражение недовольства централизацией всей деятельности в руках одного человека, не обладающего к тому же духовным аристократизмом Герцля и его политическим воображением. Основным требованием было — основать "коллегиальное руководство". Но на заявление оппозиции, что движение утратило свой высокий духовный накал, Вольфсон почти не реагировал, отделавшись ироническими замечаниями в адрес "фантазеров" и всячески подчеркивая свой коммерческий опыт, который помог ему в его деятельности и позволил навести порядок в канцелярской работе и финансовых делах руководства. Он особенно отмечал то обстоятельство, что впервые Правление предстает перед конгрессом без материальной задолженности. Так Вольфсон невольно подтвердил слова оппозиции, утверждавшей, что нельзя руководить таким движением,

как сионизм, с помощью одних только "коммерческих расчетов".

Циркуляр отмечал, что было ошибкой снять с повестки дня предложение российских делегатов о востановлении ограниченного доверия президенту (только в части его административно-финансовой деятельности), потому что из-за этого не удалось подсчитать голоса противников. На сегодня Центральный Комитет не отказывается от взглядов и требований, выраженных российскими сионистами на конгрессе. Тем не менее ЦК решил не заниматься теперь вопросом руководства, а отложить его до начала избирательной кампании на Десятый конгресс, дабы не мешать созидательной работе.

Однако Центральному Комитету не удалось овладеть ходом событий, и положение в движении стало опасным. Дух разногласий проник в отделения, и требовалось принять срочные и энергичные меры, чтобы предотвратить еще более неприятную ситуацию. Остановить внутренний разброд в движении могла лишь Ежегодная конференция Всемирного сионистского движения, которую было решено созвать в Берлине 27 июня 1910 года.

В соответствии с уставом Всемирной сионистской организации, в промежутках между конгрессами созывалась Ежегодная конференция движения. В ней участвовали, кроме членов Правления и Большого исполнительного комитета, представители сионистских организаций отдельных стран и главы сионистских учреждений (Национального фонда и Колониального банка). На этот раз в конференции участвовало 40 человек. Правление представило отчет о своей деятельности и состоянии движения. Д-р Руппин доложил о работе в Палестине. В прениях по организационному вопросу представители оппозиции выдвинули все требования, вынесенные на конгресс в Гамбурге год тому назад. На сей раз стороны достигли согласия и полного примирения, и все требования оппозиции были приняты в качестве рекомендаций Десятому конгрессу, кото-

рый должен утвердить резолюции Ежегодной конференции. Приняли ряд решений, в том числе и те, что некогда служили яблоком раздора между двумя сторонами. В частности, постановили:

Десятый конгресс следует созвать не позднее лета 1911 года. В перерыве между конгрессами члены Большого исполкома будут собираться не реже одного раза в 4 месяца. Полномочия Большого исполкома в руководстве делами движения должны быть расширены. Было также решено внести на рассмотрение Десятого конгресса следующие рекомендации:

1. Перевести главное бюро Правления из Кельна в Берлин.

2. В Берлине должны проживать, по меньшей мере, трое из членов Правления.

3. В Правление должен войти председатель Наблюдательного совета Колониального банка¹.

4. Число членов Правления устанавливается в 5—7 человек. Они должны представлять все течения в движении.

5. Правление избирает председателя (он же президент Всемирной сионистской организации) из числа своих членов, что изменяет существующий порядок выбора президента конгрессом.

Все предложения были приняты единогласно, кроме последнего — об отмене избрания президента конгрессом, иначе говоря, — об избрании президента Правлением (Малым исполкомом) из числа его членов. Тринадцать делегатов, в том числе адвокат Розенбаум и д-р Кацнельсон из России, не голосовали за эту рекомендацию. Они, однако, заявили, что не поведут борьбы против этой резолюции, дабы не поощрять разлад в движении после того, как уже состоялось примирение.

¹ В этом предложении заключался реверанс в сторону Вольфсона, занимавшего пост председателя Наблюдательного совета. Но на Десятом конгрессе Вольфсон не согласился с этим параграфом резолюции и отказался войти в Правление.

Ежегодная конференция объявила движению, что отныне все трения ликвидированы, положен конец разброду и закончена острая полемика, следовавшая за Девятым конгрессом и продолжавшаяся полгода. Сионисты призывались с удвоенной энергией и активностью приступить к работе. Все решения Ежегодной конференции будут представлены на утверждение Десятому конгрессу.

Через некоторое время Исполнительный Комитет постановил созвать Десятый конгресс в Базеле 9 августа 1911 года.

6. Десятый конгресс

Накануне Десятого конгресса "Рассвет" писал о том, что прямое или косвенное воздействие сионизма на все явления еврейской жизни является непреложным фактом. Различные общественные силы в еврействе поддерживают его, либо выступают против него, но равнодушные и безразличное отношение к сионизму более невозможно. Нельзя не задаться вопросом: чем объяснить подобную силу воздействия сионизма, если учесть, что организованные сионисты составляют лишь один или два процента еврейского народа?

6 августа 1911 года — за три дня до открытия конгресса — на свое предварительное совещание собрались российские делегаты. Представительство сионистов России на этом конгрессе не уступало предыдущему. Однако в пропорциональном отношении вес русской делегации убавился, так как за это время сионистское движение в западных странах заметно усилилось и представительство сионистов этих стран в конгрессе соответственно увеличилось; в России же, при всем тяготении еврейских масс к сионизму, внешние обстоятельства мешали развитию движения. Власти ставили сионистам препоны и всячески ограничивали их деятельность. Членов оказался вынужденным прекратить руководство делами Национального фонда в России и

обратиться к отделениям с циркуляром, где предлагалось, чтобы жертвователи отсылали деньги непосредственно в Кельн. Многие так и поступили, доходы Национального фонда в России естественно снизились.

На совещании российских делегатов накануне конгресса царила гнетущая атмосфера. Активисты говорили о невозможности открыто вести в России работу. Поэтому и не удавалось превратить симпатии российских масс к сионизму в подлинные дела, добиться расширения движения, роста числа "шекеледателей" и жертвователей в Национальный фонд. О претворении в жизнь пунктов Гельсингфорсской программы, касавшихся "гегенвартсарбейт", нечего было и говорить. Поэтому работа совещания сосредоточилась на делах конгресса, особенно на вопросе о руководстве, дождавшемся разрешения со времени предыдущего конгресса. Правда, Ежегодная конференция приняла решение изменить структуру руководства в духе предложений российских сионистов, но полной уверенности, что конгресс эти решения примет, не было, поскольку сторонники Вольфсона могли истолковать итоги Ежегодной конференции иначе. Потому-то этот вопрос так волновал российских сионистов. По духу прений выяснилось, что подавляющее большинство делегатов стоит за "практический" (в сущности, "синтетический") сионизм, и только малая часть проявляет склонность к традиционному, политическому сионизму, основывавшемуся на идее "чартера". Главными ораторами меньшинства были Л.Моцкин и Г.Брук. От имени большинства выступили Е.Членов, М.Усышкин, Б.Мосинзон, Ш.Левин и другие. Мнение большинства разделял и Вейцман, который продолжал участвовать в "русских" съездах, хотя формально входил в английскую делегацию. Совещание все-таки единогласно постановило поддержать в конгрессе итоги Ежегодной конференции, касающиеся структуры руководства. И конгресс, действительно, принял эту резолюцию, так как ее поддерживали и проголосовали за нее и многочисленные делегаты из других стран (Галиции и некоторых других

районов Австрии с плотным еврейским населением, обладавшим развитым национальным самосознанием). Многие немецкие сионисты также примкнули к "синтетическому" течению. Новая расстановка сил фактически ликвидировала различие, существовавшее до сих пор между российскими сионистами-"практиками" и западными сионистами-"политиками", ибо отныне исчезли признаки принадлежности к тому или иному течению на "востоке" или на "западе".

Конгресс открылся при участии 429 делегатов из 28 стран, 140 представителей печати и множества гостей. Вступительную речь произнес Вольфсон. Он начал на иврите, перешел на немецкий и закончил снова на иврите. После него Нордау выступил с традиционным докладом о положении евреев в мире. Президентом конгресса был избран Нордау, а его заместителями — М.Боденхеймер (Германия), д-р А.Марморек (Франция), А.Штанд (Австрия) и от России — Е.Членов и М.Усышкин. Профессор О.Варбург доложил о поселении в Палестине. Во время общих прений по докладу Правления не было сказано ни одного резкого критического слова, так как представители оппозиции считались с плохим состоянием здоровья Вольфсона; было также заранее известно, что он решил уйти с поста президента. Тем не менее, когда Вольфсон завершил прения, в его выступлении прозвучали нотки горечи. В итоге почти единогласно была принята резолюция о выражении признательности и доверия Правлению, в особенности президенту Вольфсону. Конгресс встретил результаты голосования овациями и пением Хатиквы. Вольфсон поблагодарил конгресс и сказал, что и после того, как он покинет пост президента, он продолжит трудиться на благо сионистского идеала. За выражение доверия и признательности Правлению и Вольфсону проголосовала и оппозиция, желая способствовать спокойной обстановке на конгрессе.

Соколов прочел доклад о проблемах просвещения и культуры. Новизна заключалась не в самой теме, а в том, что предметом доклада была борьба за чистоту

языка иврит, и все обсуждение состоялось также на иврите. Впервые целое заседание на конгрессе было проведено на иврите.

Д-р Кацнельсон, глава правления Колониального банка, и Л.Моцкин выступили с докладами по вопросу об эмиграции как постоянном явлении в жизни еврейского народа. Постановка этого вопроса также была новой, поскольку на предыдущих сионистских конгрессах его касались в той мере, в какой он был связан с алией в Эрец-Исраэль; однако сионизм, как национальное движение еврейского народа, не мог отстраниться от того факта, что массы, особенно из России, эмигрировали в Америку и лишь малая часть эмигрантов направлялась в Эрец-Исраэль. Докладчики подчеркивали необходимость сохранить национальный характер потока эмигрантов путем его концентрации, а не рассеивания, как это делали филантропические общества наподобие ЕКО, Альянса и других. Были приняты резолюции, подчеркивающие важность направления потока эмигрантов в Палестину и соседние с нею страны.

На этом конгрессе впервые был поднят вопрос участия женщин в сионистском движении. Ему был посвящен особый доклад, и были заложены основы женской сионистской организации.

Центральным пунктом, как упоминалось, являлось изменение организационной структуры руководства движением. По инициативе российских сионистов и при поддержке многочисленных делегатов из других стран решено было избрать Правление, т. е. Малый исполком, из 5 человек и Большой исполком из 25 человек (вместо громоздкого органа, насчитывавшего 65 членов). Большой исполком будет собираться, по крайней мере, 4 раза в год. Малый и Большой исполкомы по отдельности избирают своих председателей. Полномочия Большого исполкома расширяются. В промежутках между конгрессами собирается Центральный Комитет (он же — Ежегодная конференция) в следующем составе: все члены Большого и Малого исполко-

мов, президент предыдущего конгресса, представители Колониального банка, Англо-Палестинской компании и Национального фонда — по одному делегату от каждого. В заседаниях Центрального Комитета, кроме того, участвуют: председатель суда конгресса, юридический советник конгресса и представители федераций отдельных стран. Задача Центрального Комитета — обсуждать в промежутках между конгрессами важные для движения вопросы, как, например, бюджетный и др. Ежегодную конференцию Центрального Комитета созывает Правление (Малый исполнительный комитет).

В заключение было избрано Правление с местопребыванием в Берлине и в следующем составе: профессор О. Варбург, д-р А. Хантке, В. Якобсон, д-р Левин и Н. Соколов. Иначе говоря, двое — от немецких сионистов и трое — от российских. Тотчас после конгресса состоялось заседание Правления, на котором президентом Всемирной сионистской организации был избран Варбург, а его заместителем — Якобсон.

После выборов нового Правления с речами на пленарном заседании конгресса выступили Варбург, Членов и Усышкин. Членов назвал Десятый конгресс "мирным конгрессом". Усышкин говорил о Вольфсо-не как о герое конгресса, так как он проявил мужество, победив себя.

Восьмой конгресс в Гааге (1907 г.) был поворотным в том смысле, что теоретически признал линию "синтетического сионизма". Десятый конгресс, который избрал руководство, целиком состоящее из представителей "эволюционного течения"¹, принял эту линию к практическому исполнению. Во времена Герцля сионистское руководство не занималось практической работой в Палестине, поскольку надеялось на "чартер" и было убеждено, что без него работа в Стране будет

¹ Сионисты старого толка, сторонники практической работы в Палестине. — *Прим. ред.*

лишена всякой почвы. Однако и тогда российские сионисты боролись за эту линию, считая, что основой для получения прав могут служить только реальные дела. И вот теперь продолжительная борьба завершилась победой практической линии.

Подытоживая работу Десятого конгресса, "Рассвет" писал, что вожди сионистского движения в России на сей раз явились в конгресс с четкими предложениями и разработанной программой. Это помогло им получить на конгрессе поддержку большинства. Правда, в начале заседаний конгресса еще имелось весьма заметное число "политиков", сторонников идеи "чартера", однако с каждым днем их становилось все меньше, так как аргументы российских сионистов делали свое. С избранием нового Правления окончательно снят с повестки дня вопрос, нужна ли вообще практическая работа в Эрец-Исраэль. Обеспечено также большинство сторонников руководства в Большом исполкоме. Правда, в Наблюдательном совете банка (сосредоточившем в своих руках все нити управления финансовыми учреждениями движения) осталось большинство сторонников "кельнского" направления во главе с Вольфсоном. Но то была уступка со стороны Постоянной комиссии, исходившей из того, что главную линию движения вырабатывает Правление, и оно определит пути практической работы.

Глава семнадцатая

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Участие российских сионистов в общественной жизни в диаспоре

После принятия Гельсингфорсской программы (1906 г.) сионистское движение в России встало на

путь соединения деятельности в пользу Эрец-Исраэль с общественной работой по удовлетворению еврейских нужд в диаспоре. Однако из-за усиления реакции, большинство пунктов программы так и осталось на бумаге. Более того, и непосредственная работа в пользу Эрец-Исраэль (Национальный фонд, "шекели" и т. п.), и всякая возможность организационных и агитационных действий были исключены. Отсюда сокращение количества шекеледателей. Активисты сионистского движения естественно усилили свою деятельность в общих еврейских организациях (насколько таковые имелись и работали в рамках закона), дабы распространить там влияние еврейского национального духа и сионистских идей.

Активную деятельность развили сионисты в Обществе для распространения просвещения между евреями в России, как в его петербургском центре, так и в отделениях (Одесса, Киев, Рига и др.). Общество это было основано в 1863 году группой еврейских филантропов в Петербурге с задачей распространять среди еврейского населения русский язык и приблизить евреев к русской культуре. Со временем, однако, в обществе увеличилось число участников-сионистов, и под их влиянием оно развернуло работу в направлении еврейского национального воспитания. Из-за процентной нормы, установленной для еврейских учащихся в государственных и городских училищах, открылись частные и общественные еврейские школы, где можно было дать еврейским детям общее образование (на русском языке), но где определенное количество учебных часов было отведено и для национального образования и воспитания. По требованию сионистов эти школы, а также "реформированные хедеры" находились в ведении вышеназванного Общества.

В рамках этого общества обрели поле деятельности также активисты еврейских нелегальных революционных партий, чья деятельность почти совершенно прекратилась. Члены Бунда, как крайние "идишисты", повели борьбу против языка иврит и еврейского вос-

питания, но сионисты твердо стояли на страже еврейского образования и культуры.

Важную роль в борьбе еврейской общественности с антисемитизмом за права еврейского населения играл сионистский еженедельник "Рассвет" под редакцией Авраама Идельсона и при участии талантливых публицистов: Владимира Жаботинского, Даниэля Пасманика, Александра Гольдштейна и др. Фактически журнал являлся выразителем дум всего еврейства России.

Осенью 1912 года состоялись выборы в 4-ю Государственную Думу. Сионисты активно участвовали в предвыборной кампании, и под их руководством российские евреи пытались выставить своих кандидатов и в округах вне Ковенской и Курляндской губерний, откуда обычно избирались в Думу еврейские депутаты. Кандидатами были выдвинуты Соколов, Грузенберг и Жаботинский. Первые двое были отвергнуты властями, обнаружившими "пороки" в их избирательских правах. А Жаботинскому пришлось свою кандидатуру снять, ввиду опасности, что из-за "распыления" голосов в Думу может пройти вместо либерального кандидата крайне правый.

От еврейского населения в 4-ю Думу были избраны три депутата: Фридман из Ковно (был депутатом и 3-ей Думы), д-р Бомаш из Лодзи и д-р Гуревич из Курляндии.

2. Сионистская студенческая организация Хехавер

Процентная норма для еврейских учащихся при приеме в средние и высшие учебные заведения была введена еще в 1887 году, в царствование Александра III. Эти ограничения оставались в силе и во времена Николая II, а с начала первого десятилетия 20 века стали еще более жесткими, так что значительная часть еврейской молодежи вынуждена была уезжать из России на Запад, чтобы получить там образование в универси-

татах и других высших учебных заведениях. Из-за антиеврейской политики в области просвещения из года в год сокращалось число еврейских студентов, которым посчастливилось поступить в высшие учебные заведения России. Зато быстро росло их количество в университетах Европы (Германия, Австрия, Швейцария, Бельгия, Франция). Возникла необходимость основать сионистский студенческий союз с задачей вести организованную борьбу против ассимиляторских тенденций и за национальное самоопределение студентов-евреев, выходцев из России. Так появилась в Западной Европе организация студентов-сионистов Хехавер.

Основы этой организации были заложены в Базеле в 1911 году во время Десятого сионистского конгресса, однако лишь через год, в марте 1912 года, когда ее члены собрались в Берне на свою Вторую конференцию, решено было присвоить этой организации название Хехавер. Третья конференция состоялась в августе 1913 года в Вене во время Одиннадцатого сионистского конгресса. Четвертая была проведена в Гейдельберге в июне 1914 года. С началом Первой мировой войны кружки Хехавера в Германии, Австрии и Бельгии прекратили свое существование. Большинство студентов возвратилось в Россию. Лишь в нейтральной Швейцарии Хехавер еще продолжал действовать.

Преемником европейского Хехавера стал российский Хехавер, который повел счет своих конференций от учредительной конференции в Базеле в 1911 году: первую свою конференцию в России, состоявшуюся зимой 1915 года, члены Хехавера обозначили Пятой, исходя из того, что в Европе их уже было четыре, а российский Хехавер является прямым преемником европейского.

Постепенно и систематически активисты Хехавера проникли во все высшие учебные заведения Петербурга, где имелись еврейские студенты (среди десятков петербургских высших школ были и такие, куда евреям вообще не было никакого доступа, например, Медицинская и Военная академии и др.). Хехавер избрал

своим центром Петербург по нескольким причинам: столица, общественный и культурный центр страны, самое крупное в Российской империи сосредоточение студенчества. Туда перешел сионистский Центральный Комитет из Вильно, там издавался и сионистский еженедельник "Рассвет", пользовавшийся большой популярностью у еврейской публики. Петербург был центром еврейской общественной мысли — в целом, и сионистской — в частности. Здесь велась основная борьба с властями за права еврейского населения России и борьба внутренняя, между различными общественными течениями в еврействе за идейное влияние на еврейские массы в местах их сосредоточения. Из столицы Хехавер распространял свое влияние на еврейское студенчество в остальных университетских городах России.

Хехавер не ограничивался одной только общей сионистской работой, как, например, пропаганда сионистских идей в студенческой среде, распространение сионистской литературы и т. п. Члены Хехавера проявляли большую активность и в деле социальной помощи еврейским студентам. Существовали студенческие кассы взаимопомощи и учреждения для поощрения различных видов самодеятельности. Кассы оказывали материальную помощь неимущим еврейским студентам и поддерживали нуждающихся. Имелись также разнообразные литературные кружки, служившие еврейским студентам трибуной для обсуждения различных политических доктрин и актуальных вопросов жизни еврейства России. Дискуссии в этих кружках сводили вместе представителей разных течений, таким образом крепло влияние Хехавера.

Выступления участников организации, их самоотверженная работа в разных областях жизни еврейского студенчества придавали большой вес и значение идеям сионизма в глазах еврейских студентов и стали важным фактором успеха сионистской работы в целом. Можно сказать, что благодаря Хехаверу сионизм сде-

лался ведущим движением в среде еврейского студенчества в России.

Вскоре Хехавер превратился в сионистскую студенческую организацию всероссийского масштаба. Уже в первые годы своего существования эта организация имела отделения во всех университетских городах России, где учились студенты-евреи. В августе 1914 года в Петербурге был образован первый Центральный Комитет Хехавера в следующем составе: председатель А.Идельсон (Эйлон. В Эрец-Исраэль с 1927 г.); секретарь — А.Евзеров (Эзер. В Эрец-Исраэль с 1921 г.); И.Виленчук (в Эрец-Исраэль с 1926 г.). Все трое проживали в Петербурге. Позднее в состав Центра были введены Реувен Рубинштейн (умер в Эрец-Исраэль), Элизер Перельсон (Пери. В Эрец-Исраэль с 1921 г.) и Валентина Винавер (дочь общественного деятеля М.М.Винавера, одного из кадетских лидеров) — также петербуржцы. С началом Первой мировой войны в Россию возвратились многие из членов европейского Хехавера. Из них двое — д-р Ривлин и Кишиневский (Кишони) — были включены в состав ЦК, а подавляющее большинство остальных подключилось к работе с еврейской молодежью в высших учебных заведениях. Для поддержания связи с общим сионистским движением в Центральный Комитет был введен адвокат Я.Клебанов (впоследствии депутат израильского Кнессета, умер в Хайфе). Центр Хехавера в Петербурге возобновил издание журнала "Еврейский студент", прерванное в Европе с началом войны. Первый номер возобновленного журнала вышел в Петербурге 20 января 1915 года.

Пятая конференция Хехавера собралась в ноябре 1915 года в Москве, разумеется тайно, и ее совещания проводились на частных квартирах. Конференция дала окончательное определение сущности Хехавера и констатировала, что его целью является "подготовка активной сионистской интеллигенции, опытной в организационном отношении и образованной в отношении национальном". И действительно, эту свою задачу Хехавер

выполнял с успехом. На конференции был основан Всероссийский Совет (Пленум) Хехавера, где представительство получили все отделения этой организации в России.

Деятельность Хехавера немало страдала от преследований царского режима. Не раз в квартирах активистов в разных местах России устраивались обыски, а два активных участника одесского отделения — Иосеф Фишер (Ариэль), член Совета, и Я. Грановский, один из основоположников сионистского спортивного общества "Маккаби" в России, — были арестованы и сосланы в Сибирь. Тем не менее работа продолжалась.

Шестая конференция Хехавера была созвана вскоре после Февральской революции — 5 апреля 1917 года. То был первый после революции сионистский форум всероссийского масштаба. Являясь беспартийной организацией, Хехавер объединял в своих рядах сионистов, принадлежавших к различным течениям. Шестая конференция Хехавера оказалась единственным легальным форумом этой организации за всю ее историю в России, так как после захвата власти большевиками Хехавер снова ушел в подполье. Связь между Центром и отделениями прервалась, но в самих отделениях, — а их насчитывалось около сорока, — работа не прекратилась.

В 1921 году состоялась Седьмая всероссийская конференция Хехавера, на которой был избран новый Центр во главе с Вильскером (с местопребыванием в Москве). В это время удалось заполучить от властей разрешение на издание ежемесячного журнала "Еврейский студент". Вышли семь его номеров, но затем, в 1923 году, журнал был закрыт властями под нажимом так называемой Евсекции.

В 1922 году состоялась Восьмая конференция Хехавера, где было решено передать часть обязанностей Центра отделениям, главным образом, петроградскому отделению. Еще ранее в Хехавере был поднят вопрос об объединении с сионистскими молодежными организациями, действующими в средних учебных заведениях.

На Девятой, последней конференции Хехавера, которая состоялась в 1924 году, новоизбранному Центру поручили осуществить объединение с сионистской организацией старшекласников, известной под названием Гистадрут, а также с молодежной сионистской организацией "Кадима" ("Вперед"). Соглашение между Хехавером и двумя названными организациями было подписано в марте того же года: Хехавер прекратил свое отдельное существование, уступив место новой "Единой всероссийской организации еврейской молодежи" — ЕВОСМ. Она разделила участь всего организованного сионистского движения в СССР — была разгромлена большевиками.

3. Дискуссия с "политической оппозицией" в преддверии Одиннадцатого конгресса

На Десятом конгрессе всемирное сионистское руководство перешло к "практикам", вернее, — к сторонникам синтетической линии, стремившимся объединить политическую сионистскую деятельность с практическими делами по заселению Эрец-Исраэль. Однако "политики", оставшиеся в меньшинстве и перешедшие в оппозицию, в том числе и Нордау, не смирились с тем, что отныне и политика сионистского движения будет определяться "практиками". Они категорически требовали изъятия политической деятельности из компетенции нового руководства и передачи ее в ведение особой политической комиссии, где решать будут "политики", верные последователи линии и методов Герцля. И было совершенно ясно, что Малый исполком (Правление) подобного требования не примет.

С другой стороны, многие "практики" не согласились с компромиссом, достигнутым на Десятом конгрессе, заявляя, что распределение сил в финансовых учреждениях тоже должно соответствовать реальному соотношению между большинством и меньшинством в конгрессе. Мнение это изложил Д.Пасманик в своей статье в "Рассвете", приуроченной к близкому началу Одиннадцатого конгресса.

За несколько месяцев до его открытия в Вене в печати распространилось известие, что Нордау решил не участвовать в конгрессе из-за разногласий с сионистским руководством по вопросу о политической линии и ввиду отказа руководства передать политические дела в ведение специальной комиссии. Это известие впоследствии подтвердилось: Нордау не прибыл на конгресс. Не желая мириться с его уходом, Сионистский исполнительный комитет решил попытаться убедить Нордау отказаться от его намерения. Эта деликатная миссия была поручена д-ру Членову, которого уполномочили единогласно и Малый сионистский исполком, и представители российских сионистов. Членов поехал в Париж, посетил Нордау. В беседе, продолжавшейся четыре часа, они обсудили все спорные вопросы, и Членов попытался убедить Нордау поехать на конгресс. По возвращении Членова журнал "Рассвет" опубликовал интервью с ним по поводу состоявшейся беседы с Нордау. Членов категорически отверг мнение, согласно которому в сионистском движении идет борьба за практическую работу в Эрец-Исраэль в противовес политическим усилиям. Такое мнение, сказал Членов, в корне ошибочно.

"Мы всегда признавали необходимость политической работы; Вольфсон же никогда не отрицал необходимости работы в Палестине. Не забудем, что Палестинское бюро было организовано во время его президентства. Боролись мы потому, что были глубоко убеждены, что одному человеку, не одаренному исключительными дарованиями, без постоянного участия коллег в работе, да еще в Кельне, где нет ни атмосферы, ни стимулов, невозможно успешно двигать вперед наше столь сильно разросшееся дело. Коллегия преданных, хотя бы тоже не исключительных, работников, притом в таком центре еврейской жизни, как Берлин, теперь, при наличии многих вспомогательных сил, имеет большую возможность энергичнее и увереннее двигать дело. Наше предположение оправдалось, — как это признают теперь даже оппозиционеры, конечно, объек-

тивные из них... Надеюсь, он /конгресс/ пойдет дальше и признает, что работа по разным направлениям — политическая, палестинская, организационная, отчасти и культурная — ведется усердно и добросовестно. Это, конечно, не значит, что мы можем указывать на большие успехи. Но размер успехов часто не соответствует размеру усилия. Не против слабости успехов, а против слабости усилий боролись мы. Правда, один человек, ведший работу, дал больше, чем мог. Но движение требовало большего.

Что касается оппозиции, то во-первых, она очень малочисленна и не организована. Во-вторых, ее расхождение с большинством не идейное, не по существу, а касается, главным образом, способов работы и лиц, осуществляющих ее. Но если не считать лиц, стоящих доньше на хартерской точке зрения, я не вижу между нами и оппозицией принципиального расхождения в основах работы. Все расхождение в частности. Оппозиция хотела бы выделить вообще политическую работу и передать ее особой комиссии. Такое нарушение основ организации мы считали совершенно невозможным. Нельзя отнять столь важную часть работы у ИК, тем более, что контроля над ней мы, Большой ИК, тогда не имели бы. Я уверен, что если бы на конгрессе зашел спор на этой почве, организация стала бы на нашу сторону”.

Беседа с Нордау показала, что по фундаментальным вопросам разногласий между Нордау и нынешним сионистским Правлением не существует. Есть, однако, множество недоразумений, коренящихся в том, что Нордау почти не имеет контактов с руководителями движения и встречается с ними только на конгрессах. Сам факт, что Исполнительный комитет и представители российских сионистов единогласно уполномочили Членова специально отправиться к Нордау и убедить его отказаться от своего намерения не участвовать в конгрессе — бесспорное доказательство того, как высоко ставит движение участие Нордау: ”Если смерть вынудила нас смириться с конгрессами без их творца

/Герция/, мы не в состоянии примириться с конгрессами без участия творца Базельской программы /Нордау/”.

По окончании беседы Членов понял, что Нордау не в состоянии оправдать объективными обстоятельствами свой отказ участвовать в конгрессе; и если он, несмотря на это, все-таки не явится, такое решение будет следствием его настроения. Ведь происходит нередко такое явление, когда человек, принявший определенное решение в свете определенных фактов, уже не в состоянии от этого своего решения отказаться, даже если убедится, что эти факты более не существуют, ибо продолжает находиться под влиянием душевного настроения, не позволяющего ему поступить иначе.

4. Совещание российских делегатов во время Одиннадцатого конгресса

Одиннадцатый конгресс открылся в Вене 2 сентября 1913 года. За несколько дней до этого российские делегаты провели свое предварительное совещание. Заседание открыл член Малого исполкома Н.Соколов; он приветствовал собравшихся от имени центральных органов всемирного сионистского движения и выразил удовлетворение по поводу того, что, вопреки тяжелым условиям работы, российские сионисты имеют в конгрессе весьма внушительное представительство (более 160 делегатов из общего числа около 540); в текущем году в России были распространены 41 тысяча ”шекелей” по сравнению с 28 тысячами в год Десятого конгресса. Доклад о деятельности движения в России был прочитан на иврите и переведен на русский. В нем подчеркивалось, что в последние два года условия гражданско-правовой и экономической жизни русского еврейства чрезвычайно ухудшились и затруднили работу сионистов. В 109 городах активисты движения были подвергнуты обыскам и допросам, конфисковано семь

тысяч книг сионистской литературы. С другой стороны, однако, в широких кругах еврейской интеллигенции произошел радикальный сдвиг в пользу сионизма и обнаружилась симпатия к его устремлениям в таких общественных кругах, которые прежде были далеки от сионистского движения. С большим удовлетворением в докладе подчеркивался приток в движение новых молодых сил, принесших с собою много энергии, преданности и самоотверженности.

Надо отметить, что подавляющая часть прений прошла на иврите; оказалось, что 70% делегатов знают или по крайней мере понимают иврит. Жаботинский также выступил на иврите и заявил, что стыдно пользоваться на сионистских собраниях чужими языками, т. к. сионисты призывают к возрождению народа. Здесь не может быть компромисса: кто не понимает иврит, пусть возьмет себе учителя и выучит.

Затруднение вызвали два вопроса, имевшие непосредственную связь с программой работы Одиннадцатого конгресса: а) о выборах президента конгресса; б) о выводе финансовых органов из-под исключительного контроля участников оппозиции ("политической") и о передаче этих органов под контроль большинства, при обеспечении меньшинству пропорционального представительства. Первый вопрос вызвал продолжительные споры. На пост президента конгресса вместо Вольфсона была выдвинута кандидатура Членова, который мог рассчитывать на поддержку всего конгресса. Имелось, однако, опасение, что в таком случае оппозиция с Вольфсоном во главе покинет конгресс. А это, в сочетании с отсутствием Нордау, принесло бы движению большой вред. После многократных голосований совещание в конце концов решило не выдвигать кандидатуру Членова, дабы обеспечить на конгрессе и в движении мир. Аналогичным образом прошли прения по вопросу о финансовых органах. И тут также было решено, по тем же самым мотивам, сохранить в силе компромисс, достигнутый на предыдущем конгрессе. Особое сопротивление этому компромиссу (из-

за заботы о дальнейшем развитии поселенческой работы в Стране) оказали участвовавшие в совещании российских сионистов представители Хапозель хацаир из Эрец-Исраэль: И.Шпринцак, Я.Рабинович, И.Аронович. Между прочим, две рабочие партии Страны (Хапозель хацаир и Поалей Цион) на Одиннадцатом конгрессе были представлены двумя делегациями, насчитывавшими несколько десятков человек. Значительная их часть получила свои мандаты от родственных партий в диаспоре¹.

5. Одиннадцатый сионистский конгресс

Одиннадцатый конгресс проходил в Вене со 2-го по 9 сентября 1913 года. Среди примерно 540 делегатов конгресса более 160 были из России, несмотря на преследования, которым подвергалось там сионистское движение, его деятели и активисты. Конгресс собрал также около 800 гостей и около 150 представителей мировой печати. Конгрессу предшествовала всемирная конференция Организации по распространению еврейского языка и культуры, состоявшаяся также в Вене. И в ней активное участие приняли российские сионисты: Л.Моцкин, Ш.Левин, Н.Соколов, писатели Бялик, Фришман и другие.

¹ Члены Поалей Цион из Эрец-Исраэль не участвовали в совещании российских сионистов, поскольку их партия в качестве всемирного движения принимала участие в конгрессе и в Сионистской организации как независимая федерация. Что касается российских Поалей Цион, то они еще в 1909 году решили уйти с конгресса и выйти из Всемирной сионистской организации. Кстати, обозреватель "Рассвета" на конгрессе констатирует, что, по сути дела, делегаты Хапозель хацаир и Поалей Цион выдвинули на конгрессе от имени рабочих Эрец-Исраэль одинаковые требования, с той разницей, что члены Поалей Цион пользовались при этом марксистской, классовой терминологией.

Президентом конгресса был избран Вольфсон. Согласно решению, принятому на предварительном совещании сионистов России, последние поддержали кандидатуру Вольфсона, хотя он и возглавлял оппозицию. Д-р Вейцман снова, как и на предыдущем конгрессе, был избран председателем Постоянной комиссии.

Как уже упоминалось, Нордау не приехал на конгресс, но прислал приветственное письмо, где выражал сожаление по поводу невозможности на сей раз принять участие в заседаниях. Он обращал внимание конгресса на то, что нынешнее сионистское руководство отошло от пути Герцля и его заповедей. Представитель "политиков" Фишер считал необходимым ответить Нордау на его письмо приветственной телеграммой. Предложение это вызвало возражение присутствующих, ввиду того, что письмо Нордау по форме и содержанию было направлено против руководства. Кроме того, вспомнили и о речи Нордау в Париже, произнесенной на собрании, посвященном памяти Герцля, где он выступил с резкой критикой нынешнего Правления и всемирного сионистского движения. Предложение послать Нордау телеграмму поддержали Пасманик и Усышкин, считавшие, что необходимо учесть его большие заслуги в движении. Усышкин предложил избрать комиссию для составления текста ответа. Конгресс согласился отправить ответную телеграмму Нордау, а составление ее текста возложили на президиум.

Вступительную речь произнес президент Сионистской организации профессор Варбург; он изложил основные направления программы поселенческой работы в Палестине и сформулировал цели Правления в области политической деятельности. Ввиду тяжелых поражений, которые Турция потерпела в Триполитанской войне против Италии и в Балканских войнах, Варбург посчитал необходимым выразить турецкому народу симпатии от имени сионистского движения и еврейского народа.

На сей раз на конгрессе не было традиционного обзора, посвященного положению еврейского народа

в мире, и этот пробел постарались восполнить два члена Правления: Нахум Соколов и Шмарьяху Левин. Соколов описал тяжелые бедствия и борьбу евреев в различных странах диаспоры, а Шмарьяху Левин говорил о созидательном труде и борьбе нового еврейского ишува в Палестине ради возрождения еврейского народа на его исторической родине. Оратор подчеркнул необходимость сосредоточения всей воспитательной работы в Палестине в руках сионистского движения, а также потребовал, чтобы сионистская организация уделила особое внимание положению рабочих в Стране. Под этим подразумевалось не решение трудовых конфликтов, а необходимость и долг сионистского движения облегчить еврейским рабочим их нелегкую жизнь. Он оспорил утверждение, что еврейские рабочие, якобы, требуют высокой платы. Нельзя забывать, что их потребности более широки, нежели нужды арабского феллаха, да и труд еврейских рабочих во многих отношениях превосходит по качеству труд арабов. Левин, кроме того, говорил о членах Хашомера, подвергающих себя опасности, защищая жизнь и имущество еврейских поселенцев и честь еврейского ишува.

Как и на предыдущем конгрессе, снова имела место оживленная и продолжительная дискуссия между "политиками" и "практиками", однако на сей раз "практики" были в руководстве, а "политики" в оппозиции. Члены оппозиции подвергли жестокой критике методы практической работы в Палестине и заявили, что Сионистская организация, которая занимается мизерными поселенческими делами, не что иное, как плохая копия ЕКО, ибо не обладает даже финансовыми возможностями последнего. Без стремления к получению политических прав и постоянных действий в этом направлении все их усилия ничего не стоят. Кроме того, многочисленные предприятия в Палестине не оправдывают себя с точки зрения рентабельности и приносят одни убытки. В защиту практической работы в Стране выступил Членов, подчеркнувший, что каждая новая по-

селенческая и хозяйственная позиция поддерживает и укрепляет политическое значение и силу сионизма. Вейцман опроверг доводы "политиков" об убыточных предприятиях в Стране: в жизни народов, сказал он, имеются моменты, когда даже основание школы является крупным политическим событием. Если баланс предприятий в Палестине подчас и бывает с экономической точки зрения отрицательным, то с национально-нравственной точки зрения он чрезвычайно высок. По окончании общих прений, после отчета Правления и ответа выступавшим, российские делегаты внесли предложение выразить руководству полное доверие и признательность за его плодотворную работу в областях организационной, политической, финансовой и поселенческой. Конгресс единогласно выразил руководству вотум доверия.

В центре обсуждений был доклад д-ра Руппина о поселенческой деятельности в Палестине. Содержание его поучительной лекции и его ответы выступавшим в прениях покорили сердца слушателей. Перед присутствующими встала картина систематической, плодотворной работы, руководство которой находится в надежных руках. Руппин отверг доводы "политиков" об убыточности поселенческой работы: нельзя подходить к национальному предприятию с коммерческими мерками. Имеются вещи чрезвычайно прибыльные в коммерческом смысле и не имеющие никакой ценности с точки зрения национальной; и бывают предприятия, не дающие коммерческого дохода, а подчас и убыточные, однако чрезвычайно ценные именно с этой стороны. Поэтому так важны расходы по найму рабочих разных профессий, необходимых для поселенческой деятельности. В частности, Руппин сказал: "Мы примирились с фактом, что нам придется добиваться нашей цели не с помощью "чартера", а путем практической работы в Эрец-Исраэль".

Шмарьяху Левин и Менахем Усышкин в своих выступлениях тоже отклонили коммерческий подход к сионистским поселенческим мероприятиям. Усышкин

особенно подчеркнул преданность еврейского рабочего в Стране своему труду, его готовность идти на жертвы и на тяжкие условия существования ради осуществления идеала обновления страны. Поэтому, сказал Усышкин, он считает себя союзником рабочих фракций Хапозель хацаир и Поалей Цион, невзирая на разный подход к социальным проблемам.

После доклада Руппина, дискуссии о поселениях и ответа оратора участники прений единогласно приняли резолюцию, высоко оценивающую поселенческую деятельность в Палестине и требующую ее продолжения в соответствии с положенными в ее основу принципами. Последним вопросом, вынесенным на обсуждение конгресса, был вопрос культурной и воспитательной работы в Палестине, а также рекомендация основать в Иерусалиме еврейский университет. С докладом на эту тему выступил Усышкин, и он же сформулировал ряд практических предложений по усилению воспитательной и культурной деятельности в стране. Он требовал от конгресса констатации того, что культурная работа является важной частью общих усилий по национальному и политическому укоренению еврейского народа в Эрец-Исраэль; он внес предложение предоставлять помощь сионистского движения только тем школам, где преподавание всех предметов ведется на иврите. Он сказал, что обязательность преподавания на языке иврит должна распространяться и на учебные заведения, построенные на землях Национального фонда. Этим он намекнул на существующие по этому поводу разногласия, которые позднее так остро проявились в полемике о языке преподавания в политехническом институте. В заключение Усышкин потребовал начать немедленную подготовку к закладке еврейского университета в Иерусалиме. Прения по вопросу культуры, как и на предыдущем конгрессе, велись на иврите.

Об основании университета в Иерусалиме докладывал Вейцман. Идея эта родилась почти одновременно с сионистским движением. Ее высказал профессор Герман Шапиро (он же автор идеи создания Керен Каемет

ле-Исраэль) еще в начале 80-х годов прошлого века, в эпоху Хибат Цион. Вейцман отметил, что даже Герцль, который, как правило, был склонен откладывать практические начинания в Эрец-Исраэль до времени получения "чартера", проявлял большой интерес к идее создания университета в Иерусалиме. На Пятом конгрессе (в конце 1901 г.) сионистскому Правлению поручили заняться этим вопросом. В 1902 году вожди Демократической фракции Вейцман, Бубер и Файвель опубликовали первое воззвание по поводу основания еврейского университета. Даже в дни народного бедствия, начавшегося кишиневским погромом, Вейцман ездил по российским городам, чтобы заручиться поддержкой идее еврейского университета в Иерусалиме. Однако лишь в 1913 году, на Одиннадцатом конгрессе в Вене, вопрос об университете был поставлен на повестку дня.

В своем докладе Вейцман обосновал необходимость создания университета не только практическими мотивами. Это учреждение послужит духовным оружием, с помощью которого сионистам, быть может, удастся добиться большего, чем удавалось другим народам с помощью армий и флотов. Кроме того, из-за процентной нормы в России и сокращения приема еврейских студентов из России университетами Западной Европы, жизненно необходимо создать университет для учащейся еврейской молодежи. Иерусалимский университет также обеспечит нужды практической работы в Эрец-Исраэль и будет готовить учителей для школ Страны; он станет исследовательским центром для еврейских ученых, а его влияние распространится далеко за пределы еврейского ишува.

После доклада Вейцмана было внесено предложение поручить сионистскому руководству назначить комиссию для проведения всей подготовительной работы по созданию в Иерусалиме университета. Конгресс с энтузиазмом принял это предложение, и оно побудило Бялика подняться на трибуну и выступить со страстной речью. Вольфсон тут же внес первое крупное пожертво-

вание на осуществление этой идеи, его примеру последовали другие. Сумма, внесенная Вольфсоном (100 тысяч марок — 25 тысяч долларов), предназначалась университету и Национальной библиотеке, которая была построена лишь после окончания Первой мировой войны. Деньги на приобретение земельного участка на горе Скопус пожертвовал Ицхак Лейб Гольдберг, один из лидеров сионистского движения в России.

Предложение об изъятии финансовых органов из рук "политиков", членов оппозиции, было в конечном счете снято с повестки дня, дабы сохранить мир, как это было уже решено на совещании российских сионистов.

Конгресс выразил свое возмущение предстоящим в Киеве судом над Бейлисом, а также выступил в защиту турецких евреев, оказавшихся в результате войны под властью балканских стран, главным образом, Румынии.

Правление было избрано в прежнем составе с введением Членова. Таким образом в Правление вошли двое от Германии — О.Варбург и А.Хантке и четверо от России — Н.Соколов, Ш.Левин, В.Якобсон и Е.Членов. Избрание Членова вызвало общее одобрение, и президент конгресса Вольфсон подчеркнуто приветствовал и поздравил его. Членов принял на себя бремя новых обязанностей, оставив ради интересов движения свою врачебную практику в Москве, и после конгресса переехал в Берлин, чтобы занять пост вице-президента Всемирной сионистской организации.

Президент конгресса Вольфсон, закрывая прения, пожелал делегатам встретиться на следующем конгрессе. Никто из присутствовавших не мог тогда предвидеть, что впереди — кровопролитная мировая война, что следующий конгресс соберется лишь спустя восемь лет, и Вольфсону уже не суждено будет в нем участвовать. Вольфсон скончался через год — 15 сентября 1914 года. Сердечное заболевание, долгие годы подтачивавшее его здоровье, сломало его. Это произошло вскоре после начала Первой мировой войны. Весть о

его кончине пришла в страны, находящиеся с Германией в состоянии войны, с опозданием, и в последний путь его проводили только представители немецких сионистов. Когда о его смерти узнали в России, Членов выступил со статьей, посвященной его памяти.

6. Ухудшение положения российских евреев с началом Первой мировой войны

В месяцы, предшествовавшие войне, еврейство России подверглось новым притеснениям в форме ограничений, фабриковавшихся во всех каналах аппарата самодержавного строя: новые дискриминационные законы и законопроекты, направленные против евреев, и соответствующая практика различных министерств, губернаторов, губернских правлений, судебных учреждений, властей, ведающих просвещением и культурой, и т. п. Этим усиленным преследованием евреев царское правительство решило, по-видимому, взять реванш за позорное поражение, которое оно потерпело в деле Бейлиса. И в самый разгар антиеврейской кампании прогремел "выстрел в Сараево", прокатившийся эхом по всей Европе и ввергший ее в пожар мировой войны. 20 июля (2 августа) Николай II издал манифест; в частности, там говорилось:

"В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри! Да укрепится еще теснее единение ЦАРЯ с ЕГО народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага!"

Еженедельник "Новый восход", орган либеральной антисиионистской еврейской интеллигенции, опубликовал пылкую патриотическую статью и писал по поводу этих слов манифеста:

"Меньше всего думают о них (внутренних распрах) в эту роковую минуту русские евреи. В общем порыве защиты родины стоят они плечом к плечу с остальным населением России и своим мужественным поведением покажут, что не теперь время для внутренних пререка-

ний, не теперь время думать о нанесенных и наносимых нам глубоких обидах.

В России мы родились и выросли, здесь покоится прах наших предков. Неразрывными нитями связаны мы, русские евреи, с Россией, и память о ней бережно лелеют всю жизнь наши братья, злою судьбой прогнанные за океан. Хранители заветов отцов наших, ядро всемирного еврейства, мы, русские евреи, в то же время неотторжимо связаны со страной, в которой живем уже сотни лет и от которой ничто — ни преследования, ни гонения — не в состоянии нас оторвать.

В исторический момент, когда нашей родине грозит иноземное нашествие, когда грубая сила ополчилась против величайших идеалов человечества, русское еврейство мужественно выступит на поле битвы и исполнит свой священный долг...

На призванных к защите отечества евреях, кроме долга перед родиной, лежит еще один долг: долг перед своим народом. Евреи-воины будут на полях брани проливать свою кровь и за общее отечество, и за честь и достоинство еврейского имени. Они будут частью отечественных войск и одновременно боевым отрядом еврейского народа”.

В общем, ”Новый восход” явно переборщил: русским евреям приходилось поддакивать правительству, однако в этой статье чувствовалось, что авторы рады стараться и поддакивают с чересчур уж большим усердием.

По случаю объявления войны России Государственная Дума провела специальное заседание. На нем депутат Фридман выступил со следующим заявлением от имени российского еврейства:

”На меня пала высокая честь выразить те чувства, которые в настоящий исторический момент воодушевляют еврейский народ. В великом порыве, поднявшем все племена и народы великой России, евреи выступают на поле брани, плечом к плечу со всеми народами ее.

В исключительно тяжелых условиях жили и живем мы, евреи, и, тем не менее, мы всегда чувствовали себя гражданами России, всегда были верными сынами своего отечества. И никакие силы не отторгнут нас от нашей родины-России, от земли, с которой мы связаны вековыми узами. В защиту нашей родины от иноземного нашествия мы выступаем не только по долгу совести, но и по чувству глубокой привязанности. В настоящий час испытания, следуя раздавшемуся с высоты Престола призыву, мы, русские евреи, как один человек, станем под русскими знаменами и положим все свои силы на отражение врага. (*Шумные апл. всей Гос. Думы. Демонстративно аплодируют правые и националисты.*) Еврейский народ исполнит свой долг до конца". (*Шумные апл.*)

С заявлениями о готовности своих народов постоять за матушку-Россию выступили на этом заседании также делегаты поляков, латышей, эстонцев и литовцев.

В отличие от "Нового восхода", кипевшего неумеренным и безусловным русским патриотизмом, сионистский "Рассвет" и в этом случае нашел достойную форму, чтобы напомнить о необходимости предоставления евреям гражданских национальных прав. В обзорной статье, посвященной заседанию Думы и выступлению депутата Фридмана, в частности, говорилось:

"Этим заседанием обнаружена полная несостоятельность, с государственной точки зрения, преобладавшего в последнее время политического курса в отношении инородцев. Бесповоротно осуждена, в частности, "националистическая" политика в еврейском вопросе, сводившаяся в конечном счете к стремлению устранить евреев от интересов и функций, составляющих непосредственную сферу гражданских взаимоотношений. Убедительное доказательство внутренней несостоятельности этого стремления представлено теперь самою жизнью в том значении, которое имеет в настоящую трудную минуту "черта оседлости", являющаяся главной ареной военных действий, и еврейское население

ние западного края, принимающее на себя в первую голову неприятельский натиск на Россию.

Однако единение народностей не может ограничиваться исключительно констатированием солидарности в минуту непосредственно грозящей извне опасности. Выражение готовности исполнить гражданский долг и стать на защиту государственной безопасности — только первая ступень к действительному политическому единению и гражданской солидарности народностей. Последняя, как показывает опыт всех стран и народов, достижима исключительно на основе равенства прав при равенстве обязанностей и уважения к правам национального меньшинства. Признанием и проведением в жизнь этого начала крепки внутренним единством союзные России государства, разделяющие с нею в эту минуту тяготы общеевропейской войны.

Мы надеемся, что пройдя через предстоящие нам тяжкие испытания, Россия станет ближе к этому основному государственному началу. Мы верим, что в очистительных страданиях грядущих дней укрепится действительное единение всех народов России на почве разумного признания прав каждого из них в отдельности”.

Это было весьма осторожное и сдержанное выражение надежды, без лишней крикливости и квасного патриотизма.

Первые дни после объявления войны стали в России днями большого национального подъема. Во всех российских городах проходили патриотические демонстрации, начинавшиеся обычно с торжественного церковного богослужения и заканчивавшиеся массовым шествием под звуки национального гимна и других патриотических песен, с хоругвями и портретами императора. Подобные шествия и молебны в синагогах устраивали и евреи; манифестации евреев и христиан часто встречались на улицах, сливаясь в единое шествие.

В эти несколько дней даже отпетая антисемитская печать взяла другой тон в отношении евреев. Черносо-

тенное "Новое время" опубликовало репортаж о манифестации евреев Петрограда, вышедших на улицу из Большой хоральной синагоги после публичной молитвы за победу русского оружия. Газета писала:

"Манифестация русских евреев, вышедших из синагоги после богослужения и явившихся на Дворцовую площадь, — должна вызвать во всех нас, русских, чувство глубокого удовлетворения...

Такие минуты не забываются. Каждый искренний братский порыв населяющих Россию народностей принесет драгоценные плоды не только русским, не только в настоящее трудное время. Пронесется гроза, выглянет солнце мира над родиной, и русский народ не забудет о тех, кто в дни испытаний бодро шел с ним рядом, плечо о плечо..."

Приводя эту цитату, "Рассвет" заметил, что, "к сожалению, еще не просохли те чернила, которыми на столбцах "Нового времени" писались совершенно другие строки". Редакция сионистского журнала оказалась права, не торопясь впадать в умиление по поводу нескольких слов, сказанных о евреях в порядочном тоне, и не приняла всерьез заверения антисемитской газеты. И, действительно, посулы, что "народ русский не забудет", оказались почти молниеносно забыты. В мученической истории русского еврейства началась новая глава страданий, преследований, унижений, ритуальных наветов, массовых ссылок и погромов. Обвинения в шпионаже в пользу врага, смертные приговоры полевых судов шли под аккомпанемент ядовитого антисемитского науськивания черносотенной печати, вызывающей к темным инстинктам необразованных масс и натравливающей их на евреев. Так начался новый кровавый период на страдальческом пути еврейства России.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СИОНИЗМ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Глава восемнадцатая

В ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ

1. Высылка евреев из прифронтовых районов

Первая мировая война резко обнажила трагизм положения еврейского народа в диаспоре: в армиях различных государств, участвовавших в войне, служили около полутора миллионов солдат-евреев, и эти солдаты были вынуждены сражаться друг против друга. В то время среди русских евреев имел хождение волнующий рассказ: в рукопашном бою русских с австрийцами солдат русской армии, еврей, заколол штыком врага и, стоя над умирающим, внезапно услышал, как тот прощается с жизнью молитвой "Шма, Исроэл!" ("Слушай, Израиль!")... Вышедший живым из этого поединка лишился рассудка.

В рядах русской армии сражались десятки тысяч мобилизованных евреев, было также большое число добровольцев, и среди них — студенты европейских университетов, те самые, кто в свое время из-за процентной нормы, преграждавшей евреям путь к высшему образованию у себя на родине, был вынужден покинуть Россию и отправиться за границу.

Процент евреев в русской армии был выше их процента в составе народонаселения России, и, соответственно, более высоким был процент евреев, павших и раненых в боях. Тем не менее, никто не поставил этого евреям в заслугу, напротив: с первых же дней война

стала для них источником страшных преследований и бедствий. Верховное командование русской армии во главе с великим князем Николаем Николаевичем, дядей царя Николая II, официально и гласно — в листовках к народу и со страниц печати — обвинило еврейское население в измене и шпионаже в пользу противника. Военные власти в прифронтовых районах требовали массовой высылки целых еврейских общин ряда городов и местечек, особенно в пределах Польши, где антисемитизм пустил глубокие корни среди населения. Ненависть к евреям здесь, кроме того, раздували и польские националисты.

Распространение ложных слухов и обвинений в том, что евреи продают Россию и шпионят в пользу немцев и австрийцев, стало обычным делом на всех польских территориях, находившихся под господством России. Активнейшее участие принимали в этом политические вожди поляков. Сразу после начала войны верховный главнокомандующий русскими войсками великий князь Николай Николаевич обратился с воззванием к населению этих территорий, объявив, что если война закончится победой России, Польша получит национальную автономию. И вот, стремясь выказать перед русскими свой патриотизм, поляки усердно возводили на евреев всевозможные поклепы, маскируя таким образом свои собственные связи с противником, поддерживавшиеся в определенных кругах польских лидеров проавстрийской ориентации.

Сами военные власти не уставали обвинять евреев в шпионаже и помощи немцам в их наступательных операциях: евреи будто бы подают врагу знаки и поддерживают с ним связь при помощи разных хитроумных сигналов. Было немало случаев расстрела евреев без суда и приговора или по решению военно-полевых судов, где обвиняемые оказывались лишенными всякой защиты и, не зная русского языка и не имея переводчика, даже не понимали, что им вменяют в вину. Обвинения же зачастую были просто абсурдными, как, например, то, что набожные евреи прячут под бородой

телефон для переговоров с врагом. Во многих местах для острастки "шпионам" военные власти брали заложниками раввинов, старейшин и других уважаемых людей; часть освобождали за выкуп, но немало было казнено.

В первый период войны так действовали, главным образом, местные военные власти. Однако с весны 1915 года обвинение евреев в измене и шпионаже стало излюбленным занятием самого верховного командования и главного штаба, руководимого черносотенным генералом Янушкевичем, "русским патриотом" из поляков. Главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, в апреле 1915 года отдал приказ изгнать всех евреев из района военных действий. Из Курляндской губернии было изгнано 40 тысяч евреев, из Ковенской губернии — 120 тысяч. В меморандуме, поданном в ноябре 1915 года Всемирной конфедерацией Поалей Цион в бюро Социалистического Интернационала в Гааге, указывалось общее число евреев, изгнанных из всех прифронтовых районов — полтора миллиона человек.

Высылка проводилась с беспримерной жестокостью. В большинстве случаев высылаемым приказывали покинуть свои дома в течение 24 часов. Не щадили тяжело больных, рожениц, душевнобольных в их лечебницах, раненых солдат в военных госпиталях, семьи тех, кто в это время сражался на фронте. Высланные кочевали с места на место, вынужденные зачастую одолевать пешком сотни километров. В лучшем случае их везли на телегах или в запертых на засов вагонах для перевозки скота. Полустанки были переполнены еврейскими беженцами, голодными, оборванными и босыми, спасающимися от бесчинств, творимых казаками, да и всем прочим русским православным воинством. Тысячи людей проводили ночи под открытым небом. Многие погибали в пути от полного истощения сил и эпидемий, поражавших эшелоны с беженцами. На запрос правительства из Петербурга о положении евреев, высылаемых из районов военных действий, генерал

Янушкевич отвечал, что, по его мнению, меры, принятые против евреев, недостаточны, их нужно усилить. Однако правительство, несмотря на свое нежелание отменить ограничения евреев в правах, посчитало необходимым открыть перед ссыльными и беженцами губернии в глубине России, за пределами еврейской черты оседлости. Тем не менее для евреев остались недоступными Петроград, Москва, Донская область, некоторые другие места, а также все сельские населенные пункты. Местные власти не всегда считались с распоряжениями центрального правительства и продолжали гнать евреев с места на место. Но в целом, под давлением ссылочной практики, значительная часть ограничений в праве жительства евреев в России оказалась фактически упраздненной за два года до Февральской революции 1917 года, когда Временное правительство отменило все антиеврейские установления.

Обвинение евреев в измене России и шпионаже потребовалось Янушкевичу для оправдания позорных поражений русских войск на фронтах войны. Завоевание русскими Галиции явилось лишь коротким эпизодом, однако свое вступление в этот польско-украинский округ, лежавший в пределах Габсбургской империи, русские успели отметить ужасающими расправами над еврейским населением. Казаки и солдаты других русских войсковых частей подвергали евреев всевозможным издевательствам и изощренным пыткам, грабили и убивали, а многих угоняли в Россию. Так с евреями обращались и на землях русской Польши, и в других местах, откуда их изгоняли. Но вскоре русские войска сами начали отступать, точнее говоря, ударились в паническое бегство, следуя за гонимыми евреями и по пути вымещая на них свою злобу. В меморандуме Всемирной федерации Поалей Цион Социалистическому Интернационалу создавшееся положение определялось так: "Россия объявила еврейскому населению войну".

И действительно, с каждым новым поражением русских войск становились все более жестокими меры,

которые принимались против евреев верховным командованием, и множились возводимые на евреев клеветнические обвинения. В августе 1915 года разгромленная русская армия отступила вместе со своим генеральным штабом, и с конца лета вся русская Польша и большая часть Прибалтийского края перешли в руки немцев. Германское правительство злорадствовало по поводу насилий, чинимых русскими войсками над евреями, используя эти факты в своей пропаганде против России в нейтральных странах. Хотя отрицательные отклики в Европе и заботили русское правительство, оно не было готово решительно пресечь гонения. 8 августа 1915 года депутаты-евреи внесли в Государственную Думу срочный запрос об обращении военных властей с евреями в прифронтовых районах. Немедленное рассмотрение было, однако, отклонено большинством голосов, запрос передали в комиссию и там упрятали под сукно.

Как раз в это время (август 1915 г.) Николай II принял на себя верховное командование войсками, великого князя Николая Николаевича перевели на Кавказ, и, по его ходатайству, туда же перевели генерала Янушкевича. Бесчеловечные преследования евреев военными властями, как это практиковалось при необузданном и жестоком антисемите Янушкевиче, начали утихать. Не прекратилась, однако, ядовитая антисемитская пропаганда, нашедшая поддержку у гражданских властей. Канцелярии двух министерств — внутренних дел и финансов — издали антисемитские циркуляры, густо начиненные клеветой на еврейское население. Они были разосланы губернаторам, градоначальникам и жандармским отделениям в качестве наставления, как следует обращаться с евреями, которые подрывают благополучие государства и обманывают христиан. Еврейские депутаты Государственной Думы выступили с запросом по поводу этих циркуляров, но на сей раз вопрос был скомкан сразу же на пленарном заседании и при соучастии либералов, руководствовавшихся якобы патриотическими сооб-

ражениями, не дошел даже до комиссии, так как под их (либералов) давлением еврейские депутаты сами сняли его. Этот шаг вызвал сильное возмущение еврейской общественности, причем особенно резко отреагировал сионистский журнал "Еврейская жизнь".

Единственным отрадным явлением в то мрачное время были яркие проявления солидарности русских евреев со своими страдающими братьями. Возникали комитеты помощи беженцам и ссыльным, объединявшие представителей всех течений еврейства России и собиравшие крупные суммы в виде пожертвований. Центральным среди этих комитетов был ЕКП — Еврейский комитет помощи. Четверть миллиона человек получили в 1915 году поддержку от различных еврейских объединений. В этих комитетах помощи российские сионисты были представлены чрезвычайно широко, и особенно активно действовала сионистская молодежь — студенты из Хевавера, члены Цеирей Цион и др.

2. Сионистское руководство в начале войны

Когда 1 августа 1914 года разразилась мировая война, сионистское руководство пришло в замешательство. Возникло сомнение, может ли вообще выжить Сионистская организация в качестве всемирного национально-политического движения при создавшихся условиях, когда ведущие ее силы разобщены и находятся в странах, воюющих друг с другом. Из членов Правления в Берлине осталось всего два человека — немецкие граждане: президент Отто Варбург и Артур Хантке. Остальные члены Правления были русскими подданными: В.Якобсон, Н.Соколов, Е.Членов и Ш.Левин. Тем не менее сионистское движение во главе со своим руководством проявило мужество и жизнеспособность и изыскало пути для продолжения своего существования и работы и в обстановке мировой войны, правда, в ограниченном масштабе. Правление

(Варбург, Хантке) осталось в Берлине, но центр тяжести всей деятельности был перенесен в нейтральные страны. Главное бюро Национального фонда, до войны находившееся в Кельне и руководимое там М.Боденхеймером, перевели в Гаагу, и делами фонда занялся руководитель голландских сионистов Нехемия де-Лима. В начале декабря 1914 года в Копенгагене открылось Центральное бюро Сионистской организации с задачей вести широкую разъяснительную кампанию в поддержку идеи еврейского самоопределения в Палестине, посылая специальных представителей в государства, имеющие там свои интересы. Другой задачей бюро было налаживание связи со всеми частями сионистского лагеря в разных странах. В годы мировой войны возглавляли это бюро и руководили делами всемирного сионистского движения два российских сиониста — сначала Л.Моцкин (до конца 1915 г.), а затем В.Якобсон. В скандинавских странах бюро создало комитет по оказанию помощи нуждающимся евреям в Европе и в Палестине. В Копенгагене проводились встречи сионистских лидеров из воюющих между собой государств, состоялись также три заседания Большого сионистского исполкома: в декабре 1914 года, в июне 1915 и в марте 1916 года.

В конце октября 1914 года в войну вступила и Турция. Поначалу турецкое правительство одолевали сомнения, стоит ли вообще ввязываться в конфликт, а если да, то на чьей стороне. Теперь стало ясно, что эта война решит судьбу Эрец-Исраэль и ее еврейского ишува. Создавшаяся новая общеполитическая ситуация обязывала сионистское руководство заново рассмотреть различные аспекты деятельности движения и определить свою позицию по отношению к воюющим сторонам. Эта серьезнейшая и сложнейшая проблема обсуждалась на заседании Большого исполнительного комитета в Копенгагене в начале декабря 1914 года. Позднее, после военных неудач Германии и Турции, а также после декларации Бальфура, с которой выступило английское правительство, уже не оставалось, разу-

меется, ни малейших сомнений, какой должна быть политическая ориентация сионизма в войне; однако в 1914 году, когда все полагали, что война закончится через несколько месяцев, в крайнем случае через полгода, и что у Германии имеются все шансы на победу, вопрос ориентации был далеко не прост.

Спор на заседании Большого исполкома по этому вопросу был резким и чрезвычайно трудным. Немецкие сионисты поддерживали правительство своей страны и стояли за пронемецкую ориентацию, будучи убеждены, что победа Германии в войне принесет пользу Эрец-Исраэль и сионизму. Сразу же после начала войны несколько видных немецких сионистов в сотрудничестве с группой несионистов основали особый общественно-политический Комитет по вопросу Востока. Возглавил его профессор Франц Оппенхеймер, автор программы кооперативного поселения в Палестине. От сионистов в комитете участвовали д-р М.Боденхеймер, д-р Клей и другие. Они верили, что победа Германии и Австрии и падение царской России спасут угнетаемое и преследуемое российское еврейство. Комитет поставил себе целью помощь Германии в ее усилиях по разгрому царской России, надеясь, что таким образом русские евреи скорее добьются гражданского и национального равноправия. Поэтому основатели комитета неофициально называли его Комитетом по освобождению евреев России.

На заседании Большого исполкома, состоявшемся в Копенгагене 3—6 декабря 1914 года, обсуждалась и деятельность этого комитета в Германии. Представители российских сионистов Е.Членов и Б.Гольдберг указали на большой вред, который причиняет русским евреям этот комитет, давая лишний повод всему сонму антисемитов обвинять евреев в предательстве и шпионаже в пользу врага. Поэтому российские сионисты категорически потребовали разрыва всяких отношений с этим органом, навлекающим беду на еврейство России. Члены Большого исполкома из Германии проявили понимание опасений их российских коллег,

но заметили, что комитет сыграл полезную роль при выработке германским правительством своей позиции в отношении евреев и сионизма. Они не возражали против требования порвать связи с комитетом, но настаивали на том, чтобы сделать это осторожно, дабы не возбудить в германских правительственных кругах подозрений в отношении намерений сионистов. Представители сионистов России с этим согласились, и решение о разрыве отношений с Комитетом по вопросу Востока было сформулировано в завуалированной общей форме, как запрет сионистским лидерам оказывать поддержку политическим тенденциям, способным навлечь беду на евреев в каждом из воюющих государств.

На этом заседании разгорелся ожесточенный спор по поводу политической ориентации Сионистской организации во время войны. Немецкие сионисты, стоявшие сначала за ориентацию на союз центральноевропейских стран (Германия—Австро-Венгрия), согласились с тем, что Сионистская организация, объединяющая в своих рядах евреев по обе стороны фронта, не может принять другой линии, кроме нейтральной. За эту позицию выступало и большинство российских сионистов, кроме Жаботинского, который стоял за прозападную (главным образом, проанглийскую) ориентацию и прилагал усилия к созданию еврейской войсковой части (легиона) в рядах британских вооруженных сил. За прозападную ориентацию выступали и сионистские лидеры из западноевропейских стран. Однако, учитывая положение "между молотом и наковальней", в котором находилось еврейство, а с ним и сионистское движение, у руководства Сионистской организации не оставалось другого выбора, кроме нейтралитета. На том же заседании было решено послать в Англию Членова с важной миссией: вести разъяснительную работу среди влиятельных лиц о целях сионизма и возможностях их осуществления. По требованию Членова вместе с ним был послан Соколов, который должен был свести Членова с нужными людьми. По предложению российских сионистов Исполнительный комитет постано-

вил, что в список требований к великим державам относительно прав еврейского народа на Палестину должно быть внесено и требование о предоставлении евреям равноправия в тех странах их теперешнего проживания, где они им не пользуются. Отдельная резолюция призывала сионистов всех стран оказать широкую материальную поддержку еврейскому ишуву и сионистским учреждениям в Эрец-Исраэль. Еще ранее с этой целью по поручению сионистского руководства в Америку выехал Шмарьяху Левин. Там ему удалось заручиться поддержкой судьи Луи Брандеса, оказавшего большое влияние на рост и развитие сионистского движения в США.

3. Иосиф Трумпельдор и "отряд погонщиков мулов"

Как упоминалось, представители российских сионистов на заседании Большого исполкома настаивали, чтобы сионистское Правление проводило нейтральную линию по отношению к воюющим сторонам: ориентация на страны Антанты (Англия, Франция) причинила бы вред еврейскому ишуву в Эрец-Исраэль, ориентация же на Германию и Австрию навлекла бы еще большую беду на еврейство России. Большинство сионистских лидеров в России (Членов, Усышкин, Гольдберг, Яффе и другие) не верили в победу Антанты и поражение Германии, требуя осторожности в отношениях с турецкими властями во имя спасения еврейского ишува в Палестине. Эту точку зрения резко оспаривал Жаботинский: он был уверен в конечной победе Англии и падении Германии, а с нею заодно и Турции, и утверждал, что не следует бояться угрозы еврейскому ишуву в Стране и что надо установить связь с государствами Антанты. Жаботинский выступил с идеей создания еврейской боевой части в рядах британской армии, так как считал политически чрезвычайно важным активное участие евреев в завоевании Палестины:

такого рода сотрудничество с победителями приблизит сионизм к достижению его целей.

В начале декабря 1914 года Жаботинский побывал в Египте в Александрии в качестве корреспондента московской либеральной газеты "Русские ведомости". Египет находился тогда под верховной властью Великобритании. Как раз в то время евреи — русские подданные (около 1200 человек), изгнанные по приказу Джамаль-паши из Палестины, были доставлены на судне в Александрию. Среди беженцев был и Иосиф Трумпельдор.

О Трумпельдоре Жаботинский слышал еще в России, так как это имя было известно многим, особенно в сионистской среде. Трумпельдор родился на Кавказе в 1880 году в семье кантониста. С неравноправием евреев он впервые столкнулся, когда после окончания гимназии из-за процентной нормы не был принят в университет. Подготовившись, он экстерном сдал экзамены и получил диплом зубного врача. Тем временем началась русско-японская война. Трумпельдор пошел на фронт, где проявил мужество и отвагу. В результате ранения во время знаменитой осады японцами Порт-Артура он потерял левую руку. Выйдя из госпиталя, он потребовал, чтобы его снова послали на передовую, и добился этого. Трумпельдор удостоился высоких боевых наград¹ и офицерского звания — вещь для еврея в царской России небывалая, и после войны был зачислен студентом юридического факультета Петербургского университета.

По своим идейно-политическим воззрениям Трумпельдор был близок к партии русских эсеров, а после революции 1905 года стал активным сионистом и сторонником обновления Эрец-Исраэль путем создания поселений типа коммун (в университете он слушал

¹ Четыре Георгиевских креста — два золотых и два медных (по свидетельству Жаботинского, см. "Слово о полку") — *Прим. ред.*

лекции знаменитого ученого-экономиста Туган-Барановского, автора исследования о поселениях, созданных на социалистических началах). Закончив университет, Трумпельдор уехал в Палестину (1912 г.), где, несмотря на увечье, самоотверженно трудился как сельскохозяйственный рабочий в Мигдале и в Дгании. И вот теперь, с началом мировой войны, его выслали из Страны.

В предисловии к своим воспоминаниям о еврейском легионе ("Слово о полку" на русском языке) Жаботинский замечает, что фактически легион возник в Александрии, в лагерях еврейских беженцев из Палестины, и что решающая роль в его создании принадлежала русскому консулу Петрову и Иосифу Трумпельдору... Петров узнал, что в лагерях есть несколько сот молодых людей с русским подданством. А поскольку в Египте еще оставались в силе "капитуляции" (отмененные в Турции с началом войны), консул пользовался в отношении подданных своей страны правом экстерриториальности. На этом основании Петров внезапно предъявил английским властям требование — отправить еврейских парней в Россию для прохождения военной службы. Делегация старейшин еврейской общины Александрии, к которой присоединился и Жаботинский, отправилась к английскому губернатору города, и последний пообещал, что этого не сделает. Затем Жаботинский пошел знакомиться с Трумпельдором, которого до этого лично не знал. Трумпельдор жил на частной квартире, что оказалось возможным благодаря порядочности того же консула Петрова. Когда последнему стало известно, что среди беженцев из Палестины находится бывший русский офицер, потерявший руку в боях за Порт-Артур, он послал к нему вестового с приветствием и уведомлением, что причитающуюся Трумпельдору военную пенсию последний может регулярно получать в консульстве. Таким образом, Трумпельдор не только не нуждался сам, но еще и помогал другим. Когда Жаботинский изложил ему идею создания еврейской боевой части в рядах

британской армии, Трумпельдор без колебаний ее принял. В тот же вечер состоялось собрание Комитета по оказанию помощи беженцам (большинство его участников были выходцами из России — Глушкин, Левонтин, агроном Эттингер и другие). Жаботинский и Трумпельдор подняли вопрос об организации еврейского полка, который будет сражаться в составе английской армии в боях за Палестину. Подавляющим большинством голосов комитет это предложение принял.

Неделю спустя комитет созвал собрание молодых беженцев. Собравшимся рассказали о положении и о требовании консула Петрова вернуть их в Россию. Им также было сказано, что, хотя есть основание полагать, что англичане не выполнят это требование русского консула, сидеть неограниченное время в бараках и кормиться из чужой милости тоже невозможно. С другой стороны, нет сомнений, что британские войска рано или поздно двинутся из Египта в Палестину. Между тем из Яффы все время поступают дурные вести: турки запретили еврейские вывески на улицах, высылают из Страны представителя Сионистской организации д-ра Руппина, несмотря на его германское подданство, арестовали руководителей ишува и заявляют, что после войны окончательно запретят алию. На собрании было принято решение создать еврейский полк, который предложит англичанам свои услуги в боевых действиях в Палестине. Под этим решением подписались около 100 человек.

Через несколько дней делегация комитета, куда вошли Жаботинский и Трумпельдор, была принята генералом Максвеллом, командующим британскими войсками в Египте. Однако его ответ на предложение основать еврейский полк разочаровал участников делегации. Он сказал, что пока ему ничего не известно о подготовке наступления на Палестину и он сомневается, состоится ли оно вообще. Кроме того, по закону он не вправе брать в английские войска иностранных подданных. Единственное, что генерал мог предложить, — это создать отряд вьючной транспортировки на

мулах. Он обещал послать этот отряд на другой турецкий фронт (имелся в виду Галлиполийский полуостров). Было ясно, что в Палестину отряд не направят, и Жаботинский предложил ответить генералу вежливым отказом. Иного мнения придерживался Трумпельдор: как опытный солдат он знал, что на войне нет большой разницы между транспортными и боевыми подразделениями, ведь и без тех и других не обойтись, и солдаты транспортных частей рискуют так же, как и те, что сидят в окопах. Что до фронта, то Трумпельдор полагал, что не суть важно, где именно бить турок — на юге или на севере: с военной точки зрения это всего лишь технический вопрос. Чтобы освободить Эрец-Исраэль, надо разбить турок, стало быть, — "все фронты ведут в Сион". После заседания комитета, на котором обсуждался этот вопрос, Жаботинский сказал Трумпельдору: "Может быть, вы и правы, но я в такой отряд не пойду". На это Трумпельдор ответил: "А я, пожалуй, пойду". Прощаясь с Трумпельдором накануне своего возвращения в Европу, Жаботинский сказал: "Иосиф Владимирович, я уезжаю. Если генерал Максвелл переменит свое решение и согласится учредить настоящий боевой полк, я приеду; если нет, поищу других генералов".

Точка зрения Трумпельдора взяла верх в комитете и у добровольцев, и в середине апреля 1915 года, когда Жаботинский уже находился в Италии, он получил от Трумпельдора телеграмму: "Предложение Максвелла принято".

В Александрии был создан еврейский транспортный отряд¹, действовавший на Галлиполийском полуострове. В задачу отряда входило подвозить на мулах питание и боеприпасы на передовую. Это было чрезвычайно опасно, так как отряд все время находился под непрерывным огнем противника. Отряд имел свое знамя с эмблемой в виде щита Давида; во главе отряда был

¹ Zion Mule Corps — Отряд погонщиков мулов.

поставлен английский полковник Джон Генри Паттерсон, а Трумпельдора назначили его заместителем, и позднее он дослужился до капитана. Отряд насчитывал около 600 человек, отличился мужеством и эффективными действиями и потерял несколько десятков убитыми и ранеными. Однако общие операции в Галлиполи оказались неудачными, и после нескольких месяцев боев английские войска отступили. Отряд действовал с апреля 1915 года и был расформирован англичанами (несмотря на все старания Трумпельдора сохранить подразделение) в конце мая 1916 года.

В своей книге о еврейском боевом отряде Жаботинский замечает:

”Я пишу не историю, а личные воспоминания. Сам я в Галлиполи не был. Но одно должен признать: прав был Трумпельдор, а не я. Лишь около 120 из его участников снова попали в солдаты, добрались до Лондона — и из этой группы и вокруг нее там возник тот еврейский легион, который впоследствии, со штыками и пулеметами, принял участие в завоевании Палестины и которому принадлежит ряд могил под знаком щита Давидова на горе Елеонской. Прав был Трумпельдор: хоть победили мы в Иорданской долине, но путь через Галлиполи был правильный путь”.

4. Политическая деятельность сионистов в Лондоне

В конце 1914 года Членов и Соколов приехали в Лондон с политической миссией, возложенной на них на заседании Большого исполкома в Копенгагене 3—6 декабря. Однако еще до их приезда в Англию Вейцман, проживавший в Манчестере и преподававший химию в тамошнем университете, развернул пропагандистскую кампанию в пользу сионизма. Он делал это в тесном контакте со своим другом Ахад-Гаамом, который жил тогда в Лондоне. Приехав в Англию, Членов и Соколов присоединились к Вейцману и втроем пове-

ли сионистскую политическую работу, прибегая при этом к советам Ахад-Гаама.

Вейцман и Ахад-Гаам верили, что в войне возьмут верх государства Антанты. Не так думали Членов, Усышкин и остальные сионистские лидеры в России, большинство которых полагало, что против могучей Германии этим государствам не устоять. Отсюда сопротивление российских сионистов политической ориентации на Англию, проводимой Вейцманом. Вейцман же считал необходимым установление связей с западными демократиями, потому что был убежден, что судьба сионизма связана именно с ними, а не с Германией. В неоднократно цитировавшейся выше автобиографической книге Вейцман замечает, что Членов с Усышкиным до последнего момента не верили в победу Англии. Членов возвратился в 1915 году в Россию, в то время как Соколов остался в Лондоне и продолжал вместе с Вейцманом бороться за привлечение общественного мнения на сторону сионизма. С этой целью Соколов посетил Париж и Рим и установил в Риме связи с правительственными и католическими кругами.

Вейцман вначале не имел связей среди английских политиков. Первый контакт с министрами ему помог наладить редактор влиятельной либеральной газеты "Манчестер Гардиан" Ч.Ф.Скотт, которого Вейцман сделал сторонником сионизма. Скотт стал посредником между сионистскими руководителями и людьми, делавшими английскую политику. Он устроил Вейцману встречу с двумя членами британского кабинета: Ллойд-Джорджем и Гербертом Сэмюэлем — со временем первым верховным британским комиссаром в Палестине (1920—1925 гг.). В то время Ллойд-Джордж был министром военного снабжения, Герберт Сэмюэль — министром внутренних дел¹. Эта встреча показа-

¹ Сэмюэль был первым евреем, служившим министром в правительстве Великобритании, поскольку Бенджамин Дизраэли (лорд Биконсфильд), глава английского правительства в эпоху королевы Виктории, не считался евреем: отец крестил его в тринадцатилетнем возрасте.

ла Вейцману, что Сэмюэль успел самостоятельно сделать выбор в пользу сионизма и начал действовать в этом направлении в правительственных кругах. В этом смысле он отличался от большинства еврейских нотаблей в Англии, закоренелых антисиионистов, всячески осложнявших сионистам работу в английских политических кругах.

Через некоторое время после встречи с Сэмюэлем и Ллойд-Джорджем Вейцман обзавелся рекомендацией и к Артуру Джеймсу Бальфуру, также являвшемуся членом кабинета в должности Первого лорда адмиралтейства (министра военно-морского флота). Бальфур принял Вейцмана сердечно и по этому случаю вспомнил состоявшуюся у них встречу в начале 1906 года — через полгода после Седьмого сионистского конгресса, отклонившего угандийскую рекомендацию английского правительства, возглавлявшегося тогда Бальфуром. Дело было во время общих выборов в Англии. На этих выборах Бальфур фигурировал в качестве кандидата от северного Манчестера — города, в котором Вейцман проживал уже года полтора. Руководитель местного сионистского союза, он же глава городских консерваторов, устроил Вейцману встречу с Бальфуром в самый разгар предвыборной политической борьбы. Бальфур поинтересовался, почему сионисты так непримиримы в вопросе об Уганде, хотя принятие английского предложения могло бы намного облегчить участь евреев. Вейцман подробно изложил ему сущность сионизма, подчеркнув его духовную сторону, и добавил, что если бы Моисей присутствовал на Шестом конгрессе в момент, когда там приняли резолюцию о посылке экспедиции в Уганду, он наверняка снова разбил бы скрижали... Дабы еще более осязаемо довести до сознания своего собеседника, что возрождение еврейского народа возможно только в Эрец-Исраэль и более нигде, Вейцман сказал:

— Мистер Бальфур, представим, что я вам предложу вместо Лондона Париж, неужели вы примете?

Бальфур выпрямился в своем кресле:

— Но, доктор Вейцман, Лондон-то — наш!

— Совершенно верно, — ответил Вейцман, — но Иерусалим был нашим во времена, когда Лондон был еще болотом.

Не спуская с Вейцмана глаз, Бальфур откинулся на спинку кресла:

— А много ли евреев рассуждают, как вы?

Вейцман ответил:

— Убежден, что я выражаю настроения миллионов евреев, которых вы никогда не увидите и которые не могут высказаться сами, но я мог бы заполнить ими все улицы той страны, откуда я приехал /имелась в виду Россия/.

— Если ваши слова соответствуют действительности, — сказал Бальфур, — придет день, когда вы превратитесь в силу.

И перед тем, как проститься с Вейцманом, добавил:

— Странное дело. Евреи, с которыми я встречаюсь, совершенно иные.

На это Вейцман ответил:

— Мистер Бальфур, вы встречаетесь не с теми евреями.

Так эта встреча описана у Вейцмана.

Ее-то Бальфур и вспомнил, когда через девять лет вновь встретился с Вейцманом. Он выразил надежду, что после войны евреям, возможно, будет возвращена их страна. После этой встречи состоялась вторая беседа в доме у Бальфура. Вейцман говорил о положении еврейского народа в мире и о преследованиях евреев в России. Бальфур сказал, что дело, на которое работает Вейцман, — великое дело, и что Вейцман может обращаться к нему всегда, когда это потребуется.

Еще до встречи с Бальфуром Вейцман, как упоминалось, встретился с Ллойд-Джорджем, для которого сионизм тоже не был неизвестным понятием. В 1903 году, когда Герцль вел переговоры с английским правительством об Уганде, адвокатской конторе, возглавлявшейся тогда Ллойд-Джорджем, было поручено разработать проект "чартера" для еврейского поселения в

Уганде. Теперь же, во время своей встречи с Вейцманом, Ллойд-Джордж услышал из уст последнего основные положения идеи о возвращении еврейского народа на свою историческую родину при поддержке Великобритании и под ее покровительством. На Ллойд-Джорджа, большого почитателя Библии, слова Вейцмана произвели сильное впечатление.

Отношения Вейцмана с Ллойд-Джорджем упрочились еще больше, когда Вейцман покинул Манчестер и кафедру в университете и переехал в Лондон на работу в государственных лабораториях по усовершенствованию своего открытия, сыгравшего важную роль в удешевлении производства взрывчатки. В качестве министра военного снабжения Ллойд-Джордж считал себя обязанным Вейцману за его открытие, и спросил последнего, какое вознаграждение он хотел бы получить за услугу, оказанную вооруженным силам Великобритании. Вейцман ответил, что для себя он не просит ничего, но жаждет добиться национального очага для своего народа. В декабре 1916 года Ллойд-Джордж возглавил английское правительство, а Бальфур стал министром иностранных дел, в компетенции которого входило и рассмотрение требований сионизма. Политическая ситуация для предъявления этих требований английскому правительству также была благоприятной.

Однако далеко не однородным был состав британского кабинета. Имелись министры, считавшие, что поддержка сионизма пойдет на пользу английским интересам, но были члены кабинета, придерживавшиеся прямо противоположной точки зрения, полагавшие, что Англии это только повредит. К противникам сионизма в составе правительства присоединились главы еврейской общественности в Великобритании и представители ее центральных органов, не жалевшие сил, чтобы провалить активность сионистов в правительственных кругах. Ассимилированные евреи, они отвергли еврейский национализм и видели в евреях лишь религиозную общину; самих же себя они считали сто-

процентными англичанами и опасались, что поддержка целей сионизма может им повредить. Из числа представителей еврейской общественности в Англии наиболее рьяно выступали против сионизма Люсьен Вольф, Клод Монтефиоре, Эдвин Монтегю, ставший с 1916 года членом британского кабинета, и другие. В своем непомерном английском патриотизме они дошли в отчуждении от еврейского народа до того, что избегали контакта не только с евреями — подданными вражеских стран, но и с евреями из нейтральных государств. Это была, понятно, трусость, "рабство во свободе", по выражению Ахад-Гаама.

5. Спор вокруг плана Жаботинского

Членов уехал из Лондона в начале июня 1915 года. По дороге в Москву он остановился в Копенгагене, чтобы принять участие в заседании Большого исполкома, состоявшемся там 10 и 12 июня. На заседание прибыли делегаты России, Германии, Англии и Голландии. Непосредственно из России приехали И.Розов, Б.Гольдберг и М.Усышкин. Одним из главных вопросов предстоящего обсуждения был план Жаботинского о создании еврейского легиона, который будет сражаться в рядах английских войск за Эрец-Исраэль. Никто из участников заседания не поддержал, однако, эту идею. Наиболее активное сопротивление ей оказали, конечно, немецкие сионисты. К ним примкнул Усышкин, посчитавший формирование легиона не только делом проигрышным, но и неблагодарным по отношению к Турции, которая в свое время приняла изгнанников из Испании и проявила доброе отношение к евреям. Остальные делегаты из России также отвергли идею легиона, хотя и не столь резко. Они пытались изыскать компромисс, чтобы дать Жаботинскому возможность остаться в Сионистской организации и сохранить связь с руководством, потому что ценили его выдающиеся способности и преданность сионизму.

По другому к плану Жаботинского отнесся Вейцман. Он не поддерживал линию сионистского руководства, считая, что на деле позиция Правления дружественна Германии. Отношение немецких сионистов — членов исполкома — к плану Жаботинского было понятно Вейцману, так же, как и позиция сионистов России, где евреи терпели преследования, чинимые армией и властями. И тем не менее Вейцман считал их подход к событиям грубейшей ошибкой с точки зрения сионистской политики. Поэтому он фактически порвал свои связи с сионистским руководством, чтобы действовать в Англии в соответствии с собственной политической линией, казавшейся ему верной и оправданной. К плану Жаботинского о формировании еврейской войсковой части он отнесся положительно. В своей книге он пишет об этом:

“Он /Жаботинский/ явился ко мне, и его идея мне понравилась. Я решил быть помощником ему в этом деле, несмотря на сопротивление, которое было почти всеобщим. Невозможно описать все трудности и разочарования, выпавшие на долю Жаботинского. Не знаю, кто еще, кроме него, мог бы это преодолеть. Его убежденность, вытекавшая из его преданности идее, была просто сверхъестественной. Со всех сторон на него сыпались насмешки. И как только ни старались, чтобы подрезать ему крылья! Джозеф Коуэн (один из сионистских лидеров в Англии), моя жена, сохранившая с ним дружбу до самой его кончины, да я — были почти единственными его сторонниками. Сионистский исполком, конечно, был против него; евреи-несионисты считали его какой-то злой напастью. В дни, когда он трудился в пользу еврейской бригады, мы пригласили его поселиться у нас, в нашем лондонском доме, к ужасу многих сионистов”.

В “Слове о полку” Жаботинский также уделяет Вейцману несколько благодарных строк:

“Отдельно стоял Х.Е.Вейцман. Еще в Париже он заявил себя сторонником легиона; в Лондоне мы сблизились еще больше. Месяца три мы даже вместе жили в

маленькой квартире, в одном из переулков "богемского" Чельси, в двух шагах от Темзы...

После восьми, иногда десяти, иногда двенадцати часов в лаборатории, он еще как-то находил время каждый вечер шагом дальше двинуть свою политическую работу, вербуя новые связи, привлекая новых и влиятельных помощников. Мы в те месяцы подружились; надеюсь, и теперь не стали врагами — хотя политическая борьба нас далеко разрознила и вряд ли уж когда-нибудь снова сведет¹.

Он был сторонником моих планов; но честно признался мне, что не может и не хочет осложнять и затруднять свою собственную политическую задачу открытой поддержкой проекта, который формально осужден сионистским Исполнит. Комитетом и чрезвычайно непопулярен у еврейской массы Лондона.

Однажды он сказал мне характерную для него фразу:

— Я не могу, как вы, работать в атмосфере, где все на меня злятся и все меня терпеть не могут. Это ежедневное трение испортило бы мне жизнь, отняло бы у меня всю охоту трудиться. Вы уж лучше предоставьте мне действовать на свой лад; придет время, когда я найду пути, как вам помочь по-своему".

Жаботинского также поддержал и содействовал созданию еврейского легиона инженер Пинхас Рутенберг, участник русского революционного движения, во время войны сблизившийся с сионизмом и предложивший план электрификации Эрец-Исраэль. (Позднее он построил электростанцию на реке Иордан при впадении в нее притока Ярмук.)

Но об основании еврейских военных подразделений и их участии в освобождении Страны от турок речь пойдет далее.

¹ Эти слова были написаны лет через пять (книга вышла в 1928 году) после того, как Жаботинский основал партию ревизионистов, стоявшую в резкой оппозиции к сионистскому Правлению во главе с Вейцманом.

ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ

1. Февральская революция

Февральская революция уравнила евреев в правах с остальным населением России. Поэтому евреи приветствовали ее и активно участвовали во всех созданных революцией учреждениях. Правда, с отпадением западных областей (Польша, Прибалтика), вначале находившихся под германской оккупацией, а после войны отделившихся от России и превратившихся в независимые государства, российское еврейство сократилось наполовину — от шести миллионов осталось примерно три. Но оставшиеся в России евреи проявляли высокую политическую активность. Еврейская общественность готовилась к созыву всероссийского съезда евреев и к строительству национальной автономии евреев в России.

2. Подъем сионистского движения во время революции

С Февральской революцией начался мощный подъем и в российском сионистском движении — в его центре, Петрограде, и в отделениях в разных концах страны. Противники сионизма, евреи и неевреи, постоянно твердили, что сионизм развеется, как дым, или, по крайней мере, зачахнет, как только в России падет монархия и ей на смену придут демократические порядки, которые принесут евреям гражданское полноправие. Теперь эти пророки замолкли в изумлении при виде сионистского энтузиазма, охватившего широчайшие массы русских евреев именно после падения старого строя и провозглашения демократии. Это поразительное явление показало всем, как глубоко коре-

няться в еврейском народе, во всех его слоях и прослойках, национальные идеи и верность Сиону.

В первые же дни революции было опубликовано воззвание Центрального Комитета российских сионистов: самодержавие пало; русский народ в революционном усилии разорвал цепи, сковывавшие его в течение столетий. Великие потрясения мировой войны сплотили творческие силы русского народа, пробудив в нем могучую волю к свободной жизни и народовластию. Далее говорилось об ограничительных дискриминационных законах, лежавших гнетом на еврейском народе; о еврейских погромах и ритуальных наветах царского времени. И вот пришел час еврейскому народу предъявить свои национальные требования и постоять за свое право жить свободной общественной жизнью в новой России. Центральный Комитет подтвердил также, что Гельсингфорсская программа, принятая российскими сионистами на Третьем съезде в 1906 году, остается в силе. Ее нельзя было осуществить в годы политической реакции, однако теперь настало время провести ее в жизнь по всем пунктам в условиях свободы в обновленной России. Теперь можно открыто действовать в пользу создания для еврейского народа свободного национального центра в Палестине. В заключение воззвание призывало сионистов оказать поддержку делу становления новой России и в то же время работать во имя национального избавления еврейского народа.

Центральные сионистские учреждения уже в марте 1917 года провели собрание в Москве, где было решено восстановить главное бюро всероссийского отделения Керен Каемер ле-Израэль (в Москве). Сообщалось об этом также воззванием, начинавшимся следующими словами:

''Разразившаяся над Россией великая гроза революции, сметая по пути все гнилое и отжившее, вдохнула новую жизнь и в наши сионистские ряды. Провозглашенные свободы — слова, собраний и союзов — мы можем и должны использовать для пропаганды и агитации наших идей среди всех слоев еврейства. Избавлен-

ное от печальной необходимости вести постоянную борьбу за элементарные человеческие права, русское еврейство, мы верим, станет во главе мирового еврейства в деле достижения своего векового конечного идеала — автономной национальной жизни в Палестине.

На нас, сионистах, лежит долг и обязанность подготовить народ к его великому будущему. Двадцать лет тому назад в Базеле мы заявили еврейскому народу, что мы берем на себя эту обязанность — создание необходимых условий для возрождения еврейского народа на его исторической родине — и этот долг мы должны исполнить”.

В этом воззвании отчетливо выступает осознание российскими сионистами своей миссии как главного отряда всемирного сионистского движения. Они верили, что ”еврейство России возглавит борьбу нашего народа во всем мире за достижение идеала”. Для такой веры, в самом деле, были основания, и в дни ”политической весны” обновленной России, в разгар всенародного ликования, охватившего и сионистов, мало кто был способен предугадать, что не за горами большевистский переворот, который выбьет почву из-под ног еврейства России и беспощадно перерубит всякую его связь с еврейством во всем мире и строительством национального очага в Эрец-Исраэль.

Центральное бюро Национального фонда в России, во главе которого стал И.Членов, выпустило тогда и второе пылкое воззвание:

”С чувством необычайной радости мы обращаемся к вам, товарищи и братья, на сей раз. На наших глазах совершилось величайшее событие в истории русского еврейства и поистине счастливо то поколение, которому суждено быть свидетелем этого исторического момента. Мы имеем в виду акт Временного Правительства от 21-го марта, отменивший все вероисповедные и национальные ограничения и сразу снявший с русского еврейства весь ужас и гнет бесправия, тяготевшего над нами в течение веков.

Нам еще трудно обнять все значение этого события во всей его полноте. Бесправие так опутало всю нашу жизнь, так проникло во все поры нашего повседневного обихода, что мы сразу не можем охватить всей совокупности завоеванных благ гражданской свободы. Но в сердце каждого еврея живо это сознание полученной свободы и без сомнения ощущается потребность выразить это чувство в каком-либо достойном акте от имени всего русского еврейства.

Мы, сионисты, убеждены, что всякое проявление воли всего народа получает наибольшую ценность и исторический смысл, когда оно связано с вечным и неизменным идеалом — с Палестиной; мы призываем русское еврейство запечатлеть акт 21-го марта — 11 нисана — всенародной записью в Золотую книгу Национального Фонда даты этого декрета и имен членов Временного Правительства, подписавших его.

Перелистывая страницы Золотой книги Национального Фонда, мы находим там отзвуки всяких событий — горестных и радостных — происходящих в частной, а часто и в общественной, жизни каждого еврея. Эта книга стала как бы анналом радости и печали в жизни наших братьев. Тем более эта книга имеет право сделаться "Пинкосом" всего еврейского народа, где такое величайшее событие, как декрет 21-го марта, должен быть волею всего народа достойным образом отмечен.

Будущий историк, перелистывая страницы этой книги, с любовью остановит свое внимание на этой странице, которая явно связывает сынов рассеяния в момент их столь ценного достижения с вечной отчиной народа — с Палестиной".

Подъемом и радостью освобождения от тирании самодержавия, твердой верой в лучезарное будущее еврейства России и всего еврейского народа дышат эти воззвания центральных сионистских органов, достоверно отражающие настроения еврейских масс России. Ведь в годы реакции сионистское движение, из-за преследований со стороны режима, было вынуждено уйти

в подполье, а многие его деятели и активисты прошли через ссылку или тюрьму. Это вело к тому, что число "шекеледателей" убавлялось из года в год. Так, например, накануне мировой войны во всей России насчитывалось не более 26 тысяч "шекеледателей", а в 1915 году их число еще сократилось — до 18 тысяч человек. Теперь же, с началом революции, арестованные и сосланные деятели движения были освобождены и с удвоенной энергией взялись за работу в условиях свободы в новой России. Толпы стекались на сионистские собрания, проводившиеся теперь свободно и открыто после долгих лет парализованной общественной жизни и принудительной немоты. На первом публичном сионистском собрании, состоявшемся в Москве 20 марта 1917 года, присутствовало 7 тысяч человек, и более тысячи тут же на месте записались в члены Сионистской организации. А на учредительное собрание восстановленного московского отделения пришло более 1700 человек.

Не только в больших городах, но и во многих провинциальных, и даже в местах заброшенных и удаленных от национальной еврейской жизни стихийно возникали сионистские союзы и кружки. Люди шли в сионистские партии разных направлений, и особенно сильный подъем переживала еврейская молодежь. Спонтанный и стремительный рост сионистского движения порождал многочисленные вопросы как идейно-программного характера, так и чисто практические — в отношении различных сфер работы сионистского движения как общественно-политической силы в русском еврействе и как ведущего отряда во Всемирной сионистской организации. Центр российских сионистов в Петрограде был поставлен, таким образом, перед необходимостью срочно созвать всероссийский сионистский съезд.

3. Седьмой съезд сионистов России

Последний предвоенный Шестой съезд российских сионистов состоялся в Вене в 1913 году во время Одиннадцатого сионистского конгресса. Теперь Центр созвал Седьмой съезд, который проходил в Петрограде 24—30 мая 1917 года. Состав Центрального Комитета, избранный на предыдущем съезде, не был в свое время оглашен и все годы сохранялся в тайне из-за нелегальных условий работы при старом режиме. Имена членов ЦК стали известны лишь на Седьмом съезде. Вот они: Авраам (Бен-Давид) Идельсон, Михаил Алейников, Александр Гольдштейн, Ицхак Гринбаум, Ицхак Найдич, Даниэль Пасманик, Исраэль Розов и Лев Яффе. Затем, еще до революции, в Центр были введены Шимшон Розенбаум, Иехуда Лейб Нисан Виленский, Яков Клебанов. В начале революции к деятельности Центра (в Петрограде) подключились М.Марголин, Александр Рапопорт, Иехошуа Бухмиль, Иехуда Ионович.

На Седьмой съезд собрались 552 делегата, которые представляли 140 тысяч "шекеледателей" из 680 населенных пунктов по всей территории России (кроме районов, оккупированных тогда немецкими и австрийскими войсками). Прибыло также 1500 гостей. Работу съезда освещали около 90 представителей еврейской и нееврейской печати. От имени Центрального Комитета на открытии съезда с короткой речью на иврите выступил Авраам Идельсон, редактор главного сионистского журнала "Еврейская жизнь"¹. Идельсон сказал:

¹ Прежний "Рассвет", который в июне 1915 года был закрыт властями и далее издавался под названием "Еврейская жизнь". После Седьмого съезда он снова начал выходить под своим старым названием ("Рассвет") и был вновь закрыт в 1918 году по приказу советских властей. На сей раз — бесповоротно и окончательно.

”Впервые мы собрались в условиях свободы. Старый режим угнетал все нации, но нас особенно; теперь мы можем открыто выступить перед миром и свободно заявить о чаяниях и надеждах еврейского народа. Сломана плеть, в злобе и гневe беспощадно стегавшая народы, нас же — более других. Однако народ восстал и сказал: ”Да будет свет!” — и исполнилось. Мы прозрели. Мы взялись не только за наши будничные дела. Мы ощутили и осознали себя звеном той длинной цепи, что протянулась к нам от наших отцов. Мы поставили себе задачу, которую предстоит решить: возвращение еврейского народа на его желанную историческую родину — Эрец-Исраэль. Сброшены тяжкие оковы. Кончилось время разрушения и настал час строительства, созидания. После бесчисленных страданий и мук мы получили возможность работать открыто и независимо. Забыты все обиды. Прошлое предано забвению. Долго молчали евреи. Но теперь они поднялись, все, как один, и тому доказательство — этот съезд”.

По предложению Идельсона, внесенному от имени Центрального Комитета, председателями съезда были избраны два лидера движения: Менахем Усышкин и Иехизль Членов. Кроме них, в президиум избрали Моше Брука, Якова Бернштейна-Когана, Владимира Темкина, а также членов Большого сионистского исполкома: Авраама Идельсона, Ицхака Найдича, Авраама Подляшевского и Исраэля Розова. В секретариат вошли: д-р Шмуэль Айзенштадт, д-р Моше Гликсон, Иехошуа Хейфец, Михаил Лимановский, Моше Клейнман и Иосиф Шехтман. Съезд получил многочисленные восторженные приветствия от еврейских масс со всех концов России, от еврейских солдат на фронтах, от различных еврейских общественных учреждений. Приветственные послания поступили от министра иностранных дел Временного Правительства М.Терещенко, от председателя Совета рабочих и солдатских депутатов Н.Чхеидзе и др. С приветственным словом на съезде выступили: депутат Государственной Думы Нафтали Фридман, представители Петроградского городско-

го совета и еврейской общины, Семен Дубнов¹ (от имени еврейского историко-этнографического общества) и др. Восторженно встретили присутствующие приветствие поэта Шаула Черниховского от имени ежемессячного журнала "Хашилоах".

Министр иностранных дел в своем послании, наряду с приветствием, сообщал съезду, что в его министерство поступают известия о жестоком обращении турок с еврейским населением в Палестине и что это побудило его обратиться к странам-союзницам, дабы совместными действиями через нейтральные государства попытаться положить конец этим актам насилия, унижающим человеческое достоинство.

С.Дубнов говорил о необходимости синтеза сионизма и существования евреев в диаспоре. Себя он определил как "близкого сионистскому движению соседа, а соседям свойственно часто иметь между собой пограничные конфликты".

О своих впечатлениях о съезде рассказывает профессор Бен-Цион Динур (Динабург), присутствовавший в качестве гостя и представителя печатного органа Общества просвещения евреев. В своей книге "В дни войны и революции" он отмечает, что съезд явился мощной демонстрацией сионистского "прилива", размеры которого превзошли все ожидания. Наиболее сильное впечатление оставила молодежь, присутствовавшая на съезде в большом количестве. Он понял, что выросло новое сионистское поколение, часть которого с детства

¹ Семен Дубнов (1860–1942) — известный еврейский историк, основоположник идеи еврейского автономизма, национального существования евреев в качестве особой национальной единицы в границах многонациональных государств. Дубнов утверждал, что принадлежность к нации — первичный фактор в развитии общества, а лояльность по отношению к государству — вторичный. Поэтому государство не вправе лишать какую бы то ни было этническую группу ее национальных прав. (Взято из кн. "История еврейского народа" под ред. проф. Эттингера. Тель-Авив, 1972 г.). — *Прим. ред.*

воспиталась на сионизме, а часть загорелась сионистским пылом во время мировой войны.

На фоне разрастающейся революции, клокочущей, бурлящей и увлекающей своими многочисленными потоками молодое поколение, присутствие молодежи на сионистском съезде было особенно впечатляющим. Молодежь была из всех социальных слоев и кругов. Профессор Динур увидел в этом явлении яркое свидетельство органичности сионистского движения в современной еврейской жизни. Второе чрезвычайно сильное впечатление произвел на Динура иврит, очень распространенный среди участников съезда. "То и дело вы слышите иврит, на иврите разговаривают в кулуарах, и эта речь кажется совершенно естественной, словно иначе и не может быть". В этой связи между сионизмом и языком иврит Бен-Цион Динур также видел яркий признак органичности движения.

С программными речами на съезде выступили Членов и Усышкин. Членов начал с горячего приветия "впервые собравшимся в свободной России, для того чтобы возвестить миру чаяния народа, жаждущего свободы и возрождения". Он упомянул об освободительной борьбе в России, которая продолжалась около ста лет, начиная с декабристов, и о тех, кто пал в этой борьбе, не дожив до осуществления своей цели. В святой крови, пролитой в этой затяжной борьбе за свободу, есть значительная доля крови еврейского народа, и об этом оратор заявил с гордостью с трибуны съезда. По его предложению съезд почтил минутой молчания память жертв революции.

Говоря об опубликовании "Закона о равноправии", Членов приветствовал Временное Правительство и Совет рабочих депутатов, которые выступили совместно, дабы смыть с России позорное пятно, "которое веками на ней тяготело, — позор еврейского бесправия". Он расценил этот политико-юридический акт как "разрушение огромного гетто". Демократическое правительство может рассчитывать на еврейское население, которое приложит все силы для процветания новой России.

”Да, огромная, неизмеримая тяжесть свалилась 21-го марта с плеч российского еврейства. Развязались руки, столь долго скованные, открылись простор и кругозор, к которым наш глаз и мысль еще не привыкли. И именно теперь мы, русская ветвь единого народа, сможем со всем запасом скопленных сил и энергии, приступить к национальному строительству, к работе над теми великими национальными и общественными задачами, которые стоят перед нами. А задач много, и крупных.

Про нас, сионистов, часто утверждают — одни искренно, другие злонамеренно, — что мы отрицаем галут, что для нас вопросы диаспоры безразличны. Мало того, есть такие, которые заявляют, что для нас — чем хуже, тем лучше. Сионизм, говорят они, есть реакция на бесправие. Исчезнет последнее, и не будет почвы для первого.

Нет ничего ошибочнее такого утверждения. В сущности, достаточно прочесть, без предвзятых мыслей, Базельскую программу, чтобы выяснить истинное положение вещей. Организация и объединение сил еврейства в отдельных странах; подъем национального самосознания, — разве это не то же, к чему стремятся общественно-активные элементы не сионистские? Правда, у них этими задачами исчерпывается почти все содержание национальной работы; у нас они только этап на пути к дальнейшему, конечному идеалу — возрождению народа на его старой родине. Но ведь сущности творимой в диаспоре работы и ее важности это не меняет. — Еще яснее и полнее сказалось наше отношение к работе в галуте в решениях Гельсингфорсского съезда, того съезда, которого до конца своих дней не мог простить нам прежний режим. Наконец, годы войны и немногие месяцы русской свободы проявили это перед всяким, кто искренно ошибался...

Сионизм есть решение вопроса еврейского народа. Никто из нас не думает, чтобы весь еврейский народ сконцентрировался вновь в Палестине, по крайней мере в обозримом будущем. Этого совершенно не нужно

для решения проблемы. Что необходимо и к чему мы стремимся, это создать национально-территориальный центр для рассеянных по миру частей народа, национальную метрополию для наших национальных колоний. Этот центр заложен и будет впредь строиться и пополняться силами и средствами периферии. Периферия поэтому для нас очень важна. С другой стороны, осколки нации, разбросанные среди других народов, лишь тогда смогут вести здоровую жизнь, когда будут получать соки и стимулы из метрополии. Только так, в непрерывном общении центра и периферии, в органической их связи, рисуем мы себе оздоровление еврейского народного организма, решение всей проблемы еврейского народа. Гармонически, воедино сливаются для нас работа в Палестине и работа в диаспоре, одна другую пополняя, одна из другой вытекающая.

И эта связь делается все более понятной нашим массам, в том числе и тем кругам, которые себя не причисляют к сионистским рядам.

Мы стоим накануне Учредительного Собрания. Оно призвано заложить краеугольные основы новой жизни Свободной России и ее народов. Из 3-х основ, на которых держался прежний строй — народность, православие и самодержавие, — одна низвергнута навеки и заменена народовластием; вера в свободной стране является делом совести свободного гражданина, а на месте стремления к ассимилированию и подавлению одной народностью других — ныне предстоит свободное сожителство семьи самоопределяющихся наций, рядом трудящихся и совместно служащих интересам и величию родной страны. Бесконечно сложны и велики задачи, предстоящие Учредительному Собранию; в частности, одной из самых сложных задач представляется нам удачное разрешение национальной проблемы, при стремлении к гармоническому сочетанию интересов неделимого Государства и стремлений отдельных наций к свободному самоопределению и автономной жизни. В создании здоровых демократических основ жизни всей страны, в частности, в правильном решении националь-

ной проблемы — русское еврейство кровно заинтересовано. В эту государственную работу силы еврейства внесут свою, — позволяем себе думать, — ценную лепту. Но что мы должны сделать в первую очередь, ибо только мы одни можем это сделать, это выработать основы, на которых может и должно покоиться национальное строительство и национальное представительство свободного еврейства в России. Это должно послужить предметом серьезных и сложных работ нашего Учредительного Собрания — Чрезвычайного Еврейского съезда, который должен быть созван в близком будущем”.

Тем самым Членов заявил о стремлении и намерении провести всероссийский съезд евреев для определения направлений национальной деятельности и создания учреждений по строительству национальной жизни.

Вторую программную речь произнес Усышкин, включив в нее тему Эрец-Исраэль. Он не касался положения еврейского ишува в Стране во время войны, так как считал, что доходившая оттуда информация недостаточна. Вместе с тем он выразил надежду, что Палестина — Святая земля для многих народов — не пострадает в результате военных действий и, благодаря этому, не слишком пострадает и еврейский ишув, несмотря на все, что ему приходится сейчас переживать.

”В мировой войне переплелись многочисленные политические вопросы и противоречивые интересы великих держав, а внутри всего этого и вопрос Палестины, ждущий своего решения в общей группе ближневосточных проблем. Поэтому настало время во всеуслышание заявить, что Палестина, с которой связаны наша жизнь и надежды, должна быть передана еврейскому народу, и он завоюет ее, трудясь в поте лица своего”.

После докладов Членова и Усышкина открылись прения по затронутым ими вопросам.

4. Прения на Седьмом съезде

Прения были оживленными, подчас бурными. Кроме сионистов традиционного толка, составлявших подавляющее большинство делегатов, в съезде участвовали различные фракции и течения: религиозно-сионистская федерация Мизрахи, организация студентов Хехавер, фракция Цеирей Цион, радикал-социалистическая группа Поалей Цион, группа "активистов-легионистов", группа "Эт ливнот" ("Время строить")¹. Наиболее крупной была фракция Цеирей Цион, неоднородная в идеологическом плане, но зато хорошо организованная, и ее представители составляли 30% всех делегатов. В день открытия Седьмого съезда (24 мая) закончила свою работу Вторая конференция Цеирей Цион, проходившая также в Петрограде. Молодежь прямо с этой конференции коллективно и со своими знаменами прибыла в зал Седьмого съезда российских сионистов.

В общих прениях по докладам Членова и Усышкина представители Цеирей Цион Элияху Мунчик (Маргалит) и Исраэль Идельсон (Бар-Иехуда) потребовали строго соблюдать принцип еврейского труда в Эрец-Исраэль и признать его первостепенную роль в деле строительства Страны. Они также говорили о важности еврейских капиталовложений в Страну, в первую очередь — в Керен Каемет ле-Исраэль. Они особенно под-

¹ Об организации Хехавер речь шла уже выше; о конференции Цеирей Цион, а также о характере радикал-социалистической группы Поалей Цион будет рассказано далее. "Активисты-легионисты" были маленькой, однако весьма активной группой, открыто ориентировавшейся на Англию. Они поддерживали Жаботинского в вопросе о формировании еврейского легиона, который будет сражаться в рядах английских войск за освобождение Палестины от турецкого господства. Группу возглавляли Меир Гроссман, Иосиф Фишер, Иосиф Шехтман. "Эт ливнот" — правая группа, отколовшаяся от Цеирей Цион.

черкнули место сельских поселений в практической работе в Эрец-Исраэль.

Представители "активистов-легионистов" требовали от Всемирной сионистской организации отказа от позиции нейтралитета, поддержки инициативы Жаботинского по вопросу создания еврейского легиона и открытого выступления против Турции на стороне Антанты.

Отвечая выступавшим, Членов пояснил, что еще в начале войны сионистское Правление поставило себе следующие цели: 1) сохранение еврейского ишува в Эрец-Исраэль; 2) сохранение Сионистской организации; 3) подготовка к мирной конференции. Он отверг заявления, что не стоит принимать в расчет губительные последствия для ишува в случае выступления сионистского движения на стороне стран Антанты, а следует руководствоваться лишь политическими соображениями относительно будущего Эрец-Исраэль. Сионистское руководство, сказал Членов, того мнения, что нейтральная линия может обеспечить единство сионистского движения и во время войны. С другой стороны, нейтралитет не мешает готовиться к решающему моменту, который наступит после войны. Проводится интенсивная политическая работа во всех мало-мальски важных для нас странах, и эта деятельность уже дала серьезные результаты. Выбирая пути, мы должны вести себя с чрезвычайной осмотрительностью, ибо только в этом случае есть надежда достичь спасительного берега и предмета всех наших чаяний — Эрец-Исраэль.

На съезде были прочитаны следующие два доклада: Ицхака Гринбаума — "Наши национально-политические требования": д-ра Юлиуса Бруцкуса — "Наша тактика". Оба докладчика, основываясь на пунктах Гельсингфорсской программы 1906 года, разработали свои темы в свете новых условий в свободной России. По вопросу культуры выступали: Алтер Друянов — о месте языка иврит в нашей жизни: Хиллель Златопольский — о работе комиссии по культуре: Лев Яффе — о еврейской школе. Кроме того, съезд заслушал до-

клад Иехошуа Бухмиля о значении Национального фонда в строительстве Страны и доклад Элизера Черикова о работе главного бюро Керен Каемет ле-Израэль в России.

Относительно созыва всероссийского еврейского съезда говорил Гринбаум. Идея эта обсуждалась уже на Гельсингфорсском съезде одиннадцать лет тому назад, но до Февральской революции не было практической возможности ее осуществить. Теперь же, после победы революции, идею съезда поддерживают и все остальные еврейские партии и фракции. Состоялось межпартийное совещание, где антисиионисты всех мастей воспротивились включению в программу съезда пункта о Палестине. Представители сионистов разъяснили, что они рассматривают съезд как учредительное собрание евреев России, на котором будет обсуждаться весь комплекс национальных интересов еврейства, иначе говоря — требования гражданских и национальных прав в России, а также мнение русского еврейства по поводу будущего статуса Палестины, т. к. ее судьбе предстоит решиться на послевоенной мирной конференции. Сионисты заявили, что будут участвовать в съезде только при условии, что вопрос Эрец-Израэль будет стоять на повестке дня.

Говоря о национальных правах русских евреев, Гринбаум подчеркнул, что евреи, как экстерриториальный народ в государстве могут претендовать не на автономию, а только на самоуправление в области своей специфической жизни. В качестве первичной ячейки для организации национальной жизни послужит еврейская община, избираемая на основе демократического избирательного закона. Местные ячейки (общины) войдут в централизованную систему всероссийского союза общин.

Здесь встал вопрос о взаимоотношениях общинной и религиозной жизни, что вызвало бурный спор. Гринбаум предложил изъять религиозные дела из компетенции общинных комитетов как общих национальных органов, и передать их в руки тех, кто заинтересован

в них, то есть в руки самих верующих и их представителей. Это предложение вызвало сильную оппозицию. Особенно непримиримо выступали против него Усышкин и Златопольский, усмотревшие в предложении Гринбаума не компромисс, а опасное покушение на целостность еврейской жизни.

Дискуссия по этому вопросу приняла чрезвычайно резкие формы, и когда съезд большинством голосов отверг предложение Гринбаума и постановил включить в компетенцию общинных комитетов также и удовлетворение религиозных нужд, Гринбаум и его сторонники покинули зал заседаний в знак протеста. Опасаясь их ухода со съезда, Членов пришел на их собрание, чтобы убедить их остаться. Однако разногласия не дошли до раскола. Гринбаум со сторонниками вернулись в зал, заявив, что продолжают внутри движения борьбу за свои принципы и не примут участия в работе руководящих органов сионистского движения в России.

Раздел докладов завершился речью Александра Гольдштейна о проведении референдума по вопросу об Эрец-Исраэль как о национальном очаге еврейского народа. Цель референдума — доказать, что большинство русских евреев поддерживает требования сионистов.

Оратор напомнил, что на нелегальном съезде в Москве в 1915 году Пасманик выступил с подобным же предложением относительно референдума. Тогда, однако, нельзя было его провести, ибо сионистское движение работало в нелегальных условиях и в России в то время в общей сложности насчитывалось не более 18 тысяч "шекеледателей". Зато "теперь можно свободно провести всенародный опрос, причем Сионистская организация России опирается сейчас на целую армию — 140 тысяч человек. При таких обстоятельствах нам нечего опасаться технических затруднений, связанных с проведением референдума".

Гольдштейн был настроен в высшей степени оптимистично и заявил о своей уверенности, что в пользу Эрец-Исраэль проголосуют 99% еврейства России. Из России

же идея референдума распространится на остальные общины евреев в диаспоре — в Америке, Англии, Румынии, Галиции.

Предложение провести референдум было встречено с энтузиазмом и единогласно принято. Комиссия специалистов, составленная тотчас после съезда, приступила к разработке технической стороны этого мероприятия. Референдум не состоялся из-за большевистского переворота в октябре 1917 года.

Исполненный веры в лучшее будущее еврейства России и всего еврейского народа, великой веры в получение Эрец-Исраэль для еврейского народа после войны, Седьмой съезд сионистов России приступил к голосованию по итогам и резолюциям и к выборам в руководящие органы.

Закрывая съезд, д-р Членов отметил, что к Сионистской организации присоединяются молодые силы и организуются группы Хехалуца для алии в Эрец-Исраэль. Он высоко оценил решения съезда и особо подчеркнул значение резолюций по поводу требований, выдвигаемых сионизмом к практической работе в Эрец-Исраэль сразу же по окончании войны. В заключение оратор выразил надежду, что приближающийся сионистский конгресс разрешит многие проблемы, исполнятся надежды и развеются опасения.

Ицхак Гринбаум, принимавший в съезде самое активное участие, свидетельствует: "Седьмой съезд сионистов России завершился в обстановке высокого подъема духа. Никто в тот момент не подозревал, что он окажется последним съездом российских сионистов, а его резолюции не осуществляются и останутся как бы памятником русскому сионизму в дни самых радужных его надежд. Никто также не предполагал, что для д-ра Членова это была последняя встреча с представителями Сионистской организации, которой он посвятил свою жизнь и свой талант. Через некоторое время после съезда Членов покинул Россию и переехал в Лондон; он дожил до Бальфуровской декларации и

скончался, веря, что его мечта претворяется в жизнь”¹.

В конце своего эссе о Членове (“Книга памяти Членова”, стр. 46—47) профессор Бен-Цион Динур уделяет несколько строк съезду: “Седьмой съезд сионистов России ... был не только внушительной демонстрацией сионистского движения и его огромного влияния на сионистски настроенную общественность. Он свидетельствовал также о политической и общественной зрелости, как в проведении прений, так и в резолюциях. И хотя это относилось ко всем участникам, нет сомнений, что успех съезда в большой степени явился заслугой его председателя /Членова/. Своей вступительной речью он ввел работу съезда в определенное русло и, председательствуя, заботился, чтобы она не вышла из желаемых границ”.

5. Вторая конференция Цеирей Цион

Как упоминалось, делегаты фракции Цеирей Цион пришли на открытие Седьмого сионистского съезда прямо со своей Второй конференции, только что закончившейся в Петрограде. Первая конференция Цеирей Цион была проведена во время Одиннадцатого сионистского конгресса в Вене в августе 1913 года.

После Февральской революции движение Цеирей Цион быстро приобрело массовый характер. Однако оно не было монолитным в идеологическом отношении, совмещая в себе очень разные течения. Нужна была всероссийская конференция движения для выработки единой программы.

¹ Несмотря на тяжелую болезнь, Членов уехал из России по зову Вейцмана, чтобы вместе с Вейцманом, Соколовым и Ахад-Гаамом бороться за дело политического признания еврейской Палестины. Членов умер в начале 1918 года в Лондоне, где и похоронен.

Время проведения конференции выбрали с таким расчетом (18–24 мая 1917 г.), чтобы она смогла закончить свою работу как раз перед открытием Седьмого всероссийского сионистского съезда (24–30 мая).

Короткой речью на иврите конференцию открыл делегат из Эрец-Исраэль Элияху Мунчик. Он приветствовал установление демократического строя в России, почтил память жертв погромов и тех участников движения, которым не суждено было дожить до этих дней свободы, а также "наших братьев и сестер, павших на полях Иудеи и Галилеи в борьбе за возрождение народа в Эрец-Исраэль".

Различные в идеологическом плане течения в Цейрей Цион сводились на Второй конференции к трем основным группам:

1. "Социалисты". Рассматривали осуществление социализма как последнюю стадию освобождения еврейских трудящихся. Вместе с тем, представители этого течения отмежевались от марксистско-материалистического социализма, который считал носителем идеи социализма исключительно промышленный пролетариат. Еврейские социалисты противились механическому подражанию другим народам на их политическом пути, считая, что социализм промышленных стран неприменим в условиях еврейской жизни. Носителями социализма среди еврейского народа они считали все слои трудящихся, а не только промышленный пролетариат, удельный вес которого в еврейской жизни был крайне мал. Общественно-политическая программа сторонников социалистического движения заключалась в сплочении трудящихся всех слоев, защите их профессиональных интересов, соединении работы в Стране с деятельностью по удовлетворению нужд евреев в диаспоре, а также в участии во Всемирной сионистской организации, структура которой должна быть федеративной, в соответствии со слагающими ее различными течениями.

2. "Трудовики" (более "правые"). В то время как первое течение испытывало влияние русских народных социалистов, второе выбрало себе название, одноименное соответствующей русской партии, под идейным влиянием которой оно находилось. Оба русских течения по своей идеологии (но не на практике) были близки к эсерам и также отмежевывались от ортодоксального марксизма. Трудовики Цейрей Цион, по своим взглядам очень близкие к социалистическому течению, предпочитали не пользоваться термином "социализм", чтобы избежать недоразумений в отношении своей идейной позиции, хотя и вели работу среди трудящихся.

3. "Демократы". Сопротивлялись увязыванию идеи социализма (открытому или замаскированному) с программой движения, так как это, полагали они, может отвлечь массы от претворения в жизнь целей сионизма. Главной задачей движения они считали демократизацию Сионистской организации и ее органов и привлечение всего народа к осуществлению сионистских идеалов. В отличие от двух первых течений — социалистов и трудовиков — демократы не принимали федеративного принципа построения Сионистской организации.

На основе докладов и выступлений в прениях конференция приняла следующие резолюции:

По вопросу о программе

В соответствии с Базельской программой, народная фракция Цейрей Цион рассматривает сионизм как общенациональное и надклассовое движение. Фракция считает, что возрождение еврейского народа в Эрец-Исраэль, которое является конечной целью сионистского движения, — прежде всего в интересах еврейских трудящихся масс; поэтому в своей практической и политической работе фракция руководствуется национально-историческими требованиями и повседневными интересами этих масс.

Исходя из признания того, что национальное, политическое и экономическое освобождение народа, а также приобщение еврейского народа к общечеловеческому прогрессу невозможно вне условий нормальной национальной жизни, фракция Цейрей Цион стремится к строительству в Эрец-Исраэль автономного политического центра на здоровых социальных основах и к организации вокруг этого центра большого числа национально-политических автономий евреев диаспоры.

Как видим, эта формула была компромиссом между всеми тремя течениями. В основу резолюции лег проект, предложенный трудовиками. Обосновал и защищал его по поручению комиссии по выработке решений И.Марминский (Маром). Элизер Каплан¹ от имени социалистического течения и Исраэль Ритов от демократов поддержали проект и призвали делегатов проголосовать за него. Резолюция прошла подавляющим большинством голосов: 100 — за, 18 — против, 15 воздержались.

По вопросу о национальной культуре

При обсуждении доклада Хаима Гринберга единогласно постановили:

Исходя из того, что только иврит является национальным языком, объединяющим в диаспоре еврейство; что народным языком в Эрец-Исраэль может и должен быть лишь иврит; но, с другой стороны, учитывая, что подавляющее большинство народных масс в странах Восточной Европы и Северной Америки пользуются для повседневных нужд языком идиш, который также способствует подъему культурного уровня еврейского народа; что идиш, хотя и лишен признаков национального языка и не может служить инструментом строительства национальной культуры, тем не ме-

¹ Будущий первый министр финансов Государства Израиль.

нее цементирует определенные части народа и помогает росту его самосознания, сплочению народных сил и распространению просвещения, — конференция постановляет: 1) в национальных учебных заведениях преподавание должно вестись на иврите, что должно заложить основы образования и культуры на языке иврит; 2) должное место должно быть уделено и языку идиш.

В своей культурной работе фракция Цеирей Цион будет стремиться: а) к подъему в народе его национального сознания и культурного уровня; б) к созданию условий для развития общенациональной культуры и взаимодействия между будущим еврейским центром в Эрец-Исраэль и диаспорой.

По вопросу о практической работе в Стране

Основываясь на докладе Э.Мунчика, конференция постановила:

1. Основным содержанием работы в Стране является создание в Палестине еврейского большинства, базирующегося на сельском хозяйстве и еврейском труде.

2. Поскольку с окончанием мировой войны перед еврейским трудом и еврейским капиталом откроются широкие перспективы и встанут новые задачи, конференция постановляет:

- а) обязать всех членов Цеирей Цион усилить работу в пользу финансовых сионистских органов, особенно Национального фонда; вместе с тем конференция рекомендует выступить за идею обложения еврейского населения прогрессивным национальным подоходным налогом в пользу Керен Каемет ле-Исраэль;
- б) поддерживать связь с профсоюзами еврейских рабочих в Эрец-Исраэль и, совместно с Хапозль хацаир, содействовать воспитанию трудящихся еврейских масс и укреплению их позиций в Стране, а также способствовать созданию учреждений, необходимых для существования и развития еврейского рабочего класса;

- в) поддерживать связь с еврейскими общинами и еврейскими эмиграционными учреждениями для направления алии в Эрец-Исраэль;
- г) воспитывать еврейскую молодежь на халуцианских идеях и организовать молодежные группы для создания в Эрец-Исраэль национальной базы в сфере физического труда и духовного творчества;
- д) готовить к алии людей, чьи профессии требуются для строительства Страны, и содействовать алии морально и материально;
- е) создать постоянную комиссию по делам Хехалуца¹ и для ведения работы в Стране.

Резолюция была принята на пленарном заседании единогласно.

О р г а н и з а ц и о н н ы й в о п р о с

По докладу И.Марминского приняли следующую резолюцию:

Вторая конференция Цеирей Цион решает основать в рамках Сионистской организации автономную фракцию под названием "Народная фракция Цеирей Цион в Сионистской организации России". Конференция уполномочивает Центральный Комитет фракции вступить в переговоры с Центральным Комитетом Сионистской организации в России на предмет установления связи между фракцией и организацией. Лозунг фракции — земля и труд. Такое же название присваивается центральному печатному органу фракции на идиш: "Эрд ун Арбейт".

Так же единогласно были приняты резолюции, вытекающие из Гельсингфорсской программы и базирующиеся на ней, например: по экономической политике демократической России, по социальному законодательству, в области еврейской национальной политики

¹ О движении Хехалуц см. гл. 19, разд. 4 наст. работы.

(национально-персональная автономия) и др. Подчеркивалось, что в основном фракция Цеирей Цион в области социального законодательства и экономической политики солидаризуется с программой-минимум русских народных социалистов и с трудовиками.

После конференции фракция Цеирей Цион приступила к усиленной работе и вскоре число ее членов достигло 50 тысяч — цифра по масштабам и условиям того времени необыкновенная.

6. Радикал-социалистическая партия Поалей Цион

Социал-демократическая партия Поалей Цион, основанная в 1906 году на съезде в Полтаве, идеологически выглядела довольно пестро. Хотя она входила во Всемирный союз Поалей Цион (создан в 1907 г. в Гааге), она заняла особую позицию по отношению к сионистскому конгрессу. В то время как одноименные партии в других странах, входившие во Всемирный союз, принимали участие в конгрессе, российские Поалей Цион постановили на своем совещании в Вене в 1909 году порвать с конгрессом и прекратить связи со Всемирной сионистской организацией. Обосновывалось это тем, что социалисты не могут находиться в одной организации с представителями буржуазии. Этот догматический подход не разделяла партия Поалей Цион в Эрец-Исраэль, большинство членов которой были выходцами из России, а также Поалей Цион в Австрии, Англии и Америке, продолжавшие принимать участие в конгрессах. Да и в самой российской партии сохранилось меньшинство, настаивавшее на сотрудничестве с конгрессом, а также на иврите как национальном языке еврейского народа, в то время как большинство в партии противилось этому и отдавало предпочтение идиш.

После Февральской революции внутри партии свободно развернулась дискуссия, и очень скоро выяснилось, что расхождения между большинством и мень-

шинством настолько глубоки, что их невозможно устранить или сгладить. А поскольку в апреле 1917 года совещание Поалей Цион заново подтвердило враждебную позицию партии по отношению к сионистскому конгрессу, члены меньшинства решили из партии выйти и сорганизовались в самостоятельную партию под названием "Радикал-социалистическая партия Поалей Цион". Ввиду того что наиболее крупное отделение новой партии находилось в Одессе, этот город стал резиденцией ее Центрального Комитета. В официальной декларации о своем выходе из рядов социал-демократической партии Поалей Цион члены меньшинства заявляли:

"Принимая целиком установку по вопросу возрождения еврейского народа, мы стремимся к созданию в Эрец-Исраэль еврейского государства в духе социалистических идеалов и признания единства нации, уникальности Страны и единого национального языка. В качестве языка еврейского народа, в том числе и сознательного пролетариата, мы признаем язык нашей многотысячелетней культуры. По нашему мнению, язык этот является единственным инструментом развития еврейской мысли, национального воспитания еврейских масс и строительства еврейского просвещения".

Декларация далее констатирует, что идиш является одним из местных языков, к которым еврейский народ прибегал в разные эпохи и в разных местах своего рассеяния, и в этом смысле языку идиш также причитается достойное место.

Не отступая от принципа международной солидарности в классовой борьбе еврейского пролетариата, радикал-социалисты Поалей Цион считают правильным в сфере национальной работы координировать свои усилия со Всемирной сионистской организацией.

В первое время после своего основания новая партия насчитывала незначительное число участников, однако вскоре она так разрослась, что сумела послать на Седьмой съезд сионистов России 25 делегатов. Заслушав их декларацию, съезд постановил принять ради-

кал-социалистическую партию Поалей Цион в ряды Сионистской организации России в качестве автономной фракции.

В мае 1920 года на харьковском съезде была основана партия сионистов-социалистов, которая отделилась от Народной фракции Цеирей Цион. Как и все остальные сионистские течения в условиях диктатуры большевиков, она ушла в подполье. Постепенно к ней примкнули и радикал-социалисты Поалей Цион. Окончательное слияние двух партий произошло в декабре 1923 года.

Социал-демократическую партию Поалей Цион, принявшую догмы большевистской идеологии, власти терпели еще несколько лет, но в 1928 году ликвидировали и ее.

Глава двадцатая

ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ

1. Сионисты России в борьбе с антисионистами

Недолго длилась пришедшая с Февральской революцией "политическая весна". Всего только восемь месяцев пользовалось население России демократическими свободами, чтобы затем оказаться в кандалах тирании еще более жестокой, чем прежняя. Сначала никто не чувствовал приближения конца демократического строя, и жизнь шла в соответствии с новыми свободными порядками, пока 25 октября (7 ноября) не грянул большевистский переворот.

За восемь месяцев между февралем и октябрём сионистское движение развило большую активность. После Седьмого съезда новый Центральный Комитет с подъемом приступил к работе в духе принятых резолюций, в уверенности, что с победой революции настал

звездный час не только для России, но и для русского еврейства, и началась эпоха национального возрождения всего еврейского народа. Работа велась с энтузиазмом и огромной энергией и проходила, в основном, в сфере "гегенвартсарбейт", то есть в решении местных нужд и заселения Эрец-Исраэль. Были созданы кооперативы желающих переселиться в Страну, акции этих кооперативов распространялись среди широких масс сочувствующих, наладилась деловая информация общественности о положении в Палестине и развернулась кампания в пользу Керен Каемет. Велась большая работа среди населения по подготовке к выборам в общегосударственные, городские и в национальные еврейские представительные учреждения: Всероссийское Учредительное Собрание, которое должно было принять конституцию демократической России; муниципальные органы; еврейские общины на местах и, наконец, как самое важное, — на Всероссийский еврейский съезд, о созыве которого постановил Седьмой съезд сионистов России.

Во второй половине июля 1917 года в Петрограде состоялось предварительное совещание представителей еврейских политических партий и общественных течений по вопросу созыва еврейского съезда. Кроме представителей столицы, в нем участвовали делегаты других крупных городов с еврейским населением не менее 50 тысяч человек: Одессы, Екатеринослава, Харькова, Москвы, Киева, Бердичева, Минска, Гомеля, Витебска, Бобруйска, Елизаветграда, Кременчуга. Предполагалось, что будущий съезд должен сыграть роль учредительного собрания еврейства России, так чтобы его решения легли в основу требований, которые евреи предъявят Всероссийскому Учредительному Собранию.

Временное Правительство проявило понимание национальных требований русского еврейства, как они были сформулированы сионистами. Зато многочисленные трудности обнаружились внутри самой еврейской общественности, так как антисионистские течения всех оттенков, справа и слева, старались по возможности

обкорнать национальные требования, выдвинутые сионистами. На предварительном совещании был поставлен на обсуждение вопрос о программе работы съезда. Основные разногласия выявились по двум центральным пунктам: национальная автономия — ее содержание и объем, и вопрос об Эрец-Исраэль. Главным противником сионистов был социал-демократический и антисионистский Бунд, который наотрез отказывался включить в программу работы съезда вопрос о Палестине. Вдобавок, между сионистами и членами Бунда имелись серьезные расхождения во взглядах на само понятие еврейской национальности.

Программа Бунда по национальному вопросу ограничивалась требованием "национальной культурной автономии" для русских евреев, причем содержание этой формулы было крайне минималистским: оно сводилось к требованию признания идиш языком еврейской культуры и просвещения (в то время как иврит и основанная на иврите культура яростно отвергались). Представители Бунда утверждали, что нет ни места, ни оправдания еврейской обособленности, поскольку в демократической России будет гражданское равноправие и государственные учреждения, заботящиеся обо всех гражданах России, позаботятся и о евреях. Бунд также категорически отвергал точку зрения сионизма на единство еврейского народа во всех частях диаспоры, независимо от мест его проживания. Исходя из этого, бундовцы не принимали и предложения сионистов рассмотреть на съезде положение евреев в других странах для оказания им помощи (в Польше, фактически уже отрезанной от России, в Румынии и т. д.). Бундовцы считали, что евреи в своей гражданской и общественной жизни принадлежат странам их проживания, и нет между ними никакой связи, поскольку не существует единого в национальном смысле еврейского народа. Поэтому сионистская гипотеза об избавлении и возрождении еврейского народа в Эрец-Исраэль просто лишена всякой почвы и является выражением реакционных устремлений еврейской бур-

жуазии. Судьба русских евреев связана с достижениями русской революции, а посему все силы и энергия евреев должны быть направлены на укрепление революции. Попытка отвлечь евреев от этого их долга с помощью ложных фантазий о создании еврейского государства в Палестине является контрреволюционной.

Сионисты отвечали, что их положительное отношение к русской революции и ее успехам не нуждается в доказательствах и не подлежит сомнению; они убеждены, что поражение революции приведет к крушению всех национальных надежд евреев России, поставив под угрозу также их гражданское равноправие. Однако нельзя ограничивать жизнь евреев одной только областью культуры. В еврейской национальной жизни есть много своей специфики, порождающей и специфические нужды. Эти нужды невозможно полностью удовлетворить с помощью одних только национальных еврейских учреждений автономного характера, таких, как еврейские общины. Есть еще проблемы просвещения и культуры, экономики, здравоохранения, социальной помощи, профессионального обучения, эмиграции и управления ею. Потому-то сионисты выдвинули требование более обширной национально-персональной автономии для евреев России, в противовес национальной программе Бунда, сводившейся к требованию в пользу языка идиш. Сионистские делегаты подчеркнули также: немыслимо, чтобы съезд, который соберется в военное время, игнорировал бы вопросы, поставленные войной перед всеми малыми и угнетаемыми народами. Все они теперь выступают со своими требованиями, ориентируясь на мирную конференцию по окончании войны; не поставить на повестку дня съезда такие вопросы, как положение евреев в диаспоре и их права на Палестину, — значит расписаться в собственном ничтожестве и отсутствии чувства национального достоинства. Сионисты не просят, чтобы совещание, подготавливающее съезд, приняло какие-либо решения по данным вопросам; требование состоит лишь в том, чтобы эти вопросы были подняты на съез-

де, который будет созван на основе демократических выборов. Что до утверждения бундовцев, будто сионисты представляют мнение меньшинства и что еврейские массы не пойдут за сионистскими утопиями, то если так, чего же им, антисионистам, бояться? Сионисты готовы на риск поражения, лишь бы вопрос был вынесен на съезд. Пусть Бунд явится и ведет на съезде борьбу против сионизма и его стремлений. Сионисты заинтересованы в участии Бунда в съезде.

Однако Бунд и другие антисионистские течения считали так: их согласие на то, чтобы вопрос о будущем Палестины фигурировал на съезде отдельным пунктом, будет означать заведомое признание требований сионизма. Атмосфера на совещании накалилась, однако сионисты стремились избежать разрыва и были готовы к компромиссу. Когда же и представители Бунда убедились, что им не удастся настоять на снятии вопроса о Палестине, они объявили, что их сопротивление не носит ультимативного характера, они только не могут согласиться с выделением этого вопроса в отдельную тему. Договорились, что вопрос о Палестине будет обсуждаться вместе с вопросом о положении евреев в мире и их правах в других странах. От имени сионистов И.Гринбаум сказал, что, будучи заинтересованными в сотрудничестве на съезде всех общественных сил русского еврейства, сионисты снимают свое требование об отдельном обсуждении пункта о Палестине, на что представитель Бунда ответил, что, хотя его партия относится отрицательно к включению вопроса о Палестине и сионизме в программу съезда, она готова, за отсутствием другого выхода, принять предлагаемый компромисс. Свое согласие на компромисс бундовцы предварили условием: Палестина должна быть упомянута в соответствующем разделе не на первом месте, а после Польши, как бывшей русской территории... Сионисты приняли и это условие, потому что были уверены, что на съезде вопрос об Эрец-Исраэль все равно окажется центральным, независимо от того, каким он будет стоять на повестке дня. Формулировка, одобрен-

ная обеими сторонами, гласила: "Включить в повестку дня съезда вопрос об обеспечении гражданских и национальных прав евреев: а) в Польше, где недавно провозглашена независимость; б) в Палестине; в) в Румынии".

После того как договорились о программе работы съезда, был достигнут компромисс и по вопросу о составе организационного комитета, куда вошли представители всех течений и несколько беспартийных. Организационному комитету была поручена подготовка выборов делегатов съезда. В начале сентября 1917 года комитет опубликовал Положение о выборах на Всероссийский еврейский съезд, согласно которому избирательным правом, активным и пассивным, пользовался каждый еврей — гражданин России, начиная с двадцатилетнего возраста. Выборы были назначены на начало декабря; однако тем временем произошел октябрьский переворот и положил конец недолговременному демократическому строю. Тем не менее, поскольку тоталитарный режим еще не успел достаточно укрепиться, организационному комитету удалось в конце января 1918 года провести выборы делегатов на Всероссийский еврейский съезд. За списки сионистов на этих выборах было подано около двух третей голосов, но сам съезд не состоялся, потому что большевистские власти не допустили его проведения.

Сионистские списки завоевали большинство голосов и на выборах в еврейские общины и на городских выборах. Все это, и особенно выборы на еврейский съезд, которому, по своей сути, предстояло стать первым собранием еврейских парламентариев в истории России, ярко продемонстрировало, как велика была преданность русского еврейства делу сионизма и Эрец-Исраэль.

Большого успеха сионисты добились также на выборах во Всероссийское Учредительное Собрание в конце ноября 1917 года, уже после большевистского переворота. Большевики не препятствовали выборам по двум причинам. Во-первых, они сами все время тре-

бовали созыва Учредительного Собрания, а диктаторская их власть еще не была настолько крепка, чтобы можно было себе позволить публично отказаться от требований и обещаний, с которыми они лишь недавно выступали. И во-вторых, большевики надеялись, что за них проголосует большинство. Но оказалось, что большинство голосов — около 60% — народ отдал партии эсеров, а большевики собрали лишь 25% голосов.

На выборах в Учредительное Собрание сионисты шли в едином — и единственном — еврейском национальном списке вместе с беспартийными. Из него в Учредительное Собрание прошли семь депутатов, в том числе шесть сионистов: в Минской губернии — Юлиус Бруцкус, в Подольской — Александр Гольдштейн, в Херсонской — Владимир (Зезв) Темкин, в Бессарабии — д-р Яков Бернштейн-Коган, в Могилевской губернии — раввин Яков Мазе, в Киевской — М.Н.Сыркин; седьмым, также избранным в Херсонской губернии, стал адвокат Оскар Грузенберг (один из защитников Бейлиса), вошедший в список в качестве беспартийного кандидата. Грузенберг не был сионистом, но поддерживал национальные требования сионистов и обязался примкнуть к еврейской национальной фракции, которая будет образована в Учредительном Собрании.

Учредительное Собрание было созвано в Петрограде 5 января 1918 года, его председателем был избран Виктор Чернов, лидер партии эсеров, чья фракция набрала подавляющее большинство голосов. Чернов стал первым и последним председателем этого первого всероссийского парламента, потому что в ту же ночь, как известно, Учредительное Собрание было разогнано большевиками с помощью вооруженных отрядов. Парламент с подавляющим перевесом инакомыслящих, хотя и социалистов, был недопустим в глазах новых правителей, чьим лозунгом была "диктатура пролетариата". Так оказались похороненными и надежды русского еврейства на создание выборных органов национального самоуправления, на широкую сионистскую деятель-

ность и активное участие в строительстве Эрец-Исраэль. Здесь следует отметить, что в отличие от социал-демократов марксистов — как меньшевиков, так и большевиков, — эсеры проявляли, в общем, положительное отношение к еврейскому национализму. В статье "Национальное угнетение и революционный социализм", опубликованной в центральном органе партии эсеров "Революционная Россия" (который издавался в Женеве и тайно ввозился в Россию), Виктор Чернов еще в 1903 году писал о существовании целого народа, а именно еврейского народа, лишенного собственной сплошной территории и повсюду проживающего в рассеянии, под боком у других наций, волею истории постоянно живущих на своей земле. Разумеется, это не лишает еврейский народ права на самоопределение и автономное культурное развитие, которые партия эсеров за ним признает, как за любой другой нацией¹.

В том же духе Виктор Чернов высказался по этому вопросу и по прошествии пятнадцати лет, в своей вступительной речи на открытии первого и последнего пленарного заседания Всероссийского Учредительного Собрания. Провозгласив предоставление национальных прав всем населяющим Россию малым народам, Чернов сказал и о еврейском народе, назвав его "народом-пасынком", преследуемым больше всех других народов, народом, который по сей день служит козлом отпущения для всех эксплуататоров всего мира. На этот народ они пытались направить всю горечь и гнев трудящихся масс, чего бы не удалось проделать с любым другим народом, ибо у всех наций, без исключения, подавляющее большинство населения составляют трудящиеся массы. У еврейского народа, не имеющего

¹ Во всех нелегальных газетах авторы не подписывались под своими статьями. Однако журнал "Социалист-революционер", редактировавшийся Виктором Черновым, впоследствии сообщил, что автором вышеупомянутой статьи был лидер партии Виктор Чернов.

собственной территории, будет полное право в пределах Российской республики, равно со всеми другими народами, развивать свои национальные органы самоуправления и выражать там волю трудящихся.

Эта часть речи Чернова приведена и в книге его мемуаров "Еврейские деятели в партии социалистов-революционеров", изданной (на идиш) в Нью-Йорке в 1948 году. Там он, в частности, рассказывает, что Шломо З. Ан-ский (еврейский писатель и фольклорист, активный деятель партии эсеров), избранный по эсеровскому списку, заготовил тогда специальную декларацию о правах евреев, чтобы провозгласить ее с трибуны Учредительного Собрания. Однако, услышав слова Чернова, он отказался от своего намерения, заявив, что нет надобности для еще одной декларации, ибо Черновым все уже сказано, а свой проект еврейской декларации он просто спрячет в личный архив¹.

2. Декларация Бальфура

Российские сионисты в своем большинстве поддерживали линию нейтралитета, принятую сионистским исполкомом с началом войны. Такое отношение было продиктовано прежде всего опасениями за судьбу еврейского ишува в Палестине, отданного под бесконтрольную власть жестокого турецкого режима, а также из желания по возможности сберечь целостность и единство сионистского движения, участники которого

¹ В описываемое время эсер Ан-ский уже давно тяготел к сионизму и, по свидетельству профессора Бен-Циона Динура, был пылким сторонником идеи Жаботинского насчет создания еврейского легиона. Ан-ский покинул большевистскую Россию и переехал в Польшу; сначала жил в Вильно, потом в Варшаве. Умер в 1920 году. Виктору Чернову пришлось скрываться от преследований ЧК. Он бежал из России в 1922 году. Умер в Америке в 1952 году.

находились по разные стороны фронтов. Эта политическая линия отразилась и в речах вождей движения (Членова, Усышкина и других) на Седьмом сионистском съезде. Тем не менее они пристально следили за тем, как развиваются события в Лондоне в результате политических усилий Вейцмана и его сподвижников. Подъем сионистского движения в России как раз в момент победы революции должен был укрепить — и действительно в немалой степени укрепил — позиции Вейцмана и Соколова в их борьбе за признание английским правительством права еврейского народа на Палестину как на свой национальный очаг. Таким образом, есть серьезные основания считать, что то важное и решающее место, которое занимал сионизм в жизни русского еврейства, явилось существенным фактором в решении британского правительства, нашедшем выражение в Декларации Бальфура.

Вейцман вошел в контакт с Бальфуром еще в конце 1914 года и с тех пор поддерживал с ним связь по вопросу о будущей судьбе Эрец-Исраэль. В 1915 году Бальфур был главой адмиралтейства, а в 1916 году получил портфель министра иностранных дел в правительстве Ллойд-Джорджа. В конце июня 1917 года Вейцман, в сопровождении лорда Лайонела Уолтера Ротшильда, нанес визит Бальфуру и во время беседы высказался в том смысле, что пришло время обнародования официальной правительственной декларации о поддержке Великобританией требований сионистов относительно Палестины. Бальфур предложил Вейцману представить ему проект соответствующей декларации для внесения в правительство. С учетом такого важного поворота событий была создана консультативная политическая комиссия при Вейцмане и Соколове. В комиссию вошли видные английские сионисты, а также российские, жившие в то время за границей. Среди последних следует назвать Ахад-Гаама и Акиву Якова Эттингера, занимавшего пост главного агронома Национального фонда и считавшегося одним из крупнейших специалистов по Эрец-Исраэль.

В начале июля 1917 года Вейцман пригласил в Лондон Членова участвовать в политических усилиях и представлять там российский сионизм. Для Членова это была вторая поездка в Европу на сионистскую работу. Невзирая на тяжелую болезнь и уговоры друзей не подвергать опасности свое и без того пошатнувшееся здоровье, Членов откликнулся на призыв Вейцмана, считая себя не вправе уклониться от переговоров, в которых решалась судьба сионизма и Эрец-Исраэль. Его присутствие в Лондоне было особенно важно, т. к. Сионистская организация России была самой крупной и являлась самой авторитетной не только в глазах сионистов Запада, но и в глазах политиков великих держав.

Переговоры в Лондоне близятся к успешному завершению, официальное заявление ожидается со дня на день, и недопустимо, чтобы российский сионизм не сказал своего слова в эти решающие минуты, — так отвечал Членов своим друзьям и товарищам. Когда его друг, член Центра, адвокат Яков Клебанов заметил ему, что при таком состоянии здоровья поездка невозможна, Членов ответил со спокойной, слабой улыбкой: "Мне бояться нечего... Я человек обреченный, и смерть уж совсем близко стоит за моей спиной. Я знаю, что жить мне осталось недолго, и Бог знает, как я доеду и доеду ли вообще. Неужели вы полагаете, что я могу теперь не поехать, когда меня требуют туда? Неужели я должен предпочесть смерти на сионистском посту смерть в санатории под Москвой?"

И рассказывая об этом ответе Членова, Клебанов добавляет: "Мы знали, что он страдает злокачественным заболеванием и, как врач, прекрасно понимает свое положение. Я, однако, не ожидал услышать столь суровый приговор самому себе, не представлял, что спокойно и с жестокой уверенностью будут произнесены такие слова, слова полного отказа от личной жизни во имя идеи. Смущенный и потрясенный, я пытался извлечь из себя какое-то невнятное ободрение, даже шутливым словом хотел как-то смягчить всю беспощадность его обращения с собой; но когда я взглянул на

Членова, на черты его лица, внезапно похудевшего и заострившегося, на взгляд его глаз, обращенных вовнутрь, в себя, — язык мой онемел, и я протянул ему руку в прощальном привет» (Яков Клебанов, "Последняя встреча". В "Книге памяти Членова").

И действительно, Членов безвременно скончался 31 января 1918 года, спустя три месяца после оглашения Декларации Бальфура. На траурном митинге, организованном Сионистской организацией в Москве на "шлошим" — тридцатые сутки после кончины, — с речами выступили представители всех направлений в сионизме, а также представители других общественно-политических течений в еврействе России. Александр Гольдштейн сказал:

"Членов был человек обреченный, и если бы он не уехал в Лондон, мы, быть может, на Московском Драгомиловском кладбище говорили бы сегодня все то, что говорим здесь. Но мне кажется, что если бы Членов умер в Москве, то еще и другою скорбью были бы полны наши сердца. У нас бы тогда не было сознания, что все же Членову было дано пережить в последние месяцы самое великое счастье его жизни. Он достиг публичного признания наших стремлений в английской декларации".

Выехав из России летом 1917 года, Членов по дороге в Лондон задержался в Стокгольме и прибыл в Лондон только в октябре. Стокгольм также был местом важной политической деятельности сионистов, хотя и не столь решающей, как в Лондоне. В Стокгольме был центр международной социалистической борьбы, в которой участвовали представители всемирного союза Поалей Цион: Шломо Капланский, Берл Локер и Леон Хазанович (как упоминалось, за исключением российской социал-демократической партии Поалей Цион, все другие партии Всемирного союза сотрудничали с сионистским конгрессом).

Из-за мировой войны деятельность международного бюро Интернационала прекратилась, но социалистические партии нейтральных стран несколько раз во время

войны устраивали встречи своих представителей. Февральская революция явилась мощным стимулом для новой попытки организовать в международном масштабе, и 3 мая 1917 года в Стокгольме был создан Голландско-Скандинавский комитет социалистических партий Голландии, Швеции, Дании и Норвегии. Секретарем комитета стал Камиль Гюисманс, бельгиец (Бельгия еще в начале войны была оккупирована немецкими войсками, нарушившими нейтралитет этой страны, чтобы, заняв ее, напасть на Францию). Голландско-Скандинавский комитет поставил своей задачей войти в контакт с социалистическими партиями воюющих стран, определить позицию относительно условий заключения мира, а также восстановить Интернационал. Представители Всемирного союза Поалей Цион активно поддерживали работу комитета. Они представили ему меморандум по еврейскому вопросу в странах диаспоры и по вопросу еврейского поселения в Палестине.

Ввиду этой деятельности представителей Поалей Цион Членов задержался в Стокгольме и вместе с ними разрабатывал формулировку еврейских требований. Он встретился с секретарем комитета Камилем Гюисмансом и также вел с ним переговоры по этому поводу. Совместные усилия Членова и деятелей Поалей Цион привели к важным результатам. 10 октября 1917 года Голландско-Скандинавский комитет опубликовал свой мирный манифест, на основе требований разных народов. В частности, комитет требовал "международного решения еврейской проблемы, национально-персональной автономии в тех областях России, Австрии, Румынии и Польши, где сконцентрированы еврейские массы; защиты еврейского поселения в Палестине". В приложении к манифесту, кроме того, говорилось, что "развитие еврейского поселения в Палестине должно быть обеспечено международным правом".

Когда в мае 1917 года переговоры с правительством Великобритании вошли в практическую стадию, Вейцман регулярно информировал сионистский Центр в

России о положении дел. Однако не все члены Центрального Комитета разделяли мнение, что необходимо установить одностороннюю политическую связь с Англией и государствами Антанты в целом, в противовес странам Центральной Европы (Германии, Австрии) и Турции, потому что существует опасность для еврейского ишува в Эрец-Исраэль. Раздавались голоса, утверждавшие, что соблюдение политики нейтралитета предпочтительнее даже ясного английского обещания предоставить евреям национальный очаг в Палестине. Усышкин говорил, что следует воздержаться от принятия окончательного решения по этому вопросу, пока не выяснится, кто возьмет верх в войне. Трудно принять английский план, пока Эрец-Исраэль продолжает оставаться в руках у турок. Нельзя также полагать, что Германия будет разгромлена до такой степени, что примет навязанные ей мирные условия.

Членов же был такого мнения, что на мирной конференции решающее слово будет принадлежать Америке, Англии, Франции, Италии и России. Отказ от предложения Англии на сей раз явится невосполнимой потерей. Сионисты однажды уже отвергли обращение Англии в случае с Угандой. Но теперь дело идет не об Уганде, а об Эрец-Исраэль. От Германии сионизм не получит ничего и не заслужит ее благодарности, даже если снова отвернется от Англии. Что касается Турции, то если она и не окажется совершенно обессиленной и удержит в своих руках Палестину, следует учесть, что Турция и впредь будет зависеть от великих держав. Она постарается избавиться от немецкого ига и тем самым неизбежно попадет в орбиту английского влияния. Американские дипломаты также всегда будут иметь вес в Константинополе. Правда, и Членов видел опасности, которыми нельзя пренебрегать, но все-таки считал, что на сей раз предложение Англии необходимо принять безоговорочно.

После затяжного тяжелого спора Центр российских сионистов постановил послать сионистам в Лондон положительный ответ по поводу английского предложе-

ния. За это решение проголосовали И.Л.Гольдберг, И.Розов, И.Членов. Усышкин проголосовал против. А.Гольдштейн и Л.Яффе воздержались. Обсуждение это состоялось в Москве за три недели до созыва Седьмого сионистского съезда в Петрограде.

В конце мая 1917 года переговоры с правительством Великобритании достигли решающего этапа, уже было широко известно, что ведущие английские политики приняли план Вейцмана относительно еврейской Палестины под властью Англии.

И вокруг этого разыгралась настоящая буря в еврействе Англии, что характерно для общественной жизни нашего народа. Бурю вызвали духовные наследники реформистских раввинов. Ассимилированных евреев, этих "англичан Моисеевой веры", бросило в дрожь, когда они узнали, что сионисты добиваются от правительства признания за евреями права на национальный очаг в Палестине. Правда, среди еврейской общественности Англии они находились в меньшинстве, но зато в эту группу входили чрезвычайно влиятельные люди: Эдвин Монтегю, министр по делам Индии; Люсьен Вольф, журналист, политик и историк; Клод Монтефиоре, литератор и общественный деятель, один из вождей реформистского еврейства, родственник Моше Монтефиоре, и другие. Они не ограничивались внутренними спорами в рамках еврейской общности — они атаковали действия Вейцмана и его товарищей со страниц английской печати и в правительственных кругах. Они яростно боролись против любой декларации, которая признала бы в евреях нацию. В своих воспоминаниях Вейцман называет этих людей "внутренними врагами". Страх перед проблемой "двойной лояльности" лишал их покоя, и они затянули старую песню, что евреи не нация, а всего лишь религия, и нечего поэтому говорить о еврейском национализме. Февральские события в России вооружили их дополнительным аргументом: падение царизма и приход к власти демократического правительства во главе с социалистом Керенским, заявляли они, положили конец ев-

рейской проблеме в России и ликвидировали причины, заставлявшие евреев эмигрировать оттуда. А поскольку русское еврейство, являвшееся основной базой сионистского движения, в нем больше не нуждается, у сионистов нет отныне никакой опоры в еврействе.

Однако действительность еврейской жизни в России в дни Февральской революции разбила этот их "практический" довод, подобно тому, как вся еврейская история опровергала их идейные аргументы. Как сказано, сионизм никогда еще не переживал такого расцвета в среде русского еврейства, как в период революции. Об этом правительству в Лондоне докладывали из России английские дипломаты.

Борьба между сионистами и ассимиляторами в английском еврействе была ожесточенной и упорной. Хотя ассимиляторам не удалось предотвратить опубликование Декларации, они все-таки добились определенного ослабления ее формулировок. Вместо принципа "признания Палестины в качестве национального очага еврейского народа", как значилось в предварительной формуле, согласованной с премьер-министром Ллойд-Джорджем и министром иностранных дел Бальфуром, в Декларации стояло: "Национальный очаг для еврейского народа в Палестине". Разница между двумя вариантами очевидна и не требует комментариев. Вейцман в своих воспоминаниях замечает, что ему не была предоставлена возможность изложить взгляды сионистов перед военным кабинетом, который должен был утвердить окончательный текст, в то время как позиция антисионистов защищалась в кабинете в самой энергичной форме министром Монтегю. И тем не менее, говорит Вейцман, "даже этот, второй, вариант, при всех его усечениях и выхолощенности, был гигантским событием в истории рассеяния евреев".

Декларация правительства Великобритании по поводу создания национального очага еврейского народа в Палестине, известная под именем "Декларации Бальфура", была оглашена 2 ноября 1917 года. Бальфур,

министр иностранных дел тогдашнего английского правительства, писал лорду Ротшильду:

”Министерство иностранных дел, 2 ноября 1917 года.

Дорогой лорд Ротшильд,

С большим удовольствием передаю Вам от имени Правительства Его Величества нижеследующую декларацию о симпатии к еврейско-сионистским чаяниям, внесенную в кабинет и утвержденную им:

”Правительство Его Величества благожелательно относится к основанию национального очага еврейского народа в Палестине и сделает все от него зависящее, чтобы облегчить осуществление этой цели, исходя из ясного понимания, что не будет предпринято ничего такого, что может нанести ущерб гражданским либо религиозным правам нееврейских общин, существующих в Палестине, либо правам и статусу, которым пользуются евреи в любой другой стране”.

Я буду Вам признателен, если Вы доведете до сведения Сионистской федерации данную декларацию.

Преданный Вам Артур Джеймс Бальфур”.

Фраза насчет ”прав и статуса евреев в любой другой стране” отражала страх ассимилированных евреев перед своим будущим: как бы им не повредило признание евреев особой нацией.

Если, в конечном счете, мы сравним главный параграф Базельской программы, где речь идет о создании для еврейского народа национального очага в Палестине, с Декларацией Бальфура, то увидим, что текст этого параграфа двадцать лет спустя оказался включенным в декларацию английского правительства. Можно, таким образом, сказать, что, с исторической точки зрения, к Декларации Бальфура вел путь, хоть и не прямой, от Первого сионистского конгресса. Нет сомнений, что английский термин ”Нешенэл хоум” в тексте Декларации тождествен немецкому ”Хаймштетте” из Базельской программы. И еще одно можно с уверенностью предполагать: создатели Базельской программы (Герцль и его сподвижники) и вдохновители Деклара-

ции Бальфура (Вейцман и его товарищи) имели в виду еврейское государство (так это трактовали и поддерживавшие их видные политики), хотя и не заявляли об этом открыто, руководствуясь политическими расчетами и опасениями, как бы такая формулировка не повредила делу.

Существуют различные мнения о намерениях английского правительства в момент оглашения Декларации. Одни подчеркивают симпатии английских высокопоставленных деятелей к идеям сионизма и традицию поддержки этих идей, сложившуюся еще до политического сионизма и до Первого сионистского конгресса в Базеле. Памятны имена англичан-христиан Эдуарда Казалетта и Лоуренса Олифанта — "провозвестников Сиона", которые опубликовали план поселения евреев в Палестине (1880, 1879 гг.), писательницы Джордж Элиот, автора романа "Даниэль Диронда" (1876 г.) и других. Некоторые, напротив, говорят, что не следует приписывать британским политикам никаких сантиментов, что в деле с Декларацией английское правительство руководствовалось лишь трезвым эгоистическим расчетом, как об этом свидетельствовала потом двуличная политика мандатных властей во все годы их правления в Палестине; только из политических соображений наши национальные органы в Стране и сионистское руководство заявляли о будто бы существующих разногласиях между мандатными властями в Иерусалиме и Лондоном... На деле британские власти в Иерусалиме проводили политику, продиктованную лондонским правительством. Но, так или иначе, историческое значение Декларации Бальфура для возрождения еврейского народа на его исторической родине бесспорно: с ее оглашением еврейский народ впервые в новейшей истории вышел как национальный коллектив на международную арену, и сионизм из внутреннего еврейского дела превратился в фактор международной политики. В этом смысле Декларация явилась важным этапом на пути возникновения Государства Израиль тридцать лет спустя.

18 декабря 1917 года, через девять дней после освобождения Иерусалима от турок английскими войсками, в Лондоне было опубликовано воззвание к еврейскому народу во всем мире за подписями Членова, Соколова и Вейцмана (воззвание написал Членов). Там, в частности, говорилось:

”Декларация вручает еврейскому народу ключ к свободе и счастью. Отныне все зависит от еврейского народа и только от него одного. Декларация — это порог при вратах входа в Эрец-Исраэль. Она несет в себе великое воздаяние еврейскому народу за все невзгоды, пережитые им на протяжении тысячи восьмисот лет. ... Надо снова приступить к работе, с обновленными силами и при помощи новых средств. ... Нам нужны новые мысли, новые слова и новые действия”.

Воззвание призывает еврейский народ к объединению всех сил во имя своего избавления от жизни в галуте и во имя строительства Страны.

Весть о Декларации Бальфура достигла России уже в первые дни большевистского переворота. Центральный Комитет сионистов России опубликовал пламенное заявление, в котором торжественно сообщал о великом историческом событии и призывал евреев к усиленной сионистской деятельности. Русская общественность также придавала Декларации большое политическое значение, и в русской демократической печати (еще не ликвидированной большевиками) появились благожелательные отклики на это событие.

Декларация вызвала у еврейского населения во всех концах России и на Украине мощный сионистский подъем. Еврейские массы были охвачены радостью и неописуемым энтузиазмом. В Москве и Петрограде состоялись большие митинги и демонстрации, то же самое и в провинциальных городах. На улицы Одессы с флагами и песнями вышло около 150 тысяч человек, и шествия продолжались весь день. Во главе демонстрации шагал М.Усышкин (который в мае еще голосовал за прекращение переговоров с английским правительством из опасения, что они повредят еврейскому

ишу в Стране и сионизму как всемирному движению). Шествие останавливалось перед консульствами стран Антанты, консулы выходили к участникам и обращались к ним с торжественными приветствиями. То же происходило в Киеве, Екатеринославе, Херсоне, Харькове, в Подолии, в Минской и Витебской губерниях, в городках и местечках. Всюду шли праздничные богослужения в синагогах и проводились массовые митинги.

Антисионистский Бунд пытался, как только возможно, умалить значение Декларации Бальфура, но это ему не удалось: люди не обращали внимания на листовки и прокламации, которые бундовцы раздавали на улицах. Английские консулы были немало поражены беспримерным энтузиазмом еврейских масс и в подробных отчетах английскому правительству о том, как русское еврейство встретило Декларацию, писали, что сионисты создали в России атмосферу проанглийских настроений. Консулы также замечали, что если бы Декларация была оглашена раньше, это, возможно, повлияло бы на ход революции в России.

В двух сионистских изданиях — "Петроградер Тагблат" (на идиш) и "Рассвете" — появилась анонимная статья под названием "Начало избавления", посвященная Декларации Бальфура. (Ее автор, Ицхак Гринбаум, впоследствии рассказал об этом в своей книге "Сионистское движение в развитии".)

"Всего несколько строк. Осторожные, сдержанные слова. Это не декларация вторгнувшегося в страну военачальника, желающего завоевать доверие жителей; не воззвание, а заявление правительства, которое отвечает за свои слова и не намерено вводить в заблуждение, путать. Всего несколько строк, выверенные обороты, и из них встает начало избавления, начало осуществления наших новодревних надежд, наших чаяний. Вероятно, так воспринимался в древние времена текст персидского дозволения восстановить из развалин Храм и Иерусалим. Немногие, сдержанные слова, почти потонувшие в рассказе об этом событии, дошедшем до нас

в библейских книгах. А ведь на основании этого разрешения было восстановлено Второе Израильское Царство, которое сыграло столь важную роль в мировой истории и так много дало всему человечеству”.

В заключений говорилось:

”Почти два тысячелетия ждали мы этого часа. Два тысячелетия ужасного изгнания. И вот пришел час начала избавления. Британская декларация, как трубный рог, призывает нас к возрождению и восстановлению. И мы поднимаемся, соберем все силы, дабы быть достойными этого великого исторического часа, дабы быть мужественными, проникнутыми могучей волей, готовыми к самопожертвованию и действию”.

Это было точное выражение настроений, царивших в сионистском движении в России. Но развитие событий свело на нет волю и стремления этого движения и русского еврейства. Октябрьский переворот большевиков, свержение демократии и установление диктатуры, затяжная гражданская война, погромы на Украине, в которых погибло около 150 тысяч евреев, преследование советским режимом сионизма и любых проявлений еврейского национализма и культуры — все это подавило русское еврейство и напрочь отрезало его от участия в воплощении сионизма и строительстве Страны. Но в дни ”сионистской весны”, переживаемой еврейством России, никто себе не представлял, да и не мог предвидеть разгрома, который готовила еврейству и его надеждам большевистская диктатура.

3. Еврейские войсковые части

Как уже было рассказано, Жаботинский и Трумпельдор совместно действовали в Александрии (Египет), стараясь организовать еврейскую боевую часть в рядах британской армии. Было это в начале войны, еще до того как британское верховное командование приняло решение о наступлении в Палестине, и военные власти отказали в создании еврейской боевой части, предло-

жив создать транспортный отряд для посылки на один из фронтов, необязательно в Палестину. Жаботинский отверг это предложение наотрез, но Трумпельдор его принял, и так возник "Сионистский отряд погонщиков мулов" под командованием полковника Паттерсона и его заместителя Трумпельдора. Отряд действовал на Галлиполийском полуострове, отличился эффективными действиями, преданностью идее и героическими поступками, заслужив похвалу и признание английских военных властей. Позднее, работая над воспоминаниями об истории легиона, участвовавшего в завоевании Палестины в конце мировой войны, Жаботинский без околичностей признал, что ошибся в своем отношении к транспортному отряду и что прав оказался Трумпельдор:

"Эти шестьсот "погонщиков мулов" потихоньку открыли новую эру в развитии сионистских возможностей. До тех пор трудно было говорить о сионизме даже с дружелюбно настроенными политическими деятелями: в то жестокое время, кому из них было до сельскохозяйственной колонизации или до возрождения еврейской культуры? Все это лежало вне поля зрения. Маленькому отряду в Галлиполи удалось пробить в этой стене первую щель, проникнуть хоть одним пальцем в это заколдованное поле зрения воюющего мира. О еврейском отряде упомянули все европейские газеты; почти все военные корреспонденты, писавшие о Галлиполи, посвятили ему страницу или главу в своих письмах, потом и в книгах. Вообще, в течение всей первой половины военного времени, отряд этот оказался единственной манифестацией, напомнившей миру, в особенности английскому военному миру, что сионизм "актуален", что из него еще можно сделать фактор, способный сыграть свою роль даже в грохоте пушек. Для меня же лично, для моей дальнейшей работы по осуществлению замысла о легионе, Zion Mule Corps сыграл роль ключа, открыл мне двери английского военного министерства, дверь кабинета Делькассэ в Париже, двери министерства иностранных дел в

Петербурге.

Но и чисто военная история Галлиполийского отряда тоже представляет собой яркую страницу в нашей книге военной летописи”.

В середине апреля 1915 года, будучи в Александрии, Жаботинский получил телеграмму из Генуи от Пинхаса (Петра) Рутенберга, просившего о личной встрече. Еще до отъезда из Рима в Александрию Жаботинский узнал от русского писателя Александра Амфитеатрова, что проживавший тогда в Италии известный революционер Рутенберг, член русской партии эсеров, в последнее время усиленно интересуется сионизмом и говорит, что вступление Турции в войну открывает перед евреями исключительные возможности. Жаботинский знал Рутенберга и историю его жизни понаслышке, лично знаком с ним не был и никогда не встречался. Получив от Рутенберга телеграмму, Жаботинский простился с Трумпельдором и отплыл в Италию. Рутенберг также был наслышан о личности Жаботинского, его деятельности в сионистском движении и месте, которое он там занимал. Поэтому Рутенберг и обратился к нему по делу, оказавшемуся, как вскоре выяснилось, общим для них обоих.

Зезв, или как он был известен под своим русским именем Владимир Евгеньевич, Жаботинский был одной из наиболее крупных и блестящих фигур в русском сионизме, да и среди всей еврейской общественности России. Вейцман, который с 1923 года сделался самым резким и энергичным политическим противником Жаботинского в сионистском движении, в своей автобиографической книге упоминает его несколько раз; отмечая достоинства и недостатки Жаботинского, он пишет:

”Он явился к нам из Одессы в качестве вундеркинда. В 20 лет с небольшим он уже достиг значительной известности как русский журналист, писавший под псевдонимом ”Алталена”, и привлек к себе внимание таких людей, как Максим Горький и старик Лев Толстой. Он был также оратор Божьей милостью и знал

полдюжины языков. Но главное, чем он памятен, связано с основанием еврейского полка в Первую мировую войну, созданием ревизионистской партии и того, что зовется "Новой сионистской организацией".

Сионистской работе Жаботинский особенно отдался после Кишиневского погрома и в том же году (1903) был избран делегатом от Одессы на Шестой конгресс в Базеле. Во время угандийской полемики он был вместе с противниками Уганды и вместе с ними ушел из зала заседаний. Очень скоро он стал одним из главных ораторов русских сионистов и имел огромное влияние на еврейскую учащуюся молодежь и русскоязычную еврейскую интеллигенцию. Его статьи, которыми зачитывались все, будили еврейское национальное сознание и призывали не склонять головы перед лицом антисемитов любого толка. В качестве члена редакции органа российских сионистов "Рассвет" (главным редактором которого был Авраам Идельсон) Жаботинский очень многое сделал для развития сионистской мысли и методов сионизма. Он умело и энергично боролся с ассимиляторами, с антисионистским Бундом и с антисемитизмом. Своими замечательными переводами на русский язык стихов Бялика он приблизил еврейскую (и не только еврейскую) интеллигенцию к новой еврейской национальной поэзии на иврите. Что касается направления сионистского движения в России, Жаботинский выступил за синтез "гегенвартсарбейт" и работы в пользу Эрец-Исраэль, иначе говоря — за соединение борьбы за еврейские права в диаспоре с задачами, связанными с Эрец-Исраэль, как это было сформулировано в Гельсингфорсской программе, одним из творцов которой он являлся (вместе с И.Гринбаумом, А.Идельсоном и другими).

Верный ученик и сподвижник Жаботинского Иосиф Шехтман рассказывает, что он имел необыкновенные лингвистические способности и отличался талантом проникновения в дух каждого языка, который изучал. Он в совершенстве владел семью языками и достаточно хорошо знал еще несколько. Свои литературные

произведения — прозу и поэзию, а также многочисленные публицистические статьи — он создавал, в основном, на русском языке, но писал также на иврите, идиш и европейских языках. В России он работал до начала Первой мировой войны и сделал многое для возрождения языка иврит и основания сети еврейских школ.

Вот как описывает Жаботинский свою встречу с Рутенбергом в Бриндизи:

”Десятиминутной беседы оказалось достаточно, чтобы сговориться о главном. Хотя мы никогда и не переписывались, тут обнаружилось, что думали мы одну и ту же думу. И больше того: хотя в печати тогда еще не было ни одного слова ни о легионе вообще, ни об александрийских добровольцах, он почему-то знал наверное, что я работаю для этой цели; и я, хоть А.В.Амфитеатров в Риме не умел мне объяснить, в чем заключались планы Рутенберга, тоже сразу понял из его короткой телеграммы, зачем ему нужно свидание со мною. Странно, откуда берется этот беспроволочный телеграф между людьми, которые, встретясь на улице, не узнали бы друг друга...”

Как свидетельствует Вейцман, Жаботинский и Рутенберг по-отдельности пришли к нему с одной и той же идеей насчет создания еврейской боевой бригады на стороне Англии; это было осенью 1914 года, вскоре после начала войны, еще до приезда Жаботинского в Александрию и его встречи с Трумпельдором. В период встречи с Вейцманом вся деятельность Рутенберга была сосредоточена на вопросе о еврейских войсках. Своим крупнейшим предприятием на благо Эрец-Исраэль — постройкой на Иордане электростанции для электрификации Страны — Рутенберг занялся лишь несколько лет спустя.

Во время встречи в Бриндизи Жаботинский и Рутенберг договорились, что необходимо сформировать бригаду из молодых евреев, выходцев из России, которых насчитывались тысячи в Англии, Франции и в нейтральных странах, а также в Америке, и что самый подходя-

щий компаньон в этом деле — Англия. Оба начали совместно действовать в Риме, затем Жаботинский поехал в Англию и Францию, а Рутенберг отправился в Америку. Еще находясь в Италии, Рутенберг написал на русском языке статью "Национальное возрождение еврейского народа", где, в частности, выдвинул и свою идею о формировании еврейского боевого соединения на стороне стран Антанты, против Турции и Германии. Рукопись он привез в Америку и вступил в переговоры с партией Поалей Цион по вопросу ее издания. Однако американские Поалей Цион, участвовавшие в сионистском конгрессе и входившие во Всемирную сионистскую организацию, соблюдали нейтралистскую линию, установленную сионистским руководством, и поэтому вычеркнули (с согласия автора) место, где говорилось о создании еврейского отряда. Статья была переведена на идиш и издана в Нью-Йорке летом 1915 года отдельной брошюрой (в Израиле она была выпущена на иврите с предисловием Ицхака Бен-Цви в первую годовщину смерти Рутенберга). На брошюре на идиш значилось имя автора — Пинхас Бен-Ами: так подписывался теперь русский революционер Петр Рутенберг, который некогда был весьма далек от своих соплеменников и братьев, а теперь вернулся к ним после радикального пересмотра своего мировоззрения. Следует отметить, что к моменту написания своей работы Рутенберг еще не читал сочинений Пинскера и Герцля. Он пришел к сионизму самостоятельным путем и безоговорочно его принял. Вот некоторые мысли из его статьи:

"Евреи, рассеянные и разбросанные по различным русским социалистическим партиям, занимаются мировыми вопросами и заботятся обо всех народах, не только больших, но и малых: поляках, финнах, сербах, турках, армянах, арабах. Зато национальные интересы евреев являются для них "шовинистскими" и "реакционными". Еврейские социалисты, аттестующие себя "идеологами русского пролетариата", не замечают и не чувствуют, что это вызывает пренебрежительное отношение к ним даже со стороны их товарищей — русских

социалистов. Почему же, в таком случае, еврею нельзя быть еврейским революционером, еврейским социалистом, борющимся с полным сознанием своего национального достоинства, как русский, французский, немецкий социалисты-революционеры?

Социализм международен, но отнюдь не космополитичен. Космополитизм — еврейское творение, творение людей безродных, бездомных, лишенных уверенности в завтрашнем дне. В свое время космополитизм сыграл свою роль, но время это прошло. И сколько бы мы, еврейские "русские социалисты", ни твердили, что являемся "русской секцией Интернационала", нас не будут считать русскими, ибо это неправда.

Мы растрачиваем наши силы и энергию на пустопорожние споры, к которым никто, кроме нас, не прислушивается, на "резолюции" и "лозунги" по поводу войны и мира, как будто война и мир зависят от наших лозунгов и решений. И мы не замечаем и не чувствуем, что все это не что иное, как опиум, бессознательно изобретенный нами, чтобы заглушить и остановить наши специфические еврейские муки, понятные только нам. Это муки, которые терзают душу и голодного еврейского революционера, и сытого еврейского банкира. Мы не видим и не замечаем, что в это страшное время наше тяжелое положение беженцев-эмигрантов превращается в унижительную льготу, порождающую презрение и ненависть к нам в сердцах бесчисленных окружающих нас вдов и сирот, презрение и ненависть не как к русским, а как к паразитирующим евреям.

Велика ответственность каждого еврея, способного сделать что-то для своего народа. Велика его ответственность за каждый пустой день и час, за все, что сделано, и за все несделанное. Государства, входящие в Антанту, провозгласили, что они воюют за культуру, за свободу малых народов. Наше национальное значение — материальное и духовное — не подвергается сомнению. По числу жертв, понесенных еврейским народом в этой войне, по количеству солдат, которых мы дали фронту, мы фактически являемся самым внуши-

тельным союзником государств Антанты. Наша доля больше, нежели доля Бельгии, Сербии и Черногории. Мы должны поэтому потребовать и добиться, чтобы этот факт был публично признан. Мы должны добиться официального признания представительства еврейского народа на мирной конференции, чтобы оно могло от его имени вести переговоры с правительствами заинтересованных стран и представлять интересы еврейского народа в официальном порядке. В этом направлении нам следует организовать и вести систематическую пропаганду в американской и европейской печати. Нашей целью будет — еврейское государство в Эрец-Исраэль и достойное человеческое существование во всех концах диаспоры на основе гражданского, политического и национального равноправия”.

Рутенберг так описывал ход своих мыслей, который привел его, русского социалиста-революционера, к сионистскому мировоззрению:

”Я социалист и отдаю себе ясный отчет в том, что собираюсь содействовать воплощению сионизма, а не социализма; воплощению капиталистического еврейского государства, далекого от земного рая. И там у нас будут богатые и бедные, и горе, и несправедливость, и жестокость. Но все это будет нашим, продуктом нашей еврейской жизни, как у остальных народов. Наше будущее будет зависеть от нашей силы, нашей способности, борьбы. Положение прочих мест нашего рассеяния, которые попрежнему останутся разбросанными по всем странам, будет зависеть от нашего положения в Эрец-Исраэль. И с нас хватит этого, ибо в этом все”.

Рутенберг завершает статью следующими словами:

”Ежели мы, современные евреи, ныне не выполним нашего долга перед народом, то на нас, наших детей и внуков ляжет вечное проклятие и позор. Но этому не бывать, ибо велики силы еврейского народа и безмерны его страдания. И они его подстегнут не упустить этот исторический час, час единственный для своего

освобождения и возрождения. Теперь — или никогда”.

Итак, Рутенберг действовал в Америке, а Жаботинский в это время добивался создания еврейской бригады в столицах стран Антанты, главным образом в Лондоне. Однако его усилия наталкивались на почти всеобщее сопротивление. Среди редких его сторонников был, как уже упоминалось, Вейцман. Идею еврейского войскового подразделения поддерживал и Зангвиль, но Макс Нордау был против нее. Закончились неудачей и все усилия Жаботинского добиться разрешения английского правительства на формирование бригады. В конце августа 1916 года военное министерство сообщило, что правительство не намерено формировать еврейскую часть. Энергичное сопротивление плану Жаботинского оказывали также евреи Уайтчепеля — еврейского квартала в восточной части Лондона, где проживали, в основном, иммигранты из Восточной Европы, в том числе множество русских подданных. Во всей Англии жило тогда около 10 тысяч русских евреев призывного возраста и 5 тысяч в возрасте до 41 года. Это вызывало недовольство и раздражение английского общества, потому что, будучи русскими подданными, эти евреи не подлежали призыву в английскую армию, добровольно же в армию они не шли и не хотели защищать страну, которая дала им приют. Ходили слухи, что, если они не пойдут в армию по доброй воле, их отошлют в Россию. Отсюда буря, поднявшаяся среди евреев Уайтчепеля, и озлобление, которое у них вызывал Жаботинский и его план.

Внутренние и внешние затруднения на пути идеи еврейской бригады надолго задержали ее осуществление, и только в конце августа 1917 года, накануне опубликования Декларации Бальфура, наступил перелом, после того как британское военное министерство (под заметным влиянием Ллойд-Джорджа, главы правительства) вынесло положительное решение. Ядром бригады стали 120 солдат из отряда ”погонщиков мулов”, приехавшие в Лондон из Египта после расформирования отряда. Почти все они были выходцами из

России и прибыли в Лондон, чтобы поступить на службу в британские войска. К ним присоединился Жаботинский, который пошел добровольцем как простой рядовой, а позднее, уже в Палестине, заслужил офицерское звание.

С формальной точки зрения организация еврейской боевой части в Лондоне стала возможна после того, как договор, заключенный в июле 1917 года между правительством Керенского и английским правительством, предоставил Великобритании право призывать в армию проживавших на ее территории русских подданных. Так в Лондоне был основан 38-й полк королевских стрелков под командованием полковника Паттерсона, в прошлом командира отряда "погонщиков мулов".

В то же самое время в Америке добивался создания боевой еврейской части Рутенберг. Он встретился там с Давидом Бен-Гурионом и Ицхаком Бен-Цви, высланными из Страны по приказу Джамаль-паши. По инициативе Бен-Гуриона и Бен-Цви и при помощи Рутенберга был сформирован полк еврейских добровольцев, в большинстве членов партии Поалей Цион. Это стало возможным после вступления Америки в войну на стороне государств Антанты. Добровольцы, среди них Бен-Гурион и Бен-Цви, прибыли в Лондон, прошли там обучение, и из них был укомплектован 39-й полк королевских стрелков под командованием полковника Элизера Марголина. Третий полк — 40-й полк королевских стрелков под командованием полковника Сэмюэля — был сформирован из добровольцев в Палестине, после долгих споров в ишуве между сторонниками и противниками добровольной службы у англичан. (Не только из принципиальных, но и из практических соображений: не причинить вред ишуву на севере Страны, где еще были турки.) Но полк был основан. В его формировании активно участвовали многие ученики гимназии "Герцлия" во главе с Элияху Голомбом и Довом Хозом. Невзирая на отрицательную позицию своей партии, добровольно вступили в полк и отдельные члены

Хапозель хацаир, например, Леви Школьник (Эшкол) и Давид Свердлов. От рабочих идею поддерживали и сами вступили в полк Берл Кацнельсон, Шмуэль Явнеэли, Шимон Кушнир и другие. Мобилизовался в полк также Моше Смилянский, один из деятелей и активистов еврейского ишува. Многие сделали для привлечения в полк рабочих Рахель Янаит в качестве представителя Поалей Цион.

Создание полков вызвало раздражение у ассимилированных евреев в Англии, которые пытались ранее сорвать и Декларацию Бальфура. Сначала в качестве эмблемы для еврейских полков был избран Маген-Давид, но в результате действий ассимиляторов в военном министерстве эта эмблема и ивритские буквы были сняты¹.

Число солдат во всех трех еврейских полках достигало 6 тысяч. Английскому военному командованию во главе с генералом Алленби пришлось не по вкусу добровольчество евреев (то же самое повторилось в Стране в годы Второй мировой войны). Военные руководители старались, насколько было возможно, ограничить действия еврейских полков, выдавая тем самым свое отрицательное отношение к сионизму и к Декларации Бальфура. Двуличная политика англичан в Палестине в отношении еврейского ишува и сионизма проявилась уже с самого начала завоевания Страны. Отношения между полками и британским командованием были чрезвычайно натянутыми и часто выливались в крупные конфликты. Вскоре после завоевания Страны еврейские войсковые части были англичанами расформированы.

¹ Позднее, на фронте, солдаты и офицеры еврейских полков все-таки носили на левом рукаве "щит Давида". А после занятия Заиордания получили и кокарду — в виде меноры с ивритской надписью "кадима". — *Прим. ред.*

4. Начало Хехалуца и деятельность Иосифа Трумпельдора

Весною 1916 года приказом английского штаба в Галлиполи "Сионистский отряд погонщиков мулов" был окончательно распущен. Все усилия Трумпельдора сохранить его в какой-либо форме пошли прахом. Убедившись спустя полгода, что больше нет смысла заниматься этим, Трумпельдор уехал в Лондон. Там он присоединился к Жаботинскому в усилиях создать еврейскую боевую часть в рядах английских вооруженных сил. Как упоминалось, дело почти не подвигалось из-за множества внешних и внутренних противников. Но прибытие в Лондон из Александрии 120 "погонщиков мулов" и то, что они, как об этом было рассказано выше, вступили в английские войска, помогло изменить ход событий к лучшему. Жаботинский и Трумпельдор начали энергично добиваться от военных властей, чтобы этих солдат не разбросали по различным частям, а сосредоточили в особом подразделении. Это удалось благодаря действенной помощи полковника Паттерсона, бывшего командира этого отряда. Солдаты были сконцентрированы в одной из рот 20-го Лондонского батальона. В эту роту, которая стала ядром сформированного впоследствии еврейского полка, и вступил рядовым Жаботинский.

Трумпельдор длительное время добивался, чтобы его взяли в эту роту офицером. Он соглашался на понижение в звании и был готов служить не капитаном, а младшим офицером и даже сержантом. Однако военное министерство ответило отказом. По-видимому, не хотели брать в армию однорукого инвалида, притом иностранного подданного. Тогда Трумпельдор решил уехать из Англии в Россию, где в это время у власти стояло демократическое Временное Правительство во главе с социалистом-революционером Керенским. Об этом решении Трумпельдора рассказывает Жаботинский в своей книге об истории еврейского легиона.

Отвечая на вопрос, что он будет делать в России,

Трумпельдор выдвинул перед Жаботинским два грандиозных плана. Во-первых, он был убежден, что правительство Керенского, где помощником военного министра был Б.В.Савинков (социал-революционер, глава Боевой организации эсеров), согласится на создание еврейских войск, и не просто полка, а настоящей армии в 100 тысяч человек и более. Причем эта армия будет создана из еврейской молодежи, вылепленной из особого теста (имелась в виду халуцианская молодежь в России). Еврейские войска должны будут выступить на кавказском фронте и осуществить прорыв через Армению и Месопотамию прямо в восточную Трансиорданию¹.

Таков был первый план Трумпельдора. Что касается его второго плана, то, как говорит Жаботинский, ответ был дан не только ему, но всему еврейскому народу:

”Еврейский народ получил тот ответ на горах и в долинах Палестины, и народ его тоже никогда не забудет. Первому плану его помешал развал России; второй он осуществил.

Слов его я не записал — незачем: я их и так запомнил. В той каморке, летом 1916 года, он развил передо мной простой и величественный замысел ”халуцианства”.

— Халуц значит ”авангард”, — сказал я. — В каком смысле авангард? Рабочие?

— Нет, это гораздо шире. Конечно, нужны и рабочие, но это не то. Нам понадобятся люди, готовые служить ”за все”. Все, чего потребует Палестина. У рабочего есть свои рабочие интересы, у солдат свой *esprit de corps*; у доктора, инженера и всяких прочих — свои навыки, что ли. Но нам нужно создать поколение, у которого не было бы ни интересов, ни привычек. Просто кусок железа. Гибкого — но железа. Металл, из которого можно выковать все, что только понадобится для национальной машины. Не хватает колеса? Я — колесо. Гвоздя, винта, блока? Берите меня. Надо рыть землю?

¹ Заиорданье.

Рою. Надо стрелять, идти в солдаты? Иду. Полиция? Врачи? Юристы? Учителя? Водоносы? Пожалуйста, я за все. У меня нет лица, нет психологии, нет чувств, даже нет имени: я — чистая идея служения, готов на все, ни с чем не связан; знаю только один императив: строить.

— Таких людей нет, — сказал я.

— Будут.

Опять я ошибся, а он был прав. Первый из таких людей сидел передо мною. Он сам был такой: юрист, солдат, батрак на ферме. Даже в Тель-Хай он забрел искать полевой работы, нашел смерть от ружейной пули, сказал "эн давар"¹, и умер бессмертным².

Так рассказывает Жаботинский, и можно верить, что он правильно передает дух и содержание сказанного Трумпельдором. Из писем Трумпельдора друзьям весной 1917 года видно, что он возлагал большие надежды на русскую революцию. В письме от 20 марта он писал, что в России для сионизма, вероятно, есть сейчас широкое поле деятельности, поэтому ему, возможно, удастся сколотить в России еврейский полк, который отправят на Кавказ или на фронт в Персию, а оттуда уже не трудно добраться до Эрец-Исраэль.

Трумпельдор приехал в Россию в июне 1917 года. 28-го числа он писал из Петрограда: "Очень может быть, через месяц получим разрешение, а там через два или три — уже на фронте, и знамена русской революции, красные, и знамена еврейского возрождения, бело-голубые, — будут развеиваться над нашими головами. Я переговорил с несколькими министрами. Они одобрительно относятся к идее. Нужно, однако, согласие Керенского, а он на фронте, и повидать его еще не удалось. Возможно, поеду к нему туда". Но этой великой мечте Трумпельдора не было суждено сбыться, потому что с началом большевистского переворота события

¹ "Ничего", "не беда", "сойдет" (пер. Жаботинского). Выражение, часто употребляемое Трумпельдором.

² Жаботинский, "Слово о полку".

повернули совсем в другую сторону.

Вскоре после приезда в Петроград в середине лета 1917 года Трумпельдор встретился с еврейским писателем Ш.Ан-ским, одним из активистов партии русских эсеров. В это время Ан-ский уже склонялся к сионизму. По его инициативе возникла Национально-социалистическая группа приверженцев Эрец-Исраэль. По общим социалистическим вопросам эта группа приняла программу эсеров (а не марксистскую идеологию социал-демократов), а по вопросам сионизма — программу левых Цейрей Цион (таким образом, можно сказать, что это была группа сионистов-социалистов — за три года до основания партии сионистов-социалистов). Среди организаторов группы, кроме Ан-ского, были Трумпельдор и Рутенберг, который к тому времени возвратился из Америки. Инициаторы намеревались основать крупную партию на указанной идеологической платформе, но этот план сорвался из-за последующих событий.

В начале августа стало известно, что генерал Корнилов, один из приверженцев свергнутой монархии, поднял мятеж против правительства Керенского и ведет большие силы на охваченную смятением столицу... Трумпельдор явился в резиденцию правительства и, встретив в коридоре Ан-ского, сказал ему, что пришел узнать, не может ли быть чем-нибудь полезен, но у него здесь нет знакомых. Ан-ский тотчас представил Трумпельдора Чернову (вождь эсеров, в то время министр сельского хозяйства Временного Правительства), высоко его охарактеризовав. Чернов пошел с ним в оборонную комиссию. Трумпельдор произвел на всех ее членов сильное впечатление, и ему немедленно дали большую роту добровольцев. С нею Трумпельдор почти первым, в шесть утра, выступил против Корнилова. Оперативность Трумпельдора и успех этого его шага вызвали общее восхищение. Особенно восхищался сам Ан-ский, со слов которого все и стало известно. Он говорил, что "Трумпельдор им покажет, на что способен еврей..."

Когда с разных концов России начали доходить вести о погромах, Трумпельдор отдался организации еврейской самообороны. В Петербурге из еврейской учащейся молодежи он сформировал оборонные отряды, готовые встретить любую беду¹.

Тем временем правительство Керенского потеряло опору в народе, так как своим лозунгом "Хлеба и мира!" большевики привлекли на свою сторону солдат на фронтах и массы в тылу. 25 октября 1917 года вооруженные отряды взяли Зимний дворец, арестовали Временное Правительство (сам Керенский успел бежать), и власть перешла к большевикам.

Первое время, еще не чувствуя себя достаточно уверенно, новая власть разрешила работу существовавших общественных организаций. Тогда Трумпельдор смог сообщить в своем письме из Петрограда от 14 декабря 1917 года: "... получил разрешение сформировать Первый еврейский сводный отряд. По размерам это батальон, то есть около тысячи человек. ... Не для Эрец-Исраэль. Главная, но не единственная задача отряда — борьба с расправами, учиняемыми над евреями. Сейчас занимаюсь отбором солдат и офицеров (конечно, евреев) из разных армейских частей и их устройством, и заматан бесконечно в том хаосе, что теперь в России...".

Но отряд просуществовал недолго. 31 января 1918 года Трумпельдор уже сообщает, что дни отряда подходят к концу, что еще несколько дней, и отряда не станет. Что будет вместо него, чем он сам займется в ближайшие дни — этого он не знает. Может быть, приложит свои силы к организации самообороны. А если обстоятельства не позволят, организует сионистско-социалистическую братию и будет постепенно основывать военно-трудовые группы для Эрец-Исраэль. В конце марта 1918 года Трумпельдор сообщает: он

¹ Об этом рассказывает и инженер Ицхак Виленчук, который был тогда активистом студенческой организации Хехавер и движения Цеирей Цион, в заметках, опубликованных 25 октября 1967 года в газете "Давар".

опять занимается налаживанием самообороны и начинает работать в Хехалуц, организации групп сельскохозяйственных рабочих, которые в этом году будут трудиться в окрестностях Петрограда.

Итак, Трумпельдор сообщает, что приступил к работе в Хехалуц. Отсюда следует, что, возвратившись в Россию летом 1917 года, он уже застал там организованные группы этого движения. И действительно, еще за несколько лет до революции 1917 года в разных местах России уже существовали группы еврейской молодежи, в основном учащейся, которые намеревались при первой возможности уехать в Палестину и готовили себя к физическому труду, главным образом, сельскохозяйственному. Почти все эти группы были связаны с Цеирей Цион, носили разные названия, в том числе Хехалуц. Подобно тому, как первые халуцим вышли из среды сионистов России (билуйцы в 80-х годах прошлого века и пионеры Второй алии в начале нынешнего столетия), так и движение Хехалуц в конце Первой мировой войны вышло из лона русского сионизма. Правда, одновременно ростки Хехалуца появились в Америке, но произошло это благодаря усилиям двух виднейших участников Второй алии — Давида Бен-Гуриона и Ицхака Бен-Цви, высланных из Палестины Джамаль-пашой и проживавших во время войны в США. Они и выбрали название Хехалуц. Так что и эти, "американские" ростки (не развившиеся в широкое движение, как это произошло в России) обязаны российскому сионизму.

Начало нового халуцианского движения в России относится к 1916 году. Халуцианские организации возникли в городах Крыма (Мелитополе, Симферополе) и других местах (например, Прилуки, Полтавской губернии; Сквирь, Киевской губернии и др.). Февральская революция, раскрепостившая общественные движения в России, открыла широкие возможности и перед сионизмом, и во многих местах начали стихийно организовываться группы молодежи, жаждавшей уехать в Эрец-Исраэль и сыграть там роль первопроход-

цев будущей массовой еврейской алии. Группы эти возникали независимо друг от друга. Первая попытка объединить разбросанные халуцианские союзы была предпринята на Второй конференции Цеирей Цион в мае 1917 года. Несколько десятков молодых участников конференции — делегаты и гости, уже занимавшиеся на местах сельскохозяйственной подготовкой, — собирались в перерывах между заседаниями и обсуждали программу работы халуцианских групп, а также актуальность созыва всероссийского слета движения Хехалуц. В этой дискуссии участвовали, в частности, агрономы А.Зусман и И.Бергер.

В пункте о Палестине и Хехалуце конференция Цеирей Цион тогда постановила: "Воспитывать молодежь на халуцианских идеях и понятиях и организовать молодежные группы в организации Хехалуц с задачей создания национальной базы в Эрец-Исраэль в области физического труда и духовного творчества; готовить к алии людей, чья профессия важна для строительства Страны, и оказывать им помощь в алии, материальную и моральную; основать постоянную комиссию по делам Хехалуца и работы в Палестине".

В соответствии с этой резолюцией при центре Цеирей Цион была создана Палестинская комиссия. Когда была оглашена Декларация Бальфура, комиссия обратилась с воззванием (на иврите) к членам Цеирей Цион, призывая вступить в ряды халуцим и уезжать в Страну, чтобы в ней трудиться, ибо "если труд не будет наш, то и Страна будет не нашей".

Декларация Бальфура дала сильный толчок развитию халуцианского движения. Диктаторский большевистский режим не успел укрепиться, и общественные движения просуществовали еще около двух лет, хотя их деятельность протекала уже в ограниченных размерах. Халуцианское движение, как трудовая и беспартийная организация, в первое время после октября сумело даже расшириться. Создавались новые группы Хехалуца, основывались центры сельскохозяйственной подготовки и артели наемного труда в России, на Укра-

ине, в Белоруссии, в Крыму. Сельскохозяйственные бригады появились под Харьковом, Москвой, Петроградом; в окрестностях Одессы открылась сельскохозяйственная ферма, где под руководством агронома Авраама Зусмана работало около пятидесяти халуцим. Многие из членов Хехалуца после своей обычной работы отрабатывали по несколько часов на огородах, другие нанимались в мастерские и на заводы, чтобы получить техническую подготовку. Бригады и одиночки работали также у сельских хозяев в еврейских поселках в Херсонской и Екатеринославской губерниях.

Во вновь образованных группах развернулись интенсивные дискуссии о сущности движения Хехалуц, его линии и задачах. Ощущалась необходимость в проведении общего слета, который обсудил бы накопившиеся вопросы и принял по ним решение. Несмотря на тяжелые условия и сложность проезда ввиду начавшейся гражданской войны, Палестинская комиссия центра Цеирей Цион постановила созвать всероссийское совещание союзов Хехалуца. Совещание состоялось 15—18 января в Харькове. Центральным был вопрос о сущности движения. Два разных мнения, столкнувшиеся в дискуссии, квалифицировались терминами "идеалистический" и "материалистический" взгляды. "Идеалисты" считали, что Хехалуц сочетает стремление к осуществлению целей сионизма с личными интересами своих членов. Но поскольку Хехалуц — авангард сионизма, идеалистическое начало, т. е. общие интересы, должны преобладать при определении целей и методов работы. Члены Хехалуц должны быть готовы связать себя с Эрец-Исраэль на всю жизнь. После определенного периода подготовки в диаспоре они обязаны, по прибытии в Страну, предоставить себя в распоряжение халуцианской организации по меньшей мере на три года. Халуцим прокладывают дорогу и готовят почву для широкой алии. Не каждый, кто собирается ехать в Эрец-Исраэль и работать там, достоин быть членом Хехалуц. Этого достойны лишь те, кто готов отдать себя в распоряжение народа и Страны.

”Материалисты” исходили из предпосылки, что сионизм должен уже теперь создать в Эрец-Исраэль большой отряд рабочих, приспособленных к физическому труду, которые осядут там на постоянное жительство. Хехалуц и должен стать таким отрядом. Заботясь о своих интересах и бытовых нуждах, халуцим тем самым служат интересам всей нации, иначе говоря — созданию национального еврейского центра в Палестине. Поэтому в Страну должны ехать не просто идеалисты, а настоящие труженики, и когда они уверятся, что бежать оттуда не придется, они смогут работать не три года, а больше, сколько потребуется. Во избежание недоразумений ”материалисты” подчеркивали, что они не отрицают элемент добровольчества в движении.

В своих резолюциях Харьковское совещание постаралось соединить оба взгляда:

Хехалуц есть авангард трудящихся, эмигрирующий в Эрец-Исраэль для решения проблем колонизации. Его цель — подготовить Страну для народа путем объединения и концентрации сил, готовых посвятить себя этому. Одна из задач движения — проложить путь и создать нормальные условия жизни и труда для его членов, закладывающих основу здорового национального и социального существования народа в будущем в Эрец-Исраэль. Каждый член Хехалуц в диаспоре должен немедленно начать готовить себя к труду. По прибытии в Страну, он обязан предоставить себя в распоряжение Хехалуца на трехлетний срок и жить со своими товарищами на основах взаимопомощи. Долг каждого участника движения заблаговременно овладеть языком иврит, чтобы пользоваться им в Эрец-Исраэль. В Хехалуц принимаются люди, желающие остаться в Стране на всю жизнь... До созыва общей конференции делами Хехалуц будет руководить Палестинская комиссия центра Цеирей Цион.

В короткое время к Хехалуцу примкнули многие беспартийные участники и возникло недовольство сильной зависимостью от Цеирей Цион. За беспартийный характер движения особенно боролся Трумпель-

дор; он имел сильное влияние не только на петроградское отделение Хехалуц, которое он возглавлял и где он был душою всех начинаний, но и на все это движение в России. После Харьковского совещания движение Хехалуц вышло за рамки союзов, состоящих при Цейрей Цион, обрета более широкий и самостоятельный характер. Руководство Цейрей Цион отнеслось с пониманием к такому развитию событий.

Спор между "идеалистами" и "материалистами" не только не прекратился после харьковских резолюций, но перебросился на все движение и продолжался с нарастающей силой. Поначалу в Хехалуц было большое количество образованной молодежи, главным образом, гимназистов. Они настаивали больше на авангардистской роли движения. Однако с приходом в Хехалуц множества рабочих, постепенно усилилось второе течение, рассматривавшее Хехалуц как общенациональную организацию, которая объединяет всех еврейских трудящихся, решивших эмигрировать в Эрец-Исраэль и жить там трудовой жизнью в надежде найти решение еврейского вопроса в целом и таким образом помочь каждому еврею в отдельности.

Летом 1918 года для членов Хехалуц были организованы многочисленные центры подготовки: небольшие хозяйства, огороды и рабочие бригады, нанимавшиеся к сельским хозяевам, особенно в еврейских поселках в Екатеринославской и Херсонской губерниях. Там работало много халуцим, коллективно и в одиночку. У халуцианского движения в России пока не было руководящего и направляющего центра, но на практике в лидера движения превратился Иосиф Трумпельдор, и все признавали его высший авторитет. Петербургское отделение Хехалуц, возглавляемое Трумпельдором, основало временное бюро для связи с халуцианскими группами в окрестностях города и на периферии страны. Под руководством этого бюро на севере России возникли отделения и рабочие бригады, и группы на местах охотно принимали инструктаж петроградского отделения. В октябре 1918 года

отдельной брошюрой на русском языке вышла статья Трумпельдора: "Халуц, его сущность и ближайшие задачи". Автор дает краткий обзор истории Первой и Второй алии в Палестину, а затем переходит к актуальным вопросам. Он подчеркивает необходимость массовой и организованной алии рабочих людей и говорит, что в организации Хехалуц есть место для всех, кто хочет работать в Палестине руками или головою, признает трудовой характер этой организации и готов трудиться, не эксплуатируя труд ближнего. Трумпельдор говорит о халуцим-рабочих и халуцим-солдатах, необходимых для самообороны. Однако военные отряды должны формироваться из тех же рабочих, чтобы избежать опасности заражения милитаристским духом. Он также подчеркивал насущную необходимость национализации земель в Палестине. Для обсуждения всех поднятых в статье проблем Трумпельдор требовал созыва общей конференции Хехалуц. Брошюра сыграла важную роль в становлении и сплочении движения.

Несмотря на крайне неблагоприятную обстановку (гражданская война, перебои в сообщении, голод и т. д.), Первая конференция движения Хехалуц собралась в Петрограде 6 января 1919 года. Конференция открылась выступлением Трумпельдора, в котором он подчеркнул необходимость уточнения сущности движения, определения направления работы групп на местах и их объединения на теоретической и практической базе. Как за год до этого на Харьковском совещании, так и на Петроградской конференции развернулась полемика между двумя ведущими течениями по вопросу: Хехалуц — массовое движение трудящихся или авангардная организация.

Конференция проходила три дня и в ночь на 9 января завершилась принятием резолюций.

По вопросу о сущности движения постановили:

Хехалуц является трудовым, надпартийным объединением товарищей, решивших ехать в Эрец-Исраэль

для самостоятельной трудовой жизни без эксплуатации чужого труда. Хехалуц их объединяет и подготавливает, переправляет в Страну и устраивает на работу. (Тем самым точка зрения авангардистов оказалась фактически отвергнутой.)

Ц е л ь Хехалуца — создание в Эрец-Исраэль государственного национального центра в полном соответствии с политическими, национальными и общественно-экономическими интересами еврейских трудящихся.

Конференция признает верховные полномочия Всемирного сионистского конгресса и постановляет, что Хехалуц обязан подчиняться его решениям и указаниям.

Организация Хехалуц признает иврит в качестве национального языка в Эрец-Исраэль.

В резолюциях подчеркивалась и необходимость национализации земли в Стране.

В конференции участвовало около 30 делегатов из 25 мест. Делегаты от Украины не могли приехать: там в полном разгаре шла гражданская война. Конференция решила послать на Украину Трумпельдора для установления связи с ее отделениями Хехалуца. Оттуда он должен был поехать в Палестину, чтобы войти в контакт с местными рабочими, выяснить условия жизни и работы и перспективы трудовой алии. Решено было также перевести центр движения в Минск — город с многочисленным еврейским населением и один из крупнейших центров еврейской жизни в России. И хотя постановили, что Хехалуц является беспартийной и независимой организацией, влияние на нее Цейрей Цион не прекратилось и отделения Хехалуца часто обращались за помощью к этому движению.

Петроградская конференция, по сути, была учредительным съездом. Отныне движение Хехалуц начало выступать как скоординированная и дееспособная организация. Она развила многообразную деятельность и привлекла к себе широкие еврейские массы. Она также положила начало Третьей алии в Эрец-Исраэль. Однако очень скоро, с укреплением большевистской

власти, эту организацию стали преследовать, как, впрочем, и все другие проявления сионизма и еврейского национализма.

После конференции Трумпельдор отправился на юг России для выполнения возложенной на него миссии. Проездом через Минск, ввиду имевшихся признаков приближающегося погрома, он организовал местную молодежь для самообороны. Так, на всем своем пути Трумпельдор встречался в городах и местечках с еврейской молодежью, сколачивая группы самообороны и организуя ячейки Хехалуца.

Весною 1919 года Трумпельдор приехал в Крым со своим товарищем и секретарем Иехудой Копелевичем (Иехуда Алмог, один из основателей Кфар-Гилади и инициатор освоения побережья Мертвого моря). В Крыму Трумпельдор переезжал с места на место, выступал, организовывал группы Хехалуц, устраивал их участников на работу и в центры подготовки и заботился об их пропитании. Главный центр Хехалуц в Крыму был на станции Джанкой, куда собрались несколько сот халуцим, руководимых Трумпельдором.

В конце августа 1919 года Трумпельдор приехал в Константинополь, чтобы оттуда продолжить путь в Палестину с миссией, возложенной на него Петроградской конференцией. В то время до Константинополя добрались несколько крымских халуцим, пустившихся в плавание по Черному морю на лодках и застигнутых штормовой погодой, трепавшей их в море более недели. Трумпельдор остался в Константинополе, чтобы позаботиться об их устройстве, пока они не сумеют уехать в Страну. Только в конце ноября 1919 года Трумпельдор прибыл в Палестину. Там он попал в гнетущую атмосферу раздоров между двумя рабочими партиями — Ахдут Хаавода и Хапозель хацаир, и это тяжело сказалось на его настроении. Он агитировал за сплочение рабочих и создание единой рабочей организации и выступил с воззванием "К рабочим Эрец-Исраэль", которое начиналось следующими словами: "Русское еврейство выкорчевывается с насиженных мест,

массы евреев ждут с котомками за плечами, когда распахнутся ворота Страны. Они стоят на распутье, исполненные горя и надежд". Далее Трумпельдор описывает притеснения и преследования, погромы, убийства и разрушения, насилия над дочерьми еврейского народа — все бедствия, ставшие теперь участью русских евреев. А тут, в Эрец-Исраэль, вместо того чтобы сплотиться и работать во имя массовой алии, занимаются раздорами и разногласиями, не стоящими выеденного яйца! Воззвание заканчивается так: "Нам будет зачтена за грех минута опоздания. Постарайтесь же выкарабкаться из болота партийности, протяните друг другу руку во имя совместной работы с братским, открытым сердцем. Помогите решить важный вопрос! Помогите стоящим на пороге Страны вступить в нее! Спасите их!"

Призыв Трумпельдора со временем был услышан, но самому ему не довелось увидеть осуществление своей идеи. Общерабочая организация была основана в Стране через десять месяцев после гибели Трумпельдора при обороне Тель-Хая.

Глава двадцать первая

ПОД ВЛАСТЬЮ БОЛЬШЕВИКОВ

1. Начало Третьей алии

Начиная с 1904 года и до начала Первой мировой войны (1914 г.) алия в Эрец-Исраэль, известная в истории сионизма и еврейского ишува в Стране как Вторая алия, шла, в основном, из России, как и Первая алия (билуйцы и др. — с начала 80-х годов прошлого столетия и до начала нынешнего века). То же можно сказать и в отношении Третьей алии (1919—1923 гг.), ибо большинство ее участников прибыли из России и стран, входивших ранее в ее состав (Польша, Прибалтийские страны, Бессарабия). С Третьей алией в Страну прибы-

ло более 35 тысяч евреев; ее отличительной особенностью было то, что в большинстве своем это была молодежь — не обремененные семьями юноши и девушки, получившие идейную подготовку в рядах Хехалуца, готовые к труду и обороне, что более всего требовалось строящейся Стране.

Такой приток олим из России (44,5%) и, к тому времени уже независимой, Польши (30,6%) были плодом последних усилий русского сионизма. С укреплением власти большевиков он был почти полностью парализован. Положение сионизма, преследовавшегося при старом режиме царскими властями, несравнимо ухудшилось при большевиках. Отныне еврейство России лишилось своей роли в сионистском движении и в строительстве Страны, и это явилось невосполнимой потерей для всего всемирного сионистского движения. До Первой мировой войны русское еврейство было душой всемирного сионизма и его ведущей силой. Оно приняло на себя все трудности строительства Страны: ее заселение, развитие хозяйства, финансовые заботы. Теперь же, силою политических катаклизмов, оно оказалось оторванным от всемирного сионистского движения и мирового еврейства. Расцвет сионизма в России в короткое время от Февральской революции до Октябрьского переворота был завершающим эпизодом в истории движения. Вейцман в своих воспоминаниях рассказывает: "В период между оглашением Бальфурской декларации и захватом власти большевиками русские евреи подписались на гигантскую по тем временам сумму в тридцать миллионов рублей для сельскохозяйственного банка в Палестине; и вот теперь это, да и многое другое, пришлось списать со счета".

Справедливо говорит Иехуда Слуцкий в "Книге о Третьей алии" (том первый):

- "Сионисты России составляли большинство в движении с самого его начала и наложили свой отпечаток на его структуру. Из недр российского сионизма вышли участники Первой алии, Второй и Третьей, а также большинство идеологов и вождей сионистского движе-

ния. С началом революции русский сионизм вступил в короткую полосу подъема и расцвета. Крывшиеся в нем могучие силы принесли плоды как в работе по удовлетворению нужд российского еврейства (внутренняя организация общин, основание культурных союзов и еврейских школ, издание газет и книг), так и в работе на пользу Эрец-Исраэль (движение Хехалуц). Однако после победы большевистской революции сионистское движение было объявлено противником строя, связанным с врагами СССР и отвлекающим еврейских рабочих и интеллигенцию от своих обязанностей по отношению к стране, в которой они проживают, ради "несбыточных фантазий" о еврейском государстве за пределами России. Указами, гонениями, арестами и ссылками сионистское движение было полностью уничтожено, и ворота СССР наглухо замкнулись перед евреями, желающими уехать в Эрец-Исраэль. Сионистские лидеры — выходцы из России остались и впредь главными идеологами сионистского движения, но теперь они оказались на положении генералов без армии. Обломки русского еврейства, очутившиеся за пределами Советской России (Литва, Латвия, Бессарабия), были немногочисленны, а в других случаях сионизм не успел еще распространиться и пустить глубокие корни в массах (как, например, в Польше). С тех пор и поныне не сложилось общины в диаспоре, которая могла бы заменить еврейство России и взять на себя его роль в жизни нации, и его отсутствие в решающие годы борьбы за Эрец-Исраэль причинило немалый ущерб процессу развития сионизма в описываемые годы".

Горький сюрприз был преподнесен еврейскому народу и сионизму оттуда, откуда до того никто не ожидал беды: мы имеем в виду англичан, освободителей Эрец-Исраэль от турок. Декларация Бальфура и завоевание Палестины английскими войсками через год после оглашения этой Декларации создали у еврейского народа в странах рассеяния, у еврейского ишува в Стране и даже в руководящих кругах Всемирной сию-

нистской организации уверенность, что уже недалек день образования еврейского государства. Все надеялись, что при поддержке Великобритании начнется великая эпоха строительства Страны: ее ворота настежь распахнутся перед еврейской алией, евреи со всего света направят свой капитал на историческую родину и сами устремятся туда, чтобы воздвигнуть национальный очаг для еврейского народа. Даже крупные английские политики, и среди них Ллойд-Джордж и Черчилль, тогда полагали и выражали свое мнение публично, что Декларация Бальфура сделает возможным такое развитие событий, которое, в конечном итоге, приведет к созданию еврейского государства. Действительность, однако, перечеркнула все эти мечты.

С завоеванием Палестины английскими войсками турецкий режим, тиранический, прогнивший и враждебный сионизму, был, правда, ликвидирован, и заменивший его английский военный режим навел в Стране порядок и законность; но военные власти не проявляли никакой доброжелательности к еврейским чаяниям, более того — обнаружили враждебное отношение к сионизму и открытую оппозицию Декларации Бальфура. Всеми доступными им путями они действовали против ее осуществления. Решив, что Декларация противоречит интересам Англии, они поощряли сопротивление арабов строительству еврейского национального очага.

В начале апреля 1918 года по договоренности с английским правительством в Страну прибыл Комитет делегатов — сионистское представительство во главе с д-ром Вейцманом. В задачу Комитета делегатов входило быть консультативным органом при оккупационных властях для решения проблем еврейского ишува в духе Декларации Бальфура и в соответствии с ее главной целью — созданием еврейского национального очага. Кроме того, Комитет должен был служить связующим звеном между еврейским населением и оккупационными властями. С 1921 года обязанности и полномочия этого Комитета перешли к сионистскому Пра-

влению. За время работы Комитета в Стране часто менялись его руководители, и после Вейцмана Комитет возглавляли д-р Давид Идер, Роберт Сольд, Менахем Усышкин и другие.

По прибытии Комитета делегатов в Иерусалим Вейцман нанес визит командующему оккупационными войсками генералу Алленби, вручив ему свои верительные грамоты и рекомендательные письма от Ллойд-Джорджа, Бальфура и других. Алленби принял Вейцмана учтиво, но не проявил ни малейшей готовности содействовать сионистской делегации в выполнении ее задачи. Вот как Вейцман описывает свои ощущения от этой встречи:

”Мессианские надежды, воссиявшие нам между строк Декларации Бальфура, изрядно потускнели, когда мы вошли в соприкосновение с суровой действительностью генерального штаба... Это было — хотя в те дни, слава Богу, я этого не знал, — началом тяжелого пути, по которому мне суждено было идти почти всю жизнь. Я очутился между молотом и наковальней — английским режимом, неповоротливым, лишенным воображения, консервативным и зачастую недоброжелательным, как военным, так и гражданским, и еврейским народом, нетерпеливым и динамичным, который видел в Декларации Бальфура великое обязательство вернуть ему его страну и родину и который с гневом сопоставлял это с колонизаторской политикой английских властей”.

Декларация Бальфура пробудила в еврейских массах веру и надежду, что избавление близко, и возникло стихийное движение за алию. Однако военный режим, введенный англичанами в Палестине, запер ворота Страны перед еврейскими массами. Другим обстоятельством, создававшим тяжкие испытания на пути олим, были из рук вон плохие условия сообщения к концу войны — и морского и сухопутного. Группы халуцим добирались, с опасностью для жизни кочуя с места на место, по дорогам и бездорожью, терпя нужду и лише-

ния. Немалое число их погибло, так и не достигнув цели.

Отдельные олим добрались из Сибири через Японию, иные маленькими группками пересекли многочисленные границы и страны, чтобы прибыть в Иерусалим. Группа халуцим прорвалась через Польшу в Одессу, затем — в Константинополь и вышла на берег Яффы 5 декабря 1918 года. Через три месяца после них на португальском судне "Мексико" прибыли 115 халуцим из России и Румынии, отправившиеся в путь еще в ноябре 1918 года. Олим-халуцим добирались до Страны всеми способами: группами и в одиночку, на палубах кораблей и пешком через границы. В апреле 1919 года в Страну прибыли 150 олим из Польши и среди них известная группа 105 халуцим, которая кочевала по суше и по морю с бесчисленными приключениями целых 6 месяцев. В течение 1919 года одна за другой прибывали в Страну маленькие группки халуцим через Константинополь, Италию и Египет. В августе Иосиф Трумпельдор по поручению Центра российского Хехалуца отплыл из Ялты с небольшой группой халуцим и основал в Константинополе Информационное бюро для поддержания связи между Эрец-Исраэль и халуцианским движением в России. С помощью ЕКО он основал на ферме "Месиля хадаша" ("Новый путь") под Константинополем центр подготовки для 50 халуцим из России.

20 декабря 1919 года в Яффском порту бросил якорь корабль "Руслан", доставивший из Одессы более 620 олим. Это была первая столь многочисленная партия: 60 халуцим, высланные из Страны и с началом войны приехавшие в Россию, а теперь возвращавшиеся домой; беженцы, спасшиеся от погромов на Украине; довольно большая группа писателей, учителей, врачей и др. Все, прибывшие на "Руслане", выехали из России под видом "возвращающихся в Палестину" и были зарегистрированы Одесским комитетом Ховевей Цион как жители Цфата, Иерусалима и т. д. На основании удостоверений Одесского комитета в том, что они яв-

ляются жителями Палестины, которые возвращаются домой, эти люди получили российские выездные визы, а также въездную визу от английского консула. Судно вышло из Одессы во время правления там белого генерала Деникина. Моше Гольдин (Захави), один из активистов одесских Цейрей Цион, пассажир "Руслана", рассказывает о прибытии в Страну:

"Оказанная нам встреча, когда мы, вымокшие до нитки под проливным дождем сошли с судна, была неописуемо сердечной. М.Усышкин, возглавлявший тогда Комитет делегатов в Иерусалиме, выделил для нашей встречи 1000 египетских фунтов — сумму по тем временам немалую. Общественная комиссия сделала для нас все, что только возможно. Нас временно поместили в армянский монастырь на территории порта, где мы нашли укрытие от сильного ливня и где нам тотчас же подали "угощение". Все мы были взволнованы вступлением на землю нашей исторической родины... Олим с "Руслана" внесли свежую струю в жизнь ишува, свой вклад во все области деятельности" ("Книга о Третьей алии", том первый).

Алия эта происходила еще до того, как въезд в Страну был официально дозволен британскими властями. Сионистский исполком в Лондоне и Комитет делегатов в Иерусалиме не слишком приветствовали это стихийное и неорганизованное движение олим, проникавших через государственные границы и опрокидывавших ограничения, введенные в Стране британскими военными властями. В противовес этому в сионистских кругах всех стран царил убежденность в возможности развернутого строительства в Стране, и эти настроения содействовали росту массового движения за алию. Сионистское руководство в Лондоне и Иерусалиме пыталось разъяснить подлинные трудности в положении Страны и ишува, но не могло остудить пыл, охвативший сионистское движение и массы еврейского народа. Сионистские учреждения в России объявили, что существует возможность алии для "жителей Палести-

ны, возвращающихся на свое местожительство” (наподобие олим с ”Руслана”) и что английские консулы не слишком вникают в справки, которые им подают олим для получения въездных виз. Однако центральные сионистские органы не поддержали эту инициативу и тем самым привели к ее провалу.

О вспышке алии из России в годы гражданской войны рассказывает Х.Барлас (”Книга о Третьей алии”, том первый) :

”Борьба между официальной точкой зрения сионистского руководства, требующей сдержанности и осмотрительности в эмиграционной работе, пока не появятся необходимые для нее политические предпосылки, и ощущением народных масс и участников движения в диаспоре, что нельзя упустить момент и надо без долгих рассуждений ехать, селиться и строить, — борьба эта достигла своего апогея в 1920—1921 годах. Напор в пользу немедленной алии особенно усилился в России и на Украине с волнами гонений и погромов, пережитых евреями во время революции и гражданской войны и повлекших за собой разрушение еврейского быта в городах и местечках. Палестинские бюро в Варшаве и Константинополе, по ту сторону границы, получали отчаянные мольбы о помощи и передавали эти призывы в центры в Лондоне и Иерусалиме; беженцы из Тифлиса, Владикавказа, Батуми и других мест рассказывали о группах халуцим, проходивших через эти города в направлении границы на пути в Страну с рекомендательными письмами от наших товарищей в Харькове, Екатеринославе, Одессе, Ростове и т. д. Письма, поступавшие в бюро, содержали также вопросы по поводу дорожных расходов, помощи, на которую олим могут рассчитывать на границах, документах, необходимых для перехода границ”.

В письме от 19 августа 1920 года, полученном представителем Сионистской организации в Константинополе, говорилось: ”Положение на Кавказе ухудшилось, Батум отрезан от Грузии, все учреждения ликвидированы, царит террор и люди умирают с голоду. Бежен-

цев необходимо вывезти в Палестину, прежде чем явятся большевики, прихода которых ожидают со дня на день. Многочисленные группы стекаются из Советской России и территорий, находящихся под властью Врангеля (на юге России), во Владикавказ, Грузию, Батум и Константинополь, потому что все прочие границы закрыты”.

Массы еврейских беженцев, согнанные со своих мест в России во время большевистского переворота, гражданской войны и погромов на Украине и в Белоруссии, переходили границу в Польшу, Румынию и Прибалтийские страны. Их целью было эмигрировать в Америку или Палестину. Тысячи халуцим и беженцев ютились в приютах для эмигрантов, срочно организованных в Варшаве, Ровно, Вильно, Галаце (Румыния), Кишиневе и других местах. Под влиянием халуцим, прибывших из России с опасностью для жизни и с такими трудностями, халуцианское движение за алию усилилось также в Польше и Румынии. Множество местных юношей и девушек вступали в Хехалуц, переходили на трудовой образ жизни в подготовительных центрах, мастерских и лесах и ждали своей очереди на алию. Но она все откладывалась из-за потока прибывающих из России, бежавших от погромов и гонений, которым предоставлялось право первоочередности на выезд в Страну.

Среди участников этой алии были люди, для которых Эрец-Исраэль служила лишь промежуточной остановкой на пути в другие страны; однако подавляющее большинство олим, и особенно халуцим, приезжали в Страну для того, чтобы здесь жить и строить. Они прибывали по собственной инициативе, не дожидаясь призыва сионистского руководства. Как уже говорилось, официальные сионистские учреждения в Лондоне и Иерусалиме недвусмысленно противились этой алии, которая была, с их точки зрения, преждевременной. Они считали, что нет смысла в доставке в Страну людей, если для них невозможно приготовить рабочие места и источники существования; и пока в Стране не

сложатся необходимые правовые и экономические условия, нельзя везти сюда неимущих, которые будут страдать сами и лягут бременем на ишув и соответствующие учреждения. До того, как такие условия создадутся, в Страну могут приезжать только люди, не нуждающиеся в материальной помощи Сионистской организации, чьи средства были крайне ограничены и недостаточны.

Но, невзирая на эти предостережения, молодые халуцим, движимые самоотверженным порывом, продолжали прибывать любыми путями. Из-за колебаний и отсутствия размаха в работе в пользу алии накопились отношения между рабочими Страны и Комитетом делегатов, которому организованный ишув сначала оказал радушный и пылкий прием. Вожди рабочих нарушили дисциплину и обратились к халуцим в диаспоре с призывом приезжать наперекор сопротивлению официальных органов.

Атмосфера враждебности идее национального очага, царившая в Стране при британском военном режиме, ослабела; после этого появились более благоприятные внешние условия для строительства Страны, когда военный режим был заменен гражданским. 24 апреля 1920 года конференция Верховного совета союзных стран в Сан-Ремо (Италия) постановила вручить мандат на управление Палестиной Великобритании, которая будет ответственна за проведение в жизнь Декларации Бальфура. Английское правительство отменило тогда военный режим в Стране, хотя решение конференции в Сан-Ремо должна была еще утвердить Лига Наций (это произошло только через два года — в конце июля 1922 г.). Верховным комиссаром Палестины английское правительство назначило британского дипломата Герберта Сэмюэля, еврея по национальности и сиониста по убеждениям.

Сэмюэль прибыл в Страну в июле 1920 года. В начале своего пребывания на посту Верховного комиссара он старался поддерживать еврейский ишув и действовать в духе Декларации Бальфура и решения в Сан-Ремо.

Его декретом язык иврит был признан одним из официальных языков Страны, наряду с английским и арабским. Он обнаружил также глубокое понимание необходимости алии и установил квоту в 16500 еврейских олим для первого года алии. Тут, однако, проявилась вся неомощность сионистских органов и руководства, оказавшихся недееспособными в те решающие дни. Сионистские учреждения не были готовы к приему такого количества олим. Из общего числа сертификатов (иммиграционных разрешений) использовали лишь тысячу, остальное пропало.

Между тем подняли голову крайние националисты среди палестинских арабов. Их яростное противодействие идее еврейского национального очага в Палестине очень быстро сказалось на политике мандатных властей. Верховный комиссар отказался от принятой им было линии открытой поддержки сионистских устремлений.

Приказом британских властей после беспорядков и кровопролития, учиненных арабами в мае 1921 года в Яффе, алия была прекращена. С этого момента еврейский ишув в Стране и всемирное сионистское движение вступили в упорную борьбу с мандатными властями, продолжавшуюся целые десятилетия вплоть до создания Государства Израиль. Важной вехой на пути к независимости стала Третья алия: она влила в ишув новую, свежую кровь после тяжелых ран, нанесенных ему в годы Первой мировой войны. К началу войны в Эрец-Исраэль было около 85 тысяч евреев: 12 тысяч в сельских поселениях, остальные в городах (в одном Иерусалиме 45 тысяч). Из-за военных бедствий численность евреев сократилась (высылки, отъезд из Страны, высокая смертность в результате эпидемий и т. д.) и ко времени британской оккупации снизилась до 56 тысяч человек. В период Третьей алии еврейский ишув начал увеличиваться и к концу 1922 года достиг довоенных размеров. Третья алия проложила дорогу усилившейся иммиграции в последующие годы. Организованная алия членов Хехалуца, исповедовавших прин-

цип самостоятельного труда и перехода на сельское поселение, заложила одну из основ, на которых возникло Государство Израиль.

2. Начало послеоктябрьских гонений в России

Спустя пять дней после оглашения Декларации Бальфура, 7 ноября 1917 года большевики захватили власть в Петрограде. Можно сказать, что исторически, для сионизма, Октябрьский переворот явился антитезой Декларации, так как еврейство России — основная сила всемирного сионистского движения — одним ударом оказалось отрезанным от него и всего мирового еврейства, и был положен конец свободному развитию русского еврейства, начавшемуся с таким размахом после Февральской революции. Победа большевистского режима в России в чрезвычайной степени ослабила практические результаты Бальфурской декларации, так как из дела строительства национального очага в Эрец-Исраэль был исключен самый крупный и самый активный отряд всемирного сионистского движения.

Ко времени Октябрьского переворота Сионистская организация имела по всей России более 1200 отделений и насчитывала 300 тысяч человек — громадная по тому времени цифра. Под руководством Иосифа Трумпельдора было организовано разветвленное движение Хехалуц, охватывавшее тысячи участников и множество центров подготовки к сельскохозяйственной работе и другим формам физического труда для тех, кто собирался ехать в Страну. Общество Тарбут (Культура) развило широкую культурную и воспитательную деятельность при помощи 250 учебных заведений, где языком преподавания был иврит: народных школ и гимназий, учительских курсов, курсов для воспитательниц детских садов и др. В Москве был основан еврейский художественный театр "Габима", завоевавший признание всей интеллигентной России. И все это оказалось обреченным на гибель после свержения большевиками

недолговечной демократии.

После Октябрьского переворота, и особенно после разгона Учредительного Собрания 5 января 1918 года, стало ясно, что вся успешная и многообразная деятельность, начатая сионистским движением после Февральской революции, обречена. Тем не менее сионистский центр в Петрограде и отделения на местах продолжали работать, несмотря на политические затруднения и административные препятствия. И действительно, органам движения удалось выстоять до середины 1919 года.

Выше уже отмечалось, что враждебность по отношению к сионизму и еврейскому национализму в целом была органической частью большевистской идеологии, разработанной Лениным еще в начале нынешнего века. Он объявил реакционной саму мысль о еврейской нации, и по его стопам пошел Сталин в своей работе по национальному вопросу. Несмотря на это, новые правители сначала не досаждали сионистам, будучи по горло заняты укреплением своей власти в стране. Так, весной 1918 года сотни еврейских общин в разных концах России провели без помех и с большим успехом "Неделю Эрец-Исраэль". Организация Хехалуц, руководимая Иосифом Трумпельдором, действовала открыто и энергично, и даже продолжали выходить сионистские периодические издания.

Однако Евсекция, еврейская группировка внутри большевистской партии, организовавшаяся в 1918 году, не сидела сложа руки. В ней не было старых большевиков, а были "неофиты" из левого крыла Бунда и социалистов-территориалистов, которые срочно перестроились и примкнули к большевикам, как только те захватили власть. Они принесли с собой традиционную ненависть их прежних партий к Сиону и, опираясь на аппарат ЧК, получили возможность применить против сионизма грубую силу диктатуры. Евсекция объявила, что сионизм — это форма контрреволюции среди еврейского населения, т. к. он отделяет еврейский народ в России от революции и поэтому по нему надо ударить железным кулаком. Евсекция поставила своей

задачей борьбу с еврейской "контрреволюцией" (читай — сионизмом), пытаясь тем самым оправдать свое отдельное фракционное существование в глазах правителей, у которых еще не дошли руки до сионистов и их деятельности.

Наступление на сионизм и на язык иврит началось по всей России в 1919 году, после того как в итоге гражданской войны красные захватили Украину. По настойчивому требованию Евсекции Комиссариат по делам национальностей (возглавляемый Сталиным) в июле выпустил циркуляр, в котором объявлялось, что преподавание в еврейских школах должно вестись на идиш, поскольку иврит — язык "реакционный" и "контрреволюционный". Общество Тарбут решило обратиться с протестом к народному комиссару просвещения А.Луначарскому, известному своими симпатиями к еврейскому художественному театру "Габима" и поэзии Бялика. Когда к нему от имени сионистов пришла делегация во главе с раввином Яковом Мазе, он сказал, что считает объявление какого-либо языка "контрреволюционным" актом вандализма. Последнее слово осталось, однако, не за ним, а за его заместителем профессором истории М.Покровским, председательствовавшим на пленарном заседании комиссариата, где рассматривался этот вопрос. По требованию Покровского 30 августа 1919 года было принято решение запретить преподавание языка иврит во всех учебных заведениях, в том числе вечерних школах для взрослых.

Одновременно с запретом, наложенным на иврит, ЧК на местах начала предъявлять сионистам обвинения в контрреволюции и даже шпионаже в пользу Англии. Сионистский Центральный Комитет в Петрограде, во главе которого стоял тогда Юлиус Бруцкус, решил обратиться к центральным властям с протестом против этих преследований. Для этого в Москву была послана делегация в составе Ю.Бруцкуса, Ш.Гепштейна и А.Идельсона. Они обратились к председателю ВЦИК М.Калинину и сумели доказать абсурдность возводи-

мых обвинений. В ответ на это ходатайство ВЦИК, по предложению Калинина, 21 июля 1919 года принял следующее решение:

"Поскольку партия сионистов не объявлена контр-революционной партией и пока культурно-просветительная работа сионистских организаций не противоречит решениям советской власти, Президиум ВЦИК'а предлагает всем советским учреждениям не чинить препятствий этой партии в ее вышеуказанной деятельности".

Под этим документом стояла подпись секретаря ВЦИК'а А.Енукидзе. Копию документа сионистский Центральный Комитет разослал всем отделениям на местах в надежде, что эта бумага послужит в дальнейшем защитой от преследований; однако это была ошибка, так как формулировка "пока не противоречит решениям советской власти" оставляла широкие возможности для ЧК и доносчиков из Евсекции. В сентябре 1919 года ЧК устроила обыск в помещении сионистского Центрального Комитета в Петрограде, после чего были арестованы и отправлены в тюрьму члены Центра: Ю.Бруцкус, Ш.Гепштейн, А.Зейдеман и другие. Ш.Гепштейн рассказывает в своих воспоминаниях о трагикомическом эпизоде во время пребывания в тюрьме. Следователь заявил ему на допросе: "Мне известно, что вы ежедневно передаете из подвала своего дома секретную информацию в Лондон на английском языке". Гепштейн расхохотался: "Во-первых, в моем доме нет подвала, и, во-вторых, по-английски я даже читать не умею!" Шесть недель его держали в тюрьме. Затем следствие было прекращено за отсутствием доказательств.

Однако Евсекция, поддерживаемая ЧК (или ЧК, поддерживаемое Евсекцией), не уgomонилась, и преследования сионистов в городах Украины и России продолжались с нарастающей силой. Сионистский Центральный Комитет по-прежнему пытался сопротивляться и обороняться при помощи решения президиума ВЦИК'а от 21 июля 1919 года. Постановили созвать

всероссийский сионистский съезд и провести его в Москве. Некоторые называют этот съезд конференцией, другие — совещанием, но так или иначе это был первый всероссийский слет сионистов после Седьмого съезда в мае 1917 года в Петрограде. Московская конференция собралась 20 апреля 1920 года при участии 90 делегатов и 19 гостей. В президиум были избраны профессор Цви Белковский, Эфраим Барбаль, д-р Юлиус Бруцкус, инженер Ицхак Виленчук и раввин Яков Мазе. Два дня заседания проходили беспрепятственно; но 23 апреля, во время послеобеденного пленарного заседания под председательством Ицхака Виленчука, в зал вошли чекисты (среди них — еврейская девица, в прошлом бундовка) вместе с вооруженным отрядом из 50 человек. Забрали всех присутствующих, и делегатов и гостей. Домой отпустили только престарелого раввина Мазе. Арестованные под конвоем чекистов шли по улицам Москвы с пением Хатиквы и в сопровождении огромной толпы.

Их доставили прямо в ЧК. Бруцкус предъявил копию решения ВЦИК'а, удостоверявшего, что сионистская партия не является контрреволюционной. Бумага была прочитана и возвращена Бруцкусу с замечанием: "Да, но вы не получили специального разрешения на собрание". Бруцкус ответил: "По советским законам легальная организация может собираться без специального разрешения". Раздался смехок: "Вы знаете законы, но еще не знаете порядков в ЧК. Посидите и познакомьтесь". Сионистов посадили в знаменитые Бутырки, и ЧК объявила, что Сионистская организация является контрреволюционной и что в помещении партии найдены шашки пироксилина.

Их продержали под арестом несколько месяцев. Большинство было постепенно освобождено, а 19 человек, наиболее активных, были приговорены, без суда, к принудительным работам, от шести месяцев до пяти лет. Но как раз в это время, по поручению американского Джойнта, в Москву прибыли два представителя еврейского рабочего движения, Гарри Фишер и Макс

Файн, и начали добиваться освобождения заключенных. Незадолго до их приезда в "Известиях" появилось опровержение сионистского Центра по поводу якобы обнаруженного в его помещении пироксилина. Сам факт, что опровержение это напечатали, свидетельствовал, что советская власть не готова поддержать злобный и глупый вымысел ЧК. Все осужденные были помилованы, но с условием, что дадут подписку о полном отказе от дальнейшей сионистской работы. Тем самым сионизм в Советской России фактически был объявлен вне закона. Начались массовые обыски и аресты сионистов, и тысячи их были отправлены в ссылку. Сионистски настроенные студенты изгонялись из высших учебных заведений как "чужеродный и нежелательный в идеологическом смысле элемент".

Ш.Гепштейн рассказывает в своих воспоминаниях, что в те дни встретил в Москве своего бывшего сокурсника архитектора А., старого большевика, с которым у него были хорошие личные отношения. Гепштейн изложил ему все, что пришлось претерпеть ему самому и остальным сионистам, и А. посоветовал в ответ: "Вам, сионистам, надо рискнуть и сыграть ва-банк, то есть обратиться к Ленину. Все зависит, в конце концов, от него. Я советую действовать через Горького". Гепштейн вспомнил, что в свое время Горький проявил доброжелательное отношение к сионизму, и обратился к нему через одного из его приближенных. Горький пообещал Гепштейну поговорить с Лениным о разрешении сионистской деятельности. Через несколько дней Горький передал ему содержание состоявшейся у него с Лениным беседы, итоги которой оказались достаточно печальными. Ленин категорически заявил Горькому, что к сионизму он относится крайне отрицательно. Во-первых, — сказал Ленин, — национальные движения реакционны, ибо история человечества есть история классовой борьбы, в то время как нации — выдумка буржуазии; и потом, главное зло современности — государства с их армиями. Государство является орудием, с помощью которого меньшинство властвует

над большинством и правит всем светом. Основная задача — уничтожение всех государств и организация на их месте союза коммун. Сионисты же мечтают, как бы прибавить еще одно государство к уже существующим...

Это мнение Ленина о сионизме, высказанное в беседе с Горьким, служит еще одним подтверждением тому, что Евсекция не могла бы действовать против сионизма, не будь на то воля большевистской власти.

Ввиду гонений на сионизм и сионистов в Советской России всемирное сионистское руководство решилось на попытку достигнуть соглашения с советской властью, которое облегчило бы участь российского сионистского движения. Эта миссия была поручена члену Комитета делегатов д-ру Д.Идеру, из английских сионистов, приехавшему с этой целью в январе 1921 года в Петроград. После устных переговоров с народным комиссаром по иностранным делам Г.Чичериным Идер направил ему 5 февраля меморандум, где, в частности, говорилось: сионистское движение не вмешивается во внутренние дела Советской России и, тем не менее, работа в пользу Палестины и еврейской культуры полностью парализована. Идер просил Чичерина: разрешить деятельность сионистских учреждений и эмиграцию в Палестину, хотя бы в самых скромных размерах, не более 5 тысяч человек в год; позволить русским сионистам участвовать во Всемирном Сионистском конгрессе осенью 1921 года (Двенадцатый конгресс в Карлсбаде); дать возможность ему (Идеру) выступить с докладом на собрании сионистов с аудиторией в 200—300 человек о положении в Палестине; разрешить ему издать за свой счет в виде брошюры текст этого доклада для распространения исключительно среди российских сионистов ("конечно, после проверки, как это положено, цензурой").

На меморандум Идера Чичерин ответил 10 февраля 1921 года: в России евреи свободны, как нигде в мире. Они сами решают свои дела. Если же имеются пресле-

дования определенных групп и учреждений, то такова воля большинства среди самих же евреев. Учить иврит у себя на своей частной квартире никому не воспрещается. А что касается разрешения сионистских организаций, то ведь существуют две такие партии: социал-демократическая партия Поалей Цион и коммунистическая партия Поалей Цион, и они вправе вести агитацию в пользу Палестины. Они могут также посылать своих делегатов и на сионистский конгресс, но этот вопрос никогда ими не ставился... Власти наказывают не за сионизм, а за преступления и нарушения советских законов. Что до эмиграции еврейской молодежи в Палестину, то рабочая сила нужна здесь, на месте, и, кроме того, есть затруднения с транспортом.

Лицемерие и цинизм этого ответа Чичерина не требуют комментариев.

Покидая Россию, Идер в письме к Чичерину от 15 февраля выразил благодарность за оказанное ему гостеприимство. Вместе с тем он отверг доводы комиссара по иностранным делам. Миссия Идера в 1921 году оказалась, пожалуй, более неудачной, чем аналогичные миссии Герцля в 1903 году и Вольфсона в 1908 году в эпоху Николая II, ибо новая Россия, с точки зрения общественных свобод, проявила себя еще более жестокой, чем царская.

Отныне для русских сионистов наступила эра подполья. Но ветеранам движения нельзя было долго действовать таким методом, потому что они были слишком известны властям. И тем не менее они еще несколько лет работали нелегально, невзирая на то, что большинство их было очень пожилыми людьми, неприспособленными к работе в подполье. Им оставалось, таким образом, либо эмигрировать, либо укрыться в глубинных просторах России, подальше от ее центров. Начиная с 1926 года тяготы нелегальной сионистской работы приняли на себя представители молодого поколения, принадлежавшие в большинстве к рабочему сионистскому движению с его разными организациями и течениями.

Лидеры российского сионизма и его деятели-ветераны, которым удалось покинуть пределы России в начале 20-х годов, эмигрировали, в основном, в европейские центры — Берлин, Париж, Лондон, и лишь малое число приехало в Эрец-Исраэль. Правда, с течением времени в Страну они прибыли почти все, но в первые годы эмиграции большинство осело в Западной Европе и образовало два центра: в Лондоне и Берлине. Многие лидеры российских сионистов включились в политическую деятельность Всемирной сионистской организации. Эту свою работу они продолжали до утверждения Лигой Наций британского мандата на Палестину, т. е. до 1922 года. Они создали в Берлине особое объединение, куда вошли все сионисты из России, проживавшие в Западной Европе¹.

Ш.Гепштейн (умер в Стране) рассказывает в своих воспоминаниях об одном из собраний российских сионистов в Берлине весной 1922 года, где Л.Моцкин, ветеран российского сионизма, сподвижник Вейцмана и Соколова, доложил о положении дел с британским мандатом. Обзор Моцкина был оптимистичным, но в заключение он сказал: "И все-таки не исключено, что в Лиге Наций мандат не утвердят". Встревоженный этим замечанием Моцкина, Гепштейн спросил его: "Но что же тогда будет с нами, российскими сионистами, ведь покинув Россию, мы сожгли за собой все мосты?" Моцкин ответил: "Менее всего меня беспокоят именно русские сионисты. Если дело провалится, они поведут борьбу заново. В моей жизни я трижды заново брался за сионизм: во времена Ховевей Цион, на Первом конгрессе с Герцлем и теперь — с Вейцманом. Если нас постигнет неудача — начну в четвертый

¹ Имеется в виду "Организация русско-украинских сионистов за границей", созданная во время Двенадцатого сионистского конгресса в Карлсбаде и признанная руководством Всемирной сионистской организации как "экстерриториальная федерация". — *Прим. ред.*

раз''. И Гепштейн заканчивает свой рассказ: ''К счастью, ему /Моцкину/ не пришлось начинать все заново, в четвертый раз: 24 июля 1922 года Лига Наций утвердила британский мандат на Палестину''.

3. Сионистское движение в подполье

После неудачи миссии д-ра Идера в Петрограде в 1921 году, когда он от имени всемирного сионистского исполкома вел переговоры с наркомом по иностранным делам Чичериным о разрешении работы в Советской России в пользу Палестины, для русских сионистов настала эпоха подполья. Еще незадолго до этого (в 1920 г.) в Москве было создано Центральное сионистское бюро во главе с Элизером Чериковером, которое приняло на себя руководство нелегальной сионистской деятельностью на всей территории России взамен сионистского Центра в Петрограде, вынужденного, по условиям режима, прекратить работу. Кроме Чериковера, в Центральном бюро активно работали профессор Цви Белковский, Саадия Гольдберг, д-р Арье Быховский, Моше де-Шалит и другие. Секретарями бюро поочередно были: Залман Сеглович, Арье Ценципер (Рафаэли) и Менахем Ривлин.

Ввиду того что по приказу советских властей были закрыты все сионистские газеты, бюро начало тайно выпускать информационный листок, печатавшийся на пишущей машинке. Он распространялся по всем российским отделениям и содержал сведения о том, что происходит в Эрец-Исраэль и во всемирном сионистском движении. Листок, равно как и письма, не рассылался по почте, а доставлялся специальными связными, которые, при своем возвращении в Москву, привозили в Центральное Бюро информацию о положении в отделениях. Так, с помощью странствующих инструкторов, Бюро поддерживало связь с движением в стране. После того как значительной части активистов удалось выбраться из России и уехать в Эрец-Исраэль, в Централь-

ном бюро в Москве остались только три человека, продолжавших тайно руководить делами движения: профессор Цви Белковский, С.Гольдберг и д-р А.Быховский (в 1924—1925 гг. они также уехали в Эрец-Исраэль).

В 1922 году Бюро провело в Москве два всероссийских сионистских совещания: одно 30 апреля и второе в конце года. Бюро также вело большую работу по отправке в Эрец-Исраэль евреев из числа репатриантов — уроженцев Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, которым разрешили вернуться из России в свои страны. Бюро находилось в контакте с центром Хехалуца и заботилось о получении в английском консульстве палестинских виз для халуцим. Кроме того, Бюро основало эмиграционный фонд для оказания материальной поддержки отъезжающим олим и халуцим. В марте 1924 года члены Центрального бюро были арестованы. Их ждала ссылка в административном порядке в Среднюю Азию, но ее удалось избежать: для них раздобыли разрешения на въезд в Палестину, и, по их просьбе, ссылка была им заменена высылкой из России навечно.

Массовые гонения на сионистов из года в год усиливались и наказания все более ужесточались. Только за одну ночь на 2 сентября 1924 года в 150 населенных пунктах по всей России было арестовано около 3 тысяч сионистов. Аресты продолжались и после. Вместе с тем власти отказались от показательных процессов над "контрреволюционерами с еврейской улицы", так как убедились, что симпатии еврейской широкой публики оказываются именно на стороне обвиняемых и судимых сионистов. Поэтому судебное следствие и вынесение приговора происходило за закрытыми дверями.

В большинстве случаев сионистов приговаривали к сроку от трех до десяти лет принудительных работ в лагерях, сначала в центральной России, а позднее в Сибири, на Урале, в Киргизии, Средней Азии, а также на Соловецких островах, где суровый климат и ужасные условия содержания постепенно физически убивали заключенных. Эта волна преследований нанесла тяже-

лый удар подпольному сионистскому движению, состоявшему, начиная с 1925—1926 годов, в основном из течений трудового сионизма (сионисты-социалисты, Цеирей Цион и связанные с ними молодежные организации). Тем не менее движение не было сломлено. В то время как остальные старые социалистические организации, русские и еврейские, фактически прекратили свое существование из-за преследования властей, сионистско-социалистическое движение отличалось смелостью действий своих организаций и союзов, их публичными и нелегальными выступлениями, как, например, массовыми демонстрациями, распространением листовок в тысячах оттисков и т. д.¹ Это вызывало немалое раздражение у тоталитарной власти и ее подручного, специалиста по "еврейскому вопросу", — Евсекции. Власти пытались по возможности расколоть движение изнутри и деморализовать его ряды. Обманом и принуждением они старались выудить у заключенных, особенно у членов молодежных организаций, письменное раскаяние в своих прошлых действиях и заявление, что они решили порвать с сионизмом. В тех случаях, когда ГПУ это удавалось после обещания, что подписка об отходе от сионизма не будет предана гласности, эти заявления с шумом публиковались в газетах. Такая практика властей не раз приводила к самоубийству обманутых следователями юношей и девушек. Но патриоты в сионистском рабочем движении самоотверженно продолжали борьбу, невзирая на все опасности, и место тех, кого забирали, бросали в тюрьмы и ссылали, заполняли другие. Так продолжалось до конца 20-х и начала 30-х годов, когда сионизм как активное движение был окончательно подавлен.

Выше уже рассказывалось о попытке договориться с советскими властями, предпринятой сионистским

¹ Такой факт, в частности, был авторитетно засвидетельствован в свое время Ицхаком Виленчуком, одним из руководителей Цеирей Цион, в меморандуме Центру Хапозель хацаир от 15 апреля 1926 года.

движением в 1921 году, чтобы достигнуть некоего "модуса вивенди". После провала миссии д-ра Идера, еще две попытки в том же направлении были предприняты в 1925 году.

Когда комиссар по иностранным делам Чичерин находился в Берлине, к нему пришла еврейская делегация по поводу непрекращающихся преследований сионистов в России. В составе делегации были профессор Альберт Эйнштейн, глава немецких раввинов д-р Лео Бэк, глава общества "Эзра" д-р Пауль Натан и глава сионистской федерации в Германии д-р Курт Блюменфельд. Чичерин заверил делегацию, что советское правительство не чинит никаких препятствий сионистской работе и никого не преследует за его веру и убеждения. Напротив, оно старается привлечь сионистов к сотрудничеству в деле поселения евреев на земле в СССР. Чичерин также отрицал преследование языка иврит, а в отношении гонений на сионистов по Советской России в целом сказал, что об этом "он не имеет никаких сведений"¹.

Летом 1925 года была сделана еще одна попытка договориться с советскими властями. Два известных в Москве сиониста — инженер Ицхак Рабинович, в прошлом председатель спортивного общества "Маккаби" (до его ликвидации), и знаменитый пианист, профессор Давид Шор, — подали 25 мая краткий меморандум исполняющему обязанности председателя ВЦИК П.Смидовичу по поводу гонений на сионистов в Совет-

¹ Таким был и остался до наших дней метод советской власти — вводить в заблуждение общественное мнение на Западе относительно политического террора в Советском Союзе в целом и его направленности против еврейского национализма в частности. "Рабочим делегациям", прибывавшим (вернее импортируемым) из европейских стран в СССР, показывали образцово отобранные тюремные камеры, где гости не находили ни сионистов, ни социалистов, о чем и рассказывали по возвращении на родину. Делалось это очень просто — на время посещения делегаций заключенных переводили в другие места, а потом привозили назад.

ском Союзе. К меморандуму, содержащему изложение основных принципов сионизма, был присоединен большой список арестованных сионистов, мест их заключения, полученных ими сроков, а также приведена общая цифра всех арестованных за сионизм по положению на март 1925 года. В меморандуме выдвигались следующие требования: 1) прекратить преследования сионистов всех течений и освободить всех арестованных; 2) разрешить эмиграцию в Палестину и создание общества для этой цели; 3) предоставить языку иврит те же права, что и языкам остальных национальных меньшинств в СССР. Копия меморандума была послана также председателю Совнаркома А. Рыкову.

Ицхак Рабинович и Давид Шор, чьи подписи стояли под меморандумом, 29 июня были вызваны на заседание ВЦИК. В нем участвовали и два старших сотрудника ГПУ. Председательствовал Смидович. Сотрудники ГПУ обвинили сионистов в распространении листовок, подстрекающих население против советской власти, и зачитали соответствующие отрывки. Кроме того, они напомнили о соглашении Жаботинского со Славинским, членом правительства Петлюры.

Вокруг этого соглашения в свое время бушевали страсти, и вот вкратце его история. 4 сентября 1921 года на чехословацком курорте Карлсбад было заключено соглашение между Жаботинским и М. Славинским, представителем правительства Петлюры, который готовился к походу на советскую Украину. Для того чтобы предотвратить повторение погромов, соглашением предусматривалось создание еврейской полиции с задачей охранять еврейское население в местностях, которые будут заняты войсками Петлюры. Было оговорено, что эта полиция не будет принимать участие в военных действиях. Предполагаемый поход на Украину так и не состоялся, и соглашение осталось на бумаге. Однако сам факт переговоров с правительством Петлюры вызвал ожесточенную дискуссию в еврейской печати во всем мире. Особенно возмущались, разумеется, еврейские коммунисты, и Евсекция в Советской России

использовала это дело для еще большего преследования сионизма и его дискредитации в глазах советских руководителей. В газетах Евсекции появлялись тогда статьи под характерными заголовками: "Сионистский нож в спину революции!", "Жаботинский объединился с Петлюрой для борьбы против Красной Армии!"¹

И вот, на заседании ВЦИК в Москве в конце июня 1925 года по вопросу о сионистском меморандуме, сотрудники ГПУ вытащили из портфеля, среди прочих "грехов" сионизма, соглашение Жаботинского со Славинским. Авторы меморандума, конечно, опровергли клевету насчет присоединения сионистов к войскам Петлюры для борьбы против Красной Армии и подчеркнули, что единственной целью соглашения было — предотвратить новые еврейские погромы. Заседание ВЦИК закончилось принятием расплывчатого и уклончивого решения по меморандуму. Дополнительные переговоры с той же целью добиться разрешения сионистской деятельности в Советской России, которые велись еще несколько месяцев с представителями советской власти, завершились 16 марта 1926 года арестом Ицхака Рабиновича и его высылкой на три года в Казахстан. Одновременно арестовали еще сто сионистов.

Аналогичная участь постигла и деятелей еврейской культуры, боровшихся за право преподавать в школах наш национальный язык.

* * *

Октябрьский переворот, отрезавший еврейство России от всемирного сионистского движения и активного

¹ Атаман Семен Петлюра, как известно, правил на Украине после ухода оттуда немцев по окончании Первой мировой войны. Дни его правления были отмечены погромами и убийствами десятков тысяч евреев. Когда Украину захватили большевики, Петлюра бежал в Париж, где был убит (1926 г.) Шаломом Шварцбардом, считавшим его ответственным за это. Французский суд Шварцбарда оправдал.

участия в строительстве Эрец-Исраэль, не прервал сразу алию из России. Верные идеям сионизма халуцим, стремясь присоединиться к строителям Страны, использовали все пути, открытые и закрытые, явные и тайные, не останавливаясь перед смертельным риском.

С начала Третьей алии (1919 г.) до середины 20-х годов (начало Четвертой алии) в Эрец-Исраэль из России прибыло около 20 тысяч человек. После 1925 года, когда за один год приехало около 8 тысяч человек, число олим резко упало. Всего с 1925 до середины 1936 года из России прибыло около 12,5 тысяч человек. В годы 1937–1945 алии из России не было, поскольку в этот период границы СССР были герметически закрыты для выезда за рубеж. Новый поток, но весьма незначительный, начал поступать в Страну из России после Второй мировой войны, в 1946 году, в рамках объединения семей. То были, в основном, репатрианты из России в Польшу и Румынию, откуда они прибывали в Эрец-Исраэль.

Таким образом, в конце 20-х и начале 30-х годов сионизм в СССР как массовое движение был подавлен, но он продолжал существовать как идея и чаяние русских евреев.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы рассмотрели роль, которую сыграло русское еврейство во всемирном сионистском движении (начиная с времен Хибат Цион), вклад евреев России в строительство Страны, в создание основ Еврейского государства и становление Государства Израиль. Исторические факты говорят сами за себя: организация билуицев и Первая алия; Вторая алия и возникновение рабочего движения; Трумпельдор, Хехалуц и Третья алия; создание сил самообороны в Стране (Хашомер, Хагана); сельскохозяйственные и, в особенности, трудовые поселения (квуца, кибуц, рабочий мошав); развитие индустрии и разнообразных форм кооперации; развитие еврейского просвещения, еврейской литературы, изобразительного и прикладного искусства; пресса, здравоохранение, социальное обеспечение, общественные движения, освоение земель, организации рабочих, промышленников и т. д. — во всем этом, равно как и в политическом руководстве — с начала Сионистской организации и ишува в Стране, а затем и Государства Израиль, — очень велико влияние российских сионистов, идейное, нравственное, социальное, общественное, и велик их материальный вклад.

После Октябрьской революции из-за враждебности советского строя к сионизму и еврейскому национализму вообще, еврейство России на протяжении полувека находилось в полной изоляции от всемирного сионистского движения и было лишено возможности принимать активное участие в строительстве Эрец-Исраэль.

На праздновании 25-летней годовщины кибуца Афиким в Иорданской долине (1950 г.), основанного пионерами сионистско-социалистического нелегального молодежного движения в Советской России (Хашомер хацаир), Давид Бен-Гурион, глава израильского правительства того времени, сказал о еврействе России следующие слова:

”Трудно оценить потерю, которую понес за эти годы наш народ. Если б этому замечательному халуцианскому еврейству была дана возможность продолжить работу, начатую его билуйцами, очень может быть, что еще до Второй мировой войны вся Эрец-Исраэль стала бы многомиллионным еврейским государством. И возможно, что страшная катастрофа, постигшая народ в период нацизма, была бы предотвращена” (“Книга об Афиким”, 1951 г., стр. 411).

Однако пути истории, в особенности истории еврейского народа, неисповедимы. Сегодня, по прошествии 27 лет с тех пор, как эти слова были произнесены, тот факт, что свыше 120 тысяч советских евреев проживают в Эрец-Исраэль и принимают активное участие в ее возрождении и в строительстве Государства Израиль, доказывает — советское еврейство не потеряно для нашего народа.

Катастрофа, постигшая еврейский народ в период Второй мировой войны, массовое истребление почти всего восточно-европейского и значительной части советского еврейства во время гитлеровской оккупации привели евреев СССР к осознанию общности судьбы нашего народа.

Начавшаяся еще до Второй мировой войны кампания подавления и искоренения еврейской культуры и еврейского воспитания в Советском Союзе значительно усилилась после окончания войны. Антисемитизм, подспудно тлевший долгие годы, стал явно поощряться враждебными по отношению к евреям мероприятиями советского правительства. Однако, вопреки планам правительственных кругов, стремившихся к полному уничтожению еврейской самобытности, все эти события привели к новому пробуждению и укреплению национального самосознания среди евреев СССР. Массовая демонстрация солидарности с еврейским государством, энтузиазм, с которым первый посол Израиля Голда Меир была встречена московскими евреями, готовность десятков тысяч советских евреев вступить в Армию Обороны Израиля доказали, что и советский

строй не решил "еврейского вопроса". Начиная с 1948 года советское правительство начало беспрецедентные репрессии по отношению к евреям СССР. Травля в прессе носила явно юдофобский характер. Были ликвидированы почти все еврейские учреждения в области печати, воспитания, культуры и искусства. Своего кульминационного пункта преследования достигли в деле еврейских врачей, обвиненных в стремлении "путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза". Дело было прекращено только после смерти Сталина. Впоследствии стал известен также проект Сталина об изгнании евреев из европейской части СССР, якобы с целью защиты их от "справедливого гнева народных масс". Репрессии против евреев не прекратились и после смерти Сталина, и некоторое время казалось, что советским властям на самом деле удалось подавить борьбу евреев СССР за свое национальное существование. Однако победа Израиля в Шестидневной войне, вновь усилившаяся антиизраильская и антисемитская травля в СССР, убеждение, что победа в Шестидневной войне знаменует конец эпохи беззащитности и бездомности нации, послужили стимулом к беспрецедентной в истории Советского Союза открытой борьбе евреев за право репатриации в Израиль. Ответные репрессии и преследования вызвали со стороны евреев реакцию, диаметрально противоположную ожиданиям властей. Судебные процессы против активистов алии в Риге, Одессе, Харькове и, главным образом, в Ленинграде вызвали бурю протестов. Движение за репатриацию распространилось по всему Советскому Союзу.

Несмотря на аресты, ссылки и гонения, организовывались курсы по изучению иврита и устраивались демонстрации молодежи; работы о еврейской истории, о еврейской культуре и об Израиле публиковались в еврейском Самиздате. Под давлением мирового общественного мнения, советским властям пришлось отступить, и с начала 70-х годов в Израиль начали прибывать десятки тысяч евреев из СССР.

Эпопея возрождения сионизма в СССР выходит за рамки предлагаемого читателю исторического труда. Она заслуживает особой оценки и подробного описания. В Израиле проводится огромная работа по собиранию документов и интенсивному исследованию этого поразительного процесса, продолжающегося и по сей день. Есть основания предполагать, что в недалеком будущем результаты этой работы будут опубликованы.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдул Хамид 84, 88, 109
 Авиновицкий, Ф. 100
 Айзенштадт, Шмуэль 349
 Алейников, Михаил 348
 Александр I 11
 Александр II 7, 9
 Александр III 9, 11, 20, 31, 198, 299
 Алленби, Эдмунд Генри 398, 416
 Алмог, Иехуда, см. Копелевич, Иехуда
 Алталена (псевд.), см. Жаботинский, Владимир
 Амфитеатров, Александр 390, 392
 Ан-ский, Шломо З. 376, 402
 Ариэль, см. Фишер, Иосеф
 Арлозоров, Хаим 153
 Аронович, Иосеф 255, 266, 283, 284, 309
 Ахад-Гаам 19, 20, 45, 61, 62, 71, 102, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 132, 139, 140, 335, 336, 340, 360, 377
 Бальфур, Артур Джеймс 2, 58, 87, 327, 337, 338, 377, 383, 384, 416
 Барбаль Эфраим 427
 Бар-Иехуда, Исраэль, см. Идельсон, Исраэль
 Барлас, Х. 419
 Бахрах, Яков 28
 Бейлис, Мендель 43, 315, 316, 374
 Бейн Алекс 186
 Бекер, Цви 265
 Белкин, Исраэль 20, 21, 127
 Белковский, Григорий (Цви) 44, 46, 92, 127, 129, 184, 234, 427, 432, 433
 Бен-Ами, М. 64, 139
 Бен-Ами, Пинхас (псевд.), см. Рутенберг, Пинхас
 Бен-Гурион, Давид 266, 397, 404, 439
 Бен-Иехуда, Хемда 127
 Бен-Исхуда, Элизер 8, 9, 86, 126
 Бентвич, Герберт (Цви) 248, 251
 Бен-Цви, Ицхак 255, 265, 266, 283, 284, 285, 393, 397, 404
 Бен-Элизер (псевд.), см. Сыркин, Нахман
 Бергер, Ицхак 122, 405
 Беркович, М. 40
 Берман, Василий (Зезв) 27
 Бернштейн-Коган, Яков 55, 56, 59, 60, 91, 93, 102, 104, 105, 108, 109, 110, 128, 136, 156, 170, 178, 184, 186, 225, 228, 244, 245, 349, 374.
 Бикерман, Я. 230
 Бирнбаум, Натан 43, 46, 48
 Блинов, Николай 207, 208, 225
 Блюменфельд, Курт 435
 Бограшов, Хаим 254
 Боденхеймер, Макс Исидор 280, 294, 327, 328
 Бомаш, Меир 299
 Борохов, Бер 202, 218, 220, 224
 Брайнин, Ресуен 64
 Брамсон, Л. 230
 Брандес, Луи 330
 Бреннер, Иосеф-Хаим 266
 Брук, Григорий 92, 93, 121, 123, 184, 293
 Брук, Моше 349
 Бруцкус, Ю. 159, 192, 242, 245, 356, 374, 425, 426, 427

- Бубер, Мартин 107, 110, 314
 Буки-Бен-Иогли (псевд.), см. Кацнельсон, Л.
 Бухмилъ, Иехошуа 348, 357
 Быховский, Арье 432, 433
 Бэк, Лео 435
 Бюлов, фон 85, 86, 87, 88
 Бялик, Хаим Нахман 128, 133, 137, 139, 309, 314, 391, 425
 Варбург, Отто 226, 227, 228, 244, 248, 259, 281, 294, 296, 310, 315, 326, 327
 Вейцман, Хаим 47, 57, 77, 90, 99, 100, 102, 104, 107, 110, 111, 114, 115, 116, 127, 129, 180, 190, 224, 245, 249, 250, 256, 280, 285, 293, 310, 312, 313, 314, 335, 336, 337, 338, 339, 341, 342, 360, 377, 378, 380, 382, 383, 385, 386, 390, 392, 396, 413, 415, 416, 431.
 Виленский, И.Л. 59, 348
 Виленчук, И. 302, 403, 427, 434
 Вильбушевич, Н. 213
 Вильгельм II 84, 85, 86, 87, 88, 90, 96, 103
 Вильскер, И. 303
 Винавер, Валентина 302
 Винавер, М. 230
 Виткин, Иосиф 263, 264
 Витте, Сергей Юльевич 161, 162, 170
 Вольф, Люсьен 157, 340, 382
 Вольфсон, Давид 58, 73, 92, 225, 228, 244, 252, 258, 259, 268, 270, 271, 272, 273, 274, 279, 280, 281, 285, 286, 288, 289, 291, 293, 294, 296, 297, 305, 308, 310, 314, 315, 430
 Врангель, генерал 420
 Гастер, Моше 251
 Гейгер, Авраам 113
 Гепштейн, Ш. 233, 425, 426, 428, 431
 Герцль, Теодор 1, 18, 19, 26, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 54, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 78, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 94, 95, 96, 97, 100, 101, 103, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 116, 117, 118, 124, 125, 128, 130, 131, 132, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 170, 171, 172, 173, 176, 177, 180, 183, 184, 185, 186, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 208, 210, 212, 217, 224, 225, 228, 229, 231, 242, 244, 248, 249, 252, 270, 271, 272, 273, 274, 281, 289, 296, 304, 307, 310, 314, 384, 393, 430, 431, 438
 Гесс, Моше 65, 82
 Гиббонс, майор 213
 Гилады, Израэль 265
 Гинзбург, Саул 159
 Гинцберг, Ашер, см. Ахад-Гаам
 Гирш, барон Морис де 39, 97
 Гирш, Ш. 21, 22
 Гитлер, Адольф 132
 Гликсон, Моше 349
 Глускин, Зеэв 333
 Голомб, Элияху 397
 Гольдберг, Борис 116, 117, 129, 230, 239, 245, 268, 272, 276, 286, 287, 328, 330, 340

- Гольдберг, Ицхак-Лейб 184,
 220, 242, 315, 382
 Гольдберг, Саадия 432, 433
 Гольдин (Захави), Моше
 418
 Гольдин, Рахель, см. Янаит
 (Бен-Цви), Рахель
 Гольдштейн, Александр 232,
 233, 239, 281, 299, 348,
 358, 374, 379, 382
 Гордон, Аарон Давид 261,
 262, 263, 266
 Горовиц, Хаим Дов 127
 Горький, Максим 390, 428,
 429
 Гофсманталь, Гуго фон 116
 Грановский, Я. 303
 Грец, Генрих 26, 113
 Гринбаум, Ицхак 220, 239,
 245, 278, 279, 348, 356,
 357, 358, 359, 372, 387,
 391
 Гринберг, Г. 250
 Гринберг, Леопольд 226,
 228, 244
 Гринберг, Хаим 363
 Грингауз, Нахум 118
 Гроссман, Меир 355
 Грузенберг, Оскар 43, 299,
 374
 Грузенберг, Самуил 43
 Гуревич, И. 299
 Гурлянд, З. 128
 Гюисманс, Камиль 380
 Дашевский, Пинхас 142, 143,
 144, 145, 146, 147, 148
 Де-Лима, Нехемия 327
 Делькассэ, Т. 389
 Деникин, генерал 418
 Де-Шалит, Моше 432
 Джамаль-паша 331, 397, 404
 Дизенгоф, Меир 27
 Дизраэли, Бенджамин 336
 Динабург, Бен-Цион, см. Ди-
 нур, Бен-Цион
 Динур, Бен-Цион 350, 351,
 360, 376
 Долицкий, М.М. 33
 Дон-Яхья, Иехуда-Лейб 118
 Дрейфус, Альфред 36, 37,
 38
 Друянов, А. 278, 356
 Дубнов, С. 139, 140, 144,
 195, 230, 350
 Евзэров, А. 302
 Екатерина II 10, 11
 Ельский, И. 221
 Енукидзе, А. 426
 Жаботинский, Владимир
 (Зезв) 193, 218, 219,
 220, 234, 236, 240, 245,
 288, 299, 308, 329, 330,
 331, 332, 333, 334, 335,
 340, 341, 342, 355, 356,
 376, 388, 389, 390, 391,
 392, 393, 396, 397, 399,
 400, 401, 436, 437
 Жорес, Жан 38
 Зайд, Александр 265
 Зангвиль, Исраэль 40, 62,
 74, 182, 226, 227, 283,
 396
 Захави, Моше, см. Гольдин,
 Моше
 Зейдеман, А. 426
 Зерубавел, Яаков 266
 Зискинд-Рабинович, Алек-
 сандр 266
 Златопольский, Хиллель
 220, 356, 358
 Золя, Эмиль 38
 Зусман, А. 405, 406
 Игнатъев, Николай 10, 11
 Идэльсон, Авраам 128, 234,
 279, 299, 302, 348, 349,
 391, 425
 Идэльсон (Бар-Иехуда),
 Исраэль 355

Идер, Давид 416, 429, 430, 432, 435
 Извольский, А.П. 271
 Изицкий, Иосеф, см. Михалевиц, Бейниш
 Ионович, Иехуда 348
 Иост, Изаак 113
 Иоффе, Шошана 127

Казалетт, Эдуард 385
 Кайзер, профессор 213
 Калинин, М. 425, 426
 Кан, Якобус 228, 244, 259
 Кантор, И.Л. 272
 Каплан, Элизер 363
 Капланский, Шломо 254, 284, 379
 Каплун-Коган, В. 158
 Кац, Бен-Цион 158, 159
 Каценельсон, Нисан 159
 Кацнельсон, Берл 266, 398
 Кацнельсон, Л. 159, 291, 295
 Кацнельсон-Шазар, Рахель 266
 Керенский, А. 382, 397, 399, 400, 401, 402, 403
 Кишиневский (Кишони), Н. 302
 Кишони, Н., см. Кишиневский, Н.
 Клаузнер, Иосиф 56, 128, 278
 Клебанов, Яков 302, 348, 378, 379
 Клей, д-р 114, 328
 Клейнман, Моше 349
 Коган, Марк, см. Хакоэн, Мордехай Бен-Хиллель
 Копелевич (Алмог), Иехуда 411
 Корвин-Пятровская, Паулина 152, 153
 Корнилов, генерал 402
 Котляревский, Иван 197, 198
 Коуэн, Джозеф 341
 Крушеван, Павулаки (Паво-

лакый) 132, 142, 143, 144, 145, 146, 148
 Куропаткин 135
 Кушнир, Шимон 398

Лазар, Бернар 38
 Лассаль, Фердинанд 235
 Левин, Шмарьяху 47, 77, 190, 220, 230, 235, 253, 254, 293, 296, 309, 311, 312, 315, 326, 330
 Левонтин, Залман Давид 73, 333
 Ленин, Владимир Ильич 424, 428, 429
 Либиенблум, Моше-Лейб 12, 13, 14, 18, 19, 28, 29, 31, 45, 124
 Лимановский, Михаил 349
 Ллойд-Джордж, Дейвид 166, 336, 337, 338, 339, 377, 383, 396, 415, 416
 Ллойд-Джордж, Робертс и Ко. 166
 Локер, Берл 379
 Луначарский, А. 425
 Лурье, Иосеф 48, 242
 Лурье, Н. 220

Мазе, Яков 374, 425, 427
 Майзель, Хана 266
 Макаров 271
 Максвелл, генерал 333, 334
 Малкина, Сарра 266
 Мандельштам, Макс 58, 59, 60, 63, 65, 74, 86, 95, 99, 107, 113, 156, 183, 221
 Маргалит, Элияху, см. Мунчик, Элияху
 Марголин, М. 348
 Марголин, Элизер 397
 Маркс, Карл 65, 235, 284
 Марминский (Маром), И. 363, 365
 Марморек, Александр 115, 225, 226, 228, 244, 294
 Марморек, Оскар 98, 169

- Маром, И., см. Мармин-
 ский, И.
 Матмон-Коган, Исхуда 254
 Медзини, М. 160
 Михалевич, Бейниш 142
 Могилевсер, Шмуэль 24, 25,
 28, 29, 46, 56, 59, 60
 Мозер, Джейкоб 254
 Монтегю, Эдвин 340, 382,
 383
 Монтефиоре, Клод 340, 382
 Монтефиоре, Моше 24, 382
 Мосинзон, Б. 293
 Моцкин, Лео 47, 54, 64, 74,
 75, 77, 90, 91, 93, 94, 95,
 98, 99, 102, 104, 105, 106,
 107, 110, 112, 117, 127,
 129, 203, 240, 248, 249,
 281, 293, 295, 309, 327,
 431, 432
 Мунчик (Маргалит), Элияху
 355, 361, 364
 Муравьев 145
 Найдич, Ицхак 348, 349
 Натан, Пауль 435
 Николай I 70
 Николай II 97, 135, 152,
 157, 159, 198, 230, 271,
 299, 316, 322, 325, 430
 Николай Николаевич (вел.
 князь) 322, 323, 325
 Нисанов, Исхезкель 265
 Ниссенбаум, Ицхак 118
 Новаковский, И. 235
 Нордау, Макс 40, 43, 49, 51,
 53, 54, 55, 59, 62, 65, 72,
 106, 115, 158, 167, 173,
 174, 212, 224, 225, 228,
 279, 280, 288, 289, 294,
 304, 305, 306, 307, 308,
 310, 396
 Обух-Вошатинский 143
 Ойленбург, Филипп 85
 Олифант, Лоуренс 385
 Оппенгеймер, Франц 106,
 191, 256, 282, 284, 328
 Пасманик, Даниэль 239,
 240, 242, 245, 280, 281,
 299, 304, 310, 348, 358
 Паттерсон, Джон Генри 335,
 389, 397, 399
 Перельман, Элизер, см.
 Бен-Исхуда, Элизер
 Перельсон, Элизер 302
 Пери, Элизер, см. Перель-
 сон, Элизер
 Пернерсторфер, А. 78
 Петлюра, Семен 436, 437
 Петров 332, 333
 Петрункевич, Иван 32, 33
 Пинскер, Леон 12, 13, 14,
 15, 16, 17, 18, 19, 20, 23,
 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31,
 40, 41, 42, 43, 45, 59, 65,
 74, 393
 Пинскер, Симха 12, 13
 Плеве, Вячеслав фон 120,
 121, 132, 140, 141, 142,
 145, 147, 148, 151, 152,
 153, 154, 155, 156, 157,
 158, 159, 161, 169, 170,
 171, 174, 199, 270, 271
 Подляшевский, Авраам 349
 Покровский, М. 425
 Полан, А. 135, 136
 Португали, Мендель 265
 Рабби Биньямин 189
 Рабинович, Ицхак 435, 436,
 437
 Рабинович, Л. 159
 Рабинович, Самуил Яков
 110, 118, 127, 128, 129
 Рабинович, Яков 266, 309
 Равницкий, И.Х. 139
 Рапопорт, Александр 348
 Рейнес, И.Я. 99, 100, 110,
 118, 127, 128, 129, 184,
 221
 Ривлин, Менахем 432
 Ривлин, П. 302
 Ритов, Израэль 363
 Розенбаум, Шимшон 93, 122,

- 123, 127, 129, 141, 142,
148, 175, 220, 242, 245,
291, 348
- Розенфельд, Ш. 159
- Розов, Исраэль 340, 348,
349, 382
- Розовский, Пинхас 118, 128
- Ротшильды (семья) 181
- Ротшильд, лорд Лайонел
Уолтер 377, 384
- Ротшильд, барон Эдмон
Джеймс де 39, 97, 215
- Рубинштейн, Реувен 302
- Рупин, Артур 259, 265,
290, 312, 313, 333
- Рутенберг, Пинхас 342, 390,
392, 393, 395, 396, 397,
402
- Раков, А. 436
- Савинков, Б.В. 400
- Сазонов, Игорь 199
- Свердлов, Давид 398
- Святополк-Мирский, П.Д.
199, 200
- Сев, Л. 159
- Сегалович, Залман 432
- Сергей Александрович (вел.
князь) 32
- Скотт, Ч.Ф. 336
- Славинский, Максим 436,
437
- Слиозберг, Г.Б. 137, 230
- Слуцкий, Авраам Яков 118
- Слуцкий, Иехуда 413
- Смидович, П. 435, 436
- Смилянский, Зеэв 266
- Смилянский, Моше 398
- Смоленский, Перец 6, 7, 8, 9
- Соколов, Нахум 65, 99, 113,
126, 129, 130, 184, 235,
236, 244, 254, 270, 272,
280, 286, 288, 294, 296,
299, 307, 309, 311, 315,
326, 329, 335, 336, 360,
377, 386, 431
- Соловейчик, М. 233
- Сольд, Роберт 416
- Соскин, Зелиг 227
- Сталин, Иосиф Виссарионо-
вич 424, 425
- Столыпин, Петр Аркадьевич
270, 271
- Сыркин, М.Н. 374
- Сыркин, Нахман 48, 49, 56,
76, 77, 78, 79, 80, 81, 82,
83, 84, 107, 138, 178, 179,
208, 224, 227, 282, 283,
284
- Сэмюэль, Герберт 336, 337,
421
- Сэмюэль, полковник 397
- Табенкин, Ицхак 266
- Темкин, Владимир 55, 56, 100
100, 107, 123, 129, 184,
225, 286, 349, 374
- Терещенко, М. 349
- Толстой, Лев Николаевич
390
- Тон, Яков 259
- Трейч, Давид 95, 96
- Трибус, М. 201
- Трумфельдор, Иосиф 331,
332, 333, 334, 335, 388,
389, 390, 392, 399, 400,
401, 402, 403, 404, 407,
408, 409, 410, 411, 412,
417, 423, 424, 438
- Туган-Барановский 332
- Усышкин, Менахем 27, 43,
45, 46, 56, 63, 74, 92, 94,
95, 107, 108, 113, 123,
124, 128, 129, 155, 168,
212, 214, 215, 216, 217,
218, 220, 223, 226, 227,
228, 234, 235, 238, 241,
244, 245, 258, 259, 264,
278, 280, 286, 288, 293,
294, 296, 310, 312, 313,
330, 336, 340, 349, 351,
354, 355, 358, 377, 381,
382, 386, 416, 418

Файвель, Бертольд 107, 110, 314
 Файн, Макс 428
 Фишер, Гарри 427
 Фишер, Иона (Жан) 310
 Фишер, Иосеф 303, 355
 Фишман (Маймон), Ада 266
 Фишман (Маймон), Иехуда Лейб Хакоэн 118
 Фридман, Нафтали 299, 317, 318, 349
 Фридрих (курфюрст Баденский) 84, 103
 Фришман, Давид 309
 Хазанович, Иосеф 127, 183
 Хазанович, Леон 379
 Хазанович, Меир 265
 Хакоэн, Мордехай Бен-Хиллель 55, 63, 198
 Ханкин, Иехезкель 196, 205, 260, 265
 Ханкин, Сарра 261
 Ханткс, Артур 296, 315, 326, 327
 Хейфец, Иехошуа 349
 Хмельницкий, Богдан 133, 235
 Хоз, Дов 397
 Цвейг, Стефан 116
 Цемах, Шломо 261, 266
 Ценципер (Рафаэли), Арье 432
 Цитрон, Ш.Л. 29
 Цукерман, Барух 163, 165
 Цунц, Леопольд 113
 Чемберлен, Джозеф 172
 Чериковер, Элизер 357, 432
 Черниковский, Шаул 350
 Чернов, Виктор 374, 375, 376, 402
 Черчилль, Уинстон 415
 Чичерин, Г. 429, 430, 432, 435

Членов, Иехиэль 95, 113, 123, 127, 128, 129, 170, 176, 177, 178, 180, 181, 182, 183, 184, 186, 193, 212, 217, 220, 226, 227, 238, 240, 245, 252, 253, 258, 259, 268, 269, 278, 280, 286, 287, 292, 293, 294, 296, 305, 306, 307, 308, 311, 315, 316, 326, 328, 329, 330, 335, 336, 340, 345, 349, 351, 354, 355, 356, 358, 359, 360, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 386
 Чхсидзе, Н. 349
 Шапиро, Герман 56, 57, 63, 107, 111, 313
 Шварцбард, Шалом 437
 Швейгер, Берл 265
 Шейнкин, Менахем 62, 90, 93, 220
 Шехтман, Иосиф 349, 355, 391
 Шими (псевд.), см. Трибус, М.
 Школьник (Эшкол), Леви 398
 Шломеле-судья 165
 Шляпошников, М. 55
 Шницлер, Артур 116
 Шор, Давид 435, 436
 Шохат, Израэль 205, 255, 261, 265, 266
 Шохат, Элизер 205, 255, 261, 266
 Шпринцак, Иосеф 266, 309
 Штанд, А. 280, 294
 Эзер, А., см. Евзеров, А.
 Эйзенштадт (Барзилай), Иехошуа 127
 Эйлон, Авраам, см. Идэльсон, Авраам
 Эйнштейн, Альберт 435
 Эйхенштамм, д-р 59

Элиаш, Иосиф 123, 189
Элиот, Джордж 385
Эрлих, Ашер 189
Эттингер, Акива 333, 377
Эфраим-сапожник 163, 164
Эшкол, Леви, см. Школь-
ник, Леви

Явец, Зсэв 118, 119, 128
Явнээли, Шмуэль 266, 398
Якобсон, Виктор (Авигдор)
48, 77, 184, 269, 288, 296,

315, 326, 327
Янаит (Бен-Цви), Рахель
266, 283, 284, 398
Янушкевич, генерал 323,
324, 325
Ясиновский, Я. 59, 60, 95,
123, 129, 152, 170, 221
Яффе, Лев 46, 47, 56, 61,
220, 239, 242, 245, 268,
276, 278, 330, 348, 356,
382

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	
От общественного комитета по истории русского сионистского движения	
Слово к читателю (Александр Эзер)	
Предисловие	1
Часть I. Сионизм в России до Герцля.	
Глава I. Зачинатели национального возрождения.	
1. Стремление народа Израиля к освобождению .5	
2. Перец Смоленский и "Хашахар"6	
3. Элизер Бен-Иехуда8	
4. Годы реакции в царствование Александра III .9	
Глава II. Основание движения Хибат-Цион.	
1. Моше-Лейб Лилиенблюм и Леон Пинскер. . .12	
Глава III. Первая алиа.	
1. Алиа билуицев20	
2. Катовицкий съезд23	
3. Съезд в Друсkenиках26	
Глава IV. Одесский комитет.	
1. Запрет алии29	
2. Новые преследования российских евреев и изгнание их из Москвы31	
Часть II. Политический сионизм с момента его зарождения и до смерти Герцля.	
Глава V. Появление Герцля на общественной арене.	
1. Дело Дрейфуса35	
2. "Еврейское государство"39	
3. Отклики евреев России на появление Герцля на политической арене.42	
4. Приготовления к Первому конгрессу47	
5. Первый конгресс49	
6. Сионисты России о Первом конгрессе60	
7. Герцль о евреях России66	
Глава VI. Сплочение сионистов России и их деятельность.	
1. Навстречу Второму конгрессу69	

2. Первый съезд сионистов России в Варшаве	70
3. Второй конгресс	72
4. Нахман Сыркин и "Еврейское социалистическое государство"	76

Глава VII. Период усиленной дипломатической деятельности.

1. Попытка ориентации на Германию и последующее разочарование	84
2. Третий конгресс	89
3. Четвертый конгресс	96
4. Демократическая фракция	101
5. Пятый конгресс	108

Глава VIII. Продолжение внутренних споров.

1. Основание Мизрахи	117
2. Навстречу Второму съезду сионистов России	120
3. Минский съезд	122
4. Книга Герцля "Альтнойланд"	130

Глава IX. Кишиневский погром.

1. Характер погрома	132
2. Защищались ли кишиневские евреи?	135
3. Становление самообороны	137
4. Месть Пинхаса Дашевского	142
5. Реакция еврейской молодежи на поступок Дашевского	145

Глава X. Русское правительство и сионизм.

1. Циркуляр Плеве о сионизме и еврейском национальном движении	147
2. Приезд Герцля в Россию	152
3. Беседы Герцля с Плеве	154
4. Завершение визита Герцля в Петербург и его встреча с евреями Вильно	161

Глава XI. Кризис в стане сионистов.

1. План Уганды	166
2. Шестой конгресс	168
3. Полемика вокруг Уганды	174
4. Уход Ционей Цион	184
5. Смерть Герцля	191

Часть III. Сионизм в период после смерти Герцля

и до Первой мировой войны.

Глава XII. Еврейство России между Шестым и
Седьмым конгрессом.

1. Погром в Гомеле 195
2. Евреи в годы русско-японской войны 199
3. Еврейская самооборона и участие в ней
сионистов 202
4. Погром в Житомире и доблесть участников
самообороны 206

Глава XIII. Ционей Цион продолжают борьбу.

1. Разброд в движении после смерти Герцля . 208
2. "Наша программа" 214
3. Полемика перед Седьмым конгрессом . . . 217
4. Съезды в Вильно (Ционей Цион) и Вар-
шаве (территориалисты) 220
5. Сопения перед Седьмым конгрессом . . . 222
6. Седьмой конгресс 224

Глава XIV. В дни революции 1905 года
и после нее.

1. "Манифест" и погромы в дни революции . . 229
2. Реакция российских сионистов на октябрь-
ские погромы 232
3. Гельсингфорский съезд 238

Глава XV. "Синтетический сионизм".

1. Четвертый съезд сионистов России 244
2. Восьмой конгресс в Гааге 248
3. Резолюции Восьмого конгресса и выборы
Правления 255
4. Халуцим Второй алии 260

Глава XVI. Период президентства Давида
Вольфсона.

1. Поражение революции и усиление реакции
в России 266
2. После Восьмого конгресса. Приезд
Вольфсона в Петербург. 268
3. Пятый съезд сионистов России 275
4. Девятый конгресс 279
5. Примирение на Ежегодной конференции . . 287
6. Десятый конгресс 292

Глава XVII. Политическая реакция накануне Первой мировой войны.

1. Участие российских сионистов в общественной жизни в диаспоре 297
2. Сионистская студенческая организация
Хехавер 299
3. Дискуссия с "политической оппозицией"
в преддверии Одиннадцатого конгресса . . . 304
4. Совещание российских делегатов во время
Одиннадцатого конгресса 307
5. Одиннадцатый сионистский конгресс 309
6. Ухудшение положения российских евреев
с началом Первой мировой войны 316

Часть IV. Сионизм в годы войны и революции.

Глава XVIII. В первые военные годы.

1. Высылка евреев из прифронтовых
районов 321
2. Сионистское руководство в начале войны . 326
3. Иосиф Трумпельдор и "Отряд погонщиков
мулов" 330
4. Политическая деятельность сионистов
в Лондоне 335
5. Спор вокруг плана Жаботинского 340

Глава XIX. Падение монархии.

1. Февральская революция 343
2. Подъем сионистского движения во время
революции 343
3. Седьмой съезд сионистов России 348
4. Прения на Седьмом съезде 355
5. Вторая конференция Цеирей Цион 360
6. Радикал-социалистическая партия
Поалей Цион 366

Глава XX. От февраля до октября.

1. Сионисты России в борьбе с антисии-
онистами 368
2. Декларация Бальфура 376
3. Еврейские войсковые части 388
4. Начало Хехалуца и деятельность Иосифа
Трумпельдора 399

Глава XXI. Под властью большевиков.	
1. Начало Третьей алии	412
2. Начало послеоктябрьских гонений в России	423
3. Сионистское движение в подполье	432
Послесловие	439
Указатель имен	

РАНЕЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ КНИГИ:

- 1–2. Леон Юрис. ЭКСОДУС
3. Д-р А.И.Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е.Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А.И.Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниковский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД МОЙ
17. Р. и У.Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. Стихи советского еврея. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И.Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1967)
25. Ш.Й.Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов.
26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2
30. А.Итай и М.Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С.Г.Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

35. Дж. и Д.Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И.Башевис-Зингер. РАБ
37. Р.Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ

לכבוד
הנהלת "ספריית-עליה"
רחוב בארי 14, חדר 208
תל-אביב
טל. 221262

1. Стоимость одной книги серии "Библиотека Алия" — 25 изр. лир.
2. Стоимость 12 книг — 216 изр. лир (скидка ок. 30%).

Прошу выслать мне 12 из опубликованных книг
(указать номера книг)
Прилагаю чек на сумму 216 изр. лир.

Прошу выслать мне 6 из опубликованных книг
(указать номера книг)
Прилагаю чек на сумму 108 изр. лир.

Мой адрес:

Имя и фамилия

Подпись:

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ

Ицхак Шенкар. **СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ.** Избранные рассказы. Пер. с иврита.

И.Шенхар (1902–1957) – мастер лирического повествования, для рассказов которого характерна, скорее, психологическая атмосфера, нежели драматическое напряжение и острый сюжет. Герои рассказов – евреи, которых сложные жизненные пути привели в начале нашего столетия из украинских степей в города и села Эрец-Исраэль.

Генри Рот. **НАВЕРНО ЭТО СОН.** Роман. Пер. с английского.

Роман Г.Рота "Наверно это сон" – одно из произведений обширной американско-еврейской литературы периода 30-х гг. нашего столетия. Жизнь евреев-иммигрантов в Нью-Йорке увидена глазами ребенка, зоркими, пронизательными и удивленными.

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Исторические очерки. Пер. с английского.

Сборник статей израильских и западных ученых и специалистов был подготовлен к изданию организацией ЮНЕСКО (Париж) при содействии Израильской национальной комиссии ЮНЕСКО.

Ахарон Мегед. **ЖИВОЙ НА МЕРТВОМ.** Роман. Пер. с иврита.

Ахарон Мегед (р. 1920) принадлежит к группе израильских писателей пальмаховского поколения. Автор в своей проблемной книге "Живой на мертвом" (1970) описывает в нелестных красках современное израильское общество, утверждая, что преемники первых пионеров не осуществили их чаяний и надежд.